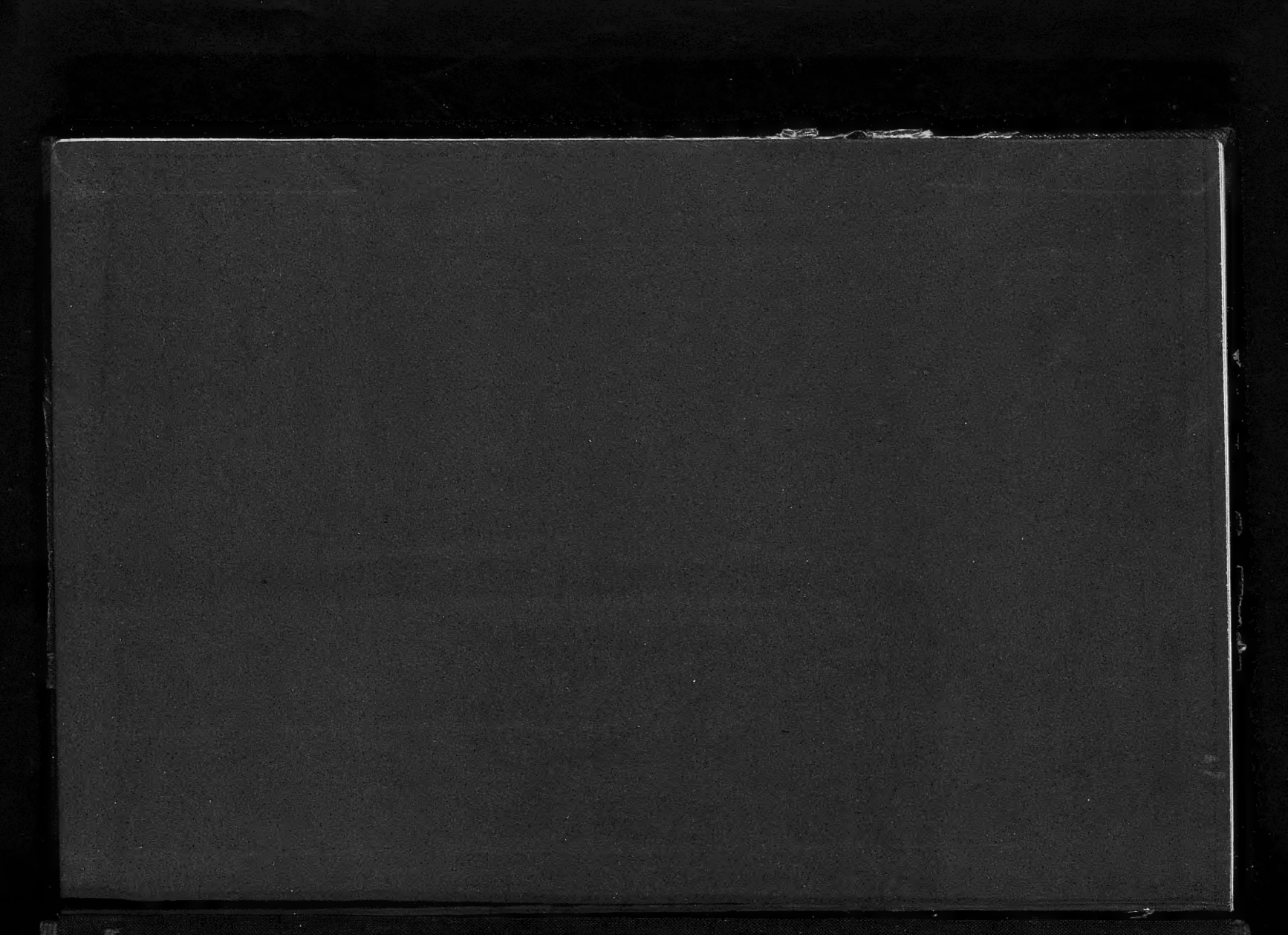
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГК680
П876г



Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ПК680
П876

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

1926

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ГН 680
П 876

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ТОМ ПЕРВЫЙ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1926

27-я тип. „Красная Печать“
при изд-ве Коммун. Академ.,
Москва, Остоженка, 10.
Главлит 71.278.
Тираж 7.500.

ГК680
П876₂

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
4919 с.1
1 S/0 2А
8940
1062384

Посвящается

П. С. ВИНОГРАДСКОЙ

ОТ РЕДАКЦИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА КОМ. АКАДЕМИИ

Выпуская вторым изданием книгу «Новая Экономика» тов. Преображенского, редакция издательства Ком. Академии считает необходимым сказать, что *эта работа проводит взгляды, которые редакция не разделяет* и которые используются как теоретическое обоснование своей позиции известными группами товарищей, расходящимися с нашей партией. Но проблемы экономики переходного периода, привлекая к себе самое обостренное внимание и с практической, и с теоретической стороны, требуют разностороннего анализа. В области теоретического анализа, естественно, получают свое отражение различные направления нашей советской и партийной действительности, в том числе и направления уклонистского характера.

Книга т. Преображенского получила свою оценку в статьях ряда товарищей, в том числе т.т. Бухарина, Гольденберга и др., а также проблемы, разбирающиеся в этой книге, были предметом специальной дискуссии в Коммунистической Академии, и нам придется еще не раз вернуться к ним на страницах «Вестника Коммунистич. Академии». Поэтому редакция, не разделяя взглядов т. Преображенского, все же в интересах всестороннего анализа важнейших проблем, выдвинутых экономикой переходного периода, считает возможным опубликование его работы.

РЕДАКЦИЯ
Издательства Коммунистической Академии.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Предпринятая автором работа по теоретическому изучению советской системы хозяйства, начало которой представляется здесь вниманию читателей, должна составить два тома. Настоящая книга является первой теоретической частью первого тома. Вторая, историческая часть этого тома будет посвящена краткому обзору социалистических и коммунистических представлений о социализме. Из публикуемой книги две главы, вторая и третья, были уже напечатаны в «Вестнике Коммунистической Академии»; точно так же в том же журнале был опубликован печатаемый ниже в приложении мой ответ тов. Бухарину. Впервые появляются в печати первая методологическая глава и ответ некоторым другим моим оппонентам.

Из второй, исторической части I тома опубликованы были первая глава и половина второй. Вся вторая часть, если обстоятельства позволят, будет сдана в печать к осени настоящего 1926 года.

Второй том будет посвящен *конкретному* анализу советского хозяйства, т.-е. советской промышленности, советскому земледелию, системе обмена и кредита, экономической политике советского государства, а также и исследованию зачатков социалистической культуры. В ближайшее время будет опубликована важнейшая первая глава II тома, рассматривающая проблему хозяйственного равновесия при *конкретном* капитализме и в экономике СССР.

Глава о социалистическом накоплении воспроизводится здесь с небольшими изменениями, в которых я учел те из возражений второстепенного значения, которые я считаю правильными. Кроме того, я исключил из изложения термин эксплоатация по отношению к процессу отчуждения части прибавочного продукта частного хозяйства в фонд социалистического накопления. Затем я сделал небольшую переста-

новку материала из второй главы в третью в интересах большей связности изложения.

Что же касается возражений по существу, которые я считаю неправильными, а также ожесточенных политических нападок, которым подверглась вторая глава книги, посвященная закону первоначального социалистического накопления, то, подводя некоторые итоги полемики, я должен сказать на эту тему следующее.

Возражения методологического характера сводились, во-первых, к тому, что нельзя при исследовании советского хозяйства абстрагироваться от экономической политики советского государства, хотя бы дело шло об абстрагировании на определенном этапе исследования. Это первое возражение, если на нем настаивать, с неумолимой логической неизбежностью угрожает отбросить оппонентов на позиции Штаммлера и его школы, а также к точке зрения суб'ективной социологии Михайловского, Кареева и т. д. Вместе с тем, эта позиция не позволяет в области экономической теории выбраться из болота вульгарной политической экономии, хотя бы и в советском издании, а тем самым не дает сделать ни одного действительного шага вперед в деле научного изучения советского хозяйства.

Второе методологическое возражение было направлено против развиваемого в настоящей книге положения о том, что хозяйственное равновесие в советской экономике складывается на основе борьбы двух антагонистических законов—закона ценности и закона первоначального социалистического накопления, что означает отрицание единого регулятора во всей системе [1]).

Возражавшим против этой постановки вопроса пришлось, во-первых, выдать свое натуралистическое, не историческое понимание закона ценности, когда форму регулирования хозяйственных процессов при товарном производстве смешивают с регулирующей ролью в экономике общества *трудовых затрат вообще*, каковую роль эти затраты играли и будут играть *во всякой* системе общественного производства. Во-вторых, оппонентам пришлось, признавая закон ценности единым регуля-

[1]) См. об этом отчет о прениях на трех заседаниях Ком. Академ., посвященных обсуждению моего доклада на тему „Закон ценности в советском хозяйстве".

тором хозяйственной системы СССР, вступить в коренное противоречие как с положением о социалистическом типе нашего государственного хозяйства (как бы примитивен ни был этот тип), так и с для всех очевидным фактом борьбы в нашей экономике начала товарного хозяйства с социалистическими тенденциями развития. Тем самым оппоненты вынуждены приближаться к меньшевистской концепции нашего хозяйства, как исторически запоздавшего побега капиталистической экономики.

Основное возражение против формулированного мною закона первоначального социалистического накопления, более полно обоснованного лишь в настоящей книге, сводилось к следующему аргументу: «Да, говорят оппоненты, социалистическое накопление у нас есть, но никакого *закона* первоначального социалистического накопления нет, или, по меньшей мере, существование его не доказано». Одним словом: борьба социалистического планового начала с рынком есть, но борьбы закона ценности с законом первоначального социалистического накопления нет. Всю глубину и неотразимость этого возражения легче всего понять без лишних слов, если изложить его так, как это сделал в личном разговоре со мной один из моих читателей. Он сказал так: «К чему говорить о каком-то законе социалистического накопления? Сколько советское правительство в пределах возможного постановит накопить, столько и будет накоплено». В такой интерпретации закон социалистического накопления сводится к закону Совнаркома о социалистическом накоплении. Я убежден, что между первой и второй аргументациями нет никакой принципиальной разницы. Допускать об'ективную закономерность по отношению ко всем процессам и тенденциям товарного хозяйства, концентрирующимся в законе ценности, и отрицать об'ективную закономерность процесса расширенного социалистического воспроизводства, антагонистически развертывающегося вопреки и в борьбе с законом ценности и диктующего с внешне принудительной силой определенные пропорции накоплений советскому государству в каждый данный хозяйственный год, значит исключать последний процесс из сферы действия закона причинности, значит покидать почву детерминизма, т.-е. почву всякой науки вообще. Если же дело обстоит не столь трагически, то мои оппоненты должны прямо и чест-

но сказать: «Закон здесь есть, но какой это закон — мы не знаем». Такой ответ, правда, не очень бы рекомендовал моих критиков по части понимания законов развития советского хозяйства, но в этом случае, по крайней мере, они не мешали бы другим работать над теоретическим исследованием этих законов. Можно известную сумму знаний возвести в теорию, но нельзя создавать теорию незнания: нельзя с ограниченным или, если хотите, неограниченным самодовольством выдавать общие фразы о нэпе, о борьбе двух начал и т. д. за пределы достижимого в деле анализа нашего хозяйства; нельзя тип вульгарного советского экономиста, являющегося пока, за известными исключениями, героем дня в нашей экономической печати, периодической и непериодической, считать нормальным типом советского, марксистского, большевистского экономиста вообще.

Следующее возражение касается неэквивалентного обмена с частным хозяйством. Должен откровенно признаться перед читателем: я до сих пор не знаю в точности, где кончаются в этом возражении соображения политического порядка, соображения пропаганды и, наконец, просто недоразумения, и где начинается самое обыкновенное теоретическое невежество. При капитализме неэквивалентный обмен между крупным производством и мелким, в частности неэквивалентный обмен между капиталистической промышленностью и крестьянским земледелием, вынужденным в известной мере приспособляться в области цен к стоимостным отношениям крупного капиталистического земледелия, является, если говорить о сфере чисто экономических отношений и причин, простым выражением более высокой производительности труда в крупном производстве по сравнению с мелким. У нас неэквивалентный обмен сейчас связан прежде всего с технической отсталостью нашей промышленности, более низкой производительностью труда в ней, в сравнении с передовыми капиталистическими странами, с более высокой себестоимостью изделий и, наконец, с исторически и экономически неизбежным отчуждением на основе политики цен части прибавочного продукта частного хозяйства в фонд социалистического накопления. Значит, на весь период пока мы технически не догоним капитализма и не закончим периода первоначального социалистического накопления, у нас неизбежно будет существовать неэквивалентный

обмен с деревней и по причинам, которые обусловливают неэквивалентный обмен в мировом хозяйстве, определяющем в нормальных условиях предельные цены на наши продукты сельского хозяйства, и по причинам, специфически связанным с условиями существования советской системы хозяйства. Когда последние причины отпадут, первые останутся. Это, во-первых. А, во-вторых, как раз развитие крупного и среднего кооперативного и социалистического земледелия и пропорция обмена веществ в нем с государственной промышленностью будут диктовать некооперированному земледелию, т.-е. долгое время большинству деревни, неэквивалентный обмен как раз не вследствие недоразвитости и отсталости социалистической промышленности, а, наоборот, благодаря развитию кооперативно-социалистического сектора земледелия и росту производительности труда в нем. При таком положении неэквивалентный обмен будет лишь простым выражением невыгодности мелкого производства в сравнении с крупным. И, наоборот, эквивалентный обмен, в этих условиях, означал бы лишь налог на социализм в пользу мелкого производства, налог на машину в пользу трехполья, сохи и хозяйственной азиатщины. Это ли предлагают мои оппоненты? И что вообще они предлагают, кроме беспомощных фраз в духе подновленного народничества?

В заключение я хотел бы сказать два слова о практическом значении серьезного теоретического изучения советского хозяйства. Руководители капиталистических предприятий, а также капиталистические правительства могут позволить себе роскошь невежества в вопросах экономической теории. Закон ценности надежнее их самих, их директоров и профессоров и их парламентов выполняет функцию регулятора хозяйства и поправляет все их просчеты. У нас, где существует централизованное государственное хозяйство пролетариата и закон ценности ограничивается или частично замещается плановым началом, предвидение играет совершенно исключительную роль в сравнении с капиталистической экономикой, а ошибки в предвидении, благодаря централизации руководства могут иметь более тяжелые последствия, чем ошибки руководителей частного хозяйства, где тенденции в одном направлении перевешиваются часто, по закону больших чисел, обратными влияниями. Но если управлять и правильно руководить—

значит предвидеть, то предвидеть—значит освещать прожекторами теоретического анализа ту сферу явлений, где как раз зарождаются причины, следствия которых мы хотим знать заранее. Там, где интуиция такого гения и гениального экономиста, каким был Ленин, не может уже нам помочь в форме личного воздействия, теория является единственно верным и наиболее демократическим средством, которое обеспечивает для всех работников научное предвидение в области планового руководства. Отсюда чисто производственная роль правильной научной теории советского хозяйства; отсюда и тот еще недостаточно сознаваемый у нас факт, что социализация промышленности по самому своему существу означает перемещение ответственности в деле хозяйственного руководства в сторону науки в размерах, совершенно невиданных для капиталистической экономики. Растущая роль Госплана является прямым показателем этого процесса.

Но теория советского хозяйства может быть создана лишь в результате коллективной работы. А потому задача настоящего труда будет в значительной степени выполнена уже в том случае, если настоящий опыт побудит других экономистов заняться тем же предметом и если общими усилиями мы двинем вперед ту работу, выполнения которой настойчиво требует от нас развивающееся социалистическое хозяйство страны.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание первой части «Новой Экономики» разошлось в течение нескольких недель. Автор не может, следовательно, пожаловаться на недостаточное внимание читающей публики к своей работе. Еще менее он может пожаловаться на молчание своих многочисленных оппонентов. На протяжении двух—трех месяцев книга подверглась атаке не менее десяти раз критиками от самых слабых, о которых отчасти речь будет в приложении, до наиболее ученого из них, тов. Бухарина, на возражении которого я намерен остановиться в настоящем предисловии.

В своих статьях, напечатанных в виде фельетонов в №№ 148, 150, 153 «Правды» и озаглавленных «К вопросу о закономерностях переходного периода», тов. Бухарин пытается дать систематическую критику основных положений настоящей книги, попутно излагая в положительной форме кое-где свою точку зрения по некоторым пунктам, которые он успел себе уяснить. Вообще, я бы предпочел иной метод разделения труда между нами, а именно: чтобы т. Бухарин первый давал в положительной форме изложение своей точки зрения на законы развития советского хозяйства, а мне бы лишь оставалось критиковать то, что я считаю в его построениях неправильным. Это больше соответствовало бы его теоретическому «званию». Но если иначе нельзя, если т. Бухарин может подрабатывать теперь свою точку зрения лишь в полемике с другими, предоставляя им нести весь риск постановки и решения новых проблем, то делать нечего: приходится брать то, что дают.

Фельетоны т. Бухарина еще не закончены. Но так как неизвестно, когда они вообще будут закончены, в то время как высказанные в них мысли, полемические выпады и, наконец, просто неверные толкования моей работы пошли широко гулять среди читающей публики, я считаю себя в праве ответить на незаконченную еще критику. Мой ответ не является

окончательным. Продолжение его последует тогда, когда последует продолжение бухаринской критики.

Свою критику т. Бухарин начинает с иронических замечаний насчет «профессорского важничанья», замеченного им в моей работе, и напоминает о том, что за подобную «ученость» мы «поделом получали от Ленина». Должен сказать, что, не питая лично никакой склонности к важничанью, я, как и каждый марксист, вел и буду вести борьбу за марксистское противопоставление экономической науки кон'юнктурной точке зрения на наше хозяйство, безразлично, будет ли выглядеть борьба с вульгарной экономией внешне скромно или нет. Обвинение Маркса и марксистов в научном высокомерии есть старое обвинение. Мы были к нему всегда более чем равнодушны.

Что же касается нелюбви Ленина к «учености», то кавычки самого т. Бухарина ясно говорят о том, о какой собственно учености идет речь. Ленин не любил мнимой учености. Ко всякому же новому и серьезному исследованию относился с величайшим вниманием, независимо от формы его изложения. Скромность Ленина, как теоретика, которой мы все должны подражать, не имеет никакого отношения к борьбе с вульгарщиной. В то же время он—величайший демократ в науке—не любил также излишней учености в терминологии, считая все это пустой мишурой, затрудняющей рабочим понимать то, о чем мы пишем, *если можно по существу то же самое сказать проще*. Однако, он простил бы охотно автору «Политической экономии рантье», «Мирового хозяйства и империализма», «Экономики переходного периода» все то, чем был недоволен в этих работах, и то, с чем был даже несогласен в серьезных пунктах, если б мог предвидеть, что его критические замечания будут поняты т. Бухариным, как наставление проделать путь от этих блестящих работ, через казуистические хитросплетения статей против «троцкизма», к серенькой пустоте и скуке книги о Каутском.

После этих вынужденных замечаний тороплюсь перейти к существу спора.

БАЗИС И НАДСТРОЙКА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Наиболее характерная черта всей критики т. Бухарина заключается в том, что он по ряду важных вопросов, поставленных в моей книге, не имеет никакой собственной позиции,

если говорить о положительном содержании его взглядов. Это бесплодие его критики столь резко бросается в глаза именно потому, что моему оппоненту надо было соблюсти на протяжении всей полемики видимость превосходства надо мной, убедить читателя, что я упрощаю сложнейшие проблемы, которые он, Бухарин, исследовал до конца во всей их трудности. В результате, после критики моей конструкции, читатель жадно ждет от т. Бухарина изложения его собственной точки зрения в положительной форме, чтобы обрести в ней успокоение своей теоретической совести. Но—увы!—у т. Бухарина он либо находит точку там, где изложение должно было бы только начаться, либо выслушивает всякие общие места, в ином изложении известные ему из элементарных учебников марксизма. Свою полную несостоятельность в понимании законов развития советского хозяйства т. Бухарин скрывает в дыму своего полемического огня. Он явным образом недооценивает при этом своего квалифицированного читателя, который достаточно вырос за последние годы и которого не возьмешь истрепанными фразами насчет «ревизии ленинизма», если у самого критика ничего нет за душой.

Только что сказанное целиком применимо к тому первому вопросу, с которого т. Бухарин начинает свое нападение, т.-е. к вопросу о методе исследования закономерностей советского хозяйства. Как, быть может, помнит читатель, в своей книге я утверждаю, что для научного анализа советской экономики на определенной стадии исследования необходимо отвлечься от политики советского государства и от конкретной экономической политики его и сосредоточиться на анализе в чистом виде тенденций развития государственного хозяйства—с одной стороны, частного хозяйства—с другой. Об'яснять экономическую политику государства через экономическую политику есть вещь совершенно бессмысленная, в логике это называется idem per idem, т.-е. об'яснение того же через то же. Ничего, кроме описания внешних фактов, такое «исследование» не дает. Но так как у нас органы государства, как организации политической, слиты с органами, руководящими государственным хозяйством, и так как на ряду с экономической необходимостью, вытекающей из развития государственного хозяйства, во-первых, и из развития частного хозяйства—во-вторых, на экономическую политику государства оказывают свое воздей-

стые и факторы чисто политического свойства, то, чтобы отделить действие каждого из этих факторов, надо начать с важнейшего, т.-е. с экономики государственного и экономики частного хозяйства, взятых со стороны основных тенденций их развития, а потом на дальнейшей стадии исследования анализировать как действие кон'юнктурных факторов, в частности кон'юнктурного сопротивления частного хозяйства развитию хозяйства государственного, так и действие чисто политических факторов.

Что же выдвигает т. Бухарин против подобного методологического приема?

Он, во-первых, совершенно напрасно полагает, что я предлагаю абстрагироваться то от экономической политики государства, то просто от политики. Я предлагаю временно абстрагироваться от того и от другого. Насчет политики т. Бухарин как будто бы согласен, а насчет экономической политики— нет. Это доказывает лишь, что он недостаточно продумал всю проблему и возражает мне, как эклектик. Представьте себе, читатель, что из соображений политических мы, например, заключаем торговый договор, невыгодный для нашего хозяйства, договор, который без этих причин мы бы не заключили; представьте, что мы из соображений политических уменьшаем обложение мелкого производства, хотя экономические соображения диктуют нам не сокращение, а увеличение обложения. В данном случае акты советского правительства, вынужденные политической обстановкой, являются актами экономической политики и имеют длительные экономические последствия. Как же можно в данном случае абстрагироваться от политики, не абстрагируясь от той части экономической политики, в которую чистая политика переходит? Нормы «чистой» политики превращаются в нормы экономической политики. Если т. Бухарин согласился с тем, что от политики абстрагироваться можно, он тем самым вынужден признать возможность абстрагироваться и от экономической политики в соответствующей ее части. Но... коготок увяз, всей птичке пропасть.

Эта логическая непоследовательность т. Бухарина выступает с полной очевидностью, если мы остановимся на его первом аргументе против моего методологического приема.

С одной стороны, он пишет:

«Поставим, в самом деле, перед собой вот какой вопрос: *в чем* выражается рост рационального начала над иррациональным? Ответ будет довольно недвусмысленный: в росте плановости. Что же является базисом этой плановости? Ответ тоже очевиден: рост государственно-социалистических элементов хозяйства, рост их влияния и рост их удельного веса. В чем, наконец, находит свое выражение этот процесс с точки зрения особых свойств *закономерностей* переходного периода? В том, что стихийные регуляторы сменяются сознательными, т.-е. *экономической политикой* пролетарского государства (с известного периода, теряющего свой классовый характер, т.-е. отрицающего самого себя, т.-е. перестающего быть *государством*).

Абстрагировать от экономической политики пролетарского государства—это и значит брать законы переходного времени *вне* исторической их характеристики, *вне* перерастания «стихийного» в «сознательное», т.-е. как раз проделывать то, против чего совершенно справедливо протестует тов. Преображенский»[1]).

А, с другой стороны, заканчивая со всем этим вопросом, т. Бухарин заявляет:

«Из нашего анализа вытекает, что *нелепо* отвлекаться от *экономической политики* пролетарской государственной власти, ибо это означало бы отвлекаться от планового начала. Но вполне допустимо на известной стадии анализа отвлекаться от специфически-политических влияний данных *чисто-политических кон'юнктурных колебаний*».

Выходит, от экономической политики абстрагироваться нельзя, потому что это значило бы «брать законы переходного времени... вне перерастания стихийного в сознательное», а от политики, переходящей в нормы экономической политики, абстрагировать можно, хотя государство принимает те или иные решения по политическим соображениям *вполне сознательно*. В этом случае сознательность не мешает, по Бухарину, абстракции. Эта жалкая путаница на протяжении одной и той же статьи по коренному методологическому вопросу доказывает с полной ясностью, что либо своему первому аргументу мой критик сам не придает никакого серьезного зна-

[1]) См. „Правду“ № 148.

Институт Ленина при Ц.К. В.К.П. (б.) 1062384

чения, либо он испугался логических выводов из него, которые, как увидим ниже, неизбежно приводят к из'ятию после социалистической революции из сферы историко-материалистического исследования целой области общественных явлений.

Но рассмотрим весь этот аргумент с другой точки зрения. Допустим, советское государство намечает вполне сознательно целую систему мер в области экономической политики. Спрашивается, являются ли и самые решения о проведении этих мер, и практическое их проведение причинно-обусловленными? Мой критик отвечает на этот вопрос утвердительно, противоположный взгляд расценивает как «дешевенький идеализм» и не считает вообще полезным долго останавливаться на этой вполне ясной проблеме.

Но если сознательно проводимая экономическая политика государства причинно обусловлена, то сейчас же возникает вопрос: чем она обусловлена и как методологически легче и вернее выявить эту обусловленность? Нельзя ли нам здесь, чтоб не покинуть почвы марксизма, отделить и в этой экономической политике влияние чисто-политических факторов от экономических, во-первых, а в сфере экономики—влияние на государственное хозяйство других экономических форм?

Насчет отделения политики от экономики на определенной стадии исследования мой оппонент согласен. Здесь сознательность проводимой советским государством экономической политики не мешает абстрагироваться от чисто-политических влияний на хозяйственную деятельность. Спрашивается, почему же «сознательность» не позволяет нам отделить влияние не социалистических форм производства на развитие государственного хозяйства пролетариата? Ничего членораздельного в доказательство такой невозможности т. Бухарин не привел и, беремся это утверждать, никогда и не приведет, потому что весь этот аргумент у него высосан из пальца. Никакого конкретного примера невозможности абстракции, о которой идет речь, он тоже не привел и не приведет. Мы же, наоборот, можем привести сколько угодно конкретных примеров в доказательство того, что рекомендуемый нами метод анализа закономерностей советской экономики является и вполне возможным, и наиболее целесообразным. Проанализируем, например, экономическую политику советского государства на центральной проблеме — на составлении и на проведении в жизнь

общехозяйственного плана на данный конкретный год. Допустим, определенный уровень заработной платы, определенные размеры обмена с частным хозяйством, определенные размеры накопления и определенные требования пропорциональности в распределении производительных сил между отраслями обеспечивают возможность развертывания государственного производства максимально на 25%. Это есть оптимум расширенного социалистического воспроизводства и в то же время нормативная цель его экономической деятельности на данный год. Но, вот, по соображениям политическим государство вынуждено, допустим, уменьшить обложение мелкого производства страны на 150.000.000 р., что снижает уровень накопления. А это снижение накопления уменьшает возможность развертывания промышленности, скажем, на 3%. Допустим, к этому сводится весь вычет, который делает «политика» из оптимума развертывания государственного хозяйства. Но вычеты делает и экономика *частного* хозяйства. Выясняется, допустим, что крестьянство недопродаст 200.000.000 пудов хлеба, которые учитывались, как экспортный фонд, потому что оно предпочитает выжидать лучших цен. В результате наш экспорт оказывается меньше возможного и предполагавшегося на 250.000.000 р., импорт оказывается меньше на ту же сумму, благодаря чему мы имеем сокращение ввоза машин, хлопка, шерсти, каучука и т. д. Вследствие сопротивления «крестплана», развертывание государственного хозяйства сокращается, допустим, еще на 5%. В итоге мы вместо развертывания промышленности на 25% в сравнении с предыдущим годом,—развертывания, при благоприятных условиях экономически вполне возможного, — мы имеем вследствие политических причин, во-первых, и вследствие давления на нас частного хозяйства, во-вторых, увеличение продукции только на 17%. Все это может быть с самого начала учтено при выработке плана, или может обнаружиться при проведении в жизнь максимального плана развертывания. Существо дела от этого нисколько не меняется. На практике мы наблюдаем у нас обычно и то и другое вместе, т.-е. и учет заранее сопротивления частного хозяйства, и влияние его на государственное, что находит свое выражение в урезанном от оптимума плане развертывания государственного хозяйства, и поправки, вносимые частным хозяйством при проведении в жизнь

того или иного плана на ходу. Но и в том случае, когда последствия сопротивления частного хозяйства и тенденция развития его предвидятся заранее, и в том случае, когда сопротивления обнаруживаются post factum, всплывая неожиданно,—в обоих случаях они действуют, как об'ективные силы, влияние которых мы можем легче всего учесть в том случае, если начнем анализ с исследования оптимума развития государственного хозяйства.

Само собой разумеется, что анализ оптимума тенденций предполагает в основном, в качестве базы, все основные черты советской экономики. Приписывать мне такую нелепость, что я отвлекаюсь от рабочего класса, как суб'екта экономической политики государства, что я отвлекаюсь от крестьянского характера страны, что я отвлекаюсь от хозяйственных аппаратов государства и т. д., можно лишь при полной нищете по части действительных аргументов, или нищете, которая в свою очередь связана у моих оппонентов с отсутствием сколько-нибудь продуманной собственной точки зрения на законы развития советского хозяйства и на все те проблемы, которые я в положительной форме ставлю в моей книге. Предлагаемый мною и фактически применяемый мною в конкретных исследованиях метод анализа советского хозяйства имеет свои действительные трудности. Но никто из оппонентов, и т. Бухарин в том числе, об этих действительных трудностях не имеет представления и не упоминает о них ни слова, потому, что никто из моих критиков повидимому просто не задумывался над всеми этими вопросами при конкретном исследовании закономерностей нашего развития [1]).

Затем я должен отметить ряд совершенно недопустимых искажений моей точки зрения, которыми занимается мой критик. Моя работа посвящена не анализу товарно-социалистической системы *вообще* (хотя некоторые элементы общей теории в ней и имеются), даже не теории *советского хозяйства вообще*, а теории хозяйства СССР за период действия закона первоначального социалистического накопления. А это значит, что исследование, каким бы абстрактным оно ни было в своей общей части, никогда не может абстрагироваться ни от существования советской власти и ее органов, ни от роли пролетариата, как суб'екта хозяйства, ни от существования мел-

[1]) Конкретно об этом будет речь во втором томе данной работы.

кого производства и тенденции его развития, ни от замены в известных пределах стихийного метода регулирования плановой политикой со всеми особенностями, которые вытекают из последнего факта. Я говорю лишь о необходимости абстрагироваться каждый раз на определенной стадии исследования от конкретно-экономической политики советского государства, поскольку она никогда не может быть адэкватной тенденциям развития государственного хозяйства, взятым в их чистом виде и толкающим советское государство к оптимуму расширенного социалистического производства. А это абстрагирование *от того*, что является равнодействующей разных факторов, чтобы эту равнодействующую об'яснить, т. Бухарин выдает за абстрагирование от структурных основ всей системы и от ее организационных форм. Он пишет: «Хозяйственные органы госаппарата суть верхушки нашего специфического базиса. Отвлекаться, абстрагироваться от них значит отвлекаться от основной характеристики «новой экономики». Читатель видит, какой фокус проделывает мой теоретически-обедневший критик. Я говорю о конкретно-экономической политике советского государства, от которой надо отвлекаться на определенной стадии исследования, чтобы ее об'яснить, а т. Бухарин заставляет меня отвлечься от основ самой системы. Каждый понимает, что экономическая политика, проводимая данной системой, и сама система есть вещи совершенно разные. Система остается, со всеми своими структурными особенностями и со всеми основными линиями развертывания свойственных ей тенденций, тогда как политика может меняться, и конкретно, поскольку дело идет об арифметических величинах, в известных отношениях меняется каждый год. Таким образом, т. Бухарин приписал мне абсурд и «в поте лица» занят его опровержением. Совершенно очевидно, что люди занимаются в полемике подобными операциями отнюдь не от избытка новых мыслей в голове.

Все возражения т. Бухарина состоят в общем из трех элементов: 1) Из повторения некоторых общих истин насчет «смены общественными законами их исторической кожи» и т. п., т.-е. общих истин, которые в данном случае к делу совершенно не относятся и своим соседством с совершенно пустяковыми возражениями должны, повидимому, придавать последним солидный вид. (Цветочек дикий попал в пучок с

гвоздикой!). 2) Из постановок, вроде только что отмеченной. Внимательный читатель, сравнив текст моей книги с критикой т. Бухарина, откроет все эти подстановки сам и тем даст мне возможность заняться более интересным делом на страницах этого предисловия, чем скучный «уголовный розыск». 3) Из указания на то, что при анализе буржуазной экономики мы имеем дело с государственной надстройкой, которая не является «составной частью производственных отношений, изучать которые призвана экономическая теория», хозяйственные же процессы развертываются стихийно, тогда как у нас в государственном хозяйстве базис слит с надстройкой, а в области хозяйственной деятельности плановое начало постепенно начинает оттеснять стихию.

Собственно, это и есть единственный аргумент, который в разных формах повторяет т. Бухарин и о котором отчасти уже была речь выше.

Поставим нашему критику следующий вопрос: «Если государство, как политическая организация, слито с органами руководства государственным хозяйством, то применим ли при анализе данной области общественного бытия метод исторического материализма или нет?». Если т. Бухарин скажет нет, то это будет означать, что социологическая теория Штаммлера не верна только по отношению к буржуазному обществу и делается истинной в применении к социалистическому государству и его хозяйству. В этом случае я предложу также т. Бухарину сравнить его позицию с точкой зрения Лукача на теорию исторического материализма, как на концепцию, значимую только для классового общества и, следовательно, начинающую терять значение для переходной эпохи. Если же теория исторического материализма применима и к социалистическому государству и его хозяйству и слитность политической организации с хозяйственной требует лишь некоторой вариации в применении метода, о чем у меня сказано в книге, тогда т. Бухарину не о чем со мной спорить.

Кстати замечу еще здесь, что слитность политической организации общества с частью его экономической организации ни в какой мере не мешает отдельно анализировать различные функции той и другой, отделяя политические факторы от экономических и полагая экономическую деятельность в качестве базиса. В нашем случае не надо, кроме того, забы-

вать и о том, что экономическая организация пролетариата отнюдь не совпадает со всем экономическим базисом советского общества, в котором более половины материальных ценностей создается вне круга государственного хозяйства.

Тов. Бухарин на мое замечание о том, что мои оппоненты покушаются на значимость для нашей системы метода исторического материализма, уклоняется от ясной постановки вопроса. Он упрекает меня в том, что я не вижу «оригинальности в соотношении между базисом и надстройкой при режиме пролетарской диктатуры», но ни словом не упоминает, является ли эта оригинальность достаточным мотивом, чтобы заменить социологический метод Маркса каким-то другим. Итак: да или нет? А попутно не предложит ли мой критик перетрясти метод исторического материализма для всех тех случаев, когда государство играет гораздо большую экономическую роль, чем в период господства буржуазного манчестерства, например, для некоторых периодов феодальной истории общества, для госкапитализма периода мировой войны, для коммуны иезуитов в Парагвае, для итальянского фашизма и т. д.?

Что же касается аргумента насчет роли социального начала в нашей экономике, то мы уже видели, как мало мешает сознательность экономической политики государства тому, чтобы выделить на определенной стадии анализа то, что диктуется требованиями расширенного социалистического воспроизводства и что навязывается в области экономической политики государства сопротивлением частного хозяйства, совершенно независимо от того, учитывается ли это сопротивление заранее или же о нем государство узнало только после толчка в спину. Весь этот аргумент т. Бухарина есть или непоследовательность, или хитрость. Мой критик согласен с тем, что сознательная политика есть политика обусловленная. Как, каким методом конкретно искать этой обусловленности, он не говорит. Но в то же время пытается набросить тень на мой метод ссылкой на оттеснение стихийного начала сознательным, т.-е. хочет черпнуть немного аргументации из источников того самого «дешевенького идеализма», полемику с которым считает излишней роскошью. Теперь я вижу, что моя полемика в указанном направлении далеко не была излишней.

Мою позицию в вопросе о двух регуляторах в советском хозяйстве тов. Бухарин считает «основной и центральной ошибкой». Мы в праве поэтому ожидать, что именно в этом пункте его аргументация должна достигнуть наибольшего напора и наибольшей убедительности. Увы! Разочарование ждет нас здесь еще большее, чем при оценке того, что было пред'явлено нашим критиком по вопросу о методе исследования.

Тов. Бухарин начинает с того, что соглашается с моей критикой натуралистического толкования Марксова закона ценности. Это вполне естественно, если вспомнить, что т. Бухарин имеет большую заслугу в этой области, как экономист и комментатор Маркса. Казалось бы, это согласие между нами в чрезвычайно важном пункте должно было бы устранить сразу кучу недоразумений и во всяком случае ликвидировать все те возражения, которые делались мне последовательными или непоследовательными сторонниками натуралистического понимания закона. К моему изумлению т. Бухарин, отвергающий позицию «натуралистов», не отказался от искушения козырнуть против меня аргументами из их арсенала, совершенно так же, как и в выше приведенном случае с «дешевеньким идеализмом».

В самом деле. Несколько столбцов своего фельетона мой критик посвящает изложению той убийственной по своей новизне мысли, что в законе ценности надо различать две стороны: во-первых, закон пропорциональности трудовых затрат, как общесоциологическую основу, и, во-вторых,—исторически-преходящую форму проявления этого закона при товарном производстве, т.-е. ценностную, фетишистскую форму регулирования. Это изложение нужно моему критику для доказательства того положения, что я, противопоставляя закон ценности, как регулятор товарного производства, закону первоначального социалистического накопления, сталкиваю с этим законом не только исторически преходящую форму, но и социологическую основу закона ценности, т.-е. закон пропорционального распределения труда. У меня, оказывается, «пролетарское плановое начало является принципом борьбы не с ценностной оболочкой закона пропорциональных трудовых затрат, а принципом борьбы с этим законом, так сказать, «по его материальному существу». Ниже я покажу, какая путаница может получиться «по материальному существу».

бухаринского возражения и как он сам ходит вокруг да около этого материального существа, не выдвигая ничего положительного со своей стороны. Здесь же я должен категорически отмести делаемое мне здесь возражение потому, что текст моей книги не оставляет никаких сомнений насчет моей истинной точки зрения на характер борьбы двух законов. Зная хорошо моих оппонентов и предвидя как раз то возражение, которое мне здесь пред'явлено, я специально оговариваюсь в своей книге, что при противопоставлении закона первоначального социалистического накопления закону ценности я в последнем законе беру его историческую, преходящую, связанную с товарным производством сторону, а не закон трудовых затрат. Так, в примечании, специально написанном для возражений вроде бухаринского, я говорю:

«Здесь, как и во всем дальнейшем изложении, я говорю о законе ценности, как стихийном регуляторе при товарной и товарно-капиталистической системе производства, а не о регулировании хозяйства, исходя из трудовых затрат, независимо от исторически преходящей *формы* этого регулирования в меновом обществе. Такое регулирование будет существовать и при плановом хозяйстве, но будет осуществляться иным путем, т.-е. на основе прямой калькуляции рабочего времени» [1]).

С другой стороны, в методологической главе читатель может прочитать:

«Второе, что надо отметить,—это, повидимому, происходящее смешение пропорциональности в хозяйстве, которая об'ективно необходима для каждой системы общественного производства с разделением труда, с исторически преходящим методом достижения такой пропорциональности на основе закона ценности. Правильное, пропорциональное распределение труда нужно и для капитализма, и для социализма, и для нашей теперешней товарно-социалистической системы хозяйства... Откуда следует, что нужные нам пропорции *диктуются* законом ценности, как регулятором, и только через него могут быть найдены, раз закон ценности исторически и, если хотите, материально, физически связан, неотделим от товарного производства, как производства, где господствует частная собственность на орудия производства... Почему невозможно

---

[1]) „Новая экономика", I изд., стр. 70.

такое положение, что мы нужные пропорции находим в *основном* нашими методами?... А если это возможно, если это возможно хотя бы наполовину, то говорить, что у нас в основном один регулятор, значит грубейшим образом смешивать проявление этого закона при капитализме с той об'ективно-хозяйственной необходимостью в пропорциональности, которая существует не для одного только товарного и товарно-социалистического хозяйства и не только капиталистическими методами может устанавливаться» [1]).

Первых строк тов. Бухарин в книге не заметил. А последнее место он сам цитирует и вынужден признать, что в нем есть «некое контр-возражение» (какая скромность в признании!). Но вместо того, чтобы принять по своему адресу сделанное предупреждение и не упражняться в водолействе, он на протяжении восьми столбцов фельетона ломится в открытую дверь. Я спрашиваю всех людей, знакомых с Марксовой политической экономией, достаточно ли для грамотного экономиста двух приведенных мест для характеристики моей точки зрения и нехватило ли бы в добросовестной полемике даже одного? Итак, говоря о борьбе закона первоначального социалистического накопления с законом ценности, я имею в виду борьбу двух регуляторов, взятых со стороны их исторической формы, т.-е. со стороны того специфического, что их друг друга отделяет, а также со стороны экономических последствий их действия на хозяйственную жизнь, а отнюдь не со стороны закона трудовых затрат, образующего подоснову *каждого* из этих регуляторов, лежащего в основе *всякого* хозяйственного регулирования вообще. Вопрос же о том, правильней ли говорить здесь о двух регуляторах или о двух разных формах проявления одного и того же регулятора, является вопросом существенным для сторонников натуралистического понимания закона ценности, но не для сторонников взгляд на закон ценности, как на регулятор товарного хозяйства, исчезающий вместе с последним. Ведь закон пропорциональности трудовых затрат при товарном производстве может проявиться лишь как закон ценности, т.-е. как закон, где историческая форма проявления *слита* с социологической основой ее, т.-е. с регулированием на основе трудовых затрат.

---

[1]) „Новая экономика", стр. 47—48.

Только благодаря такой слитости закон ценности воспроизводит именно отношения товарного хозяйства, при существовании и развитии которого он только и может быть регулятором. И, наоборот, исчезновение, рассасывание производственных отношений товарного хозяйства рассасывают самый базис существования и проявления закона ценности, как регулятора.

Но этим не уничтожается регулирующая роль закона пропорциональности трудовых затрат. Он принимает теперь лишь другую форму, поскольку другую форму принимают и производственные отношения людей. При полной победе планового начала, при коммунистических отношениях производства регулирование на основе трудовых затрат сведется к регулированию на базе учета рабочего времени, расходуемого при данном уровне техники на производство продуктов в различных отраслях. Распределение рабочих сил происходит тогда по рациональному плану, имеющему задачей с наименьшей тратой сил удовлетворить определенную сумму человеческих потребностей при определенной сумме производительных сил, пускаем в ход. Однако, так обстоит дело, когда мы противопоставляем закон ценности рациональному плановому регулированию в обществе, являющемся *полным и законченным антиподом капитализма,* т.-е. в коммунистическом обществе.

И теперь возникает вопрос: а на протяжении длительного переходного периода от капитализма к коммунизму какую форму должен будет принять закон регулирования на основе трудовых затрат? Будет ли существовать здесь какой-то другой закон—регулятор, в основе которого лежит тот же общесоциологический закон пропорциональности трудовых затрат, но принимающий, однако, теперь новую форму и в противоположность закону ценности воспроизводящий расширенно не капиталистические, а социалистические отношения производства? Или же никакого специфического закона переходного периода существовать не будет, а закон ценности, теряя свою экономическую базу, будет замещаться «законом простых трудовых затрат», т.-е. ликвидация специфических исторических свойств закона ценности будет обнажать в чистом и рациональном виде его социологическую подоснову.

Тов. Бухарин стоит на последней точке зрения. По его мнению, «из анализа Маркса тоже, как дважды два—четыре, вытекает, что закон ценности не может перерастать ни во что

иное, как в закон трудовых затрат, и что иное «перерастание» является вопиющей чепухой».

Разберемся в этой проблеме, имеющей крайне важное значение для понимания закономерностей развития советской экономики.

Но прежде всего ликвидируем ссылку на Маркса, которого мой критик не только выставляет свидетелем своего незнания законов советской экономики, но и хочет заставить произнести вместе с собой ignorabimus, т.-е. не *будем* знать. В первой главе второй части моей книги, напечатанной под названием «Социалистические и коммунистические представления о социализме» [1]) я привел наиболее существенные места из Маркса и Энгельса, где наши учителя говорят о социалистическом производстве в его противопоставлении капитализму. Само собой разумеется, делая такое противопоставление, они и закон ценности противопоставляют регулированию на основе затраты рабочего времени и ничего иного сказать не могли и не хотели, не покидая почвы науки. Маркс не исследовал закономерностей переходной экономики в их конкретности, у него есть только несколько общих замечаний на эту тему, главным образом в «Критике Готской программы» и несколько замечаний в набросках «Коммунистического Манифеста». Маркс и Энгельс говорили о том, *что* сменит закон ценности в конечном счете, но не ставили вопроса о трансформации закона ценности на протяжении переходной эпохи. Их общее противопоставление капитализма коммунизму не отвечает прямо на этот конкретный вопрос, который мы ставим, исходя из опыта реально существующей переходной советской экономики, и не является никаким табу для исследования ее закономерностей. Ведь Маркс и Энгельс нигде конкретно не говорили о борьбе плана с рынком, о «смычке» в нашем смысле, об индустриализации, а также о куче других проблем, которые выдвинуло развитие советского хозяйства. Значит ли это, что постановка этих проблем противоречит марксизму и является «вопиющей чепухой»?

Переходя же к существу дела, я должен сказать следующее. Закон пропорциональности трудовых затрат может господствовать в его чистом виде лишь в обществе, где будет це-

---

[1]) „Вестник Коммунистич. Академии", № 12.

ликом и полностью закончена классовая борьба, где распределение рабочих сил неклассового общества будет осуществляться для прямой задачи господства над вещами и борьба человека с природой не будет осложняться и опосредоваться никакими остатками групповой борьбы между людьми, борьбы, связанной с остатками частного производства. Совершенно очевидно, что в переходную эпоху закон регулирования рабочим временем не может проявляться в своем классически-чистом виде, потому что переходный период будет заполнен борьбой социалистического производства с товарным или остатками товарного, а значит распределение людей и орудий производства *не может быть полностью рационализировано и подчинено только одной задаче: удовлетворения потребностей общества.* К этой задаче примешивается еще не завершенная задача перестройки самой общественной структуры на внеклассовом базисе.

Какую же форму может принять закон распределения производительных сил на основе трудовых затрат в переходной экономике?

На этот вопрос я отвечаю следующим образом. Если дело идет об экономике со смешанной структурой, где социалистический сектор успел развить все присущие ему экономические преимущества над частным производством и вытесняет его также автоматически и неуклонно, как в свое время капиталистическая фабрика вытесняла ремесло, то о закономерностях этого периода, я, оставаясь на почве науки, ничего достоверного сказать не могу, за неимением самого об'екта изучения. Здесь можно строить лишь гипотезы. Может быть, закон пропорционального распределения труда примет здесь форму закона *социалистического* накопления в каком-то гораздо более конкретном выражении, чем это может быть охарактеризовано этим слишком общим термином.

Но совсем иначе обстоит дело с советской системой хозяйства на данной стадии ее развития.

Советскую экономику мы знаем, она представляет из себя исторический факт, законы развития ее мы уже можем отчасти разглядеть в их специфическом своеобразии. Это своеобразие прежде всего связано с тем, что социалистический сектор нашего хозяйства еще не развил всех своих преимуществ над капитализмом, он покоится еще на отсталой

технической базе, которая совершенно не адэкватна высоте его социальной структуры, исторически более прогрессивной, чем самый передовой современный капитализм. Этому сектору еще приходится вести борьбу в приготовительном классе социализма, т.-е. только собирать в тягчайших условиях и в опаснейшей международной обстановке основные предварительные элементы для такого производства, которое будет бить капитализм на экономической основе, т.-е. более быстрым развитием своих производительных сил. В этот период на базе нашего государственного хозяйства ⌊закон трудовых затрат неизбежно должен принимать форму закона первоначального социалистического накопления, и в качестве последнего неизбежно его столкновение и непрерывная борьба с законом ценности.⌋ С этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления есть закон преодоления нашей социалистической отсталости и действителен только на тот период развития, пока наше государственное хозяйство не получит технического и экономического преобладания над капитализмом.

Что закон первоначального социалистического накопления есть регулятор хозяйственной жизни, действующий на ряду и в борьбе с законом ценности, как регулятором *другой* системы общ. производства, это можно доказать всей конкретной историей нашей промышленности, конкретной историей государственного хозяйства вообще и историей нашей внешней торговли в частности. Не желая излагать здесь в этой связи ряд выводов из второго конкретного тома моей работы, я замечу лишь, почему закон первого социалистического накопления мы имеем все основания считать специфической формой проявления закона трудовых затрат в нашей экономике.

Что лежит в основе распределения производительных сил при капитализме, т.-е. на основе закона ценности?

Распределение труда при действии закона ценности, с одной стороны, достигает удовлетворения (на основе экономики товарного производства) определенного уровня потребностей данного общества, а, с другой стороны, воспроизводит самые производственные отношения данного типа, регулятором которого закон ценности является.

Распределение труда в нашем государственном хозяйстве тоже имеет об'ективной целью, с одной стороны, удовлетворе-

ние общественных потребностей на основе производственных отношений данного типа, т.-е. коллективного типа, а, с другой стороны, воспроизведение в расширенном масштабе именно этого типа производственных отношений. Воспроизводство в расширенном масштабе этих отношений означает прежде всего и больше всего накопление материальных ресурсов такого воспроизводства. Это есть вопрос самосохранения системы. Эта вторая задача как раз и обусловливает *иное* распределение труда, чем оно сложилось бы при свободном действии закона ценности. В результате распределение труда, которое мы имеем в нашей системе государственного хозяйства, не может ни в коем случае совпадать с тем, какое сложилось бы, если б система была построена только для удовлетворения потребностей работников коллективного производства, т.-е. закончила свой цикл трансформации всего хозяйства. С другой стороны, оно не может совпадать и с тем распределением, которое диктуется законом ценности мирового хозяйства. Вот это-то несовпадение ни с тем, ни с другим, вот это-то несоответствие и обязано своим существованием закону первоначального социалистического накопления, как регулятору нашей системы госхозяйства, антагонистическому закону ценности.

Возьмем конкретный пример, один из бесконечно-многих возможных и покажем действие этого регулятора. В данном году мы из общей суммы экспорта вывозим, допустим, продуктов нашего сельского хозяйства на 400 млн. и на эту сумму ввозим машин и сырья для промышленности, что, с небольшими поправками на ввоз одновременно с.-х. машин, семян и т. д., соответствует реальному положению вещей. Наш плановый импорт и характер нашего включения в мировое разделение труда подчинены закону первоначального социалистического накопления. Это сразу станет нам ясно, если мы представим себе на минуту, что мы включаемся в мировое разделение труда на основе закона ценности. В этом случае на 400 млн., минус платежи и закупки внутри страны, крестьянство купило бы гораздо более дешевых товаров заграничного производства, при гораздо большем разнообразии выбора, а наша промышленность не имела бы ни валюты для закупки сырья и машин, ни деревенского рынка для своей продукции. Между тем теперь мы, ввозя, допустим, за 100 млн. крестьянского экспорта на 100 млн. машин, производство ко-

торых стоит внутри 200 млн., производим накопление основного капитала государственного хозяйства на основе закона первоначального социалистического накопления отчасти за счет мелкого производства. Если мы ввозим сырье, дополнительное производство которого стоило бы вдвое дороже или которое вовсе не производится у нас, мы восстанавливаем часть оборотного капитала только благодаря действию того же закона. Этот закон, наконец, вынуждая нас закреплять за нами наш внутренний рынок на основе борьбы с законом ценности, позволяет нам амортизировать старый основной капитал, технически отсталый, и замещать его постепенно технически более совершенным, т.-е. мы получаем возможность подвести под нашу экономику новый технический базис, т.-е. идем по пути преодоления нашей экономической слабости в сравнении с капитализмом.

Если мы возьмем распределение труда в государственном хозяйстве во всех других сферах, а также отчасти распределение его между государственным и частным хозяйством, то мы увидим по всей линии следующее: закон пропорциональности трудовых затрат действует и у нас, но при наличии коллективного производства в секторе государственного хозяйства он вынужден воспроизводить в расширенном масштабе *эти отношения*, вследствие чего формой его проявления делается закон первоначально-социалистического накопления. Под действием этого закона ныне государственное хозяйство поддерживает и развивает предприятия, которые в условии действия закона ценности были бы ликвидированы. Под действием этого закона мы имеем такие пропорции в обмене с частным хозяйством, которые при действии закона ценности (на базе более высокой капиталистической техники) не могли бы существовать. Все это вместе взятое есть продукт нашей экономической отсталости в сравнении с капитализмом и социалистической изолированности. А законом, концентрирующим в себе все тенденции к преодолению этой отсталости является закон первоначального социалистического накопления. Под действием именно этого регулятора мы распределяем производственные силы иначе, чем они сложились бы при капитализме. Тов. Бухарин не может не признать правильности этого утверждения. Но он не согласен, что это отличие происходит вследствие именно того закона, который я формулировал.

Но тогда благодаря действию какого же другого закона? Тов. Бухарин отвечает. Никакого вашего закона первоначального социалистического накопления нет, а есть только перерождение, замещение закона ценности плановым началом. Иными словами: в то время как на вполне конкретный вопрос, вырастающий из фактов, которые вопиют о каком-то обобщении, я отвечал формулировкой вполне конкретного закона, об'ясняющего основные факты нашей экономики, *т. Бухарин отделывается общей фразой о перерастании закона ценности в закон трудовых затрат.* Но ведь этот процесс перерастания будет длиться десятилетия и будет протекать во всех странах, переходящих к социалистической организации производства, от аграрных до самых индустриальных. А Вас, мой почтеннейший критик, Ваша же аудитория просит ответить не общей фразой на этот вопрос, ибо такой ответ она знала и до Ваших фельетонов, а ждет конкретного ответа на конкретный вопрос: концентрируются ли именно в нашем советском хозяйстве, именно в первое десятилетие его существования основные тенденции развития государственного хозяйства в каком-либо специфическом законе или нет? Если нет, то какую другую концепцию Вы предлагаете?

Тов. Бухарин чувствует давление этого молчаливого вопроса своей наиболее квалифицированной аудитории, он не может его обойти, не рискуя своей репутацией теоретика. Но попытки вымучить из себя конкретный ответ приводят его к полной неудаче. Если первая часть его второго фельетона посвящена изложению всем давно известных истин о законе ценности, то вторая занята этим процессом вымучивания и накручивания ответа.

Мой оппонент не мог обойти вопрос о том, почему же один и тот же регулятор, т.-е. закон пропорционального распределения труда, дает столь разные результаты при разных экономических формациях общества. Он пишет в № 153 «Правды»:

«Спросим себя, однако: как же возможно то обстоятельство, что один и тот же по своему материальному существу регулятор приводит к самым разнообразным явлениям в области экономических отношений? Разве, в самом деле, в разных общественных структурах мы имеем одинаковые пропорции между различными производственными отраслями? Разве

динамика этих пропорций и соотношений та же? Наконец, что означает громаднейшее различие *в темпе* развития? Возьмите развитие феодального общества и бешеный бег капитализма. Или сравните темп развития первобытной общины с темпом развития при социализме. Как же все это увязывается с единым по существу регулятором, законом трудовых затрат?

Мне кажется, что, примерно, такие вопросы смутно стоят и перед тов. Преображенским. Ему хочется, чтобы у нас развитие шло быстрее, чем при капитализме. Это вполне законное «хотение». А так как нам,—думает тов. Преображенский,—нужна более быстрая индустриализация, чем раньше, более быстрый темп накопления, то, очевидно, у нас должен быть другой закон».

Эти вопросы «смутно стоят перед т. Преображенским» и порождены «законным хотением» «более быстрой индустриализации».

Насчет того, перед кем и какие вопросы стоят смутно, а иные даже и вовсе не стоят, это мы видим из разбора критики т. Бухарина. А что касается при этом его покровительственного похлопывания по плечу насчет законности хотения более быстрой индустриализации, то этот полемический прием моего критика является достаточно безнадежным, потому что ни в какой мере не вытекает из материального содержания того, что каждый из нас вынес на суд публике по вопросу о законах развития советского хозяйства.

На поставленный выше вопрос т. Бухарин отвечает: решает дело механизм регулирования. И в доказательство приводит, между прочим, соображение о том, что и сам закон ценности, оставаясь формой проявления одного и того же регулятора, т.-е. закона трудовых затрат, испытывает изменения при переходе от простого товарного производства к капиталистическому. А потому «нелепо говорить, что при капитализме есть два закона: закон ценности и закон производственных цен; нелепо говорить, что один закон противоречит другому: ибо закон производственных цен есть тот механизм, через который проявляет свое действие закон ценности» [1]).

Во-первых, вообще говоря, сравнение не есть доказательство. А здесь нет даже и настоящего сравнения, потому что

[1]) „Правда“, № 148.

невозможно из сопоставления двух разных механизмов регулирования *одной и той же экономической системы* сделать выводы насчет регуляторов *двух разных систем* (или механизмов регулирования двух разных систем, если т. Бухарину более нравится эта терминология). Ибо и простое товарное и товарно-капиталистическое производство, имея видовые различия, принадлежат к одному и тому же роду по экономической структуре, т.-е. к товарному производству, тогда как товарно-социалистическая система и чисто-товарное производство представляет из себя *два разные типа экономической структуры*.

Но попытка сравнить механизм двух разных экономических систем для об'яснения различных результатов в области распределение труда обнаруживает, что, во-первых, невозможно оторвать механизм регулирования от экономической структуры, в которой он проявляется. Достаточно сделать попытку представить себе закон ценности в качестве регулятора социалистического производства и плановое начало в качестве регулятора товарного производства, чтобы стало ясно, насколько механизм регулирования не отделим от всей структуры данной экономики. А в то же время делается ясным, что различия в распределении труда определяются тем, что удовлетворение общественных потребностей подчинено также и условиям существования *данной системы* и требует такого распределения производительных сил, которое, кроме этой задачи, общей всем экономическим структурам, воспроизводит и данную систему во всем ее историческом своеобразии. Капиталистическое предприятие не может, как правило, существовать, не получая прибыли, хотя бы оно и было общественно-необходимо. И это вполне закономерно с точки зрения именно капиталистического воспроизводства, потому что при отсутствии средней прибыли не воспроизводятся возможности производства ради прибавочной ценности, вследствие чего и частная собственность на орудия производства делается бесцельной. Капиталисты не вводят машину, которая хотя экономит труд рабочих, но не повышает прибыли, хотя с точки зрения производства для потребления такое положение является совершенно иррациональным. В нашем государственном хозяйстве мы имеем такое распределение труда, которое не удержалось бы ни при действии закона ценности, ни при действии закона трудовых затрат, в его чистом

виде, т.-е. при производстве ради потребления, потому что теперешнее распределение труда должно решить также и задачу *воспроизводства в расширенном масштабе данной системы*, т.-е. системы коллективного государственного хозяйства, несмотря на то, что и технически и экономически государственное хозяйство пока слабей капитализма и расширенное воспроизводство отношений данного типа, сросшихся с отсталой техникой, с точки зрения мирового закона ценности, является совершенно иррациональным и может протекать только на основе борьбы с ним.

Во-вторых, сводить всю проблему борьбы двух разных регуляторов, сросшихся с разными системами общественного воспроизводства, и всю разницу в материальных последствиях регулирования к разнице механизмов регулирования в узком смысле, т.-е. в частности противопоставлять закону ценности увеличение роли планового учета, как метода достижения задач, стоящих перед государственным хозяйством, значит подменять всю проблему одной ее стороной. Мы осуществляем неэквивалентный обмен с деревней, жесткий план импорта, имеющий задачей воспроизводство данной системы и многое другое, вследствие взаимоотношений нашей системы с мировым рынком и всем частным хозяйством вообще, а не благодаря росту планового начала *как причины*. Без всех этих мер мы бы погибли как система, совершенно независимо от того, в плановом или бесплановом порядке мы бы осуществляли политику нашей гибели, т.-е. политику, противоположную той, которую нам диктует закон первоначального социалистического накопления.

Попытка тов. Бухарина ответить на конкретный вопрос о законах развития государственного хозяйства общей фразой о «перерастании закона ценности в закон трудовых затрат» доказывает с полной очевидностью, что ему нечего ответить вообще. Он сам признает, что ограничился «самыми общими соображениями» и обещает конкретнее говорить дальше. Подождем. После всего, что мы слышали от моего критика, я, однако, остаюсь весьма большим скептиком насчет теоретической ценности этих «будущих благ» бухаринского ответа.

Соображение тов. Бухарина насчет того, что *даже* социалистическое накопление *нельзя противопоставлять* закону ценности (не говоря уже, значит, о *законе* первого

социалистического накопления), ибо наше хозяйство растет «на основе рыночных отношений», представляет из себя вопиющую теоретическую ошибку, на которой можно возвести настоящую программу теоретического и практического оппортунизма. Ведь если наше государственное хозяйство растет в условиях существования рыночных отношений и не рассасывается в товарном хозяйстве, то только благодаря отчаянной борьбе за свое существование. Мы можем «накоплять», продавая нашу продукцию вдвое дороже заграничной только благодаря тому, что мы отгородили свою территорию от мирового рынка и насильственно удерживаем ее, опираясь на обороноспособность всей нашей системы в целом. Мы боремся за свое существование в рамках рыночных отношений, *не меняя их содержания на основе борьбы*. Не видеть совершенно исключительных условий нашего существования, выдавать борьбу, которая ведется в разных формах с частным хозяйством, в том числе и в форме вынужденного сотрудничества с капитализмом, за мирное житие, значит болтаться на поверхности явлений и заменять в области исследования революционный марксизм обывательщиной.

Чтобы покончить с данной темой, я приведу из второго фельетона тов. Бухарина одно место, доказывающее, с какой небрежностью он пишет все свое опровержение и как не успевает прочитывать в конце то, что писал в начале. Вот это место:

«Процесс перерастания закона ценности в закон трудовых затрат находит свое выражение в том, что в порядке *плана* «цены» в своей полуфиктивной функции (т.-е. уже не как цены, определяемые с точки зрения «барометрических колебаний рынка»), складываются сознательно *иначе*, чем они складывались бы стихийно»[1]).

Спрашивается, о каком стихийном регулировании идет здесь речь? Если о стихийном регулировании на основе закона ценности и в условиях реставрации капиталистических отношений, то тов. Бухарин уже признал выше, что в этом случае пропорции распределения труда будут иными, чем в теперешнем нашем государственном хозяйстве. Если же дело идет лишь о том , чтобы теоретически представить себе регу-

---

[1]) „Правда“ № 150.

лирование стихийным при условии существования государственного хозяйства, то вывод из сего положения разматывает все то, что т. Бухарин успел до сих пор сплести по основному вопросу. Если распределение труда будет тем же и при стихийном регулировании и при сознательном, то это доказывает лишь, что дело не в механизме регулирования самом по себе и что никакое перерастание закона ценности в закон трудовых затрат само по себе неспособно об'яснить особенностей распределения производительных сил у нас в сравнении с капитализмом.

Читатель видит, что это не первое противоречие в бухаринской критике. И это противоречие, и уже указанное нами выше—одного и того же происхождения. Это удел всех тех, кто, не имея в голове собственной продуманной концепции, надеется ее настряпать на протяжении своего полемического плавания. Однако, гонимый интересами полемики, критический челн моего оппонента вынужден набирать на свой борт всякие аргументы кон'юнктурного характера, в том числе и такие, которые противоречат друг другу, в результате чего наш лодочник не знает сам в начале плавания—с каким грузом и к какому берегу он пристанет в его конце.

Свой третий фельетон, посвященный более детальной критике закона первоначального социалистического накопления тов. Бухарин, строго следуя теперешней моде, озаглавил: «Закон первоначального социалистического накопления, или почему не следует менять Ленина на Преображенского?».

Я сам убедительно рекомендую читателям не менять Ленина на Преображенского, но не советовал бы также и менять Ленина на теперешнего Бухарина, как и на всех тех, кто будет прикрывать этим великим именем свои ошибки. В качестве очень яркого примера того, как использует тов. Бухарин в своих интересах ленинское наследство, можно привести случай с опубликованием одного из многих замечаний Ленина, сделанных на полях книги тов. Бухарина «Экономика переходного периода». Ленину не понравился термин «первоначальное социалистическое накопление», который он назвал «крайне неудачным», «детской игрой», «копированием терминов, употребленных взрослыми». По мнению тов. Бухарина, «это суровое мнение пролетарского вождя и крупнейшего теоретика уничтожает тов. Преображенского».

Позвольте «уничтоженному» Преображенскому заметить следующее. Термин, о котором идет речь, был употреблен в книге Бухарина, написанной в период военного коммунизма и пытавшейся теоретически осмыслить экономику именно этого периода.

Экономика военного коммунизма была экономикой государственного хозяйства военно-потребительского типа, когда мы не накопляли, а были вынуждены наиболее экономно *растрачивать* наши ресурсы, когда само производство не было *воспроизводством*, а средством превратить сырье и основной капитал в предметы потребления и обороны. По отношению к экономике такого типа тов. Ленин признал термин совершенно неудачным и *был прав*. Но ведь я употребил этот термин или параллельный термин «предварительное социалистическое накопление» по отношению к нашей экономике *другого периода и другого характера*, когда накопление идет и составляет центральную проблему нашей экономической политики. Следовательно. замечание Ленина относится не ко мне, а к Бухарину, употребившему этот термин тов. Смирнова, по мнению Ленина, «неудачно»,по-детски. Каким же образом ошибка тов. Бухарина превращатся вдруг в ошибку Преображенского и замечание Ленина уничтожает не «виновника торжества», а автора книги, которой Ленин не мог читать и замечаний на которую не делал?

Затем второй вопрос. Почему тов. Бухарин шесть лет держал под спудом замечание Ленина и вытащил его на свет только в интересах полемики и при том так неловко, что березовый прутик Владимира Ильича явным образом приходится все-таки по бухаринской спине, а не по моей. Почему бы далее тов. Бухарину не опубликовать *всех* замечаний Ленина на «Экономику переходного периода»? Я их читал и нахожу их весьма интересными для широкой публики. Почему, наконец, не сообщить публике, как оценивал Ленин книгу Бухарина об историческом материализме? Знать мнение Ленина о книгах, превратившихся в учебники, было бы весьма полезно и для учителей и для учеников.

Переходим теперь к бухаринской критике закона первоначального социалистического накопления. По обыкновению, он начинает от печки всем известных цитат из Маркса, отчасти приводимых и мною, но не говорит ясно, что собственно

они должны доказать. Характерно, однако, что тов. Бухарин при изложении Марксова понимания закона первоначального социалистического накопления пропустил цитату, имеющую огромное значение для выяснения затронутого вопроса. В этой цитате автор «Капитала» говорит о том, что первоначальное капиталистическое накопление, кроме отделения производителей от средств производства, т.-е. кроме образования класса наемных рабочих, означает еще и накопление в руках отдельных капиталистов достаточных средств, необходимых для пуска в ход более крупных предприятий, чем предприятий ремесленного типа [1]). Он упустил это важное место не случайно, а потому, что оно очень сильно подчеркивает целесообразность сделанной мною аналогии.

Тов. Бухарин спрашивает меня второй уже раз, к какому периоду я отношу действие закона первоначального социалистического накопления: по его мнению, из моего определения закона можно сделать вывод, что он должен действовать до полного осуществления социализма. Из текста моей книги совершенно ясно, что дело идет о периоде, пока социалистический сектор не получил технического и экономического преобладания над капитализмом, а вовсе не до момента, когда исчезнет последний кустарь или последний мелкий производитель в деревне. Бухарин находит, что в первом случае «процесс растягивается на очень большие сроки». На это я замечу, что срок действия закона, т.-е. срок пребывания нашего государственного хозяйства в стадии борьбы за новую техническую базу и за возможность развернуть свои преимущества над капитализмом, зависит, во-первых, от международной обстановки, поскольку социалистическая революция на Западе могла бы свести этот срок к минимуму (как натиск мирового капитала может прервать этот процесс, ликвидируя всю нашу систему); во-вторых, в некоторой степени зависит и от характера нашей собственной экономической политики, т.-е. от большей или меньшей последовательности в деле осуществления индустриализации страны.

Своим наиболее веским аргументом против меня тов. Бухарин считает, повидимому, указание на методологическую невозможность определения оптимума тенденций развития го-

---

[1]) „Капитал", т. I, часть 1-ая, стр. 640, перевод Степанова.

сударственного хозяйства. К этому пункту он возвращается не раз и больше всего упражняется в остроумии именно по этому поводу. Все возражения тов. Бухарина в этом пункте, как это мы сейчас увидим, целиком и полностью основаны на нежелании понять мою точку зрения.

Вот суть этих возражений: «Никакого оптимума развития государственного хозяйства без анализа частного хозяйства определить нельзя. Закон этот (т.-е. закон первоначального социалистического накопления. *Е. П.*), если б даже он был и был правильно *сформулирован*, есть закон соотношения между «госхозяйством» и «частным хозяйством»... Но... закон соотношения предполагает оба члена этого соотношения... Если ставить перед собой задачу исследования переходного хозяйства в его историческом своеобразии, то необходимо брать в качестве предельной абстракции двухклассовое общество, т.-е. *комбинацию* пролетарской госпромышленности и крестьянского хозяйства. От внешней торговли (как бы эмпирически она ни была важна) абстрагироваться можно и на первых ступенях анализа даже должно, но абстрагировать от «третьих лиц» при анализе переходного периода недопустимо; это и значит выбрасывать все *специфические* теоретические проблемы... Тов. Преображенский видит противоречия, но не видит *единства* народного хозяйства, видит *борьбу*, но не видит *сотрудничества*» [1]).

Во-первых, закон первоначального социалистического накопления в моей формулировке и есть закон соотношения государственного хозяйства с частным (в том числе и с мировым) в данный период развития этого хозяйства, а тем самым и закон специфического распределения производительных сил внутри государственного хозяйства. Совершенно бессмысленно упрекать мою концепцию в том, что она игнорирует второй член соотношения, потому что без этого члена не может быть и самого закона. Тов. Бухарин впадает в жалкое противоречие с самим собой, когда, с одной стороны, находит, что я слишком много говорю об отчуждении прибавочного продукта частного хозяйства, а с другой стороны, что я забываю о втором члене. Второй закон нашего хозяйства, закон ценности, о котором говорится не менее, чем о законе первоначального социалистического накопления, есть закон, базирующий

[1]) „Правда“ № 153.

ся на втором члене соотношения, т.-е. на частном хозяйстве внутри и вне СССР. Ведь я говорю об анализе тенденций в чистом виде не только государственного хозяйства, но и частного.

Конечно, определение оптимума тенденций государственного и частного хозяйства не может быть полным без конкретного анализа и государственного и частного хозяйства, но конкретное исследование—это дело дальнейшего изложения. В первой части работы я мог наметить лишь обще-методологические линии подхода к такому анализу. Такой общий подход весьма облегчает конкретный анализ. В частности только благодаря ему я дал об'яснение товарного голода, как следствия изменения в структуре пореволюционного крестьянского бюджета [1]),—об'яснение, которое является теперь общепринятым. Между тем, это лишь небольшой отрывок из той части работы, которая будет опубликована в качестве второго тома «Новой Экономики». Если тов. Бухарин находит, что о частном хозяйстве говорится мало, то ведь это является возражением против *расположения материала в работе*, а не принципиальным возражением против *метода исследования*.

Я уже говорил выше, что не только можно, но и должно отвлекаться от кон'юнктурных препятствий, которые исходят от частного хозяйства и затрудняют развитие в оптимальных размерах государственного хозяйства, как при анализе тенденции развития частного хозяйства надо на известной стадии исследования отвлечься от тех конкретных и кон'юнктурных препятствий, с которыми сталкивается развитие частного хозяйства в его стремлении к переопрокидыванию всей советской системы. Только после этого можно понять равнодействующую экономической политики государства. Нелепо думать, либо приписывать мне мысль, что я рекомендую при этом отвлекаться в первом случае от факта существования частного хозяйства (и не только внутреннего), во втором—от факта существования государственного хозяйства. Когда Маркс, на определенном этапе изложения закона ценности, отвлекается от влияния на цену спроса и предложения, предполагая равновесие между тем и другим, а также в первом томе «Капитала» не исследует еще закона цен производства, то

---

[1]) См. мою статью „Экономические заметки“ в „Правде“ от 13 дек. 1925 г.

только вульгарные экономисты могли упрекать его в том, что он отвлекся от существования отдельных частных производителей, от рынка и от основ товаро-капиталистического производства вообще.

Тов. Бухарин говорит, что, следуя моему методу, никакого плана промышленности составить нельзя, потому что это значит не учитывать емкости крестьянского рынка, урожая и многих других вещей. Из этой аргументации тов. Бухарина видно, что он не желает ничего понимать в том, что критикует. Каждый конкретный промышленный план есть программа хозяйственной деятельности, *где уже учтено в пределах предвидимого сопротивление частного хозяйства.* Но чтобы учесть это сопротивление, надо предварительно знать, что же является оптимумом промышленного развертывания. Прежде чем отступать, надо знать, отчего же делается отступление. Вообще метод анализа хозяйства, его тенденций развития и его закономерностей, метод об'яснения явлений хозяйственной жизни за определенный период времени не есть еще рецепт для составления, скажем, хозяйственного плана на данный год. Но этот метод может много помочь при решении и этой практической задачи. Если мы составляем, например, план хозяйства на будущий год за полгода, т.-е. когда мы не знаем размеров предстоящего урожая и многих других нужных цифр, мы оперируем средними цифрами, мы готовим два варианта: на средний и на плохой урожай. Есть ряд и других переменных величин, которые учесть заранее нельзя. Но зато, зная тенденции развития государственного хозяйства, можно учесть, какова была бы продукция его при условии *максимально-благоприятного соотношения государственного хозяйства с частным.* С другой стороны, знание того, в каком направлении стихийно прет частное хозяйство на основе его внутренних тенденций, позволяет предвидеть наиболее важные пункты сопротивления частного хозяйства. В конце концов нельзя же алгебру экономического анализа тенденций, лежащих в основе двух секторов нашего хозяйства, принципиально противопоставлять арифметике конкретных цифр данного конкретного плана или цифрам конкретного хозяйственного года после его окончания. А аргументация тов. Бухарина, если из нее выбросить элементы недоразумений или сознательного непонимания, и балансирует в сущности в рамках этого противопоставления.

Таким образом, утверждение Бухарина насчет того, что я рекомендую абстрагироваться от частного производства и в том числе от крестьянского хозяйства вообще, абсолютно неверно, потому что дело идет лишь об абстрагировании на определенной стадии исследования от кон'юнктурного сопротивления частного хозяйства, т.-е. дело идет, следовательно, об анализе основных тенденций, а не о работе по конкретной экономике, не об изучении того или другого хозяйственного года. Не могу принять также рекомендуемый Бухариным метод отвлечения от внешней торговли. И не потому, что отвлечься от нее при конкретном исследовании значит отвлечься от текстильной, резиновой, шерстяной, кожевенной промышленностей, работающих в значительной части на иностранном сырье, не говоря уже о проблеме восстановления основного капитала промышленности на основе импорта оборудования. Хотя я должен заметить моему критику, что, если он напоминает мне насчет роли урожая при составлении промышленного плана, то с его же собственной точки зрения такое отвлечение является невозможным, потому что без плана экспорта и импорта также никакого промышленного плана составить невозможно, однако я не желаю участвовать в его путанице [1]) и отклоняю его предложение по другим мотивам. Отвлечься от внешнего рынка значит отвлечься от наших взаимоотношений с мировым хозяйством, значит отвлечься от совершенно исключительных ценностных взаимоотношений с ним, от неэквивалентного обмена, от монополии внешней торговли, от почти запретительных таможенных тарифов, насилия, на котором буквально висит все наше промышленное развитие в период предварительного социалистического накопления. Это как раз и значило бы отвлечься от основных условий нашего существования, чего я не делаю сам (вопреки пред'являемым мне обвинениям) и чего другим исследователям не рекомендую делать.

Мой критик упрекает меня далее в том, что я говорю только о *борьбе* двух секторов хозяйства, но не замечаю их сотрудничества, не замечаю единства всей нашей хозяйствен-

---

[1]) Путаница заключается в том, что т. Бухарин смешивает метод составления *конкретного* хозяйственного плана с методом изучения *основ* данной хозяйственной системы. Это ведет к смешению структурных противоречий и их динамики с столкновениями кон'юнктурного типа.

ной системы. Это очень важный пункт моего расхождения с тов. Бухариным и довольно многочисленными его единомышленниками. Сюда же я отношу уже отчасти рассмотренное нами утверждение тов. Бухарина насчет того, что социалистическое накопление неправильно противопоставлять закону ценности.

Начнем с последнего пункта. В основе утверждения Бухарина лежит тот элементарный факт, что наша промышленность, реализуя свою продукцию в условиях рыночного обмена и получая большую часть своего сырья также с рынка, в состоянии, *при данном уровне цен*, накоплять. Прекрасно. А что же лежит в основе этого элементарного факта? В основе его лежит другой, гораздо более тревожный для нас и также элементарный факт, а именно то, что теперешние цены нашей продукции в среднем вдвое выше заграничных. Мы накопляем при этих ценах только потому, что насильственно, на основе борьбы с мировым законом ценности, принудительно прикрепляем к нашей технически-отсталой промышленности наш внутренний рынок, тогда как экспортируемые продукты крестьянского хозяйства продаем по ценам мирового рынка, а программу импорта вынуждены подчинять задаче накоплений основного капитала и восстановления в натуральной форме оборотного. Выходит, что мы накопляем не на основе, не параллельно с действием закона ценности, а на основе отчаянной борьбы с ним, которая в области социальной означает нарастание классовых противоречий с экспортирующими группами деревни, т.-е., главным образом, с ее зажиточными слоями. Это противоречие будет расти по мере отставания промышленности от земледелия и будет сглаживаться только по мере того, как мы будем успешно осуществлять техническое переоборудование нашей промышленности и транспорта. Не видеть за нашим жалким внутренним товарооборотом огромного и грозного силуэта мирового рынка; не видеть тонкости той стены, которая отделяет эту громаду от стомиллионной громады нашего крестьянского населения; не видеть напряженности всей ситуации и непрерывной борьбы одной системы с другой, значит практически усыплять бдительность одной из борющихся сторон, т.-е. рабочего класса, значит держать его в потемках насчет угрожающих ему опасностей, значит потемкинскими деревнями детского оптимизма

расслаблять его волю в тот период, когда ему нужно продолжение геройской октябрьской борьбы, но теперь уже со всем мировым хозяйством, на хозяйственном фронте, теперь уже под лозунгом быстрейшей индустриализации страны. Но все это означает также — да будет мне прощена горькая правда моих слов—такую обывательщину мысли, такое теоретическое поглупение, что, прочтя строки бухаринского фельетона о гармонии между законом ценности и социалистическим накоплением, я невольно подумал: «А не ведет ли тов. Бухарин, параллельно со своими теперешними официальными писаниями, особого дневника для потомства и, в частности, не написал ли он в нем по поводу только что приведенной его «мысли»: «Все это, конечно, вздор но требовалось по кон'юнктурным соображениям».

В нашем хозяйстве есть, конечно, известное единство, известная кооперация двух секторов хозяйства. Но ни этого единства, ни этой кооперации нельзя понять правильно, если не сделать осью исследования борьбу социалистического сектора с частным хозяйством, особенно с мировым, особенно с капиталистическими и кулацкими кадрами этого хозяйства внутри, а также с кадрами, перерастающими в кулацкие. Если же брать только наши внутренние отношения с частным хозяйством, то, разумеется, мы здесь имеем и борьбу и сотрудничество, особенно если проведем грань между частным капиталом и кулацким хозяйством, с одной стороны, и между беднотой и середняком деревни, с другой. Но, во-первых, даже наше сотрудничество с беднотой и средним крестьянством есть лишь особая форма борьбы за социализацию сельского хозяйства. На этот счет в аграрной части нашей программы есть достаточно отчетливая формулировка. А, во-вторых, не надо забывать вынужденного характера нашей кооперации с частным хозяйством. В тюрьме есть тоже кооперация. А разве мы не находимся в некотором роде в концентрационном лагере вместе с капиталистическими элементами нашей экономики? Мы одновременно и тюремщики и сами заключенные. Мы заключенные, потому что отделены тюремной стеной времени от мировой социалистической революции, к которой тянется всеми своими фибрами социалистический сектор нашего хозяйства. Мы—тюремщики, потому что отделили стеной нашей монополии внешней торговли, таможен-

ной системой, плановым импортом и, следовательно, принудительными внутренними ценами наше частное хозяйство от мирового частного хозяйства, к которому первое рвется прежде всего своими капиталистическими звеньями. Правда, среднее крестьянство нейтрально в этой борьбе, за известными исключениями, но это значит, что оно не столько активный участник борьбы на той или иной стороне, сколько арена для борьбы двух враждебных систем. Мы не говорим уже о том, что ориентация части среднего крестьянства в сторону кулацкого типа хозяйства означает его борьбу с социализмом, а кооперирование середняка есть лишь одна из форм борьбы социализма с частным хозяйством вообще.

Еще два слова насчет моего ужаснейшего криминала, о котором тов. Бухарин закричал так громко, что я даже сам испугался, пока не понял, о чем собственно идет речь. Оказывается, мое преступление состоит в том, что я, не предупредив публику, заменил три строки второй главы своей работы при издании всей книги. Вообще говоря, автор может улучшать свою работу при всякой возможности и не обязан о всех изменениях извещать читающую публику. Криминал был бы в том случае, если бы он, отвечая на полемику *с первым текстом* своей работы, ссылался бы без предупреждения *на исправленный текст.* В данном случае ничего подобного не было. В указанном месте своей работы я сделал следующее. Вместо указания на слабую емкость крестьянского рынка, как на препятствие для накопления, я указал в качестве фактора, ограничивающего накопление, необходимость понижения цен в качестве программной нашей задачи, потому что эта формулировка подчеркивает нашу связь с мировым хозяйством. Разрыв наших цен с мировым так велик, что весь период первоначального социалистического накопления будет заполнен их выравниванием по мере технического переоборудования нашей промышленности, при чем к этому выравниванию мы будем вынуждены в одни годы прежде всего недостаточной емкостью крестьянского рынка и на протяжении *всех лет* будем вынуждены общим соотношением наших цен с ценами мирового хозяйства. Если тов. Бухарину очень нравится занятие по сравнению моих текстов и он считает это занятие очень продуктивным, я рекомендую ему

сравнить текст второго издания с первым. Изменения есть и здесь, но перечислять их я считаю лишним.

Практика является последней апелляционной инстанцией, которая решает вопрос насчет верности или неверности той или иной теории, того или иного теоретического спора. Центральной практической идеей настоящей книги является проблема накопления в государственном хозяйстве. Дальнозоркость моих оппонентов лучше всего проявилась в том, что самую постановку этой проблемы они сочли покушением на рабоче-крестьянский блок. А теперь Госплан, составлявший свои хозяйственные программы вне наших споров, на основании об'ективных фактов (на которые, кстати сказать, оказала влияние и наша конкретно-экономическая политика прошлых лет), предполагает увеличение производства промышленности на 1926—1927 г. на 13—15%, а на 1927—1928 г.— значительно меньше. И это в обстановке растущего аграрного перенаселения и растущего товарного голода, который в 1925—26 г. измерялся в 380 млн. дефицита на товары, а в 1926—27 г. ожидается в размере 500 млн. Препятствием же к более быстрому росту промышленности является не отсутствие рабочих сил, не отсутствие платежеспособного спроса, а прежде всего недостаток основного и оборотного капиталов, включая сюда и недостаток импортных возможностей.

Эти размеры промышленного недопроизводства, устанавливаемые Госпланом, подводят в некотором отношении итоги нашим спорам и превращаются в огромную единицу, которую история ставит теоретической прозорливости моих оппонентов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О МЕТОДЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Почему мы ставим вопрос о методе изучения советского хозяйства? Разве не является самой собой разумеющимся, что мы должны изучать наше хозяйство, руководствуясь марксистским методом?

Вопрос этот приходится ставить вот почему. Разумеется, не может быть ни малейшего сомнения в том, что при изучении нашего хозяйства мы можем, должны и будем держаться общих основ марксистского метода, поскольку дело идет о методе диалектического материализма вообще и в частности об общесоциологическом методе Маркса. Наоборот, поскольку дело идет о методе, применявшемся Марксом в его политической экономии, т.-е. поскольку дело идет о методе изучения производственных отношений чистого капитализма, мы обязаны поставить методологическую проблему, потому что самый материал исследования существенным образом меняется. Меняется материал исследования, раз дело идет об исследовании не только закономерностей капиталистического развития, но и закономерностей капиталистической деградации, отмирания капиталистических отношений производства, когда дело идет, наконец, об анализе закономерностей новой экономики, сменяющей капитализм и носящей все следы экономики смешанного, переходного типа. Маркс исследовал в «Капитале» *классический капитализм;* нам предстоит исследовать, вероятно, не совсем классический, возможно, даже совсем не классический, но тем не менее живой, реальный и исторически *первый* опыт конкретной товарно-социалистической системы хозяйства. Лишь в одном случае проблема метода не стояла бы перед нами, а именно, если бы мы исходили из той предпосылки, что метод исследования, примененный Марксом в «Капитале», есть *только* общесоциологический метод исторического

материализма, либо что в «Капитале» дано такое применение метода исторического материализма, которое целиком и полностью, без малейших изменений и вариаций, применимо к изучению любой системы хозяйства, как существовавшей до товарного хозяйства, так и сменяющей товарное хозяйство. Но такая точка зрения, в свою очередь, предполагает, в качестве молчаливой логической предпосылки, что теоретическая политическая экономия есть не только наука, изучающая лишь исторически определенную, а именно товарную и товарно-капиталистическую систему отношений производства, но и наука о производственных отношениях людей *вообще*. Мы знаем, что среди марксистов есть немногочисленная группа сторонников именно такой точки зрения, что было демонстрировано в частности на докладе И. И. Скворцова, в Коммунистической Академии, «О предмете и методе политической экономии». Однако нужно считать фактом, совершенно неопровержимым и лишний раз доказанным прениями по докладу т. Скворцова, что такой взгляд на политическую экономию полностью противоречит всему тому, что сам Маркс писал о предмете и методе политической экономии, противоречит всей его теории капиталистического хозяйства, данной в «Капитале» и других работах, и опирается, если говорить об основателях научного коммунизма, лишь на две—три неточных формулировки Фридриха Энгельса.

Но если считать установленным, что Марксова политическая экономия есть наука о товарной и товарно-капиталистической системах хозяйства, то тем самым мы вплотную подходим к следующему вопросу, а именно к вопросу о том, есть ли в методе, примененном Марксом в «Капитале», некоторые специфические элементы, связанные с особенностью самого материала научного исследования, или нет. Если окажется, что такие элементы есть, то возникает дальше вопрос о том, какие из этих элементов сохраняются и какие отпадают или нуждаются в вариациях при переходе к анализу такой системы хозяйства, которая исторически сменяет капитализм, если не говорить о необходимости вариаций уже при анализе и самого капитализма в монополистической стадии и в период его распада.

Совершенно очевидно, что мы не можем ответить на все поставленные только что вопросы, если не остановимся в не-

многих словах на методе Марксовой политической экономии как раз в интересующем нас аспекте. После этой методологической экскурсии нам будет легче разобраться и в вопросе о методе теоретического анализа советской экономики.

МЕТОД МАРКСОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Для понимания метода, примененного Марксом в «Капитале», мы располагаем, с одной стороны, рядом прямых методологических формулировок Маркса, разбросанных среди его работ, с другой стороны, конкретными исследованиями, где применение этого метода показано на деле.

Затрагивая вопрос о методе, Маркс неоднократно пытался выяснить разницу в применении метода материалистической диалектики в зависимости от конкретного материала исследования. Он указывал на то, что, например, изучение явлений природы в тех случаях, когда нельзя наблюдать явление в чистом виде, может происходить путем организации экспериментов, обеспечивающих такое наблюдение. Наоборот, «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» (предисловие к «Капиталу»). Здесь Маркс дает первое большое подразделение материала исследования, к которому мы подходим с диалектическим методом, т.-е. деление на природу и на человеческое общество. По отношению к общественным процессам, которые нельзя повторить или воспроизвести искусственно, он считал необходимым замещать возможные результаты эксперимента силой абстракции. В сущности говоря, метод исторического материализма есть в высокой степени абстрактный метод исследования, потому что в едином комплексе социального организма, где непосредственные отношения в процессе производства теснейшим образом переплетены с тем, что принято в марксистской терминологии называть «надстройкой», марксист начинает анализ с трансформирующего центра всех изменений и всего движения, т.-е. с экономики, отделяя ее силой абстракции на определенной стадии исследования от всего прочего.

Но разница в применении метода не ограничивается только этим. Когда базис абстрагирован от надстройки, когда мы приступаем к исследованию этого базиса, в данном случае к

исследованию товарно-капиталистического хозяйства, то самый материал исследования, специфическая особенность закономерностей именно капиталистической системы требует у нас дальнейшего напряжения силы абстракции. Дело в том, что закономерности в развертывании капиталистического способа производства имеют свои особенности. Для того, чтобы уловить основной диалектический закон развития капиталистического хозяйства и его равновесия вообще, нужно, во-первых, подняться над всеми теми явлениями конкретного капитализма, которые мешают понять эту форму и ее движение в наиболее чистом виде. Маркс пишет об этом: «В теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности всегда имеется налицо лишь некоторое приближение, но приближение это тем больше, чем развитей капиталистический способ производства, чем меньше он искажается и «осложняется» пережитками прежних экономических состояний»[1]).

Следовательно, для понимания законов капитализма необходимо конструировать понятие чистого капитализма, что Маркс и делает в «Капитале». Но этого мало. Здесь в применении абстракции еще нет наиболее характерной разницы между общесоциологическим методом Маркса и методом его политической экономии. Разница начинается дальше, когда как раз при анализе этого чистого капитализма вскрываются такие особенности этой структуры хозяйства, которые требуют абстрактно-аналитического метода, адэкватного особенностям материала исследования. Капитализм — это система хозяйства, которое, с одной стороны, является единым, цельным организмом, со взаимной связью и взаимозависимостью всех своих частей, а, с другой стороны, неорганизованной системой хозяйства, в котором равновесие достигается чисто стихийным путем и в то же время, а также и благодаря всему этому, отношения между людьми овеществлены, материализированы. Суть вещей и форма их проявления не совпадают. Имманентные законы развития и равновесия системы пробивают себе дорогу через массу случайностей, встречных тенденций и могут быть уловлены лишь на основании глубокого критического и притом абстрактного анализа основного закона системы и форм его проявления, т.-е. путем установле-

[1]) *Маркс*, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 153, перевод Степанова.

ния закона ценности, этого закона саморегулирования капиталистического механизма. Чем более чистым мы представляем себе капитализм, чем отчетливей нам делаются все имманентные законы его развития и равновесия, тем очевидней, с другой стороны делается нам как раз особенность самого *типа* закономерностей капиталистического хозяйства, конкретный смысл самого слова «закон» применительно к этой форме. «Вообще при капиталистическом производстве всякий общий закон осуществляется лишь как господствующая тенденция, весьма запутанным и приблизительным образом, как некоторая средняя постоянных колебаний, которая никогда не может быть точно установлена»[1]). Очень важно отметить, что Маркс говорит здесь о запутанности и приблизительности проявления какого-либо закона не применительно к конкретному капитализму, где все это может быть вызвано искажающими влияниями других экономических форм, например, пережитками феодализма. Нет, Маркс говорит как раз о чистом капитализме, о капитализме вообще, для анализа которого нужна *вторая ступень* абстракции. Можно представить себе капитализм в стадии, когда он охватил все мировое хозяйство и в сфере производства имеет лишь два класса: капиталистов и рабочих, а в то же время понимать законы капитализма в духе вульгарной экономии, т.-е. выдавая за науку фотографические снимки обывательского сознания с овеществленных отношений товарного производства. Как раз анализ *чистого* капитализма обнаруживает тоже в наиболее *чистом* виде эту специфическую черту закономерности в товарном хозяйстве, которая присуща лишь неорганизованному и в то же время единому и связному хозяйственному комплексу. А отсюда и особый методологический подход к изучению хозяйства этого типа. Только методом абстрактно-аналитической диалектики и только исходя из концепции закона ценности, можно прослеживать весь этот архизапутанный для исследования и сложный комплекс. По отношению к экономическим формам, где *еще* не действует закон ценности, а также по отношению к форме, где он *уже* не будет действовать, не нужна та вторая ступень абстракции и то осложнение методологических приемов, которые характерны для Марксовой политической экономии, характерны для «Капи-

[1]) „Капитал", т. III, ч. 1, стр. 139, перевод Степанова.

тала». Для пояснения этой мысли остановлюсь на одном примере. Закон отклонения цены от ценности, который является лишь формой проявления закона ценности, имманентно присущ капиталистической системе, как таковой; он вытекает из всей структуры капитализма и свойственного ему метода достижения равновесия во всей системе производства, обмена, распределения. «... Именно эта отличительная черта (т.-е. количественное несовпадение между ценой и величиной ценности. *Е. П.)* делает ее (т.-е. цену. *Е. П.)* наилучше приспособленной к современному способу производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос явлений только как слепо действующий закон средних чисел» [1]). При таких условиях только благодаря открытию закона ценности, как центрального закона товарно-капиталистической системы, удается через «беспорядочный хаос явлений» уловить закономерность всей системы и ее движения, а затем логически вывести из действия закона ценности все категории политической экономии, как научные описания тех реальных производственных отношений капитализма, которые стихийно складываются на почве действия этого закона в реальной жизни.

При этом делается вполне понятным и тот факт, почему вся эта конструкция выглядит в изложении, как априорная конструкция, хотя сам Маркс пришел к ней через критическую проработку огромного фактического материала. Только благодаря комбинированному изучению конкретных фактов с абстрактной, анализирующей работой мысли он построил свою теорию обстрактного капитализма, в которой реальный капитализм, освобожденный от всего случайного и неухарактерного для этой экономической формы, живет и движется, освещенный всеми цветами радуги, и в свою очередь вся конструкция бросает обратно сноп изумительно яркого света на капиталистические отношения реального мира.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Политическая экономия есть наука, вскрывающая законы развития, равновесия и отчасти законы распада товарного и товарно-капиталистического способа производства, как

[1]) „Капитал", т. I, стр. 72, перевод Степанова.

бесплановогo, неорганизованного способа производства. Антиподом товарного производства, исторически сменяющим его, является плановое социалистическое хозяйство. Но если в сфере экономического бытия товару капиталистического способа производства в хозяйстве плановом противостоит продукт, ценности—измерение рабочим временем, рынку в качестве сферы проявления закона ценности — бухгалтерия планового хозяйства, прибавочной ценности — прибавочный продукт, то в сфере науки политическая экономия уступит свое место социальной технологии, т.-е. науке о социально организованном производстве.

«Политическая экономия не есть технология», говорил Маркс во введении к критике политической экономии, подчеркивая этим, что политическая экономия имеет прямой и непосредственной своей задачей анализ не отношений человека к природе, а отношение людей друг к другу в процессе производства (как они складываются в товарном и товарно-капиталистическом хозяйстве). Но тем самым политэкономия и не есть социальная технология. Она изучает лишь производственные отношения стихийно-неорганизованной формы хозяйства, с присущими *только этой форме* типами закономерностей, с типами закономерностей, как они проявляются на основе действия закона ценности. Проявляются же здесь закономерности таким образом, что результат действия закона совершенно не совпадает с целями, планами, желаниями и ожиданиями агентов производства, поскольку они калькулируют лишь в пределах весьма ограниченного экономического поля и по самому существу всей системы не могут никогда предвидеть, к чему приведут по своим конечным об'ективным последствиям во всем хозяйстве их разрозненные действия, их разрозненные стремления, их несогласованные планы. И знание законов капиталистического производства и обмена, очень важное для понимания того, что произойдет в производстве при тех или иных условиях, не может устранить господства вещей над людьми там, где в сфере *бытия* существуют и действуют производственные отношения именно товарного хозяйства. Если бы все капиталисты и купцы современного мирового хозяйства в совершенстве знали «Капитал» Маркса, они калькулировали бы в пределах своей сферы деятельности, вероятно, лучше и, возможно, делали бы меньше

глупостей, но не могли бы преодолеть тех последствий в хозяйстве, которые вытекают из его неорганизованности, стихийности, из отсутствия предварительного учета его возможных результатов и планового распределения производительных сил. Бытие оказывается сильнее сознания. В «Анти-Дюринге» Энгельс, высмеивая попытку Дюринга консервировать закон ценности в сфере распределения «в будущем обществе», писал: «Обмен труда на труд на основе равенства оплаты, поскольку такой обмен имеет какой-либо смысл, следовательно, обмениваемость продуктов одинакового общественного труда друг на друга, следовательно, закон ценности является *основным законом именно товарного производства,* тем самым и высшей формы последнего—капиталистического производства. Этот закон проявляется в современном обществе так же, как проявляются все экономические законы при системе частного производства: как слепо действующий закон природы, лежащий в мире вещей и отношений, независимый от воли и деятельности производителей» [1]).

Спрашивается теперь, что же изменяется в этом отношении при переходе общества к вполне организованному, плановому социалистическому производству? Подчинена ли деятельность людей здесь необходимости, существует ли и здесь также закономерность в сфере общественных отношений? Разумеется, да. Думать иначе, значило бы опрокидывать всю теорию диалектического материализма и заменять ее миросозерцанием, основанным на рецидиве философии свободной воли, если не индивидуальной, то коллективной. Если считать свободу сознанной необходимостью, то закономерность в области экономической и социальной деятельности людей продолжает господствовать и здесь, но только меняет свою форму. Закон «прокладывает себе дорогу» при плановом хозяйстве иначе, чем при неорганизованном товарном хозяйстве. Но закономерность есть и здесь, хотя бы в виду этой разницы формы и термин «закон» считали нужным заменить другим. А поскольку закономерность прокладывает себе дорогу иным способом, постольку изменяется и метод улавливания этой закономерности. Варьирует метод вследствие изменения материала исследования, одна социальная наука

[1]) *F. Engels.* Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, Stuttgart, 1920 г., стр. 339.

сменяет другую при переходе к исследованию этого изменившегося материала.

Посмотрим более конкретно, в чем меняется материал исследования и почему политическая экономия должна уступить свое место другой науке. На эту тему мы находим в «Анти-Дюринге» Энгельса следующую классическую формулировку, которую и он и Маркс повторяли не раз в других местах и которая в значительной ее части нередко понимается упрощенно, если не сказать вульгарно. Я имею в виду знаменитую фразу насчет «прыжка в царство свободы».

«Вместе с обобществлением средств производства устраняется товарное производство и вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства сменяется планомерной сознательной организацией. Прекращается индивидуальная борьба за существование... Совокупность жизненных условий, окружавших человека и господствовавших над ним, подпадает теперь под господство и контроль людей, которые только теперь впервые делаются сознательными, действительными господами природы, так как они и поскольку они делаются господами условий их собственной общественности. *Законы их собственной общественной деятельности, которые им противостояли до сих пор, как чуждые* и господствующие над ними *законы природы, применяются* (angewandt) *с полным знанием их сущности и тем самым покоряются.* Общественные условия существования самих людей (Vergesellchaftung), которые противостояли им до сих пор как дар природы или истории, делаются теперь продуктом их собственной свободной деятельности. Об'ективные, чуждые силы, которые до сих пор господствовали над обществом, вступают под контроль самих людей. Только теперь могут люди вполне сознательно делать свою историю, только теперь приведенные ими в действие общественные силы преимущественно и во все растущем масштабе будут иметь желательные для людей результаты. Это будет скачком человека из царства необходимости в царство свободы» [1]).

В связи с этим вопросом полезно вспомнить также, что говорил Маркс о свободе и необходимости в области экономики.

[1]) „Анти-Дюринг", то же немецкое издание, стр. 306.

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется его царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над нами; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адэкватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвесть лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня—основное условие» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 357).

Из этих формулировок Энгельса и Маркса читатель может видеть, что ни Энгельс, ни Маркс не говорят о ликвидации «законов общественной деятельности» людей, хотя конкретно исторический закон ценности, т.-е. закон, определяющий деятельность агентов производства в неорганизованном товарном обществе, и прекратит свое существование вместе со всем этим типом производства. А Маркс, кроме того, делает крайне важное замечание о том, что при социализме как раз рост потребностей должен увеличить рост необходимости, т.-е. в данном случае рост экономической необходимости их удовлетворения. При социализме, а затем коммунизме законы применяются, используются людьми, и в этом смысле люди ими овладевают. Но овладеть можно лишь тем, что есть: овладеть силой пара, овладеть стихийным дей-

ствием законов природы вообще, это не значит уничтожить эти законы. Это значит лишь направить их действие по желательному руслу. Хотя, само собой разумеется, овладеть «законами своей собственной общественной деятельности» значит в то же самое время серьезнейшим образом изменить форму проявления этих законов. В этом и состоит разница между законами капиталистического производства и социально-экономическими закономерностями планового социалистического хозяйства. Детерминизм господствует и здесь, но формы обусловленности, формы причинности другие. Поясним это на наиболее простом и типичном примере, где наиболее ярко выступает структурная разница между капитализмом и социализмом, с вытекающей отсюда разницей *в формах* закономерности.

Допустим, в какой-либо капиталистической стране имеется недопроизводство кожевенной обуви в сравнении с наличным платежеспособным спросом на этот товар на рынке. Во-первых, диспропорция обнаруживается post factum, *после того,* как повышенный спрос создался. Иначе и быть не может при отсутствии общей организации производства, учета его размеров и размеров платежеспособного спроса. Правда, капиталистическое общество вырабатывает свои палліативные способы учета будущего спроса, но они лишь смягчают неизбежные кризисные колебания, но не могут их устранить, поскольку система распределения производительных сил остается системой товарного хозяйства [1]). Повышенный спрос вызывает повышение цен на обувь, следовательно, происходит непредвиденное и несущее одним приятные, другим неприятные сюрпризы иное распределение национального дохода в сравнении с тем, каково оно было бы при равновесии спроса и предложения. За этим следует расширение производства в существующих предприятиях кожевенной промышленности, приток новых капиталов, быть может, новое строительство. Так как размеры добавочного спроса так же точно неизвестны, как неизвестен был раньше, до предупреждения со стороны рынка, факт недопроизводства, то добавочное производ-

[1]) При монополистическом капитализме, который означает рост организованности производства и обмена на капиталистической же базе, учет производства и отчасти учет платежеспособного спроса поставлены естественно лучше, чем при полной свободе конкуренции.

ство может перевалить, и чаще всего именно переваливает, через рамки добавочного спроса, полоса недопроизводства сменяется полосой перепроизводства, со следующим за ней падением цен, новым стихийным перераспределением национального дохода и капиталов между различными отраслями, и так вплоть до следующей диспропорции. Соответствие спроса с предложением оказывается случайностью, диспропорция в ту или иную сторону—правилом. Так прокладывает себе путь через действие закона ценности необходимость достижения равновесия между производством и платежеспособным спросом. Законы общественной деятельности людей в сфере производства противостоят агентам производства, как чуждые им, слепые, не контролируемые силы природы. Как для достижения равновесия при такой системе в сфере бытия нужен регулятор, присущий лишь данной системе, так и для понимания всего этого механизма и лишь ему присущих форм проявления закономерности нужны особые методологические приемы.

Посмотрим теперь, как же будет прокладывать себе путь закономерность в аналогичном случае при плановом хозяйстве. Допустим, повышение потребности на обувь имеет место при социалистическом обществе. Статистика социалистического производства учитывает его в основном еще *заранее,* на основании тех методов учета массового потребления, которые будут выработаны при этой форме производства. Рост потребностей здесь, вызванный ростом населения и другими поддающимися учету причинами, будет принят во внимание при составлении производственной программы обувной промышленности со всеми вытекающими отсюда последствиями для других отраслей. Но самый факт роста потребности в кожевенной обуви (поскольку он не поддается изменению путем сознательного влияния самого общества на замену одного типа обуви другим или само производство не вызывает сознательно *новой* потребности) *есть факт об'ективный.* Регулирующие центры хозяйственной жизни могут *приспособиться* к этому об'ективному факту, но не могут его ликвидировать, отменить. А приспособление производства к потребности в одной отрасли вызовет ряд необходимых мер в распределении рабочих сил в смежных отраслях, в том числе и таких, как производство кожевенного сырья, которое—

поскольку дело идет о животноводческом сырье — более, чем другие отрасли, зависит от природных условий. Затруднение может быть частью преодолено благодаря использованию страховых резервов распределения, которые при плановом хозяйстве всегда будут играть огромную роль. Но и в этом и другом и третьем случаях закономерность, как внешне принудительный факт, остается, но прокладывает себе путь совсем иным способом, чем в товарном хозяйстве. Она прокладывает себе путь не через рынок, извещает о своем прибытии не post factum, а прокладывает путь *предварительно*, ante factum, к *сознанию регулирующих хозяйственных органов общества*. Не цены на рынке *после производства*, а колонки цифр социалистической бухгалтерии *до производства* бьют тревогу и давят на сознание планирующих центров: они извещают руководящие хозяйственные центры о нарастании новых потребностей, а тем самым о той экономической необходимости, к которой надо приспособляться. Эта антиципация закономерности составляет как раз первую характерную черту нового, социалистического производства, отличающую его от старого. Эта отличительная черта проявляется и в том, что взаимозависимость отдельных частей производственного механизма дает себя знать также не стихийным путем, а в уравнениях пропорциональности, предварительно намечаемых госпланом социалистического хозяйства. Господство общества над производительными силами достигается в результате предвидения намечаемых мер, их последствий и тех предпосылок, которые для этого нужны. При таком приспособлении к экономической необходимости чрезвычайно увеличивается количество методов и возможностей достигнуть новой цели. Даже при тех же рабочих силах и материальных ресурсах, что и при капитализме, здесь достигается огромное повышение возможностей хозяйственного маневрирования, и уже одно только изменение *качества* экономической структуры дает возможность повысить *количество* достигаемого результата.

Но поскольку меняется форма проявления экономической необходимости и форма реакции на нее организованного общества в сфере бытия, постольку меняется и метод изучения этой необходимости и приспособление к ней и в сфере познания, и в сфере науки. С ликвидацией закона ценности

в области экономического бытия ликвидируется и старая политическая экономия. Ее место занимает теперь новая наука, наука о предвидении экономической необходимости в организованном хозяйстве и наиболее целесообразном производственном и ином достижении того, что необходимо. Это совсем другая наука, это социальная технология, наука об организованном производстве, об организованном труде, наука о системе производственных отношений, где закономерности в экономической жизни проявляются в новых формах, где нет уже овеществления человеческих отношений, где с ликвидацией товара исчезает и товарный фетишизм, где предвидение результатов экономических мероприятий и изучение того, что *будет*, занимают не менее, а скорее более важное место, чем учет их об'ективных последствий, чем анализ того, что *было* и почему *было*. Эта наука в известном смысле так же отличается от политической экономии, как рынок товарного хозяйства будет отличаться от кабинетов регулирующих социалистических органов вместе с их крайне сложной и разветвленной нервной системой социального предвидения и планового руководства.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ТОВАРНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА

Сложней обстоит дело при анализе системы хозяйства, где действует одновременно и плановое начало в тех пределах, которые вытекают из достигнутой степени организации хозяйства, и одновременно существует и закон ценности с его внешне-принудительной силой действия. Исследование хозяйства такого типа трудно прежде всего потому, что ни одна, ни другая формы производства не даны в их чистом виде. Если закон ценности, поскольку он проявляется в такой системе,—это наш старый знакомый, достаточно изученный и на примере классического капитализма, и по отношению к системе простого товарного производства, то, наоборот, плановое хозяйство—это незнакомец, который впервые выступает на историческую арену в нашей экономике и только отчасти приоткрывает нам свое лицо. Мало того. И закон ценности и плановое начало, основные тенденции которого принимают в советском хозяйстве форму закона первоначального

социалистического накопления, действуют внутри единого хозяйственного организма, противопоставленные один другому в результате победы Октябрьской революции. В итоге ни тот, ни другой закон не проявляются в их чистом виде. Пролетарское государство одновременно и руководит государственным хозяйством и руководит политикой внутренней и внешней, стремясь к сохранению данной системы, к ее укреплению, к победе в ней социалистических начал. Оно встречает при этом противодействие со стороны мирового капитализма извне, частного хозяйства—внутри. В результате линия его экономической политики, реальные результаты, достигаемые в хозяйственной области, пролегают не по линии оптимума закона первоначального социалистического накопления, а по линии некоторой равнодействующей, складывающейся в результате данного соотношения сил между социалистическими тенденциями и встречаемыми на их пути противодействующими влияниями.

Совершенно очевидно, что при таких условиях простое описание того, что есть и было, не будет наукой в настоящем смысле этого слова. Маркс говорил, что если бы форма проявления и сущность вещей совпадали, то никакая наука не была бы нужна. Это относится не только к вульгарным экономистам, описывающим лишь поверхность явлений капиталистической экономики, но является предупреждением и против всякого будущего рецидива вульгарной экономии, в том числе против вульгарного изучения советского хозяйства. Описание того, что является результатом борьбы двух начал в нашей экономике, неспособно об'яснить, почему получается именно такой, а не иной результат, неспособно дать прогнозы по отношению к будущему. Следовательно, и здесь необходимо прибегнуть к абстрактно-аналитическому методу исследования и попытаться вскрыть сталкивающиеся тенденции сначала в их чистом виде. При этом главная трудность заключается не в анализе закона ценности и даже не в тех искажениях и ограничениях действия закона ценности, которые мы постоянно наблюдаем в нашем хозяйстве. Во-первых, здесь мы знаем, *что* подвергается искажению и ограничению. Мы можем фотографию искаженного закона ценности сравнить с оригиналом. С другой стороны, мы имеем уже некоторый изученный опыт искажений закона ценности при

монополистическом капитализме, следовательно, не все возможные искажения действия этого закона являются для нас новинками и сюрпризом. Главная трудность заключается как раз на стороне закона первоначального социалистического накопления. Наиболее трудно вскрыть в чистом виде тенденции именно этого закона и потом об'яснять все ограничения, которым подвергаются присущие ему тенденции в результате действия закона ценности.

При самой попытке анализировать закон в чистом виде и проследить отклонения от него мы встречаемся со следующими затруднениями и отчасти возражениями, формулирующими эти затруднения. Во-первых: можно ли вообще говорить о законе в применении к процессу первоначального социалистического накопления и не правильней ли говорить просто о плановом начале и его действии? Во-вторых, можно ли и правильно ли методологически анализировать действия закона в чистом виде, допуская на определенной стадии исследования абстрагирование от реальной экономической политики советского государства, диктуемой и всей совокупностью политической обстановки? Наконец, в-третьих: можно ли вообще исходить из предпосылки, что в нашем хозяйстве борются два основных закона? Какой же из них является тогда единым регулятором хозяйства?

К ответу на первый вопрос мы отчасти уже подготовлены предыдущим изложением. Мы можем говорить *о законе* первоначального социалистического накопления вот в каком смысле. Законом в общесоциологическом смысле мы называем постоянство следствий при воспроизводстве относительно тех же самых причин, относительно той же самой социальной обстановки (абсолютных повторений не бывает ни в природе, ни тем более в обществе). Закон в экономическом смысле, это—постоянство следствий, вытекающее из воспроизводства определенного типа отношений производства. Пример: закон ценности начинает действовать всюду, где появляются производственные отношения товарного и товарно-капиталистического хозяйства. Допустим теперь, что в обществе начинает действовать плановое начало. Перестает ли действовать здесь закон причинности, ликвидируется ли закономерность в сфере производственных отношений? Выше мы уже ответили на этот вопрос отрицательно. Закономерность лишь

складывается иначе, она прокладывает себе пути сначала к сознанию: то, что экономически необходимо, сознается заранее, учитывается предварительно и потом приводит к организованному действию в определенном направлении. Разница только в этом [1]). Но раз новый тип производственных отношений начинает пробивать себе дорогу, то прежде всего и больше всего он должен бороться за свое существование и свое укрепление, что в нашем хозяйстве, в условиях роста капиталистических отношений внутри и при капиталистическом окружении вовне, означает бороться за свое существование путем воспроизводства социалистических отношений каждый раз *в расширенном масштабе*, с определенным, об'ективно навязываемым советскому государству *масштабом расширения*. Это—вопрос жизни и смерти для всей системы. Но бороться за воспроизводство отношений данного типа,

---

[1]) В своей „Программе по политической экономии" тов. А. Кон по вопросу о методе изучения советского хозяйства пишет: „Мы считаем, однако, необходимым категорически подчеркнуть, что, *вводя в курс теории капитализма вопрос о преломлении капиталистических законов в советской экономике*, мы не собираемся попутно с политической экономией *изучать теорию советского переходного хозяйства* или, тем паче, экономическую политику советской власти. Мы отдаем себе ясный отчет в том, что в нашей экономике сочетаются принципы причинные с принципами целевыми и что поэтому *изучение советской экономики на оси причинности невозможно*. Мы прекрасно понимаем, что при теоретическом изучении нашей экономики основные проблемы политической экономии (проблема стоимости, денег, прибавочной стоимости, дохода и проч.) в значительной степени модифицируются и оттесняются на задний план новой основной проблемой стихийных и плановых начал в нашей экономике. Мы ни на минуту не забываем, что наша экономика является переходной по самому своему существу и что по этому модифицируются даже методологические приемы исследования" (стр. 19—20).

Автор абсолютно прав, что теоретический анализ нашего хозяйства, как хозяйства особого типа в сравнении с капитализмом, требует даже модификации методологических приемов исследования, что как раз я и доказываю в этой книге. Но он не прав,—или в формулировке только, или же по существу,—когда говорит о невозможности „изучения советской экономики на оси причинности". Поскольку закон причинности остается в силе и для планового хозяйства и лишь изменяется форма его проявления, изменяется лишь форма детерминирования воли, как коллективной сознательной воли, постольку и изучение закономерностей нашей экономики, как и всякое *научное изучение вообще*, остается изучением „на оси причинности", лишь меняются методологические приемы исследования. Замечу кстати, что автору следовало бы изменить „в программе" формулировку насчет земельной ренты при советской системе, заменив утвердительное предложение вопросительным.

т.-е социалистического типа, значит бороться за увеличение средств производства, принадлежащих пролетарскому государству, во-первых, за об'единение вокруг этих средств все большего и большего количества рабочих, во-вторых, за поднятие производительности труда во всей системе, в-третьих. А это и значит бороться за расширенное воспроизводство данной системы, бороться за максимум первоначального социалистического накопления. Вся совокупность тенденций и сознательных и полусознательных, направленных к максимальному развертыванию первоначального социалистического накопления, и есть та экономическая необходимость, тот принудительный закон существования и развития всей системы, который воспроизводит постоянно свое давление на сознание коллектива производителей государственного хозяйства и снова и снова приводит их к повторению действий, направленных к достижению оптимума накопления в данной обстановке. Необходимость этих действий сознается, хотя и не всегда отчетливо [1]), но это меняет форму проявления закона, а не отменяет его. Если бы мы плохо сознавали необходимость действовать и притом действовать с возрастающей скоростью и энергией в духе накопления, нас стали бы подстегивать об'ективные факты, как рост товарного голода, рост частного накопления, угроза существованию всей системы вследствие слабости нашей промышленной и военно-промышленной базы и т. д. При таких условиях возражения против термина «закон» на основании только того, что изменяется форма его проявления, что изменяется характер, каким он детерминирует волю людей, свелись бы к филологическому доктринерству, не более.

Следовательно, мы можем говорить о законе первоначального социалистического накопления. Но мы не только можем, но и *должны* о нем говорить, если хотим научное исследование нашего хозяйства и его особенностей *продвинуть* вперед.

---

[1]) Переход к сознательно-плановому регулированию и исторически и имманентно связан с социализацией орудий производства; такое регулирование после социалистической революции *неизбежно*. Однако совсем другой вопрос в какой степени оно является „сознательным“. Если бы даже было верно, что понятие „закон“ отпадает там, где появляется сознательное управление производством, то о законе мы можем говорить как будто уже по одному тому, что сознательность и предвидение у нас еще являются довольно скромными.

Часто приводится такой аргумент против: зачем говорить о каком-то законе, когда дело идет просто о борьбе социалистического, планового начала со стихией товарного хозяйства? Это возражение человека, который упорно не желает итти в баню, находя, что и так хорошо. Я согласен, что для тех, кто не желает заниматься научным анализом нашего хозяйства и теперешней фазы развития социалистического начала в этом хозяйстве, можно и не двигаться дальше. Но каждый, кто хочет *итти вперед*, согласится, что фраза о борьбе социалистически-планового начала со стихией товарного производства ничего не говорит о своеобразии, об особенностях, о специфических чертах именно *теперешнего периода* этой борьбы. Эта фраза, сколько бы ее ни преподносили нам в разных формах, остается бессодержательной и пустой формулой, если мы не вложим в нее конкретного содержания, связанного с настоящим периодом и настоящей социально-экономической обстановкой существования государственного хозяйства. Борьбу с товарным хозяйством мы вели при военном коммунизме, ведем теперь и будем вести ее через десять и через двадцать, и надо думать, и через тридцать лет, будем вести и тогда, когда наша социалистическая промышленность подведет под себя новую техническую базу, будет составлять, быть может, район в системе социалистического производства Европы и т. д. Неужели же по отношению к столь разной обстановке, столь разным технико-производственным отношениям, столь разной системе связей организованного хозяйства с частным мы будем довольствоваться все одной и той же общей фразой, которая, разумеется, останется верна и 20 и 40 лет, но именно поэтому будет всегда достаточно бессодержательна?

Наоборот, как только мы пытаемся продвинуться от этой общей фразы к более конкретному анализу закономерностей данного периода существования нашей экономики, как только мы конкретно поставим вопрос, что же на данном историческом перегоне означает борьба планового начала с товарным хозяйством, мы сейчас же наталкиваемся на проблему первоначального социалистического накопления, на все закономерности этого процесса; познавательное содержание нашего анализа обогащается рядом обобщений, которые позволяют схватить и основные очертания имманентного закона, при-

сущего данной стадии борьбы планового начала с законом ценности, и отделить случайное от общего, второстепенное от существенного, форму проявления от существа дела.

Второе возражение методологического характера, уже высказанное некоторыми оппонентами после появления в печати второй главы настоящей книги, заключается в указании на неправильность отделения при анализе экономики советского государства от политики советского государства. Это возражение совершенно несостоятельно и бьет против общесоциологического метода Маркса, против теории исторического материализма. Отнюдь не случайно, что в своей первой капитальной экономической работе, т.-е. «К критике политической экономии», Маркс предпослал предисловие, в котором изложил свой общесоциологический метод. Своим построением о «базисе и надстройке» он обосновал свое право начать анализ капиталистического общества с «базиса», хотя бы определенная надстройка при этом всегда предполагалась, как об'ективный социальный факт. В теоретической экономии абстракция начинается уже с самого начала исследования, поскольку эта наука начинается именно с базиса. Это не умаляет роли надстройки и важности изучения этой стороны отношений людей в товарном хозяйстве; но не с этого начинается исследование. В первоначальном наброске плана «Капитала» у Маркса значился раздел и о государстве, но он предполагал перейти к этому вопросу в дальнейшем, после анализа капиталистического хозяйства в собственном смысле слова. Почему же и при *теоретическом анализе* советского хозяйства нельзя также начинать с базиса? Мои оппоненты в этом пункте, сами того не сознавая, перекочевывают от марксистского метода в лагерь известного немецкого социолога Штаммлера и его школы, а также подают руку всем другим критикам марксизма, которые нападали на теорию исторического материализма как раз за ее принципиальную методологическую постановку вопроса о базисе и надстройке. Вот что писал на интересующую нас тему сам Штаммлер. В своей работе «Хозяйство и право» он говорит, что в политической экономии невозможна чисто хозяйственная точка зрения сама по себе, независимая от совершенно определенного социального регулирования и логически им не обусловленная. Возражая против отделения в исследовании политики и

права от экономики и выступая в частности против предисловия Маркса «К критике политической экономии», Штаммлер писал: «Таким образом, правильно будет противопоставлять не хозяйственную жизнь, экономическое производство или экономическую структуру и тому подобное, с одной стороны, правовому порядку и политической надстройке, с другой, а материю социальной жизни и ее форму, как два элемента единого продукта общественного бытия человека» [1]). И еще: «Кто хочет взять в качестве непосредственного предмета своего научного исследования само социальное хозяйство, как связанное сотрудничество, тот не может выставить и обосновать ни одного социально-научного тезиса, который не предполагал бы заранее определенного регулирования социальной жизни. Всякое исследование о земельной ренте, заработной плате, проценте на капитал или предпринимательской прибыли также *зависит* от наличности конкретного правопорядка, как и все учение о деньгах, кредите, образовании цен или любая глава из политической экономии» [2]).

Я не буду приводить еще и других столь же характерных цитат. Совершенно очевидно, что оппоненты оказались в весьма неприятной для них компании видного критика марксизма с его школой с Бирманом, Дилем, А. Гессе, Р. Штольцманом, а также с российскими суб'ективными социологами, к которым они рискуют подойти еще и с другого пункта своих позиций.

Мои оппоненты приводят в подтверждение правильности своих возражений формулу, которую любил повторять Ленин насчет того, что политика есть концентрированная экономика. Они не доказывают лишь, как это для понимания концентрата можно избежать предварительного анализа того, *что* концентрируется в политике [3]). Впрочем, если им угодно начинать анализ с того, чем марксисты обыкновенно кончают, то пусть попробуют. Мы их послушаем. Я же остаюсь на почве

---

[1]) *Rudolf Stammler*, Wirtschaft und Recht. Leipzig, 1906, стр. 324.

[2]) „Wirtschaft und Recht". Leipzig, 1906 г. 2-е изд., стр. 192.

[3]) Указание на то, что у нас государство руководит социалистическим сектором хозяйства и от него неотделимо, доказывает лишь, что здесь больше трудностей для абстракции, чем при капитализме, но ни в малой мере не говорит против необходимости отделить экономику от политики *на определенной стадии исследования.*

марксизма и считаю, что надо начинать анализ с базиса, с действия закономерностей экономической жизни, а потом об'яснять и необходимость определенной политики. Именно так действовал Маркс при анализе и капиталистического *производства* и всей системы капиталистического *общества*. Отвечая на фактически делавшиеся ему и возможные возражения по отношению к «Капиталу», он в письме к Кугельману от 11 июля 1868 г. писал: «Задача науки состоит именно в том, чтобы об'яснить, как проявляется закон ценности, следовательно, если бы захотели сразу «об'яснить» все кажущиеся противоречащими закону явления, то пришлось бы дать науку раньше науки». Мои оппоненты, очевидно, считают себя сильней Маркса и находят возможным «дать науку раньше науки». Мне эта задача явно не по силам. Я подожду, пока они начнут исследование по своему методу. История будет им признательна, если они дадут «раньше науки» что-нибудь иное, кроме обыкновенной вульгарной экономии на новой почве, образчиков которой мы имеем достаточно в наших экономических журналах и газетах. Я же задаюсь скромной задачей сначала абстрагироваться от реальной экономической политики государства, которая есть равнодействующая *борьбы* двух систем хозяйства и соответствующих классов, исследовать в чистом виде движение к оптимуму первоначального социалистического накопления, вскрыть действие противоборствующих тенденций по возможности в чистом виде, а затем уже попытаться понять, почему равнодействующая реальной жизни приходит именно по данной линии, а не по другой.

Разумеется, подобного рода анализ труден постольку, поскольку сознательно проводимая экономическая политика государства представляет из себя весьма часто не реакцию на встретившиеся на практике затруднения при развертывании социалистического воспроизводства, но и продукт *учета заранее этих затруднений*, антиципации их. То, что является внешне вынужденной (вследствие сопротивления частного хозяйства) политикой, имеет вид свободно проводимых решений. Экономическая необходимость прокладывает себе путь в одеянии внешне свободного выбора линии определенной политики. Сознательными решениями регулирующих органов государства одинаково являются и решения, которые продиктованы *оптимумом* первоначального социалистического нако-

ления, и решения, которые продиктованы необходимостью *урезать этот оптимум* вследствие сопротивления частного хозяйства и классов, его представляющих. Отделить здесь оптимум в его чистом виде от реальной политики, вынужденной отступать от этого оптимума, представляет из себя задачу очень трудную. Для решения этой задачи нужен конкретный анализ всей хозяйственной и политической обстановки в каждый отрезок времени или, по крайней мере, в определенный период экономического развития. Эта трудность вытекает, следовательно, *из самого типа наших производственных отношений, из перекрещивания в них социалистических начал с началом товарного производства.* Здесь как раз мы и имеем тот пункт, где при применении общих основ марксистского метода исследования приходится модифицировать те методологические приемы, которые Маркс применял при анализе производственных отношений чистого капитализма. Именно здесь (хотя и не только здесь) мы и встречаемся с тем изменением самого материала исследования, который вынуждает нас в известном смысле переходить с почвы политической экономии на почву другой науки, которая представляет из себя переход от политической экономии к социальной технологии. Эту переходную науку еще предстоит создать коллективными усилиями наших экономистов. Эта наука должна будет подвергнуть изучению вопрос о том, как проявляются закономерности экономической жизни при смешанной, товарно-социалистической системе хозяйства, как детерминируется воля участников коллективного производства, связанного тысячами нитей с частным хозяйством, и как будут складываться отношения в частном хозяйстве, развивающемся, как частное хозяйство, или приспособляющемся к государственному хозяйству в обстановке растущего ограничения закона ценности плановым началом. Новое возникает здесь ведь не только в самом государственном хозяйстве, но отчасти и в частном, существующем в обстановке, когда так называемые *командные высоты* заняты коллективным хозяйством пролетариата. Тот методологический прием, который я применяю в настоящей работе и который состоит в попытке выделить сначала в чистом виде тенденции двух борющихся начал, двух методов распределения рабочих сил и средств производства, для об'яснения экономической равнодействующей

реальной жизни, я ни в какой степени не склонен рассматривать как единственно возможный прием. Если кто-либо из исследователей (именно исследователей, а не представителей вульгарной экономии) предложит другой методологический прием, который окажется более пригодным и более родственным самому существу нашей экономики, такую попытку надо будет только приветствовать.

Из сказанного отчасти видно, что успешное научно-теоретическое исследование нашей экономики требует, с одной стороны, более обстоятельного анализа самого понятия закона, закономерности, необходимости в условиях развертывания коллективного хозяйства, а с другой стороны—продолжения начатого в гениальных работах Ленина *социологического* анализа всей системы *советского общества*, как совершенно новой и своеобразной социальной формации. Это требует огромной, постоянно возобновляемой и постоянно проверяемой на опыте коллективной работы мысли всех наших теоретиков.

Перехожу, наконец, к третьему затруднению и третьему возражению, возникающему на базе этого затруднения. Не вытекает ли из предыдущего, что в нашем хозяйстве с его борьбой двух начал имеется почва и для двух разных регуляторов всей системы в целом? Может ли это быть вообще, и к чему тогда сводится известное единство всей системы хозяйства, как связного хозяйственного организма?

Что в нашей системе борются два начала, это есть факт, никем не оспариваемый, кроме, разумеется, тех, кто все наше хозяйство рассматривает лишь как одну из разновидностей буржуазно-капиталистической экономики. Но если в едином хозяйственном организме имеется в наличности борьба двух начал, как антагонистическая форма движения вперед всей системы, свойственная диалектическому процессу развития вообще, то вопрос надо ставить не так: может ли быть при таком положении два регулятора, а может ли *не* быть двух регуляторов. Единой может быть лишь каждый данный момент *равнодействующая* двух борющихся сил, реально складывающееся в каждый данный момент распределение труда и средств производства между системами и рыночная форма связи между ними, больше всего меняющая свое *содержание* как раз на противоположных полюсах хозяйственного целого.

Если каждое начало борется за преобладание во всей системе, тем самым оно борется за тот тип регулирования, который органически свойственен данной системе производственных отношений, взятой в ее чистом виде. Поясним это на таком примере. Допустим, в нашем хозяйстве возобладали бы товарно-капиталистические отношения, что в сфере политики означало бы неизбежно ликвидацию диктатуры пролетариата, а в сфере экономики—свободное развертывание товарно-капиталистического регулятора хозяйства, т.-е. закона ценности. Распределение общественного труда и средств производства складывалось бы тогда так, как оно складывается всегда при действии закона ценности, т.-е. произошла бы такая перестановка рабочих сил и средств производства, которая *лучше всего стихийно воспроизводит товарно-капиталистические отношения.* С ликвидацией монополии внешней торговли произошла бы ликвидация одних предприятий, развертывание других, при уменьшении индустриализации страны в целом, и весь этот процесс был бы стихийно подчинен задаче воспроизводства капиталистических отношений внутри страны и в тех капиталистических странах, которые увязались бы в весь этот процесс буржуазной реконструкции нашего хозяйства. Теперешняя промышленность СССР и существующие пропорции в хозяйстве, в частности, распределение производительных сил между тяжелой и легкой промышленностью, между городом и деревней, самым существенным образом изменили бы свой облик. Спрашивается, присуща ли нашему частному хозяйству, во-первых, и капиталистическим странам—во-вторых, (усиленно добивающимся в качестве своей программы-минимум ликвидации монополии внешней торговли и социалистического протекционизма), тенденция, давление в этом направлении? Разумеется, да. А если да, то им присуще стремление к *своему* типу регулирования, который и пробивает себе дорогу всюду там, где не встречается с противодействием, идущим из другого сектора хозяйства.

Теперь об этом секторе, т.-е. о государственном хозяйстве. Если бы оно получило максимум возможностей к перестройке всей системы, прежде всего благодаря победе пролетарской революции в Европе, то, разумеется, при оформлении социалистических отношений, как полностью и безусловно господствующего типа во всем хозяйстве, не только

победило бы плановое начало, как метод организации и руководства хозяйством, но пропорции в распределении труда и средств производства были бы существенно иными как в сравнении с теперешним положением, так тем более в сравнении с тем положением, которое получилось бы в результате победы капиталистической формы и при действии именно закона ценности, как единого регулятора хозяйства.

Но если это так, то спрашивается теперь, тогда, когда социалистический сектор ведет борьбу за свое существование и развитие, проявляется ли с этого конца действие другого регулятора, пытающегося подчинить себе всю систему, иначе ее переконструирование, а для этого собирать все больше и больше ресурсов для организации труда по-новому и вокруг все более и более растущих количественно и повышающихся качественно средств производства? Безусловно, да. И теперь только надо более отчетливо уяснить себе, в чем состоит действие того закона, в котором концентрируется и в котором находит свое выражение весь этот процесс.

Допустим на минуту, что мы с известного момента имеем в нашей системе хозяйства, взятой в целом, не процесс расширенного воспроизводства, а процесс простого воспроизводства. При таком положении, несомненно, сфотографированное, допустим, в 1926 году распределение производственных сил и многое другое в экономике страны имело бы иной вид, чем при теперешнем положении, когда система находится в движении, когда мы имеем дело с расширенным воспроизводством и в государственном, и в частном хозяйстве. Но в чем же состояло бы это изменение? На этот вопрос мы отчасти можем ответить по аналогии с распределением производительных сил при простом и расширенном воспроизводстве в капиталистическом хозяйстве. Читавшие 2-й том «Капитала» знают, что Маркс дает там сначала схему распределения производительных сил при простом воспроизводстве, а затем— схему распределения при расширенном. При той же общей сумме капитала во всем хозяйстве пропорции распределения внутри каждого подразделения на $c+v+m$ [1]) и между обоими подразделениями тогда совсем иные. Они как бы выстроены в боевом походном порядке, в них фотографируется пропор-

---

[1]) В том числе и деление m на фонд потребления и фонд накопления.

циональность динамики расширенного воспроизводства. В нашем хозяйстве, при расширенном воспроизводстве в государственном хозяйстве и частном, расстановка производительных сил, пропорции между социалистическим сектором и частным, а также пропорции между отраслями социалистического сектора не только должны быть иными в сравнении с простым воспроизводством, но они иные и в сравнении с пропорциями расширенного капиталистического воспроизводства при данном уровне индустриализации и неизбежно иные каждый данный год в сравнении с предыдущим. Каждый новый год для государственного хозяйства, если оно находится в состоянии развития, означает: 1) абсолютное увеличение производства в сравнении с предыдущим, 2) относительное возрастание его в сравнении с ростом частного производства, и 3) каждый раз иную расстановку сил внутри его самого, вызываемую как раз пропорциональностью расширенного социалистического воспроизводства данного года. Но закон, который регулирует весь этот процесс: и перегруппировку, и нарастание социалистических отношений производства, и перекачку ценностей из частного хозяйства, и есть закон первоначального социалистического накопления. В каждый данный год он принудительно диктует нам внутри всего государственного хозяйства такое распределение производительных сил, которое антиципирует распределение их и для *будущего* года и отчасти на несколько лет вперед. Достигнутая уже государственным хозяйством степень организованности, как бы она ни была скромна вообще и насколько бы ниже она ни была *уже имеющихся об'ективных возможностей* для такой организованности, во-первых, и самый характер наших капитальных работ, особенно нового строительства, во-вторых, требуют в каждом данном году таких перегруппировок производительных сил, которые частично предвосхищают пропорции в хозяйстве будущих лет. Иначе мы в 1926 г. будем создавать неизбежно для 1930 г. и товарный голод, и разрыв равновесия между нашим хозяйством и мировым, и разгром, в интересах частного хозяйства, наших импортных планов, подчиненных задаче индустриализации страны, и т. д. То, что Госплан уже перешел к выработке пятилетнего плана, не есть случайное обстоятельство. Такое углубление планирования не только есть наше завоевание, но и настоятельнейшая необходимость, кото-

рая диктуется коллективному хозяйству прямо как внешне принудительный закон. Октябрьская революция имеет на этом фронте борьбы свою логику. Но если переход к такому планированию неизбежен, и мы *не можем, это не в нашей власти, от него отказаться* или увильнуть, раз мы социализировали промышленность и транспорт (иначе в Октябре не надо было браться за оружие), то отсюда с неизбежностью вытекает уже в 1926 г. такая группировка производительных сил *внутри* государственного хозяйства, которая не только должна отвечать запросам всего хозяйства в целом для данного года, но и предвидеть по возможности пропорции воспроизводства за несколько лет, чего капиталистическое хозяйство не может делать в таком размере и в такой форме по самой своей структуре. Если мы отчасти вытесняем спасительное для неорганизованного хозяйства действие закона ценности и с его минусами и с его *плюсами,* мы должны соответственно заместить регулирующую деятельность этого закона другим законом, имманентно присущим государственному хозяйству на данной стадии его развития, законом первоначального социалистического накопления.

Но если этот закон диктует нам определенные пропорции внутри государственного хозяйства, *расходящиеся* с теми пропорциями, которые диктуются рыночной обстановкой *данного года,* то точно так же определенный размер всего процесса расширенного воспроизводства с его количественной стороны, следовательно, об'ективно необходимый минимум накопления материальных ресурсов (и за счет собственных ресурсов государственного хозяйства, и за счет перекачки части прибавочного продукта в социалистический сектор из хозяйства частного) также *принудительно* диктуется нам со стороны определенных *пропорций.* Мы можем за пределами этого минимума иметь известное свободное поле для маневрирования, но недостижение минимума будет бить нашу систему в форме кризиса недопроизводства, что мы имеем налицо в 1925 и 1926 г.г. А этот кризис, вызывая рост частного накопления вследствие роста розничных цен, ослабляет наши позиции в борьбе с буржуазными элементами нашего хозяйства и является опасным и для валюты, и для реального уровня заработной платы, и опасным политически. А все это в целом, с точки зрения рассматриваемой здесь проблемы, го-

ворит за то, что закон первоначального социалистического накопления является регулятором и с этого конца. *Непонимание того, что такой закон есть, что он имеет принудительный характер для государственного хозяйства и влияет на частное, не только есть теоретическая ошибка, не только упрямство мысли, консервативность, но и вещь опасная практически, опасная с точки зрения борьбы всей нашей системы коллективного хозяйства за ее существование.*

Я должен с особенной настойчивостью подчеркнуть опасность теоретической отсталости на этом пункте потому, что с централизацией всего государственного хозяйства и руководства им предвидение играет для развития нашей системы и ее сохранения совершенно исключительную роль, несравнимую с ролью предвидения при стихийном типе регулирования. А отсюда и огромная не только научная, а прямо *производственная* роль правильной теории советского хозяйства. Когда в капиталистической стране в парламенте идет непрерывная болтовня и склока, когда в сфере науки каждый приличный буржуазный экономист и финансист, гуляя по поверхности хозяйственной жизни, считает долгом щегольнуть парадоксами своего собственного изобретения, чтобы чем-либо отличиться от других, то подобную роскошь и в управлении, и в науке буржуазное общество может себе позволить *потому, что функцию регулирования хозяйства умней и надежней всех его политиков и профессоров, взятых вместе, выполняет закон ценности.* Не только своекорыстные классовые интересы буржуазии (что так ярко доказал Маркс), но и сама *структура* капиталистического производства низводят экономическую науку в лучшем случае до роли фотографического аппарата текущей кон'юнктуры, либо ее терпят в качестве умной ненужности. Ошибки буржуазных экономистов очень мало могут отразиться на успехах капиталистического накопления. В нашем же хозяйстве, где роль предвидения так велика и так быстро растет, где ошибки экономической политики так болезненно изживаются всем хозяйственным организмом и так искривляют движение вперед, у нас экономическая наука, у нас теоретическое предвидение, у нас правильный анализ системы хозяйства должны получить совершенно исключительное значение. И, наоборот, нам практически, хозяйственно, политически делаются опасны ошибки в сфере

экономической теории. В частности, нам вредно и даже опасно долго игнорировать в сфере теории наличие в нашей системе не «просто» социалистического накопления (чтоб констатировать этот факт, не нужно даже вульгарной экономии), а *закона* первоначального социалистического накопления, как об'ективного фактора, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Некоторые наши экономисты не могут принципиально допустить, что в нашем хозяйстве действует не один, а два регулятора. Это не плод глубокого усвоения науки теоретической экономии, а самый несомненный продукт научного предрассудка, неумение метод марксистской диалектики применять в новых условиях. Это—догматизм и педантизм, не более. Эти экономисты привыкли к анализу развитого капитализма и к концепции единого регулятора, поскольку этот регулятор при капитализме действительно является единым. И они обнаруживают не только консервативность, не только робость мысли, а вступают в противоречие с духом марксизма, с общесоциологическим и общефилософским методом Маркса, когда боятся перейти от теоретической экономии на дистанцию, хотя бы немного соответствующую тому отходу от капитализма, который проделало наше хозяйство в сфере *бытия*. Они боятся на деле показать, что политическая экономия изучает лишь исторически преходящий тип производственных отношений, что трансформация ее в другую науку после социалистической революции совершенно неизбежна, если неизбежно вообще движение вперед в сфере теории. Эта робость мысли, социальных корней которой я пока не берусь искать, и говорю только о логических, тем более непонятна, что ведь и закон ценности не свалился же сразу с неба, его действие разворачивалось вместе с развертыванием товарного хозяйства, единым регулятором он не является не только в нашем хозяйстве, но и не всегда являлся в прошлом. Разве в тот период, когда товарное хозяйство раз'едало и рассасывало цеховую систему, закон ценности не сталкивался с еще не ликвидированной цеховой системой регламентации труда? Ведь этот дуализм в прошлом, на заре развития капитализма есть факт. Почему этот факт невозможен при начавшемся отмирании капиталистических отношений?

Тем, кому нечего возразить на этот аргумент, остается, повидимому, покинуть сферу методологической дискуссии и перенести ее на другую почву, а именно заявить следующее: «Все дело в оценке удельного веса планового начала, вы его переоцениваете, мы же держимся почвы действительности». Допустим, так. Однако перехитрить в сфере логики социально-экономические последствия Октябрьской революции вряд ли возможно. Как говорится в одном веселом анекдоте, здесь «есть две возможности», и обе их мы разберем. Либо в нашем теперешнем хозяйстве в качестве регулятора действует в основном один закон, закон ценности. Но тогда каким же образом на основе этого закона, который, если понимать так, как понимал его Маркс, должен стихийно воспроизводить капиталистические отношения, может итти расширенное воспроизводство социалистических отношений, да еще при под'еме социалистического *качества* этих отношений?

Если это положение верно, то не правы ли меньшевики в их анализе нашей системы, не прав ли покойный Парвус, который считал, что хозяйство у нас вполне буржуазное, с огромными возможностями развития по американскому типу, но что рабочая власть, с ее вмешательствами в производственный процесс, является главным препятствием к развитию производительных сил хозяйства того типа, который *у нас есть* на деле, т.-е. буржуазного типа хозяйства, т.-е. регулируемого законом ценности. Если наше планирование сводится лишь к тому, чот мы улавливаем неизбежное действие закона ценности и под его диктовку пишем то, что он бы нам прописал в порядке стихийного пинка в спину и в затылок (в случае неудачного «улавливания»), то не в праве ли мы спросить: не является ли в этом случае все наше планирование, все наше «социалистическое» регулирование лишь *функцией* закона ценности? Каким же образом мы можем тогда *не* воспроизводить в расширенном масштабе именно капиталистических отношений и того распределения производительных сил, которое отвечает задаче именно капиталистического воспроизводства и в пропорциях хозяйства, и в отношениях производства? Что-нибудь одно. Или эти отношения не могут длительное время находиться во внутреннем противоречии со своим «регулятором», либо регулятор у нас не этот, или, верней, не только этот. Я думаю, что наши экономисты, с кото-

рыми я полемизирую в данном случае, будут решительно отвергать, что они стоят на вышеизложенной точке зрения, и побоятся делать такие выводы.

Но тогда остается другая возможная постановка вопроса, а именно, что у нас в нашем хозяйстве идет *борьба* двух начал, хотя бы начало социалистическое и было весьма слабо, слабей, чем в данной работе я его оцениваю. Этот факт борьбы двух начал формально все признают. Но ведь для борьбы, как известно, нужно минимум *два* борющихся суб'екта. Дуализм уже налицо. Борьба, если она действительно ведется, не может не быть борьбой за два разных *типа* организации труда, за различное распределение производительных сил, за два метода регулирования. Каким же тогда образом может отсутствовать и другой регулятор, антагонистический закону ценности? Это никак невозможно ни логически, ни на деле. А в таком случае я очень бы советовал нашим экономистам, о которых идет речь, ввести минимум «планового начала» в свои мысли и показать, как они сводят баланс в области теоретической между положением о «последовательно-социалистическом типе» нашей государственной промышленности, находящейся в стадии расширенного социалистического воспроизводства (а не в стадии расширенного раз'едания ее товарным хозяйством), и между своими упрямыми утверждениями насчет единого регулятора. Пора, давно пора подвести баланс в этом вопросе. Отделываться здесь фразой о борьбе планового социалистического начала с рынком никак нельзя. Как мы уже указывали выше, в период военного коммунизма также шла борьба планового начала со стихией товарного хозяйства, она будет вестись в какой-то мере и через 20—30 лет. Спрашивается, чем же характеризуется именно *теперешний тип этой борьбы* от того, что было 7 лет назад, и от того, что будет через 25 лет? В чем состоит, в чем выражается закономерность этой борьбы как раз со стороны социалистического сектора нашего хозяйства? Если вы отвергаете закон первоначального социалистического накопления, какую концепцию предлагаете вы?

Движущей силой капиталистического производства является стремление к прибыли, его регулятором — закон ценности. Капитализм удовлетворяет потребительские нужды общества именно через такой механизм. В частности, рабочий

получает свою долю из фонда средств потребления через продажу рабочей силы. Чем же в этом пункте отличается государственное хозяйство от капитализма? С одной стороны, оно *уже* не является производством ради прибыли, ради прибавочной ценности. С другой стороны, оно не является *еще* производством во имя и ради потребления работников государственного хозяйства и тем менее всех суб'ектов частного хозяйства. В нашем государственном хозяйстве заложено здесь внутреннее противоречие. Это противоречие связано и с его природой, и с условиями борьбы за его существование и развитие. С одной стороны, оно может быть опрокинуто, если не выполняет функции всякой исторической системы производства, если оно не удовлетворяет общественных потребностей данной эпохи; с этого конца его стимулом, подгоняющим его кнутом является потребительский нажим рабочих и крестьян, который действует и прямо, т.-е. не через механизм стремления к наибольшей прибыли, как при капитализме, и многими косвенными путями (невозможность обеспечить в нужных пропорциях обмен веществ с частным хозяйством и т. д.). Государственное хозяйство только еще нащупывает здесь, особенно внутри своей системы, лишь *ему* присущие факторы стимулирования и их организационное оформление. С другой стороны, оно может опрокинуться в своем подвижном равновесии, если необходимая пропорция расширенного воспроизводства, диктуемая всей хозяйственной обстановкой, не будет гарантирована достаточно и постоянно растущим размером накопления прибавочного продукта в материальной форме, что всегда означает ограничение индивидуального потребления. Между одной и другой тенденцией внутри государственного хозяйства нет противоречия, принимающего форму антагонизма между классами, но противоречие вообще есть. Это противоречие целиком характеризует и самый закон первоначального социалистического накопления, там, где дело идет о распределении. С одной стороны, расширенное воспроизводство в социалистическом секторе означает автоматическое количественно возрастающее воспроизводство социалистических отношений производства, с соответствующей каждому году пропорцией распределения производительных сил. А, с другой стороны, это количественное расширение социалистических отношений, требу-

ющее отчуждения определенной массы прибавочного продукта и из государственного хозяйства, с подчинением роста зарплаты функции накопления, ведет к ограничению роста качества социалистических отношений, задерживает отрыв уровня зарплаты от стоимости рабочей силы. В этом сказывается не только противоречие самого закона, но и его исторически-преходящий характер. Это очень важно иметь в виду с точки зрения методологического анализа всего хозяйства и в частности формы проявления свойственных ему закономерностей.

Когда же экономисты, о которых шла выше речь, говорят об улавливании действия закона ценности нашим плановым регулированием, то они делают выше разобранные ошибки *не только* потому, что считают складывающиеся на основе действия закона ценности пропорции в хозяйстве естественными и для хозяйства, развивающегося не в капиталистическом направлении. Они не только не отдают себе отчета о важности тех изменений, которые внесены во все хозяйство изменением в строении крестьянского бюджета в результате революции, не только не хотят понять, что ценностный регулятор принудительно оттесняется и об'ективно не может не оттесняться и замещаться регулятором развивающегося коллективного сектора хозяйства, но, повидимому, смешивают об'ективно - необходимую пропорциональность в хозяйстве с *методами достижения этой пропорциональности*, а, значит, индустриализацию страны при диктатуре пролетариата смешивают с нарастанием крупного производства вообще. Между тем не только форма ценности, но и то, что мы называем ценностными отношениями со стороны трудовых затрат, изменяется как вследствие роста техники и производительности труда, так и вследствие превращения всего государственного хозяйства в единый трест, что при росте научной организации труда во всем государственном хозяйстве создает новый фактор, порождаемый кооперацией огромных связных экономических тел. Эта особенность нашего государственного хозяйства, вытекающая из его социалистической природы, не может сказаться столь заметно при низкой технике, но явится фактором огромного значения при приближении технического уровня нашей промышленности к технике передовых капиталистических стран. Можно ли сказать, что изменения,

идущие с этого конца, связаны с действием закона ценности, а не с его ликвидацией или ограничением, а не с борьбой за существование и развитие нашего государственного хозяйства, как типа коллективного хозяйства? Ни этого факта, ни столь упорного нашего стремления к вытеснению из торговли частного капитала и замещению его госторговлей и кооперацией мы не можем понять, если будем считать закон ценности основным регулятором всего нашего хозяйства. Как раз с точки зрения издержек на аппарат частный капитал для всего хозяйства «выгодней», производительность труда в частной торговле выше, однако мы идем здесь вперед вопреки закону ценности, идем по линии другого закона, подчиняемся действию другого регулятора.

Второе, что надо отметить,—это, повидимому, происходящее смешение пропорциональности в хозяйстве, которая об'ективно необходима для каждой системы общественного производства с разделением труда, с исторически преходящим методом достижения такой пропорциональности на основе закона ценности. Правильное, пропорциональное распределение труда нужно и для капитализма, и для социализма, и для нашей теперешней товарно-социалистической системы хозяйства. Но если бы даже было доказано—а я показал невозможность такого доказательства,—что фактически складывающееся у нас на основе борьбы распределение производительных сил каким-то чудом соответствует тому распределению, которое сложилось бы у нас при господстве капиталистических отношений на основе действия закона ценности, т.-е. что пропорции внутри коллективного производства на данной стадии индустриализации страны соответствуют капиталистическим, то *даже и тогда* еще не было бы доказано положение о едином регуляторе. Откуда следует, что нужные нам пропорции *диктуются* законом ценности, как регулятором, и только через него могут быть найдены, раз закон ценности исторически и, если хотите, материально, физически связан, неотделим от товарного производства, как производства, где господствует частная собственность на орудия производства? Разве замена частной собственности общественной по отношению ко всем командным высотам есть только формально-юридический акт, без изменения *существа* системы? Почему невозможно такое положение, что мы нужные пропорции находим

в основном нашими методами, которые, несмотря на крайнюю ничтожность нашего опыта в деле планового регулирования, выше, совершенней методов достижения равновесия стихийным путем? Почему уже теперь невозможно об'ективно такое положение, когда общие линии пропорциональности мы намечаем через *наши методы* статистического учета потребностей и платежеспособного спроса, методы, включающие в себе и учет возможностей нашего влияния на частное хозяйство и нашу зависимость от него, в то время как закон ценности вносит стихийным путем лишь коррективы? А если это возможно, если это возможно хотя бы наполовину, то говорить, что у нас в основном один регулятор, значит грубейшим образом смешивать форму регулирования на основе трудовых затрат *при капитализме* с той об'ективно-хозяйственной необходимостью в пропорциональном распределении труда, которая существует не для одного только товарного и товарно-социалистического хозяйства и не только капиталистическими методами может устанавливаться. При товарно-социалистической системе как раз эта пропорциональность может устанавливаться *только* на основе борьбы с законом ценности, она всегда будет равнодействующей борьбы, хотя бы направление действия закона ценности и закона социалистического накопления совпадало иногда в частных случаях в реальной обстановке.

Могут сказать: но ведь товарно-денежная форма отношений является господствующей, разве это не делает неизбежным существование одного регулятора, именно закона ценности? Это возражение существенно, но оно является скорее формальным и в значительной степени скользит по поверхности явлений.

Если мы бросим беглый взгляд и на общую историю человечества: на историю классовой борьбы, и на историю экономических форм, идет ли движение вперед антагонистическим путем или мирно - эволюционным, или перемежаясь то так, то этак,—как правило, всегда и везде изменение содержания предшествует изменению формы отношений между людьми. Так же обстоит дело и в системе хозяйства, созданной Октябрьской революцией. Нашему государственному хозяйству форма связи с частным хозяйством навязывается частным хозяйством и автоматически проходит и внутрь отношений самого госу-

дарственного хозяйства. Частное хозяйство, как хозяйство индивидуальное, не может развиваться без меновой формы отношений (достаточно вспомнить опыт с продразверсткой), государственное же хозяйство при старой форме обмена может чрезвычайно далеко продвинуться, изменяя *содержание* общественных отношений производства. Смешивать здесь форму с содержанием и с удельным весом того и другого в данный момент еще отчасти простительно для юриста. Для экономистов же марксистов такое смешение извинить никак нельзя, как нельзя их простить и в том случае, когда об'ективно принудительные последствия социализации промышленности и транспорта для всей системы регулирования хозяйства они схватывают также больше с формальной стороны, а не по существу.

Затем необходимо здесь же устранить одно недоразумение, которое может возникнуть у читателей при чтении следующих глав книги. У нас часто ограниченность возможностей планового регулирования хозяйства доказывается ссылками на многочисленные ошибки и просчеты Госплана и других органов, руководящих хозяйством. Оговариваюсь, что при теоретическом анализе нашего хозяйства мы считаем необходимым установить и оценить лишь те возможности регулирования, которые существуют *об'ективно* и зависят от реального соотношения сил между государственным и частным хозяйством, от оптимально возможной на данной ступени степени организованности государственного хозяйства, от влияния на наше государственное хозяйство рыночных отношений внутри и от давления мирового рынка извне. Мы не можем уменьшать об'ективные возможности планирования на всю сумму наших ошибок и неумения планировать. Это значило бы сваливать на историческую необходимость каждый просчет, в том числе и неудачное распределение людей на разные функции. Точно так же и наше недостаточное понимание той системы хозяйства, которой мы руководим, и ее законов, и проистекающие отсюда ошибки, какие бы серьезные об'ективные последствия они ни имели, также неправильно относить за счет экономической необходимости, уменьшая на соответствующий процент при теоретическом анализе те возможности сознательного регулирования, которые *об'ективно заложены в нашей системе.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗАКОН ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Не будет преувеличением сказать, что самым интересным, животрепещущим, самым волнующим вопросом после Октябрьского переворота 1917 г. и военной победы революции является для всех наших и практиков и теоретиков вопрос о том, что из себя представляет советская система, в каком направлении она развивается, каковы основные законы развития этой системы, наконец, в каком отношении этот первый опыт хозяйства, выходящего в своих головных звеньях за пределы капитализма, находится к нашим старым и обычным представлениям о социализме. Последний вопрос, впрочем, правильней поставить так: как должны выглядеть теперь, через восемь лет диктатуры пролетариата в огромной стране, наши прежние представления о социализме?

Ни одна экономическая формация не может развиваться в чистом виде, на основе только тех имманентных законов, которые присущи данной формации. Это противоречило бы самой идее развития. Развитие какой-либо экономической формы означает вытеснение ею других экономических форм, их подчинение новой, их постепенное исчезновение. При таких условиях диагональ параллелограмма сил, действующих в области экономики, никогда не может пролегать по линии внутренних законов господствующей формы, а всегда будет отклоняться от этой линии под влиянием противодействующих сил. А эти противодействующие силы, т.-е. силы других экономических форм, включенных в данную систему хозяйства, складываются по линии им свойственных законов развития. Эти законы развития старых форм превращаются теперь просто в законы противодействия новой форме.

Но анализ системы хозяйства, где действуют два основных закона, крайне затрудняется в том случае, когда истори-

чески прогрессивной формой является не та, которая уже господствует в экономике, а та, которая лишь превращается в господствующую. А так именно обстоит дело в нашей советской системе хозяйства. Затруднение, как это будет более подробно развито впоследствии, возникает здесь при анализе роли третьей экономической силы. В данном случае дело идет о мелком производстве. Во время гражданской войны кадры социализма, т.-е. рабочий класс и деревенская беднота, вели борьбу за массы среднего крестьянства с кадрами капитализма, т.-е. буржуазно-помещичьими, кулацкими, чиновничьими элементами. В этой борьбе среднее крестьянство, постоянно колеблясь, в общем стало на сторону рабочего класса. Теперь эта борьба перенесена в область экономики. Мелкое производство служит одинаково питательной базой как для капиталистического, так и для социалистического накопления. Вопрос о том, будет ли разлагающееся мелкое производство трансформироваться преимущественно в капиталистическом направлении, выделяя наемных рабочих на одной стороне, кулацкое хозяйство—на другой, или оно будет превращаться все более в периферию государственного хозяйства,—этот вопрос имеет огромное значение для судеб социализма в крестьянской стране. В первом случае не только темп развития будет медленней, но и методы борьбы социалистической формы с капиталистической будут иными; наконец, вся структура хозяйства будет иметь значительно иной вид. Я не говорю о важнейших политических последствиях, которые будут неизбежно связаны с движением вперед по этому варианту.

Это затруднение в области теоретического анализа тенденций развития советского хозяйства не является единственным. Есть скептики, которые вообще считают безнадежной попытку теоретического анализа советского хозяйства, поскольку это хозяйство существует только восемь лет и, следовательно, не может дать достаточного конкретного материала для теоретических обобщений. В числе доказательств фигурируют часто и ссылки на «Экономику переходного периода» тов. Бухарина, которая-де была и осталась лишь теорией красногвардейского периода социальной революции и об'ективно не могла быть ничем иным. Приводится, с другой стороны, пример с «Капиталом» Маркса, который мог возникнуть лишь после того, как современный капитализм существовал многие десятилетия, а товарное хозяйство — столетия.

Я считаю совершенно бесплодным занятием отвлекать часть страниц этой главы на формальное доказательство того, что теоретический анализ советского хозяйства возможен после всего того, что было сказано в первой главе о методе. Это значит отвлекать эти страницы от настоящего доказательства, каким должен явиться самый анализ советской системы хозяйства. Поэтому я прямо перехожу к сути дела.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЯ

Для понимания теперешней фазы развития советского хозяйства чрезвычайно полезно провести систематическое сравнивание начальных шагов социализма с первыми шагами капиталистического способа производства. Это сравнение является до крайности поучительным и весьма облегчает весь наш анализ. И сходство, и различие—а различий несравненно больше, чем сходства—одинаково хорошо оттеняют особенности советской системы хозяйства.

Начнем с самого важного различия, которое обусловливает ряд других отличий.

Капиталистическое производство возникает и развивается в недрах феодального или наполовину разложенного товарным хозяйством феодального общества за многие десятилетия до буржуазных революций. Это целиком относится к развитию торгового капитала, как необходимой предварительной стадии капиталистического производства. Это относится к первым шагам мануфактуры в Англии и к первым шагам капиталистической машинной индустрии на континенте. Капитализм мог пробежать свой период первоначального накопления еще в период господства абсолютизма в политике, простого товарного производства и феодально-крепостнических отношений в области хозяйства.

Буржуазные революции начинаются после того, как капитализм проделал значительную работу по постройке своей системы в области экономики. Буржуазная революция является лишь эпизодом в процессе буржуазного развития, которое начинается задолго до нее и продолжается с большой быстротой после нее. Наоборот, социалистическая система ведет свою хронологию с захвата власти пролетариатом. Это выте-

кает из самого существа социалистического хозяйства, как единого комплекса, который не может по крупинкам строиться в недрах капитализма. Если торговый капитал мог развиваться в порах феодального общества, если первые капиталистические предприятия могли функционировать, не вступая в непримиримое противоречие с существующим политическим строем и формами собственности и, наоборот, как увидим ниже, питались их соками, то комплекс государственного социалистического производства может появиться лишь в результате прорыва старой системы по всему фронту, лишь в результате социальной революции. Этот факт имеет колоссальное значение для понимания не только генезиса социализма, но и всего последующего социалистического строительства. Наоборот, недостаточное понимание или забвение самого существа того, что есть социализм, не раз приводило и приводит ряд товарищей к чисто обывательским, а иногда прямо реформистским представлениям о советском хозяйстве и путях его развития.

Для того, чтобы могло начаться капиталистическое накопление, были необходимы следующие предпосылки: 1) предварительная аккумуляция капитала в отдельных руках, достаточная для применения более высокой техники или более высокой ступени разделения труда при той же технике; 2) наличие кадра наемных рабочих; 3) достаточное развитие системы товарного хозяйства вообще, как базы для товарно-капиталистического производства и накопления.

Относительно первого из этих условий Маркс говорит: «На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиваться лишь в капиталистической форме. Поэтому некоторое накопление капитала в руках индивидуальных товаропроизводителей служит предпосылкой современной промышленности, того сочетания общественных связей и технических приемов, которое мы называем особым, капиталистическим видом производства или специфически капиталистическим способом производства. Таким образом, мы должны предположить наличность такого накопления при переходе от ремесла к капиталистическому производству. Его можно назвать *первоначальным накоплением*, потому что оно—не исторический результат, а историческая основа специфически капиталистического производства. Здесь нам еще

нет необходимости исследовать, каким образом оно само возникает. Достаточно того, что оно образует исходный пункт» [1]).

Спрашивается, как же обстоит дело в этом отношении с первоначальным социалистическим накоплением? Имеет ли социализм свою пред'историю? Если имеет, когда она начинается?

Как мы уже видели, первоначальное капиталистическое накопление могло происходить на базе феодализма, тогда как первоначальное социалистическое накопление не может происходить на базе капитализма. Следовательно, если социализм имеет свою пред'историю, то она может начинаться только после завоевания власти пролетариатом. Национализация крупной промышленности и есть такой первый акт социалистического накопления, т.-е. акт, который сосредоточивает в руках государства минимально-необходимые ресурсы для организации социалистического руководства промышленностью. Но здесь мы тотчас же сталкиваемся с другой стороной вопроса. Социализируя крупное производство, пролетарское государство одним только актом этой социализации меняет сначала систему собственности на орудия производства: оно приспособляет систему собственности к своим будущим шагам в деле социалистической перестройки всего хозяйства. Иными словами, путем революции рабочий класс приобретает лишь то, что капитализм имел в лице института частной собственности без всяких революций уже на базе феодализма [2]). Первоначальное же социалистическое накопление, как период создания материальных предпосылок для социалистического производства в собственном смысле этого слова, должно только начинаться захватом власти и национализацией. В самом деле. Капиталистическое накопление есть накопление на основе производства, экономически и технически отличного от ремесла. Капиталистическая мануфактура могла доказать свое преимущество над ремеслом лишь постольку, поскольку она экономически оказалась выше его, поскольку применявшаяся на ней система разделения труда и другие преимущества крупного производства над мелким давали возможность изготовлять единицу продукта в мануфак-

---

[1]) „Капитал", т. I, ч. 1-я, стр. 640, пер. Степанова.

[2]) Я не говорю здесь об ограничениях института частной собственности в период феодализма. В основе частная собственность тогда существовала, несмотря на эти нарушения.

туре с меньшими затратами, чем в ремесле. Но организация мануфактуры, постройка здания, запасы сырья, затрата оборотного капитала на время процесса обращения—все это в условиях отсутствия современной системы кредитования промышленности требовало наличия значительных ресурсов, созданных не в мануфактуре, а до мануфактуры, созданных в мелком производстве и награбленных с мелкого производства торговым капиталом. Еще в большей степени нужен предварительно накопленный капитал для начала функционирования крупной машинной индустрии. Следовательно, чтобы капиталистическое производство *могло* показать свое преимущество над ремесленным, в техническом и экономическом смысле, необходим был период длительного грабежа мелкого производства.

Точно так же и социалистическое накопление в подлинном смысле этого слова, т.-е. накопление на технико-экономической базе социалистического хозяйства, уже развертывающего все *ему* свойственные черты и *ему лишь свойственные преимущества*, может начаться лишь после того, как советское хозяйство пройдет стадию первоначального накопления. Как для функционирования мануфактур, а тем более фабрик с машинной техникой, нужен известный минимум предварительно скопленных средств в форме натуральных элементов производства, так необходим некоторый минимум для того, чтобы комплекс государственного хозяйства мог развить все свои экономические преимущества, мог бы подвести под себя новую техническую базу.

Здесь мы сразу наталкиваемся еще на одно крайне важное принципиальное конструктивное различие между капитализмом и социализмом, к которому мы еще вернемся при анализе условий конкуренции между социалистической и капиталистической формами хозяйства. Чтобы мануфактура могла доказать свое преимущество над ремеслом, для этого совсем не требуется организации огромного количества мануфактур сразу. Одна, две, пять мануфактур уже могут показать свое преимущество над ремеслом и бить его в конкурентной борьбе. Следовательно, и размеры первоначально накопленного капитала в сравнении с масштабом всего национального хозяйства, взятого в целом, могли быть совсем невелики. Несколько предприятий, составлявших головную ударную

группу на хозяйственном фронте и представлявших новую экономику, могли начать поступательное движение, не дожидаясь, чтобы весь переход был массовым и одновременным. И хотя конкретно, исторически за период развития торгового капитала первоначальное накопление продвинулось так далеко, что к моменту организации мануфактур не было резкого недостатка в свободных капиталах, тем не менее все движение здесь носило неорганизованный, стихийный характер. Такой метод продвижения вперед новой формы делал возможным в дальнейшем и экспорт капитала. Капиталистические предприятия могли возникнуть в мелкобуржуазных странах, где не было ни технических, ни экономических предпосылок для нового способа производства, либо все это было в потенции и требовался внешний толчок со стороны прогрессивного иностранного капитала [1]).

Наоборот, никакое частичное и незначительное по размерам социалистическое накопление неспособно решить основную проблему социалистической организации хозяйства. В частности, поскольку дело идет о хозяйстве Советского Союза, то здесь необходимо: 1) накопление, которое делает возможным для государственного хозяйства достижение современной капиталистической техники там, где невозможен переход постепенно на базу новой техники; 2) накопление, которое делает возможным изменение технической базы государственного хозяйства, научную организацию труда, плановое управление всем комплексом государственного хозяйства, невозможное без больших страховых запасов и плановых резервов; 3) накопление, которое обеспечивает продвижение вперед для всего комплекса, а не для отдельных его частей, потому что цепная зависимость в движении всего комплекса делает совершенно невозможным разрозненное продвижение по методу капиталистической партизанщины, индивидуальной инициативы и конкуренции. Таким образом, мы устанавливаем, что национализацией того, что было накоплено капитализмом, не только не заканчивается период первоначального социалистического накопления, а наоборот. Период та-

---

[1]) Ниже мы увидим, что если сама структура капитализма и метод подчинения ему мелкого производства делают возможным экспорт капитала, то социалистическая форма может распространяться, лишь экспортируя пролетарские революции.

кого накопления может только развертываться после завоевания власти пролетариатом и после первого акта накопления— социализации важнейших отраслей хозяйства. Но если дело обстоит так, то можно ли вообще, правильно ли вообще говорить о первоначальном социалистическом накоплении[1]) по аналогии с первоначальным капиталистическим накоплением? Ведь последнее начиналось до капиталистического производства, тогда как первое должно происходить одновременно с началом перехода к социалистическому производству и одновременно с накоплением в самом социалистическом комплексе? Мы полагаем, что этот термин можно сохранить в условном смысле, потому что хотя первоначальное социалистическое накопление хронологически переплетается с социалистическим производством и отчасти с социалистическим накоплением на производственной основе, тем не менее экономическая сущность этого процесса по отношению к социалистическому производству такова же, как и первоначального капиталистического накопления по отношению к капиталистическому производству[2]). А если бы даже этот термин был признан неудачным, то его надо было бы тотчас заменить другим, потому что материальная сущность того, что он обозначает, не перестает существовать. Наоборот, различение первоначального социалистического накопления от собственно социалистического накопления имеет огромное принципиальное значение. Ниже мы увидим, что это различение имеет огромное значение для нашей экономической политики точно так же, как смешение этих двух процессов влечет за собой грубейшие ошибки в области практического руководства хозяйством.

Социалистическим накоплением мы называем присоединение к функционирующим средствам производства прибавочного продукта, который создается внутри сложившегося социалистического хозяйства и который не идет на добавочное рас-

---

[1]) Термин „первоначальное социалистическое накопление" принадлежит одному из виднейших наших экономистов, тов. В. М. Смирнову. Мы не настаиваем особенно на этом термине. Он может быть заменен термином „предварительное социалистическое накопление", который мы употребляем иногда, как синоним того же понятия.

[2]) Не надо также забывать, что хотя первоначальное капиталистическое накопление на основе торгового капитализма предшествует капиталистическому производству, однако весь период первоначального накопления обнимает также и первый период развития капиталистической промышленности.

пределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, *первоначальным социалистическим* накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов главным образом, либо одновременно из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда начнется техническая и научная перестройка государственного хозяйства и когда это хозяйство получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом. Правда, в этот период происходит и накопление на производственной основе государственного хозяйства. Однако, во-первых, это накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинно социалистического хозяйства и этой цели подчинено. А, во-вторых, накопление первым способом, т.-е. за счет негосударственного круга, на основе неэквивалентного обмена с ним, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом первоначального или предварительного социалистического накопления. Этот период имеет свои особенные черты и свои особенные законы. Основным законом нашего советского хозяйства, в настоящий момент пробегающего эту стадию, как раз и является закон первоначального или предварительного социалистического накопления. Этому закону подчинены все основные процессы экономической жизни в круге государственного хозяйства. Этот закон, с другой стороны, изменяет и частью ликвидирует закон стоимости и все законы товарного и товарно-капиталистического хозяйства, поскольку они проявляются и могут проявиться в нашей системе хозяйства. Следовательно, *мы не только можем говорить о первоначальном социалистическом накоплении, но мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве закон первоначального социалистического накопления, который определяет, в борьбе с законом ценности, и распределение средств производства в хозяйстве, и распределение рабочих сил, и размеры отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического воспроизводства.*

Рассмотрим теперь систематически основные методы первоначального капиталистического накопления и сравним их, поскольку это только возможно, с аналогичными или близкими к ним методами и процессами первоначального социалистического накопления. Мы будем брать для сравнения не только период, предшествовавший капиталистическому производству, но и эпоху первых шагов капиталистического производства, потому что первоначальное накопление, как накопление вне круга капиталистического производства, продолжалось и после возникновения капиталистических предприятий, принимая самые различные формы.

Начнем с грабежа некапиталистических форм хозяйства. В сущности весь период существования торгового капитала с того момента, когда работа ремесленника на заказчика и на локальный рынок сменилась работой на отдаленные рынки и когда скупщик стал необходимым агентом производства, можно рассматривать как период первоначального накопления, как период систематического грабежа мелкого производства.

Другой формой грабежа, имевшей огромное значение, была колониальная политика стран мировой торговли. Мы пока имеем здесь в виду не такой грабеж, который связан с обменом меньшего количества труда на большее на основе «нормальной» торговли, а грабеж в форме налогов на туземцев, лишения их имущества, скота, земель, запасов драгоценных металлов, обращения побежденных в рабство, бесконечно разнообразных систем грубейшего обмана и т. д. Сюда же относятся все методы насилия и грабежа по отношению к крестьянскому населению метрополий. Ограбление мелкого крестьянского производства в интересах первоначального накопления принимало самые различные формы. Знаменитое «огораживание», которому посвятил столько блестящих страниц Маркс в первом томе «Капитала», не было типичным методом первоначального накопления для всех стран. Наиболее же типичными методами являются: грабеж крепостных крестьян сеньёрами и раздел награбленного с торговым капиталом, во-первых, и налоговое обложение крестьянства государством с передачей части этих средств капиталу, во-вторых. Когда помещичье хозяйство стало превращаться из чисто натурального в денежное или полунатуральное, когда помещики получили вследствие роста торговли и благодаря росту своих по-

требностей стимул к увеличению поборов с крестьян, они вступили в определенного рода бессознательную кооперацию с торговым капиталом. Все, что грабилось в деревне, за вычетом потребляемого на месте, продавалось купцам. В свою очередь купцы доставляли помещикам продукты городского или иностранного производства, служившие для удовлетворения их растущих и более рафинированных потребностей. Торговый капитал продавал эти продукты с прибылью в 100% и более. Он давал затем прогоравшим дворянам займы под ростовщические проценты. В результате феодалы являлись в известном смысле в этот период агентами торгового капитала, передаточным насосом в деле ограбления мелкого производства деревни в интересах первоначального капиталистического накопления. Будучи «высшим классом» по сравнению с третьим сословием в правовом отношении, они экономически кооперировали с купцами, взяв себе не высшую, а, наоборот, низшую ступень в деле выколачивания средств из крестьянства.

Другая форма грабежа мелкого производства — это государственные налоги. Из налоговых источников абсолютистские государства поощряли развитие мануфактур, выдавали субсидии купцам, делавшимся промышленниками, или дворянам, превратившимся в фабрикантов. Эта поддержка особенно оказывалась мануфактурам, так или иначе обслуживавшим снаряжение армии: суконным фабрикам, оружейным заводам, металлургическим предприятиям и т. д. Такая же перекачка средств из каналов мелкого производства через государственный аппарат в крупную, особенно тяжелую промышленность происходит и в гораздо более поздний период.

О роли государства, в частности о роли государственного насилия в период первоначального накопления Маркс писал:

«Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как, напр., колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т.-е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция»[1]).

[1]) „Капитал“, т. I, ч. I, стр. 775, пер. Степанова.

Это насилие играло огромную роль и при формировании национальных государств, как арены деятельности торгового капитала. Вспомните только глубокий и полный конкретной исторической правды классовый анализ, которому подвергает М. Н. Покровский политику московских царей, чтобы воскресить в памяти эти страницы из рассматриваемого периода. Завоевание необходимой территории, торговых путей и т. д.— это также не что иное, как звено в цепи первоначального капиталистического накопления, потому что без накопления необходимых материальных предпосылок развитие торгового капитала и переход его в капитал промышленный не могут развиваться успешно. С этой точки зрения крестьянин платил дань молоху первоначального накопления не только тогда, когда через руки сеньёра передавал часть своего оброка купцу, не только тогда, когда через государство передавал часть податей мануфактуристу, но и в том случае, когда отдавал кости своих сыновей на прокладку новых торговых путей и на завоевание новых стран.

Важную роль в процессе первоначального накопления играет система государственных займов, при которой в форме процента происходит перекачка части ежегодного дохода мелких производителей в руки капиталистов - кредиторов заключающего заем государства. В связи с этим Маркс говорит:

«Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет неопроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частно-ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но роль государственных долгов не ограничивается созданием класса таких праздных рантье и импровизированным обогащением финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, а также откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых, как капитал, свалившийся с неба, попадает

добрая доля всякого государственного займа. Государственные займы создали, кроме того, акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами, отчаянную спекуляцию, ажиотаж,—одним словом, биржевую игру и современную банкократию» (господство банков [1]).

Остановимся пока на только что перечисленных нами методах первоначального накопления, основанных, главным образом, на грабеже мелкого производства и на внеэкономическом давлении на него, и посмотрим, как обстоит здесь дело в период первоначального социалистического накопления.

Что касается колониального грабежа, то социалистическое государство, проводящее политику равноправия национальностей и добровольного вхождения их в то или иное национальное об'единение, принципиально отвергает все насильственные методы капитала в этой области. Этот источник первоначального накопления для него с самого начала и навсегда закрыт.

Совсем иначе обстоит дело с отчуждением в пользу социализма части прибавочного продукта из всех досоциалистических экономических форм. Обложение несоциалистических форм не только неизбежно должно иметь место в период первоначального социалистического накопления, но оно неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз. На этом пункте мы должны остановиться достаточно подробно.

Из предыдущего мы видели, что капиталистическое производство могло начать функционировать и далее развиваться, лишь опираясь на ресурсы, получавшиеся от мелкого производства. Переход общества от мелкобуржуазной системы производства к капиталистической не мог бы совершиться без предварительного накопления за счет мелкого производства, в дальнейшем происходил бы черепашьим шагом, если бы добавочное накопление за счет мелкого производства не протекало рядом с капиталистическим накоплением за счет эксплоатации рабочей силы пролетариата. Самый же переход предполагает, как систему, такой обмен ценностей между крупным и мелким производством, при котором мелкое производство больше дает крупному, чем от него получает. В пе-

---

[1]) „Капитал", т. I, ч. I, стр. 779.

риод первоначального социалистического накопления государственное хозяйство не может обойтись без отчуждения части прибавочного продукта деревни и ремесла, наконец, без вычетов из капиталистического накопления в пользу накопления социалистического. Мы не знаем, насколько разоренными выйдут из гражданской войны другие страны, в которых победит диктатура пролетариата. Но такая страна, как СССР, с ее разоренным и достаточно вообще отсталым хозяйством, должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйства. Не надо забывать, что период первоначального социалистического накопления является самым критическим периодом в жизни социалистического государства после окончания гражданской войны. В этот период социалистическая система не в состоянии еще развить всех органически свойственных ей преимуществ, но она в то же время ликвидирует неизбежно ряд экономических преимуществ, свойственных развитой капиталистической системе. Пробежать быстрей этот период, поскорей достигнуть момента, когда социалистическая система развернет все свои естественные преимущества над капитализмом,—это есть вопрос жизни и смерти для социалистического государства. По крайней мере, так стоит вопрос сейчас для СССР, и так он будет стоять, может быть, известное время для ряда европейских стран, в которых победит пролетариат. При таких условиях рассчитывать только на накопление внутри социалистического круга значит рисковать самим существованием социалистической экономики, либо продлить до бесконечности период предварительного накопления, что, впрочем, не зависит от доброй воли пролетариата. В конкретной части настоящей работы, которая будет посвящена промышленности и земледелию СССР, мы приведем числовые расчеты относительно того, как долго пришлось бы ждать нам восстановления нашей промышленности даже в довоенных размерах, если бы мы опирались в этом только на прибавочный продукт самой промышленности. Во всяком случае мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том,

чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше *из еще большего* дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе и мелкого, хозяйства страны, на основе индустриализации страны, интенсификации земледелия.

Другим источником социалистического накопления может быть обложение частно-капиталистической прибыли, т.-е. систематические вычеты из капиталистического накопления. Природа этого рода ресурсов может быть разной, но, разумеется, в последнем счете и здесь дело идет о накоплении за счет труда, с одной стороны, рабочих, с другой — крестьян. Когда государство берет большие налоги с частно-капиталистических предприятий, оно возвращает в фонд социалистического накопления часть той прибавочной стоимости, которая была бы получена в качестве прибавочного продукта государством, если бы оно само *при прочих равных условиях* руководило данными предприятиями. Здесь капиталисты выступают по отношению к социалистическому государству в такой же роли, в какой феодальные помещики выступали по отношению к рыцарям первоначального накопления. Точно так же и обложение класса сельских кулаков, пользующихся наемным трудом, означает в конечном счете накопление за счет батрацкого труда деревни. Наоборот, поскольку социалистическое государство облагает торговцев, скупщиков, капиталистов и кулаков, получающих отчасти свои доходы также и от крестьянства, ведущего *самостоятельное хозяйство,* мы будем иметь здесь и накопление за счет крестьянского хозяйства, при чем, как и раньше, указанные персонажи будут представлять из себя, с одной стороны, аккумуляторов капиталистического накопления, с другой стороны—передаточную инстанцию на одном из полюсов социалистического накопления [1].

Что касается государственных займов, служивших весьма важным каналом первоначального капиталистического накопления, то в период социалистического накопления роль их иная. Здесь надо различать две принципиально различных системы займов. Наши полупринудительные займы, вроде

[1] Ниже, где это ясно по контексту, я говорю для краткости вместо первоначального социалистического накопления о социалистическом накоплении.

первого и второго выигрышного займов, надо отнести скорее к системе накопления из налоговых источников, т.-е. к накоплению посредством методов внеэкономического давления. Совсем иначе обстоит дело с кредитными операциями типа нормальных займов, практикующихся при буржуазной системе. Такие займы, допустим—заем у английских капиталистов на 30 лет из 7%, нельзя отнести прямо к источникам социалистического накопления, потому что советское государство будет платить проценты по займу из своих доходов и тем явится само передаточной инстанцией капиталистического накопления и капиталистической эксплоатации трудящихся масс Союза со стороны иностранной буржуазии. А, с другой стороны, эти займы могут служить сильнейшим стимулом к социалистическому накоплению, давая в результате в фонд социалистического накопления больший процент, чем они дают в фонд накопления капиталистического. Этого типа займов мы коснемся в другой связи при анализе экономического значения внешних займов и концессий при товарно-социалистической системе хозяйства.

Прежде чем мы перейдем к формам первоначального накопления на экономической основе, мы должны еще упомянуть о таком источнике государственного дохода, а тем самым при советской системе источнике первоначального накопления, который правильней причислить к налогам, но который внешне, формально к ним обыкновенно не относился в теоретической экономической литературе. Я говорю об эмиссии денежных знаков. В своих брошюрах «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры» и «Причины падения курса нашего рубля» я доказал что эмиссия при системе падающей валюты есть один из видов налога. Здесь же нужно лишь констатировать, что эмиссия является также одним из методов первоначального накопления. Что касается соответствующего периода в истории буржуазной системы хозяйства, то там эмиссия не играла роли вспомогательного фактора капиталистического накопления. Порча монеты, которой занимались феодальные князья и наши цари, выпуски бумажных денег в последующий период представляли из себя налоги государства на все население, в том числе отчасти и на денежные капиталы буржуазии. Когда же государство является одновременно и органом управления страной и хозяином огромней-

шего экономического комплекса, эмиссия прямо служит каналом для социалистического накопления. Это накопление происходит или за счет доходов мелкобуржуазных и капиталистических элементов, либо за счет сокращения заработной платы государственных рабочих и служащих. Насколько солиден этот источник, видно из того, что со времени организации Советской власти до окончательного введения твердой валюты эмиссионный доход, включая потери самого государства, равнялся сумме около 1.800 миллионов рублей золотом. Эмиссия служила важнейшим финансовым ресурсом также и для советской власти Венгрии за время ее четырехмесячного существования.

Переходим теперь к методам первоначального накопления, которые приводят к аккумуляции капитала экономическими путями. Здесь нужно различать накопление, которое получается в самом производстве за счет прибавочной ценности занятого в предприятиях пролетариата, и, с другой стороны, обмен меньшего количества труда одной системы хозяйства или одной страны на большее количество труда другой системы хозяйства или другой страны.

Рассмотрим, как и раньше, методы первоначального накопления на экономической основе сначала для периода капиталистического способа производства.

Начнем со второго нашего подразделения, т.-е. с того, что мы теперь в нашем хозяйстве называем политикой цен. На эту тему в III томе «Капитала» мы находим следующее очень важное место, недостаточно использованное в марксистской экономической литературе для теоретического анализа как колониальной эксплоатации, так и эксплоатации капитализмом докапиталистических форм производства вообще.

«Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает более труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот излишек, как вообще при обмене между трудом и капиталом, присваивается известным классом. Следовательно, поскольку норма прибыли выше, потому что она вообще выше в колониальной стране, это при благоприятных естественных условиях может итти рука об руку с низкими товарными ценами»[1]).

[1]) „Капитал“, т. III, ч. I, стр. 219, пер. Степанова.

Если мы возьмем какую-либо капиталистическую страну Европы, например, Англию, и, с другой стороны, возьмем ряд ее колоний или полуколониальных стран, связанных с Англией торговыми отношениями, то при ценностном анализе того, что Англия вывозит в колонии, и того, что она ввозит из них, всегда можно установить неравенство затрат труда на массы товаров, обмениваемых как эквиваленты. Наиболее ярким и грубым примером этого может служить обмен золотых украшений дикаря на кусок красной материи, привезенной купцом из Европы. Но и при «нормальной» торговле с колониями отмеченное Марксом явление продолжает существовать, потому что страна с низкой техникой затрачивает на единицу товара в среднем больше труда, чем страна с более высокой техникой. С этим же связан более низкий уровень жизни работающего населения и в том числе и жизненный уровень и уровень заработной платы рабочих в колониях или экономически отсталых странах. При одинаковой технике предприятие той же отрасли в колонии будет иметь добавочную прибыль в сравнении с аналогичным предприятием в метрополии. Это сплошь да рядом наблюдается при прочих равных условиях, и это возможно только потому, что на основании закона ценности, регулирующего цены внутри данной страны, ценность и цена рабочей силы оказываются ниже, чем в метрополии, по всему фронту труда, вследствие чего страна с более высокой техникой, более высокой заработной платой и в то же время более низкими ценами оказывается в более благоприятных условиях обмена, чем страна с низкой техникой, низкой заработной платой и более высокими ценами. Более высокая прибыль на капитал, инвестируемый в колониях, основана на использовании этой основной разницы в положении колоний и метрополий. С этой точки зрения добавочная прибыль на капитал, вложенный в колониях, есть, в сущности, прибыль, возникающая на переходе от одной системы техники к другой, от одной системы хозяйства к другой более высокой. Эта прибыль принципиально ничем не отличается от той добавочной прибыли, которую получает капиталист, впервые вводящий в данном производстве новую машину, сразу уменьшающую издержки производства. Но так как капитал есть вообще движение, так как переход от одной системы техники к другой, от одних экономических формаций к другим

(например, от докапиталистических к капиталистическим) никогда не прекращается, то и эксплоатация этого перехода «известным классом» является не случайностью, а постоянным явлением в течение всего периода капиталистического развития. Этот налог, который накладывает капиталистический класс на экономическое развитие общества, платят как мелкобуржуазные производители метрополии, так и колониальные и полуколониальные страны, взятые со всем их хозяйством в целом. Нас интересует в данном случае лишь период начала капиталистического развития. Он имеет свои особенности, сближающие его несколько с периодом монополистического капитализма. Мы должны различать три периода в истории эксплоатации капитализмом докапиталистических форм на экономической основе. Период свободной конкуренции, но *фактической монополии* молодого капитализма, поскольку первые предприятия, созданные капиталом, использовали уровень цен, созданный на базе ремесленного производства отнюдь не в обстановке широкой конкуренции. Большие капиталы — и тем более капиталистические предприятия—сами по себе были монополией в руках немногих. То же относится к торговому капиталу, поскольку недостаток капиталов, величина рисков, а следовательно, страховых надбавок, наконец, наличие возникших в этих условиях монопольных организаций внешней торговли, как Ост-Индская компания, делали колониальную эксплоатацию на основе обмена также монополией очень небольших групп капиталистов. За этим периодом следует период свободы конкуренции. Он не уничтожает той формы эксплоатации мелкого производства и тех методов накопления, о которых идет здесь речь, но вводит их в определенные рамки, в условия известного равновесия. Наконец, третий период — это период монополистического капитализма. В этот период, благодаря созданию системы национально-капиталистических организмов, отгороженных таможенным барьером от иностранной конкуренции, эксплоатация мелких производителей внутри страны на основе монопольных цен трестов снова увеличивается и снова, как и в период первоначального накопления, делается привилегией узкой группы капиталистических акул. Что же касается соответствующей эксплоатации колоний, то, с одной стороны, мы видим здесь тенденцию со стороны каждой

крупной капиталистической колониальной державы распространить монополизацию внутреннего рынка на колонии и защищать это право вооруженным путем. С другой стороны, благодаря экспорту капитала в колонии добавочная прибыль от колоний все больше принимает форму добавочной прибыли от предприятия с той же техникой, но с более низкой заработной платой. Это ведет к постепенной смене одного вида эксплоатации другим, это ведет вместе с тем к известному выравниванию условий колониального хозяйства в сравнении с метрополиями, что как раз усиливает тенденцию к закреплению за отдельными капитализмами их внутреннего рынка, который должен дать для усиленного накопления то, что теряется от развития индустрии в колониях. Ниже мы вернемся еще к вопросу о том, какую огромную роль имеет для понимания закона социалистического накопления тот факт, что социализм возникает исторически на базе монополистического капитализма, а не капитализма свободной конкуренции. Здесь же нам надо лишь отметить, что первоначальное капиталистическое накопление базировалось не только на эксплоатации мелкого производства налоговым путем, не только на основе его феодальной эксплоатации, бывшей лишь ступенью капиталистического накопления, но и было замаскировано системой рыночного обмена quasi-эквивалентов, за которой скрывался обмен меньшего количества труда на большее. В этом случае крестьянин и ремесленник эксплоатируются капиталом отчасти так же, как эксплоатируются рабочие, получающие в виде заработной платы, в виде рыночной цены своей рабочей силы лишь часть вновь созданного продукта своего труда.

После этой исторической экскурсии в область первоначального капиталистического накопления обратимся к анализу соответствующих моментов из периода предварительного социалистического накопления.

Разница с периодом первоначального капиталистического накопления заключается здесь, во-первых, в том, что социалистическое накопление должно происходить не только за счет прибавочного продукта мелкого производства, но и за счет прибавочной ценности капиталистических форм хозяйства. Во-вторых, разница здесь обусловлена тем, что

государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на спине монополистического капитализма и, следовательно, располагает такими средствами регулирования всего хозяйства и такими методами перераспределения национального дохода экономическим путем, какие были недоступны капитализму на заре его развития.

Начнем с железнодорожных тарифов. Этот могучий рычаг регулировки хозяйства, целиком находящийся в руках государства СССР, использован крайне мало в интересах этого регулирования и совсем не использован в качестве орудия первоначального социалистического накопления. Система льготных тарифов для некоторых перевозок (уголь, нефть, соль) является пока скорее способом перераспределения государственных средств, чем косвенным обложением несоциалистического круга хозяйства. Точно так же ничтожно малое значение имеют пока те немногие льготы, которыми пользуются государственные и кооперативные отправители по сравнению с частными. Использование этого рычага первоначального накопления—целиком еще музыка будущего. Лишь тогда, когда транспорт из убыточного превратится в прибыльный, возможно будет соответствующей постройкой ж.-д. тарифов, исходящих из различения государственных и частных грузов, осуществить систематическое обложение частных производителей и торговцев и срезать с этого конца часть прибыли частного капитала. Нечего доказывать при этом, что все это будет одним из тех ударов по закону ценности, которые делают экономику периода социалистического накопления эпохой постепенного изменения, ограничения и частью ликвидации этого закона [1]).

Вторым могучим рычагом первоначального накопления является монополия банковской системы. В период первоначального капиталистического накопления ростовщический кредит является средством перераспределения национального дохода из рук феодалов в руки нарождающейся и крепну-

[1]) Здесь, как и во всем дальнейшем изложении, я говорю о законе ценности, как стихийном регуляторе при товарной и товарно-капиталистической системе производства, а не о регулировании хозяйства, исходя из трудовых затрат независимо от исторически преходящей *формы* этого регулирования в меновом обществе. Такое регулирование будет существовать и при плановом хозяйстве, но будет осуществляться иным путем, т.-е. на основе прямой калькуляции рабочего времени.

щей буржуазии. Что же касается кредита, как орудия мобилизации свободных средств общества и распределения их по каналам расширенного воспроизводства, то тогда эта форма кредита или отсутствовала, или находилась в зародышевом состоянии. Наоборот, в переживаемый хозяйством СССР период предварительного социалистического накопления, т.-е. на первых стадиях его, кредитная система государства больше действует в области перераспределения свободных средств страны, чем в области перераспределения национального дохода. Это может показаться неверным, поскольку процент, взимаемый банком по ссудам (если не считать периода быстро падающей валюты), является огромным по сравнению с нормально-капиталистическими условиями, тогда как вкладная операция является довольно ничтожной. Но мы не должны ни на минуту забывать при этом того реального экономического источника, который делает возможным червонную эмиссию и ссудные операции банка из источников этой эмиссии. Если банк выпускает 60 миллионов червонцев, не колебля курса валюты, то это экономически означает, что какими-то путями товарные ценности страны на эту сумму поступили в распоряжение Госбанка в разные сроки. Если считать, что этот «заем у обращения» раскладывается между государственным хозяйством и частным хозяйством, допустим, пропорционально участию того и другого в денежном товарообороте страны, а средства этого займа идут на финансирование почти исключительно государственной и кооперативной промышленности и торговли, то перед нами здесь протекает с большой быстротой процесс социалистического накопления. Подробный теоретический и цифровой анализ этого процесса, как и действие на экономику страны всей кредитной системы в целом, будет нами рассмотрен в специальной главе второго тома.

Что же касается вопроса о перераспределении *национального* дохода при посредстве кредитной системы, то здесь основное еще в будущем. Если Госбанк берет высокий процент с госпредприятий, получающих долгосрочные или краткосрочные ссуды, то здесь перед нами не процесс накопления в государственном круге, а прежде всего процесс распределения средств внутри государственного круга. Перераспределение из частного хозяйства в социалистический

круг может происходить непосредственно лишь тогда, когда аккумулированные банковой системой путем приема вкладов средства частного хозяйства будут распределяться среди частного же хозяйства на основе более высокого процента по ссудам, и разница между всей суммой выплачиваемого банком по вкладам и того, что получается банком в виде ссудного процента и других видов оплаты его услуг, будет поступать в фонд социалистического накопления. То же мы будем иметь, если государственные средства даются в рост путем кредитования частного хозяйства. Однако последняя операция при общем недостатке капиталов в стране и прежде всего в самом государственном круге, оставаясь формально источником накопления, в настоящий момент явно невыгодна, потому что превращается на данной стадии в явное орудие капиталистического накопления за счет государственного кредита. Эта операция может существовать лишь за счет более выгодной операции кредитования госпредприятий, потому что кредитование последних обеспечивает не только банковский процент, но и накопление капитала в госпредприятиях на производственной основе. При таких условиях кредитование частной торговли и промышленности, которое, допустим, способно дать банку 10% годовых, менее выгодно, чем кредитование государственной промышленности, которая, положим, способна платить банку 8% за ссуженный капитал, но сама получает на производственной основе 15% на ссуженный капитал. В этом случае Госбанку, как таковому, выгоднее кредитовать частную промышленность и торговлю, в то время как с точки зрения всего государственного комплекса в целом и с точки зрения социалистического накопления во всем комплексе, а не на одном его госбанковском участке, такая операция является явно убыточной. Этим об'ясняется тот факт, что в настоящий момент Госбанк почти не кредитует частной торговли и промышленности, несмотря на готовность их платить больше государственных предприятий, а кредитует почти исключительно последние. С точки зрения задач социалистического накопления такая политика является единственно правильной.

Но в будущем положение в этой области должно измениться, и может наступить момент, когда кредитование частного хозяйства превратится в одно из важнейших орудий

перераспределения национального дохода в интересах государственного хозяйства и в одно из важнейших средств экономического подчинения его регулирующим центрам государственного хозяйства. Особенно большую роль может сыграть кредитная система СССР в этом отношении при развитии долгосрочного сельскохозяйственного кредита, в частности, если нам удастся заключить крупные займы за границей и Госбанк явится распорядителем этих займов при переливании иностранных средств в хозяйственный организм СССР.

Из сказанного мы видим, таким образом, что вся наша кредитная политика в настоящее время подчинена и не может не быть подчинена закону первоначального социалистического накопления.

Переходим теперь к торговле внутренней и внешней. В период первоначального капиталистического накопления торговля в двух отношениях является инструментом этого накопления. Исторически первичной формой является эксплоатация торговым капиталом мелкого ремесленного производства. Этот вид эксплоатации через торговлю и через выполнение известных производственных функций (доставка кустарям в кредит сырья и т. д.) не имеет ничего общего с торговлей продуктами, произведенными рабочими в капиталистических предприятиях. В самом деле. В первом случае торговец и скупщик, затрачивая на покупку товаров, произведенных ремесленным путем, 100 единиц и выручая за него за покрытием расходов транспорта и т. д. 150 единиц, получает 50 единиц *из дохода производителя*. Совсем иное дело, когда торговый капитал оперирует товарами капиталистического производства. Здесь средняя торговая прибыль есть лишь вычет из прибавочной ценности, создаваемой в процессе капиталистического производства. В этом случае добавочная прибыль торговца, возникающая не из капиталистического производства, может получиться лишь при обмене веществ капиталистической системы с некапиталистической средой и за счет последней. При отсутствии достаточной конкуренции она может возникать, особенно в условиях особо благоприятного положения определенных групп торгового капитала, когда сама торговля (допустим, при крайней бед-

ности страны капиталами вообще) представляет из себя почти своего рода монополию этих групп. Когда развертывание товарооборота страны, в котором главная роль принадлежит продуктам мелкобуржуазного производства, идет быстрей, чем развертывание торговой сети, и процесс отложения торгового капитала,—торговый капитал может усиливать эксплоатацию некапиталистических производителей в большей степени, чем это имело бы место при избытке торгового капитала и достаточной конкуренции. Для периода первоначального накопления с его фактической монополией как торгового, так и молодого промышленного капитала не имеет значения теоретический вопрос о том, следует ли рассматривать добавочную прибыль, прилипающую к карманам торгового капитала в условиях такой монополии, как прибыль производительного капитала, лишь реализуемую в торговле, или как прибыль торгового капитала в собственном смысле, поскольку дело идет здесь об ограблении не рабочих, а мелких производителей. Необходимо лишь строго различать прибыль этого рода от нормальной прибыли торгового капитала в развитом капиталистическом обществе, тем более, что она бывает в реальном предприятии совершенно слита со всякой другой и никакая бухгалтерия ее не разделяет. Между тем различение того и другого имеет огромное значение, потому что дело идет о двух совершенно различных источниках этой прибыли, следовательно, об обмене веществ между двумя различными системами хозяйства, что имеет важное принципиальное значение при анализе источников первоначального социалистического накопления.

Обратимся теперь к обмену в системе СССР и прежде всего к внутренней торговле. Здесь мы должны различать: 1) обмен внутри круга самого государственного хозяйства; 2) обмен внутри частного хозяйства; 3) обмен веществ между кругом государственного хозяйства и частным хозяйством.

Что касается первого подразделения, то, разумеется, здесь не может быть для социалистического накопления никаких положительных задач. Экономика обмена сводится здесь к экономике при обмене, к уменьшению издержек процесса обращения. Эти издержки представляют из себя прямой вычет из прибавочного продукта государственного хозяйства, а в том случае, когда в обмене между госпредприятиями

участвуют частные посредники, то здесь получается не только вычет из фонда социалистического накопления, но и приращение к фонду «второначального» капиталистического накопления. Как боги Эпикура гнездились в порах мирозданья, так частные посредники, в первый период выхода государственных трестов на вольный рынок, пытались разместиться не только в каналах частной торговли, но и в норах и щелях, отделяющих одно государственное предприятие от другого, и здесь собирали «издержки обращения». Рационализация госторговли означает систематическое вытеснение этих пиявок капиталистического накопления из социалистического круга и не только ведет к сокращению издержек государственного хозяйства в процессе обращения, но и к организации самого обращения собственными силами.

Что касается второго подразделения, т.-е. обмена внутри частного хозяйства, то здесь, наоборот, социалистическое накопление возможно. О внеэкономическом методе накопления из этого источника, т.-е. о налогах на торговлю продукцией частного хозяйства, мы уже говорили. Накопление другого рода, т.-е. на основе торгового обмена, не только возможно, но уже происходит отчасти и теперь и, несомненно, будет расти [1]). Примером такого накопления может служить, например, закупка у крестьян хлеба, продуктов питания вообще тем же «Хлебопродуктом» и продажа их частным потребителям на городских рынках. Торговая прибыль, получаемая таким образом, есть в сущности вычет из дохода производителей, продающих государственному органу для реализации свои товары. Когда органы госторговли и кооперации реализуют среди частных потребителей продукцию не только крестьян, но и кустарей, ремесленников и частных предпринимателей и получают при этом прибыль, то эта часть прибыли госторговли и кооперации представляет из себя рассматриваемый нами источник социалистического накопления. Борьба госторговли и кооперации с частной торговлей на этом участке обмена имеет, с точки зрения социалистического накопления, не отрицательные, а положительные задачи. Здесь происходит (к сожалению, пока в малом размере) накопление из

---

[1]) Увеличение ж.-д. тарифов на грузы частного капитала, реализуемые внутри частного же хозяйства, относится к накоплению из этого же источника.

фонда одной системы хозяйства в пользу другой. То, что будет отбито от частной торговли, при прочих равных условиях будет в той или иной мере завоевано в фонд государственного хозяйства. Я говорю, — при прочих равных условиях, потому что здесь возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных производителей, имеющая своей целью сокращение вычетов из их доходов. Целесообразна ли такая политика, это зависит от того, *что* в данный момент является более важным для государственного хозяйства: удешевление товаров в продаже и вытеснение частного капитала или же накопление в сфере обращения. Экономически же она, несомненно, может означать при известных условиях сокращение фонда социалистического накопления и подарок частному производству, — *подарок тем более тяжелый для государственного хозяйства, чем бедней это хозяйство капиталами и чем менее выгодно для него занимать в торговле часть тех капиталов, которых нехватает в самом производстве, вместо того, чтобы усилить мобилизацию средств самих мелких производителей для развития кооперативного оборота.* Впрочем, на данной стадии развития госторговля ведет свои дела хуже частной торговли и для нее наиболее актуальным вопросом является пока сокращение издержек хотя бы до уровня частной торговли. Но здесь нам важно теоретически правильно поставить всю проблему, потому что дело идет не о политике текущего дня, а о понимании основных процессов на протяжении целого периода социалистического развития. Ниже мы увидим, какие огромные трудности стоят на пути конкуренции госторговли с частным капиталом и как эти трудности упираются в основные проблемы социалистического строительства вообще. Мы должны только отметить здесь, что вследствие крайней бедности страны капиталами и в обстановке довольно быстрого развития товарооборота в ней торговая прибыль достигает огромных размеров, которые напоминают ситуацию из периода первоначального капиталистического накопления. При этих условиях этот участок накопления приобретает крайне важное значение; успехи частного капитала очень сильно задерживают здесь приток средств из мелкобуржуазной среды в фонд социалистического накопления и с'едают часть прибавочного продукта самого государственного хозяйства.

Третье подразделение, т.-е. обмен между государственным хозяйством и частным, представляет из себя пункт, где социалистическое накопление имеет перед собой и чисто отрицательные задачи как при обмене внутри своего круга, так и положительные задачи, т.-е. питание государственного хозяйства за счет внесоциалистической среды. С этой стороны реализацию продукции госпромышленности вне социалистического круга мы должны рассмотреть особо от реализации продукции частного хозяйства внутри государственного круга.

Начнем с первого процесса, т.-е. с движения товарной массы государственной промышленности во внесоциалистическую среду. Задачи, стоящие здесь, с точки зрения социалистического накопления являются отрицательными как в том случае, когда государственное хозяйство стремится сократить издержки обращения своих органов, т.-е. попросту торговать с наименьшими расходами на торговый аппарат, так и в том случае, когда дело идет о вытеснении частной торговли со всего пути, который пробегает товар трестов от фабрики до конечного звена, т.-е. до потребителя.

Что касается первой из этих задач, то дело здесь идет об улучшении организации внутри самой же системы государственного хозяйства. Наоборот, вторая задача имеет гораздо более важное значение, потому что связана с борьбой двух враждебных систем за прибавочный продукт государственного хозяйства. Здесь враг находится почти в нашем собственном доме. Необходимо здесь отметить принципиальную разницу, которая существует во взаимоотношениях, с одной стороны, между торговым и промышленным капиталом в эпоху первоначального *капиталистического* накопления, с другой— между частным торговым капиталом и государственной промышленностью в эпоху первоначального *социалистического накопления*. Если в период капиталистического накопления торговый капитал забирает из частного производительного капитала больше прибавочной стоимости, созданной в промышленности, то здесь дело идет лишь об ином распределении прибавочной стоимости *внутри одной и той же системы хозяйства*. Что сегодня с излишком аккумулировано торговым капиталом из прибавочной стоимости промышленного, то завтра возвращается в промышленность; переход избыточного капитала торговли в промышленность есть непрерывный

процесс, происходящий с самого начала возникновения капиталистического производства. Совсем иное дело, когда промышленность в ее основной части входит в одну систему, а торговый аппарат принадлежит другой, враждебной системе, как в разбираемом случае. Тогда накопление частного торгового капитала есть прямой и безвозвратный вычет из прибавочного продукта, создаваемого рабочими государственной промышленности. Если, допустим, вся годовая стоимость новых товарных ценностей, создаваемых в государственной промышленности, проходящих через торговый оборот, равна в оптовой продаже трестов 1 миллиарду, а в рознице эта товарная масса продается за 1½ миллиарда, то 500 миллионов есть прямой вычет в пользу торгового аппарата из прибавочного продукта промышленности. Если $^4/_5$ или 400 миллионов забирается частным торговым аппаратом, то этот аппарат превращается в опаснейшую дыру при самом источнике социалистического накопления и не только накопления, а и даже простого воспроизводства в системе государственного хозяйства. Здесь происходит экспроприация частным капиталом не прибавочного продукта мелкого производства, на базе которого исторически развивается капитализм и эксплоатировать которое он никогда не прекращает в дальнейшем, а экспроприация прибавочного продукта социалистической промышленности,—феномен, которого не знает экономическая история. Борьба с частным капиталом на этом участке для государственного хозяйства есть борьба против расхищения им же самим созданных ценностей. Перенесение борьбы с частным капиталом именно на этот участок является вполне правильным, как вполне правильным является стремление переходить от решения более легких задач к более трудным, т.-е. начать с овладения прежде всего оптовой и оптово-розничной торговли продуктами госпромышленности.

Таким образом, в деле овладения процессом обмена собственной продукции государственное хозяйство решает для себя задачу отрицательного характера: не дать частному капиталу того, что принадлежит по существу самому социалистическому кругу, что является его собственным фондом, созданным на его собственной производительной основе.

Совсем иначе обстоит дело с процессом движения ценностей из частного хозяйства в круг государственного хозяйства. Здесь борьба органов госторговли с частным капиталом в значительной степени есть борьба за прибавочный продукт частного хозяйства. Когда, например, заготовка сырья для промышленности на крестьянском рынке производится частным капиталом и вся дорога от производителя сырья до треста отрезана частными посредниками, то разница между покупной ценой у крестьянина и между продажной ценой для треста представляет собою в основном вычет из дохода крестьянского хозяйства. Наоборот, если государственные органы, допустим, сами ведут всю заготовку сырья, то все, что вычитается из дохода крестьянства, поступает в круг государственного хозяйства. На данной стадии первоначального социалистического накопления борьба с частным капиталом и технически трудней и имеет менее важное значение, чем борьба против расхищения частным капиталом собственного прибавочного продукта государственного хозяйства. С другой стороны, успех в этой последней борьбе, т.-е. оттеснение частного капитала от торговли продукцией госпромышленности, несомненно, усилил бы процесс перехода частного капитала, в частную промышленность—процесс, вообще говоря, экономически выгодный и неопасный при быстром росте государственного хозяйства.

Перейдем теперь к внешней торговле и к системе социалистического протекционизма (термин тов. Троцкого). Институт монополии внешней торговли имеет совершенно исключительное значение во всей системе социалистического хозяйства. Он является, во-первых, сам одним из органов социалистического накопления. Во-вторых, он является одним из важнейших органов охраны самого процесса этого накопления во всех его видах и формах, и тем самым одним из важнейших рычагов борьбы против закона ценности мирового капиталистического хозяйства. В-третьих, этот институт является одним из важнейших орудий регулирования всего хозяйства Союза.

В данном случае мы остановимся на монополии внешней торговли, лишь как на орудии социалистического накопления.

По мере развития товарности крестьянского хозяйства, по мере роста торговых связей хозяйства СССР с мировым хозяйством, увеличиваются размеры экспорта. Продукция нашей промышленности в общей сумме экспорта играла до войны меньшую роль, чем экспорт продуктов сельского хозяйства, и при восстановлении последнего надо ожидать если не восстановления старых пропорций в составе экспортируемых товаров, то очень большого развития экспорта сельскохозяйственных продуктов в сравнении с теперешним. Все это означает увеличение возможностей социалистического накопления из дохода крестьянского хозяйства. Чем больше экспорт продуктов деревни, тем больше экономическая зависимость последней от той инстанции, которая связывает крестьянское хозяйство с внешним рынком. Монополия внешней торговли не только ставит в зависимость мелкое производство от государства в деле реализации излишков, но и является важным инструментом для получения добавочной прибыли на внешнем рынке. Есть такие отрасли мировой торговли, где государственное хозяйство СССР является почти монополистом. Достаточно указать на торговлю платиной, пушниной, отчасти льном и т. д. Правда, государственная монополия торговли экспортируемыми товарами еще отнюдь не означает того, что в руках Внешторга оказывается вся разница между ценами внутреннего рынка и ценами внешнего. Если, например, Северолес, реализуя без посредников продукцию лесной промышленности, оказывается владельцем всего своего прибавочного продукта, то далеко не всегда государство передвигает экспортируемые товары по всем ступеням их движения до заграничного рынка. Если, например, хлеб покупается непосредственно у крестьян «Хлебопродуктом» и продается за границей Внешторгом, то здесь вся разница между покупной и продажной ценой проходит через руки государства. Наоборот, где заготовки ведутся через представителей частного капитала, в особенности же, где органы госторговли закупают экспортные товары у частных оптовиков, там торговая прибыль государства очень сильно урезывается в пользу частного капитала. С другой стороны, и там, где продукты экспорта заготовляются и передвигаются дальше самими органами госторговли, это отнюдь не означает, что в данном случае Внешторг получает максимальную прибыль. При нашей

весьма скверной и дорогой машине обмена сплошь да рядом вся (в процентном отношении часто огромная) разница между ценами покупки и продажными ценами на внешнем рынке целиком составляет так называемые накладные расходы, при чем чистая прибыль равна нулю. Но социалистическое накопление, особенно в первоначальный период этого накопления, отнюдь не всегда означает увеличение производительного капитала промышленности. Создание сети органов той же торговли, как создание всей минимально-необходимой постройки, обслуживающей государственное хозяйство и обеспечивающей оттеснение частного капитала с решающих позиций в экономической борьбе,—одно это есть также социалистическое накопление, только в иной форме. Как мы увидим ниже, узко-коммерческий, навеянный наблюдениями над частным капиталом, взгляд на все процессы внутри государственного хозяйства сильнейшим образом мешает пониманию самого существа социалистической формы хозяйства на ее первых ступениях и сбивает часто практически на совершенно ложный путь. За несовершенством того или иного аппарата часто не видят огромную важность этого аппарата во всей системе государственного хозяйства. И в данном случае крайняя невыгода, с коммерческой точки зрения, ряда наших торговых госорганов говорит за необходимость рационализации этой работы, а не за замену этих органов органами частными, которые «выгодней». Они выгодней, если на невыгоды социализма в его первой стадии смотреть с точки зрения капитализма, вместо того, чтобы «выгоды» капитализма (к которым неизбежно должны быть причислены и кризисы, и войны и т. д.) оценить с социалистической точки зрения даже и тогда, когда на отдельном участке *капиталистическая* форма имеет преимущество [1]).

В предыдущем анализе мы исходили из предположения, что цены на продукты госпромышленности, поглощаемые частным хозяйством, представляют из себя данную величину. Теперь нам необходимо рассмотреть крайне важный вопрос

[1]) Примечание ко 2 изданию. Я не говорю в данной связи о другой весьма важной стороне дела, а именно о том, что коммерчески невыгодный экспорт может быть весьма выгодным с точки зрения интересов всего государственного хозяйства в целом, если вырученная от него валюта идет на импорт машин для промышленности, изготовление которых у нас много дороже пока, чем за границей.

о том, какую роль играет политика цен в деле социалистического накопления. Здесь мы рассмотрим политику цен на вывозимые товары, т.-е. принципы нашей таможенной политики и ее результаты, во-первых, и политику цен наших трестов и госорганов вообще, во-вторых.

Начнем с таможенной политики. Мы говорим о таможенных пошлинах на *ввозимые* товары, потому что обложение вывозимых госорганами и Внешторгом товаров представляет из себя не новый источник накопления, а лишь иное распределение между различными госорганами (например, между Наркомфином и ВСНХ с его трестами) одной и той же суммы торговой прибыли или дохода торгового оборота [1]). Таможенная политика СССР, с ее почти запретительными ставками на продукты легкой иностранной промышленности и с большими пошлинами на продукты машиностроения, представляет из себя мощный барьер, ограждающий внутренний товарооборот страны от действия мирового закона ценности и охраняющий нашу слабую капиталами и технически отсталую социалистическую промышленность от гибели под ударами иностранной конкуренции. Эту роль социалистического протекционизма, как и роль монополии внешней торговли, мы рассмотрим при анализе столкновения закона социалистического накопления с законами ценности. В данном случае мы говорим лишь о таможенной политике, как источнике социалистического накопления.

Таможенный доход СССР распадается на две различные категории, неодинакового значения с точки зрения накопления. Таможенный доход от обложения средств и орудий производства, ввозимых для оборудования или переоборудования государственной промышленности, ни в какой мере не является орудием накопления. В самом деле. Если, допустим, текстильный синдикат закупает в Англии новые машины для текстильных фабрик на 30 миллионов рублей и 10 миллионов платит в качестве пошлины, то перед нами лишь простое перераспределение государственного же фонда между тек-

---

1) Как уже было указано выше, доход торгового аппарата и прибыль этого аппарата—вещи совершенно различные. Доход высчитывается с точки зрения всего народного хозяйства, прибыль же есть валовой доход минус издержки торгового аппарата. Аппарат должен иметь доход, т.-е. делать вычеты из народного дохода, независимо от того, имеет ли он прибыль или убыток.

стильной промышленностью и Наркомфином. Общая сумма фондов государства не изменилась бы ни на копейку, если бы пошлин на текстильные машины не было бы совсем, либо если бы они были возвращены обратно текстильному синдикату. Могут, правда, сказать, что увеличение для текстильной промышленности стоимости оборудования заставит тресты увеличить свои ставки на амортизацию и соответственно увеличить продажную цену своих изделий. Но это возражение мнимое, потому что в данном случае текстильный синдикат является лишь насосом Наркомфина, высасывающим с потребителей сумму в 10 миллионов, и для существа дела совершенно безразлично, вытянет ли он эту сумму, повысив продажную цену в целях дополнительных расходов на амортизацию, либо просто повысит эту цену, передаст ее в Наркомфин в порядке сдачи прибыли со стороны госпредприятий, а оборудование в 30 миллионов ввезет беспошлинно. Другой вопрос, что технически удобней. Вопрос сводится именно к этому. При данных ценах и прочих равных условиях фонд накопления текстильной промышленности, как и всякой другой, есть величина постоянная. Если таможенные пошлины падают на часть фонда этой промышленности и не перелагаются на потребителей, это есть перераспределение внутри государственного круга *одного и того же фонда*. Если же происходит увеличение цен, то происходит и увеличение фонда, но происходит оно вследствие увеличения цен, а не вследствие таможенной политики. Возможный размер этого увеличения определяется рядом сопутствующих экономических условий, а не величиной ставок таможенного обложения. А целесообразно ли вообще производить обложение потребителей данной отрасли промышленности под давлением обложения ввозимого для этой промышленности оборудования или целесообразней правильно построить политику цен и условия отчисления прибыли госпредприятий в кассу Наркомфина — это вопрос техники накопления, не затрагивающий происхождения самого дохода.

Таким образом, обложение ввозимых орудий производства для госпромышленности есть переложение ценностей из одного государственного кармана в другой: из фонда основного капитала госпромышленности в кассу Наркомфина. Совершенно тот же характер носит и обложение сырья для про-

мышленности. И здесь *при данном уровне цен* вопрос сводится к перераспределению государственных средств внутри государственного же круга, хотя бы это обложение и было целесообразно по другим причинам.

Совсем иначе обстоит дело с обложением орудий производства, ввозимых для частной промышленности и с импортом продуктов потребления. Здесь обложение целиком является вычетом из доходов потребительской массы, либо из фонда основного капитала частной промышленности. В самом деле, если Внешторг ввозит из-за границы сахар, обувь и т. д., поскольку продукции собственного производства нехватает, то разницу между ценами внутреннего рынка и покупной ценой за границей заплатит потребитель и получат государственные торговые органы. Даже если эту разницу выплачивает рабочий, то и в данном случае мы будем иметь увеличение доходов и накопления государства, хотя и за счет сокращения реального потребительского бюджета рабочего класса.

Так обстоит дело, если ввозимые продукты потребления лишь восполняют недостаток собственного внутреннего производства и продаются по ценам внутреннего рынка. Эта операция импорта нисколько не задержит процесса накопления и воспроизводства в других пунктах государственного хозяйства. Иначе обстоит дело, когда товаров ввозится больше, чем в состоянии поглотить рынок вместе с продуктами внутреннего производства, и когда они продаются дешевле, чем эти последние. В этом случае накопление в области торговли и через инструмент таможенного обложения покупается ценой частичного сокращения внутреннего производства, т.-е. ценой прекращения на одном из участков не только накопления *на производственной* основе, но и простого воспроизводства. Если же продуктов ввозится не больше, чем требует рынок, но они продаются дешевле, то здесь выигрыш на одном полюсе будет сопровождаться проигрышем на другом. Такая политика может быть выгодной, если потери компенсируются выигрышем, а понижение цен приводит к расширению спроса и в конечном счете выгодно для промышленности. Практическое решение в ту или другую сторону будет определяться в этом случае данными простого числового расчета.

Переходим теперь к политике цен на продукты промышленности. Эта политика имеет огромное значение не только для социалистического накопления, но и для нормального хода производства вообще, даже в его неувеличенных размерах; она имеет огромное значение для крестьянского хозяйства; она затрагивает, наконец, политические взаимоотношения пролетариата и крестьянства. Мы коснемся этой политики пока лишь с точки зрения первоначального социалистического накопления.

Основной теоретический вопрос, который нужно решить здесь с самого начала, заключается в том, возможен ли вообще эквивалентный обмен между государственным хозяйством и несоциалистической средой? Здесь можно представить себе три случая:

1) Когда государственное хозяйство получает меньше ценностей из внесоциалистической среды. В этом случае мы будем иметь дело с постоянным разложением крупного социалистического производства и постепенной распродажей ниже себестоимости ее продукции. Это разложение может принять форму либо распродажи ниже себестоимости невосстанавливаемого в полном об'еме основного капитала промышленности при постоянной заработной плате, либо в распродаже за бесценок рабочей силы промышленного пролетариата, либо, наконец, и в том, и в другом вместе. В начальный период нэпа мы имели ряд примеров такой расценки промышленной продукции, которая означала распродажу за бесценок и основного капитала, и рабочей силы пролетариата [1]). Превращение такой политики цен в систему, несомненно, означало бы постепенное распыление крупной промышленности и победу мелкого производства над крупным. Конкретные примеры читатель найдет в части об экономике промышленности. Этот случай не надо ни в коем случае смешивать с другим, когда при конкуренции цен вводится прибавка на амортизацию основного капитала, но фактически восстановления основного капитала не происходит, потому что выручаемые соответствующие суммы идут либо на повышение заработной

---

[1]) Ярким примером того же, только из капиталистической практики, может служить политика цен германской промышленности в период падающей валюты, после мировой войны.

платы, либо на запасы сырья, т.-е. идут на увеличение оборотного капитала. Такое временное позаимствование из фонда основного капитала на другие, более неотложные нужды играло большую роль в жизни советской промышленности. Этот процесс был неизбежен при крайней бедности госпромышленности оборотными капиталами и часто происходил даже при довольно высоких ценах, не ниже восстановительных.

2) Второй случай. Цены на продукты госпромышленности калькулируются таким образом, что при обмене продукции этой промышленности на продукты частного хозяйства происходит обмен эквивалентов, т.-е. ни одна из систем хозяйства не эксплоатирует другую. Такое положение вообще возможно лишь как весьма кратковременный эпизод. Считать такое положение нормальным—значит считать, что социалистическая система и система частно-товарного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна вытеснять другую. Здесь возможны: либо деградация, либо развитие, но невозможно стояние на одном месте. Говоря в данной связи о капитале, как процессе движения, Маркс писал: «Представление о капитале как самовозрастающей стоимости охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть, кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам в свою очередь заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое» [1]). Если капитал и в его индивидуальном обороте в каком-либо предприятии и — поскольку мы берем капиталистическую систему в целом в ее отношении к докапиталистической среде—представляет из себя движение, то каким же образом социалистическая форма в ее отношении к досоциалистической среде может быть «вещью, пребывающей в покое»? А что означает в данном случае дви-

---

[1]) „Капитал", т. II, стр. 81, пер. Степанова.

жение? Движение в данном случае означает одно из двух: либо капиталистическая форма быстро раз'едает тот монолитный слиток государственного хозяйства, который образовался в лаве Октябрьской революции и гражданской войны, либо социалистическая форма развивается и за счет собственного накопления, и за счет внесоциалистической среды, питаясь также и ее соками. Если капитализм есть движение, то социализм *есть еще более быстрое движение.* И то, что он теряет в скорости в период первоначального накопления в смысле развертывания своей технико-экономической базы, благодаря крайней бедности капиталами, то он *вынужден* возмещать усилением накопления за счет несоциалистической среды. Одним из важнейших средств такого накопления, кроме вышеописанных и кроме того метода, о котором будет речь ниже, является неэквивалентный обмен ценностей с внесоциалистической средой. Этот обмен с активным балансом на стороне социалистической формы возможен лишь при соответствующей политике цен на продукты государственной промышленности.

3) Таким образом, мы подходим к третьему, не только возможному, но неизбежному в наших условиях случаю, т.-е. к политике цен, сознательно рассчитанной на отчуждение *определенной* части прибавочного продукта частного хозяйства во всех его видах. Такая политика возможна, потому что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на базисе монополистического капитализма. Последний же, в результате ликвидации свободной конкуренции, приводит к созданию монопольных цен на внутреннем рынке на продукты собственной промышленности, получает добавочную прибыль вследствие эксплоатации мелкого производства, и тем подготовляет почву для политики цен периода первоначального социалистического накопления. Но сосредоточение всей крупной промышленности страны в руках единого треста, т.-е. в руках рабочего государства, в огромной степени увеличивает возможности проведения на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения частного хозяйства. Препятствия, которые встречает на этом пути государственное хозяйство, заключаются не в недостатке у него экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего в необ-

ходимости сочетать эту политику с политикой снижения цен, что достижимо лишь, если снижение себестоимости будет итти еще быстрей. А это в свою очередь предполагает необходимость переоборудования промышленности, как только предел рационализации производства при старой технике будет достигнут. Другое затруднение происходит от того, что государство является монополистом не во всех отраслях промышленности. Следовательно, политика цен должна быть рассчитана таким образом, чтобы государственное накопление не влекло за собой автоматически частно-капиталистического накопления. Я не говорю здесь, наконец, о затруднениях политического свойства, вытекающих из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства и вынуждающих часто говорить об эквивалентном обмене, хотя последний является при социализации крупной промышленности в экономически отсталой стране еще большей утопией, чем при господстве монополистического капитализма.

Накопление путем соответствующей политики цен имеет свои преимущества над другими видами прямого и косвенного обложения мелкого хозяйства. Важнейшее из них заключается в крайнем удобстве взимания, не требующем ни одной копейки на специальные налоговые аппараты.

Возражение, сводящееся к тому, что обложение на основе определенной политики цен (я сознательно избегаю говорить «на основе повышения цен», потому что обложение не только возможно при падающих ценах, но у нас оно как раз будет происходить именно при падающих или периодами при неизменных ценах; это возможно потому, что при удешевлении себестоимости продуктов снижение цен происходит не на всю сумму снижения, а на меньшую, остаток же идет в фонд социалистического накопления и повышения заработной платы) будет задевать заработную плату рабочих и деревенской бедноты,—является совершенно пустяковым. Не деревенская беднота является главным покупателем продуктов нашей промышленности. То же, что она при этом потеряет, она может получить обратно от государства в форме кредита, в форме принудительного накопления основного капитала ее хозяйства и т. д. Что же касается рабочих, то это возражение столь же неосновательно, как и возражение против косвенных налогов, которые являются вполне переложимыми с заработ-

ной платы. Числовой пример: если благодаря соответствующей политике цен рабочий класс выплачивает госпромышленности, на ряду со всем населением, допустим, 50 миллионов, то государство легко может вернуть ему эту сумму повышением зарплаты, тогда как сумма, полученная от буржуазных и мелкобуржуазных потребителей, последним не вернется и увеличит собой фонд социалистического накопления. Более подробно ко всей этой проблеме мы еще вернемся с цифрами в руках в главе об экономике промышленности.

Переходим теперь к накоплению на производственной основе, т.-е. к увеличению ценностей, создаваемых на основе расширенного воспроизводства внутри самой системы ее собственными силами.

Начнем, как и выше, сначала с воспоминаний о соответствующих моментах первоначального капиталистического накопления. Давая определение того, что называется периодом первоначального капиталистического накопления, Маркс писал: «Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителей от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует пред'историю капитала и соответствующего ему способа производства» [1]). Другими словами: период первоначального капиталистического накопления отнюдь не кончается с организацией первой капиталистической мануфактуры, а находится еще тогда в самом разгаре своего развития. Чтобы капиталистический способ производства мог стать господствующей формой производства, чтобы период первоначального капиталистического накопления сменился периодом «нормального» капиталистического накопления, чтобы отделение производителя от средств производства, т.-е. создание класса наемных рабочих, продвинулось достаточно далеко, для этого одновременно с обезземелением крестьян и с переходом самостоятельных ремесленников в ряды пролетариев должен итти с достаточной быстротой процесс производительного использования этих кадров. Чтобы выполнить в главных чертах основную задачу первоначального накопления—«отделение производителя от средств производства», капи-

---

[1]) „Капитал", т. I, ч. I, стр. 737.

тализм как раз для осуществления этой задачи и в процессе ее осуществления должен начать и все больше развивать также накопление и на производственной основе. Этот процесс шел, непрерывно развертываясь; рядом с ним продолжалось накопление экономическими и внеэкономическими методами, описанными выше. Но роль накопления на производственной основе непрерывно возрастала по мере превращения всего производства, в его основных отраслях, в капиталистическое производство. Диалектическое развертывание этого процесса, где следствие переходит в причину, Маркс выразил словами: «Поэтому с накоплением капитала развивается специфически-капиталистический способ производства, а со специфически-капиталистическим способом производства — накопление капитала» [1]).

Источником капиталистического накопления на производственной основе является эксплоатация рабочей силы. Формы этой эксплоатации примитивней, грубей на первых ступенях, когда абсолютная прибавочная стоимость занимает первое место в сравнении с относительной. В дальнейшем отношения между той и другой принимают обратный вид.

В начальный период развития капитализма, на первых капиталистических предприятиях рабочий день длинее, чем в ремесленном производстве средних веков, праздников меньше, интенсивность труда неизбежно выше. Следовательно, общая масса труда, затрачиваемого в день отдельным работником, выше, чем в ремесленном производстве средних веков. С другой стороны, заработная плата на первых капиталистических предприятиях ниже заработной платы ремесленного подмастерья. Таким образом, более низкая заработная плата, более высокий рабочий день, чем в предшествующей экономической системе, и все это на базе более высокой техники, при более высокой производительности труда — вот источники усиленного первоначального накопления на производственной основе в начальный период развития капитализма. Государство вмешивается в этот период в производственный процесс не с целью уменьшения или смягчения эксплоатации, как это имело место в последующем, а наоборот, с целью уменьшить силу сопротивления рабочего класса этой эксплоа-

---

1) „Капитал", т. I, ч. I, стр. 641, перев. Степанова.

тации. Государство стоит на-страже первоначального накопления, когда оно поддерживает процесс обезземеливания крестьян, когда оно издает законы о бродяжничестве и беспощадно вешает «бездомных бродяг», не желающих итти в ярмо капитала, когда оно издает законы о максимуме заработной платы и о минимуме рабочего дня. Враги социализма, в частности противники советской системы хозяйства, со злорадством констатируют, что в первые годы первоначального социалистического накопления заработная плата стоит у нас ниже, чем до войны и революции. Этим господам следует напомнить, что в период первоначального капиталистического накопления условия жизни наемных рабочих капиталистических фабрик, как это доказано Марксом в «Капитале» и рядом других исследователей, были значительно хуже, чем условия жизни подмастерьев, а тем более мастеров средневековья. И это несмотря на огромное техническое превосходство капиталистического производства над ремеслом. Иными словами: внешнее ухудшение жизни работающих масс в период первоначального социалистического накопления, в сравнении с положением рабочих в развитой капиталистической системе, так же мало говорит об экономическом преимуществе капитализма над социализмом, как мало ухудшение положения рабочих в первых капиталистических мануфактурах и фабриках в сравнении с ремеслом могло говорить об экономических преимуществах мелкого самостоятельного производства над капиталистическим.

Все основные методы эксплоатации рабочей силы капиталом достаточно ярко описаны в «Капитале» и общеизвестны. Я хочу здесь остановиться еще на одной стороне ее, которая имеет важное значение для соответствующего противопоставления с периодом первоначального социалистического накопления. Дело идет о хищническом расточении рабочей силы пролетариата во имя всемерной экономии в средствах производства и, следовательно, в интересах уменьшения себестоимости товаров. Вот, что говорит об этом Маркс:

«Эта экономия приводит к переполнению рабочими тесных нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках; она требует далее нагромождения опасных машин в одном и том же помещении и отсутствия приспособлений, предохраняющих от опасно-

сти; отсутствия мер предосторожности в процессах производства, которые по своей природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т. д. Мы уже не говорим об отсутствии всех учреждений, предназначенных для того, чтобы очеловечить процесс производства, сделать его приятным или хотя бы только сносным для рабочих. С капиталистической точки зрения, это было бы совершенно бесцельной и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно, расточительно в обращении с человеческим материалом; с другой стороны,—оно, благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли и своему способу конкуренции, оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, при чем для общества теряется то, что выигрывается для отдельных капиталистов» [1]). Это варварское обращение с рабочей силой, характерное для всех этапов капитализма, достигает чудовищных форм именно в период первоначального накопления, когда экономическая борьба рабочих почти еще не начиналась и соотношение сил было крайне невыгодно для рабочего класса.

Из этого периода необходимо отметить еще то обстоятельство, что капитализм тогда не нес расходов на резервную армию промышленности, которая стала экономически необходимой в последующую эпоху. Кроме того, сами капиталисты всемерно сокращали фонд своего личного потребления во имя расширения воспроизводства. Вот небольшая иллюстрация в этой области.

«В течение первого периода фабриканты были вынуждены сурово трудиться для поддержания своего существования». В особенности сильно наживались они при помощи надувательства родителей, которые им отдавали своих детей в качестве учеников и должны были дорого платить за обучение, в то время как этих учеников морили голодом. С другой стороны, средняя прибыль была низка, и накопление требовало большой бережливости. Они жили, как скряги-собиратели сокровищ, и далеко не потребляли даже процентов со своего капитала. «Во второй период они начали составлять себе небольшие состояния, но работали так же упорно, как и раньше», — потому что непосредственная эксплоатация труда

[1]) „Капитал", т. III, ч. I, стр. 61—62, пер. Степанова.

сама стоит труда, как это известно всякому надсмотрщику над рабами, — «и жили в том же самом скромном стиле, как и раньше... В третьем периоде началась роскошь, и предприятия не стали расширяться, благодаря рассылке всадников (конных коммивояжеров) за заказами во все торговые города королевства. Надо думать, что до 1690 года существовало лишь очень немного или даже вовсе не существовало капитала в 3.000—4.000 фунт. стерл., добытых в промышленности. Но приблизительно в это время или несколько позднее промышленники уже накопили денег и стали строить себе каменные дома вместо деревянных и глиняных... В Манчестере, еще в первые десятилетия XVIII века, фабрикант, угостивший своих гостей кружкой иностранного вина, вызывал толки и пересуды среди своих соседей». До появления машинного производства фабриканты, сходясь по вечерам в трактирах, никогда не потребляли больше, чем стакан пунша за 6 пенсов и пачку табаку за один пенс. Лишь в 1758 году увидели в первый раз — и это составило эпоху — «лицо, занятое промышленностью, в собственном экипаже». «Четвертый период» — последняя треть XVIII столетия — «отличается большой роскошью и расточительностью, опирающейся на расширение предприятий» (44). «Что сказал бы добрый доктор Aikin, если бы он воскрес и взглянул на теперешний Манчестер?» [1]).

Теперь обратимся к вопросу о накоплении на производственной основе в государственном хозяйстве. Источник этого накопления тот же, что и при капитализме, т.-е. труд рабочего класса, заработная плата которого должна быть ниже общей стоимости новой продукции, создаваемой этим рабочим классом. Но здесь есть ряд капитальнейших различий как в общих условиях первоначального социалистического накопления, так и в формах использования рабочей силы и ее оплаты.

Прежде всего надо вспомнить здесь тот отмеченный нами выше факт, что социалистическое накопление может вообще начаться только *после пролетарской революции*, тогда как процесс первоначального капиталистического накопления начинается и протекает до буржуазных революций. В одних странах он находится в полном разгаре во время этих революций

[1]) „Капитал", т. I, ч. I, стр. 605.

(Англия, Франция), в других он уже к этому моменту пробежал свои главные ступени (Германия). За самую возможность приступить к переустройству всей экономической системы буржуазии не приходилось платить той дани, в виде разрушения производительных сил и истребления старых запасов, чего требует пролетарская революция и гражданская война XX века. Мы не знаем, во что обойдется в других странах завоевание власти пролетариатом, но у нас это завоевание обошлось так дорого, что накопление на производственной основе не могло даже сразу начаться. Этому предшествовал период, когда общая сумма ценностей, создаваемых внутри государственного круга и поступающих в распределение внутри его и вне его, была не больше, а меньше той суммы, которая представляет из себя сумму себестоимости продукции. Период военного коммунизма ставил перед государством не проблему накопления и расширенного воспроизводства в условиях новой системы собственности, а задачу военной победы, с одной стороны, и задачу прокормления той коммуны нищих, воевавшей со всем капиталистическим миром, какой являлись тогда пролетариат и беднейшее крестьянство со своей армией. Хозяйство этого периода было военно-потребительским коммунизмом. Его задачей было—продержаться, кое-как прокормиться и победить. Дефицитность государственного хозяйства ни в каком случае не могла быть мотивом к его сокращению, а тем более—прекращению. Сокращение производства происходило лишь тогда, когда нехватало сырья и топлива. Производство, бывшее убыточным с капиталистической точки зрения и с точки зрения накопления, было необходимым и полезным с точки зрения специфических задач этого периода. Приведу маленький произвольный числовый пример: если бы мы произвели калькуляцию себестоимости продукции по отношению к типичным предприятиям того периода, то мы получили бы следующую картину (числа взяты произвольно). Стоимость сырья и амортизированных орудий производства, т.-е. постоянный капитал — 1.000, заработная плата, т.-е. переменный капитал—500, себестоимость продукта—1.500, коммерческая стоимость продукта по довоенным ценам — 600. При такой ситуации не только нет прибавочного продукта, а есть колоссальный убыток 1.500 — 600=900. Однако, при системе военного коммунизма, при его задачах, такой эффект отнюдь не был отрица-

тельным. Рабочие вырабатывали на зарплату, и еще кое-что, а именно 100, шло в общий котел государственной коммуны. Эти 100 представляли из себя не прибавочный продукт, а заем из основного капитала или растрату основного капитала. Но это заем, эта растрата составляли плюс в тот период, потому что основной капитал и запасы сырья лежали бы мертвым капиталом, если бы рабочая сила не превращала их в продукты потребления. Здесь могли быть, и фактически бывали, случаи, когда коммерческая стоимость продукции была ниже даже зарплаты, в нашем случае 400 по отношению к 500. Но в этом случае часть производства было целесообразно продолжать, раз рабочих все равно надо было кормить и нести издержки на консервацию заводов. Для государства было выгодней иметь дефицит на вырабатываемых продуктах (а не в ценностном измерении) в 100, *пуская заводы*, чем дефицит в 200 или 500 *при закрытых заводах*. Это была совершенно своеобразная экономика, в корне противоположная по своим задачам и по своим методам калькуляции капиталистическому производству.

По поводу основного стимула капиталистического производства, т.-е. прибыли, Маркс говорит: «Норма прибыли, это — та сила, которая приводит в движение капиталистическое производство; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью» [1]).

И в период первоначального капиталистического накопления капитал, уходивший из торговли в производство, приносил, как правило, прибыль. Как правило, капитализм не знал, и по самой структуре своей не мог знать, периода, когда бы он длительный период «работал», с капиталистической точки зрения, «впустую», т.-е. без прибыли, либо с убытком, покрывая последний из других источников первоначального накопления, лежащих за пределами капиталистических предприятий. Наоборот, то, что для частного капитала может существовать лишь, как исключение, как эпизод—производство без прибыли, т.-е. производство без прибавочной ценности,—то в период военного коммунизма было правилом. Перефразируя приведенную только-что фразу Маркса, мы могли бы по отношению к периоду военного коммунизма сказать: производится все и всякими способами, что может увеличить потребительский

[1]) „Капитал", т. III, ч. I, стр. 241, пер. Степанова.

фонд сегодняшнего дня, хотя бы путем растраты основного и оборотного капитала и без скорой надежды на восстановление [1]).

Но такое хозяйство долго держаться не может. С окончанием гражданской войны кончилась эта пред'история первоначального социалистического накопления, и началась его история. *Но это накопление началось не с увеличением ежегодного фонда прибавочного продукта в государственном хозяйстве, а с сокращения ежегодного дефицита в этом хозяйстве.* В этом—первая характерная черта нашего социалистического накопления по сравнению с капиталистическим.

Социалистическое накопление начинается не от нуля и поднимается выше: оно начинается с уровня ниже нуля. Нуль прибавочного продукта во всем государственном хозяйстве и в то же время нуль убытка—эта линия нуля являлась идеалом при переходе от периода военного коммунизма к периоду предварительного социалистического накопления [2]). В то время как движущим стимулом капиталистического производства является стремление к *наибольшей прибыли,* в период военного коммунизма существовало стремление к *наибольшему количеству производимых продуктов,* хотя бы ценой *наибольшего убытка,* а с начала социалистического накопления основной целью является достижение *наименьшего убытка* для всего государственного хозяйства (и по возможности для отдельных предприятий). В настоящий момент, т.-е. в 1925—1926 г., государственная промышленность и транспорт СССР в целом являются прибыльными. Если стоимость валовой продукции промышленности равна 2.500 миллионам рублей, а чистая—1.000 млн., то накопления не будет, если эти 1.000 m=v, т.-е. чистая продукция равна всей заработной плате, а m, т.-е. в данном случае не прибавочная стоимость, а прибавочный продукт [3]), равняется нулю. Наоборот, если сумма всей зара-

---

[1]) Некоторую аналогию этому в капиталистическом мире представляло хозяйство Германии периода быстро падающей марки, поскольку в целом оно было несомненно дефицитным.

[2]) Я сознательно не говорю „к периоду новой экономической политики", потому что этот термин стал теперь совершенно бессмысленным, и ниже я сделаю предложение о замене его другим.

[3]) О том, какой термин правильней—прибавочная ценность или прибавочный продукт,—см. следующую главу книги.

ботной платы ниже суммы новых ценностей, создаваемых в течение года рабочими государственной промышленности, тогда прибавочный продукт есть, хотя бы вся промышленность не только ничего не давала государству из этого продукта, но и требовала бы себе многомиллионных субсидий на восстановление основного и оборотного капиталов. За время мировой войны, революции и гражданской войны не только не было нормального воспроизводства, но происходило огромное истощение основных элементов производства. Теперь приходит их восстановление. Если при этом основные ресурсы на это восстановление брались бы не из накопления на производственной основе, а из внесоциалистической среды описанными выше методами, то это отнюдь не значило бы, что первого вида накопления не было. Если, допустим, чистая продукция года равна в госпромышленности 1.000 млн. рублей, сумма всех заработных плат, выплаченных за год,—700 миллионов, а на восстановление основного оборотного капитала пошли не только эти невидимые для государственного бюджета 1.000—700==300, но и видимые и очень тяжелые для Наркомфина 200, то это отнюдь не значит, что прибавочный продукт отсутствует. Он имеется в данном случае налицо, и, кроме того, к сумме 300 надо еще прибавить всю сумму государственных и местных налогов, выплаченных за год промышленностью, расходы на шефства и т. д. В данном случае я, разумеется, предполагаю, что стоимость переносимого на продукт С, т.-е. постоянного капитала, равного в данном примере 1.500, высчитывается правильно, и убыток промышленности, происходящий от неправильной амортизации и низких цен, не съедает прибавочного продукта, созданного рабочими. А с другой стороны, вычисление правильно и в обратном отношении, т.-е. что результат повышенных монопольных цен не приписывается производительности труда рабочих, а сносится за счет налога на частное хозяйство, в данном случае лишь незаметно взимаемого, благодаря соответствующей политике цен.

Итак, в самом начале социалистического накопления государство ведет производство, несмотря на его убыточность, и стремится лишь к наименьшему убытку во всем хозяйстве в целом и далеко не всегда к наименьшему убытку при выборе предприятий, которые надо пускать в ход (иначе в первую очередь пришлось бы остановить транспорт). Отсюда, из этого

основного различия от капиталистического накопления вытекает ряд различий производного характера. Но и тогда, когда линия нуля в области накопления перейдена, когда внешне государственное хозяйство, как целое, ведет ту же политику накопления, как и индивидуальное капиталистическое хозяйство, мы видим огромное различие между первоначальным капиталистическим и между первоначальным социалистическим накоплением. Эта разница не только в том, что принцип накопления в отдельном госпредприятии и принципы накопления в целом комплексе—две вещи разные, что крайне важно для экономической политики отдельных трестов. Эта разница связана с тем обстоятельством, что в то время как капиталистические предприятия с самого начала были технически выше и экономически сильней отдельных предприятий того способа производства, который они должны были вытеснить и подчинить себе, т. - е. мелкого производства, социалистическое производство вынуждено пробежать довольно длительный период накопления материальных ресурсов, в течение которого отдельное предприятие государственного хозяйства будет неизбежно технически не выше, а ниже, экономически не сильней, а слабей современного капиталистического предприятия передовой буржуазной страны. Вся экономика государственного хозяйства в этот период будет неизбежно подчинена, с одной стороны, задаче возможно быстрого накопления ресурсов, достаточных для перестройки технической базы промышленности на основе электрификации и экономически целесообразного распределения ее по территории, а, с другой стороны,—задаче охраны этой новой экономики от пока еще сильной капиталистической экономики. В этом смысле период первоначального социалистического накопления с ему свойственными законами будет неизбежен не только для таких отсталых крестьянских стран, как СССР, но отчасти, вероятно, и для социалистического хозяйства Европы, поскольку теперешнее европейское хозяйство, (даже без предстоящих ему разрушений от гражданской войны) экономически и технически слабее хозяйства капиталистической Северной Америки. Только в более передовых промышленных странах первоначальное социалистическое накопление будет базироваться в гораздо большей степени на прибавочном продукте рабочих, чем на ресурсах, получаемых от досоциалистических форм производ-

ства в Европе и колониях. Но эти две задачи не стояли перед капитализмом в эпоху первоначального накопления. Некоторые мероприятия против ремесла имели место, но это был скорее продукт излишества и капиталистического задора, чем экономическая необходимость для капитализма, поскольку он все равно в условиях полного равенства решительно побивал мелкое производство. С другой стороны, и покровительственная таможенная политика в странах со слабо развитой промышленностью, направленная к охране данной промышленности от конкуренции капиталистически более развитой страны, не имеет, кроме внешнего сходства, ничего общего с социалистическим протекционизмом. Там дело шло о защите одной промышленности от другой, *принадлежавших к одной и той же экономической системе*. Здесь же перед нами охрана одного способа производства, находящегося в состоянии детской слабости, от другой, смертельно враждебной ему экономической системы, которая даже в период своей старческой дряхлости экономически и технически некоторое время неизбежно будет сильней новой экономики. Только при полной беззаботности насчет теории можно в социалистическом протекционизме видеть полную аналогию с протекционизмом капиталистическим. Сравнение имело бы смысл лишь в том случае, если бы одна социалистическая страна со слабо развитой собственной промышленностью вводила пошлины для ограждения этой промышленности от социалистической промышленности более передовой страны, вместо того, чтобы войти как часть в единый хозяйственный организм социалистической экономики всех тех стран, где победил пролетариат. Тогда бы мы имели, как и при капитализме, таможенные пошлины внутри одной системы хозяйства. Но такое абсурдное положение вряд ли будет иметь когда-либо место. Кстати заметим, что даже этот пример, как и все примеры из области сравнения капиталистической экономии с социалистической, обнаруживает принципиальную разницу между той и другой в том смысле, что капитализм развертывается на основе конкуренции и взаимного отталкивания его частей, тогда как методом социалистической экспансии в области экономики (а также и политики) является взаимопритяжение частей, взаимопомощь и тенденция к единому хозяйственному комплексу. Это связано не только с военной, но и экономической необходимостью.

Выше мы говорили, что для капитализма, особенно в период первоначального накопления, характерно беспощадное, варварское, расточительное обращение с рабочей силой, которой капитализм стремится распоряжаться как всяким купленным товаром, входящим в число элементов производства. Пределами эксплоатации и нажима в эту сторону являются чисто физиологические границы эксплоатации (рабочему надо спать и есть), либо сопротивление рабочего класса. В дальнейшем соотношение сил между рабочими и капиталистами в экономической борьбе является важнейшим фактором, ограничивающим темп и размеры капиталистического накопления на производственной основе. Наоборот, с момента своей победы рабочий класс из об'екта эксплоатации превращается также и в суб'екта ее. Он не может относиться к своей собственной рабочей силе, здоровью, труду и его условиям так же, как относился к ним капиталист. В этом заключается определенная преграда для темпа социалистического накопления, преграда, которой не знала капиталистическая промышленность в первый период ее развития. Правда, мы знаем энтузиазм и героическое самоограничение рабочего класса в первые годы организации государственной промышленности, в особенности в период гражданской войны. Но такие моменты не характерны для всего периода социалистического накопления. Первым, совершенно очевидным, различием государственного хозяйства пролетариата от типичного капиталистического хозяйства является тот факт, что хотя государственное хозяйство работает на рынок и в сфере обмена является товарным производством, в отношении к рабочему оно *начинает* (но только пока начинает) выступать, как система производства для потребления производителей. Законы, управляющие движением заработной платы в период социалистического накопления, совсем иные, чем законы зарплаты при капитализме периода первоначального накопления. Наиболее ярким доказательством этого может служить тот факт, что, например, в 1920 г., когда безработица была меньше и частично чувствовался одно время недостаток в квалифицированной рабочей силе (что потребовало известных мер со стороны Наркомтруда), заработная плата была гораздо ниже, чем в 1924 году при 1.300.000 безработных в стране. При капиталистической системе, где отклонения уровня заработной платы от ценности рабочей силы опреде-

ляются спросом и предложением на рабочую силу, организованностью и силой сопротивления рабочего класса, отношения должны были бы существовать как раз обратные. Таким образом, в этот период закон заработной платы подчинен закону социалистического накопления, который находит свое выражение в сознательном самоограничении рабочего класса. Это самоограничение заменяет собой ту равнодействующую в стихийной борьбе труда с капиталом, которая при прочих равных условиях, т.-е. прежде всего при данном уровне ценности рабочей силы, определяла уровень заработной платы и уровень прибавочной стоимости в системе капиталистического производства. Социалистическое накопление есть необходимость для рабочего класса, но здесь оно выступает, как осознанная необходимость.

Тот факт, что в государственном хозяйстве СССР, несмотря на его нищету, твердо сохраняется 8-часовой рабочий день и проводятся с каждым годом все в большем масштабе меры по охране труда, точно так же возможен лишь постольку, поскольку рабочий класс является хозяином производства. При настоящем размере производства что-либо подобное было бы абсолютно невозможно для капиталистической системы.

Из особенностей, которые характерны для периода первоначального социалистического накопления в сравнении с соответствующей эпохой капитализма, необходимо отметить факт огромной безработицы, которая требует затраты значительных средств из фонда накопления—расход, который не несли рыцари первоначального накопления, открывшие впервые свои фабрики и питавшиеся резервами рабочей силы из земледелия и ремесла.

Необходимо также здесь отметить, что страшная нищета периода войны и революции, огромное снижение привычных потребностей рабочего класса служили и служат одним из факторов социалистического накопления в том смысле, что рабочему классу, после такого недавнего прошлого, легче удается провести самоограничение своих потребностей в годы, когда задачи социалистического накопления стоят на первом плане.

Основной закон первоначального социалистического накопления является центральной движущей пружиной всего

советского государственного хозяйства. Но, вероятно, этот закон имеет универсальное значение, за исключением, быть может, тех стран, которые последними перейдут к социалистической форме хозяйства. Исходя из сказанного нами выше, мы можем этот закон в той его части, которая касается перераспределения материальных ресурсов производства, формулировать следующим образом. *Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т.-е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, чем больше то материальное наследство в виде высоко-развитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты бывших колоний, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.-е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия* [1]).

Период предварительного социалистического накопления не только есть время собирания материальных ресурсов новой экономики для окончательной победы ее над капиталистической формой, но в то же время период непосредственной борьбы государственного хозяйства с частным, которое идет также

[1]) Этот закон должен, разумеется, испытать известные модификации при перенесении средств производства из одной передовой социалистической страны в отсталую.

и по линии распределения рабочих сил. Одним из интереснейших вопросов теории советского хозяйства является вопрос о том, как, в каких конкретных формах будет происходить вытеснение исторически более высокой социалистической системой хозяйства всех досоциалистических форм. Проблема расчленяется, кроме того, еще и так: чем методы борьбы социалистической формы с частным хозяйством в период предварительного социалистического накопления будут отличаться от методов борьбы в период подлинно социалистической промышленности, и, во-вторых, какая разница во взаимоотношениях социалистической формы, с одной стороны, с капиталистической, с другой стороны—с мелким товарным производством.

Как обстояло дело с победой капиталистического способа производства над докапиталистическими формами?

Вот что говорит об этом Маркс:

«С прогрессом капиталистического производства развиваются и его условия; оно подчиняет своему специфическому характеру, своим имманентным законам всю совокупность существенных предпосылок, в которых совершается процесс производства» [1]).

... «Его тенденция заключается в том, что он, по возможности, всякое производство превращает в товарное производство; главным средством для этого служит вовлечение этих способов производства в процессе его обращения; а развитое товарное производство само уже является капиталистическим товарным производством. Проникновение промышленного капитала повсюду ускоряет это превращение, а вместе с ним и превращение всех непосредственных производителей в наемных рабочих» [2]).

... «Те самые обстоятельства, которые создают основное условие капиталистического производства — существование класса наемных рабочих,—содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере, как последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим способом на всякую более старую форму производства, которая, рассчитанная преимущественно на непосредственное собственное потребление, превращает в товар только излишек продукта. Продажу продукта оно де-

[1]) „Капитал", т. III, ч. I, стр. 175, перев. Степанова.
[2]) „Капитал", т. I, стр. 87.

лает преобладающим, главным интересом, при чем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства,— таково было, наприм., первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайцы, индейцы, арабы и т. д. Но потом, пустив корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служил или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта. Сначала оно придает товарному производству характер всеобщности и потом постепенно превращает все товарное производство в капиталистическое производство» [1]).

Капиталистическое производство не страшно натуральному хозяйству, когда последнее не имеет с ним никаких точек соприкосновения, когда обе системы представляют из себя два совершенно несообщающихся друг с другом сосуда. Натуральное хозяйство просто не принимает боя, поскольку оно не втянуто в денежный товарообмен. Капитализм представляет тогда из себя атлета, который тщетно вызывает на бой, на сцену своего слабого противника, который молчит и не отзывается. И только тогда, когда этот более слабый противник развитием товарообмена вытаскивается на капиталистическую арену, его кладут на обе лопатки в процессе свободной конкурентной борьбы. Нам крайне важно подчеркнуть здесь, что для победы капиталистического способа производства над примитивным натуральным и над мелкобуржуазным было вполне достаточно тех экономических преимуществ, которые каждое капиталистическое предприятие, даже в стадии мануфактурного развития капитализма, имело над более примитивными формами хозяйства. Насилие играло, главным образом, вспомогательную роль. Оно ускоряло процесс капиталистического развития преимущественно в том отношении, что способствовало вытаскиванию натурального хозяйства на арену борьбы. Манчестерские теории буржуазии представляли из себя не только продукт обороны против абсолютизма и его вмешательства в хозяйственный процесс во вред третьему сословию, но и продукт осознания капитализмом своего чисто экономического превосходства над докапиталистическими формами превосходства, опиравшегося на многолетний опыт успешной конкурентной борьбы. Каждое капиталистическое предприятие,

[1]) „Капитал", т. II, стр. 2.

взятое отдельно, было и технически, и экономически сильней любого ремесленного предприятия или группы таких предприятий. Аршин ситца, сработанный с затратой X единиц времени в капиталистическом предприятии, был смертельным оружием капитализма в борьбе с ручным ткачем, вырабатывавшим этот аршин с затратой 2 или 3 X рабочего времени. Исход боя решал потребитель, который, покупая более дешевый продукт, тем самым голосовал за капиталистический способ производства и поддерживал его против ремесла, делаясь покупателем капиталистической продукции.

Совсем в ином положении находится государственная промышленность периода первоначального социалистического накопления по отношению к капиталистической промышленности. Совсем в ином положении находится и отдельное предприятие государственной промышленности по отношению к типичному капиталистическому предприятию того же рода. Это ни на минуту не надо упускать из вида, как только мы ставим перед собой животрепещущий вопрос о том, как вообще может и должен протекать процесс вытеснения капиталистической формы социалистической. Вульгарное представление, согласно которому социалистическая форма уже в первый период ее существования побеждает капиталистическую в конкурентной борьбе так же, как капиталистическая фабрика побеждала ремесло, представляет из себя грубую, поверхностную, некритическую аналогию с прошлым. Эта аналогия не освещает вопрос, а затемняет всю проблему. Разумеется, делать такие поверхностные и некритические аналогии гораздо легче, чем понять своеобразную особенность периода первоначального социалистического накопления. Их и делали достаточно много у нас в экономической литературе после ликвидации военного коммунизма с весьма жалким успехом. Экономическая политика пролетарского государства, поскольку она была правильной и не сбивалась на путь такого социалистического манчестерства, проводила ощупью и стихийно нечто как раз обратное тому, что логически и практически вытекало из подобного сорта аналогий, заменявших одно время научно-марксистский анализ нашего хозяйства.

В настоящий момент наше государственное хозяйство и технически, и экономически слабей капиталистического хозяйства Европы и Америки. Советское хозяйство Европы после

победы в ней диктатуры пролетариата будет, вероятно, слабей хозяйства капиталистической Америки. В первоначальный период своего развития социалистическая форма, вследствие отсутствия как материальных предпосылок, необходимых для перестройки ее технического базиса, так и вследствие отсутствия необходимых предпосылок социалистической культуры и социалистического воспитания работающего пролетариата, не может развить всех преимуществ, органически свойственных социализму, наличие которых делает социалистическую форму исторически более прогрессивной, чем капитализм. В период предварительного накопления социалистическая форма, как мы сказали выше, еще не развивает всех своих преимуществ, но утрачивает некоторые преимущества капиталистического хозяйства. Наоборот, последнее стоит во всеоружии основных своих преимуществ, что даже в период упадка капитализм вообще делает для социалистической формы невозможной конкурентную борьбу с капитализмом на основе равенства. Для государственного хозяйства пролетариата было бы полнейшим (и глупейшим) самоубийством пытаться бить капитализм на арене свободной конкурентной борьбы уже на теперешней стадии развития социалистического хозяйства. Последнее было бы разложено и, в конце концов, бито в этой борьбе. Не надо забывать, что если все наше государственное хозяйство при прочих равных условиях в первые годы в целом слабей капиталистического (для точности сравнения скажу так: наша государственная промышленность с 1918 до 1925 г. была слабей нашей же довоенной крупной капиталистической промышленности), то и отдельное государственное предприятие при прочих равных условиях слабей капиталистического предприятия. По отношению к заграничной капиталистической промышленности это выражается в том, что продукты нашей промышленности в огромном большинстве дороже и хуже заграничных и иными быть не могут [1]). Внутри же страны частная промышленность слабей только потому, что она находится не в равных условиях для борьбы. В руках государства находятся с самого начала крупные и технически самые лучшие предприятия. А во-

---

1) Например, техника нашей текстильной промышленности после революции лет на 15 отстала от английской, много предприятий металлургической промышленности (Урал) представляют из себя старый хлам и т. д., и т. д.

вторых, что самое важное, частная промышленность во всем остальном поставлена в менее выгодные условия, чем государственная промышленность. Благодаря совершенно правильной социалистической политике государственное хозяйство, а, следовательно, отдельные государственные предприятия, только *как часть этого целого,* оказываются сильней частных, т.-е. сильней в условиях неравенства сторон. А если это все так,—а это именно так,—то отсюда следует, что победа социалистической формы над капиталистической в период экономической и технической слабости государственного хозяйства, т.-е. в период первоначального социалистического накопления, не может ни в каком случае происходить в результате конкурентной борьбы отдельных государственных предприятий или групп их с отдельными аналогичными предприятиями капиталистического характера. Для победы этим путем государственным предприятиям нехватает того главного, что было у капиталистических предприятий, боровшихся с ремеслом: нет индивидуального экономического и технического преимущества над предприятиями исторически более низшей формы. Но если социалистическая форма должна победить и она побеждает уже постепенно на стадии предварительного социалистического накопления (само накопление, т.-е. расширенное социалистическое воспроизводство, есть уже продукт борьбы, один из ее трофеев), то для этого должны быть какие-то другие причины, выходящие за пределы конкурентной борьбы индивидуальных предприятий двух различных экономических систем. В чем же эти причины, в де то особенное, что отличает социалистическую экспансию от экспансии капиталистической, что делает социалистическую форму в борьбе с капиталистической более устойчивой?

Первая самая важная особенность состоит в том, что государственное хозяйство вступает в борьбу и не может не вступать в борьбу только как единое целое. Отдельное предприятие государства, оторванное от целого и брошенное в стадию конкурентной борьбы, вероятно, не выдержало бы и было бы бито. Но то же предприятие, находясь в едином комплексе государственного хозяйства, имеет за собой всю силу этого комплекса, а потому оно уже не является ни в какой мере единичным предприятием или трестом старого капиталистического типа, даже когда оно «переведено на хозяйственный

расчет» и внешне как будто бы подобно индивидуальному предприятию товарного хозяйства или капиталистическому тресту. *Как труд на основах кооперации представляет из себя нечто большее, чем сумму индивидуальных рабочих сил, об'единенных этой кооперативной работой, так и целостный комплекс государственного хозяйства есть нечто большее, чем арифметическая сумма всех входящих в него предприятий и трестов.* Здесь получается добавочная сила от огромной кооперации нового типа—результат действия большой организованной экономической массы. Когда создавались и переводились на хозяйственный расчет наши тресты, то внешняя видимость этих трестов, их капиталистический облик и капиталистические методы калькуляции дали ряду вульгарных экономистов повод создать что-то вроде «теории» конкурентной борьбы отдельных государственных предприятий с капиталистическими,—теории, которая подозрительным образом об'единила марксистски образованных или, по крайней мере, грамотных людей с верхоглядами и обывателями буржуазной «науки».

Но практические потребности огромной машины государственного хозяйства и его отдельных звеньев, фактическая политика, диктуемая этой машине экономической необходимостью, есть вещь гораздо более солидная, чем эти грошовые обывательские рассуждения, представляющие из себя попытку временные поверхностные явления при переходе государственного хозяйства от военного коммунизма к периоду социалистического накопления (или, как принято говорить у нас, к нэпу [1]), т.-е. явления известной дезорганизации, разбросанности трестов, отсутствие управления ими и т. д., выдать за нормальный тип взаимоотношений трестов друг с другом и с частным рынком. Между тем, как только период реорганизации, период расстановки экономических сил государственного хо-

---

1) Новая экономическая политика была „новой“, пока жива была память о „старой“ экономической политике военного коммунизма, которой она противопоставлялась. Необходимо ликвидировать этот термин. Начало положено словом НЭП, которое одновременно употребляется в трех смыслах, обозначая: 1) новую экономическую политику, 2) всю нашу смешанную товарно-социалистическую систему хозяйства, 3) буржуазное начало в нашей экономике. Вместо „новая экономическая политика“ теперь правильней и целесообразней говорить: политика первоначального социалистического накопления; период социалистического накопления.

зяйства применительно к условиям товарного обмена закончился и были сделаны первые шаги в новой обстановке, начался процесс «собирания» государственного хозяйства, как единого целого, нащупывания и практического использования тех преимуществ, которые дает кооперация больших экономических масс, и, наконец, постепенного сужения поля «свободной» конкуренции государственного хозяйства с частным [1]).

Другой причиной, которая делает устойчивой социалистическую форму в борьбе с капиталистической и которая также не имеет ничего общего со свободной конкурентной борьбой (а как раз наоборот), есть сращивание государственной власти с государственным хозяйством. В период первоначального капиталистического накопления государство часто способствует этому процессу, в том числе и мерами насилия; но это содействие государства капиталистическому развитию, а также и противодействие его, как феодального государства этому развитию, не идет ни в какое сравнение с той ролью, какую играет пролетарское государство в экономическом процессе. Некоторое представление об этом из прошлого может дать лишь период военно-государственного капитализма эпохи империалистической войны. В какой огромной степени сращивание капиталистического государства с капиталистическим хозяйством может увеличить силу и устойчивость данного политико-экономического механизма, показал опыт военно-государственного капитализма в Германии в 1914—1918 годах. При пролетарской диктатуре этот процесс сращивания идет гораздо дальше. Пролетарское государство и пролетарское хозяйство представляют собой единое целое в полном смысле этого слова. Этот сплав политической и экономической мощи в огромнейшей степени увеличивает как политическую силу государства, так и экономическую силу государственного хозяйства. Мы уже указывали выше, какую огромную роль играют внеэкономические методы социалистического накопления. Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, в пределах экономиче-

---

[1]) То, что заставляло одно время всех белогвардейцев истерически кричать о возвращении к методам военного коммунизма, было на самом деле лишь процессом консолидации государственного хозяйства и началом перехода к тем методам борьбы его за свое существование и развитие, которые будут характерны для всего периода первоначального социалистического накопления.

ски возможного, целесообразного и технически досягаемого), не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления, так сказать, потенциальным фондом государственного хозяйства. С другой стороны, монополия внешней торговли и наш защитительный барьер таможенных пошлин, о который разбиваются волны закона ценности мирового хозяйства, есть реализация внутренней политической силы пролетарского государства и внешней поддержки его со стороны мирового пролетариата. Экономическое значение использования этих сил на этом участке имеет прямо решающее значение для всего существования социалистической формы в младенческий период ее существования.

Таким образом мы приходим к выводу, что если между капиталистической и социалистической экспансией есть то формальное сходство, что обеим формам имманентно присуще стремление развиваться не только за счет своих собственных ресурсов, но и неизбежно за счет вытеснения исторически отсталых способов производства и за счет их постоянной эксплоатации, то методы борьбы со старыми формами у капитализма и социализма совершенно отличны. Капитализм побеждает в рассыпном строю, в условиях свободной конкуренции с докапиталистическими формами хозяйства. Социализм побеждает в сомкнутом строю государственного хозяйства, выступающего как единое целое, амальгамированного с политической властью, в условиях систематического ограничения и почти ликвидации свободной конкуренции. Видимость свободы конкуренции после ликвидации политики военного коммунизма была лишь педагогической мерой для подтягивания и рационализации работы государственных предприятий, а не была возвращением к исторически свойственной капитализму в его первой и второй стадии развития форме взаимоотношений со старым способом производства. Социализму присуща *своя собственная форма взаимоотношения с досоциалистическими формами,* которая ни в какой мере не может быть возрождением обстановки первоначального капиталистического накопления, она не может быть возрождением и той свободы конкуренции, от которой сам капитализм перешел в стадию монополистических об'единений. Мы ничего не можем сказать о том, в каких формах будет происходить вытеснение социализмом других экономических систем производства в тот период,

когда социалистическое хозяйство будет иметь под собой новую техническую базу. Но для обозреваемого теперь периода первоначального социалистического накопления такими методами достижения стимула расширенного социалистического воспроизводства являются: ограничение или даже ликвидация свободы конкуренции, всемерное использование преимуществ государственной монополии, борьба единым комплексом государственного хозяйства, комбинация экономических средств с политическими.

Что же касается непосредственных взаимоотношений между государственным хозяйством и мелкобуржуазным способом производства, то такие взаимоотношения должны внести нечто столь же новое в экономическую историю человеческого общества, как и вся новая социалистическая экономика вообще. Подчиняя себе неокапитализм, государственное хозяйство подчиняет себе и его подчиненных, т.-е. элементы простого товарного производства, на которых этот капитализм второго издания возникает. Но рядом с этим неизбежна целая система непосредственных взаимоотношений между мелким производством и государственным хозяйством. Сущность этих взаимоотношений должна определяться следующим. Мелкое производство разбивается на три части. Одна часть длительный период остается мелким производством, другая кооперируется [1]) капиталистическим путем, третья, в обход этому последнему процессу, об'единяется на основах какой-то новой кооперации, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством.

Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одним из ручейков которой являются, повидимому, крестьянские коммуны и артели, еще должна только развиться. Мы не можем поэтому давать теоретический анализ того, что еще не существует, а только должно возникнуть. Заметим здесь кстати, что у нас еще не найдены такие пути использования государственной монополии в интересах кооперации,

---

[1]) Я говорю здесь не о потребительской или иной кооперации в обычном смысле, а о кооперации, как об'единенном труде, т.-е. в том смысле, в каком Маркс говорит о кооперации в главах первого тома „Капитала“, посвященных мануфактуре и машине.

которые в условиях ограничения свободы конкуренции для капиталистической формы давали бы максимальные результаты [1]).

Чтобы покончить с затронутым вопросом, мы должны сказать еще следующее. В период первоначального социалистического накопления государственное хозяйство, хотя и не перестроившее своей техники, уже в состоянии использовать те преимущества единого организованного комплекса, которые недоступны капитализму, растрачивающему зря много сил вследствие анархичности его структуры. Попытки использовать эти преимущества при системе военного коммунизма не были неудачными, но плоды их затерялись и потонули в той дыре общего хозяйственного дефицита, который был характерен для этой системы хозяйства. Теперь эти преимущества были бы гораздо более заметны, если бы мы, наконец, осуществили насущнейшую организационную, а вместе с тем и важную общеэкономическую задачу управления всем государственным хозяйством, как единым целым [2]).

Вместе с тем здесь надо упомянуть еще о преимуществе, которое имеет капитализм над государственным хозяйством в том отношении, что он уже выработал в предыдущую эпоху необходимый ему людской материал, такой тип агентов производства и распределения, которые воспитаны на капиталистических стимулах к труду и приспособлены к капиталистической дисциплине. Наоборот, тип «работников государственного хозяйства», как особый социальный тип, еще только формируется, что вынуждает новую систему хозяйства опираться на старых людей, неся при этом огромные убытки от бесхозяйственности, злоупотреблений и т. д. Как мы увидим из особой главы другого тома, накопление социалистических навыков и накопление социалистической культуры имеет крайне важное значение в борьбе социалистического производства с капиталистическим. По крайней мере, в первое десятилетие капита-

---

1) Историческая задача капитализма состоит, между прочим, в том, что на основе обмена он делает все участвующие в обмене формы хозяйства частями единого экономического организма. Тем самым и мелкое товарное производство с самого начала имеет возможность вступить в непосредственную связь с государственным.

2) С тех пор, как писались эти строки, этот процесс уже значительно продвинулся вперед. (*Примечание ко 2-му изданию*).

лизм в этой области имеет явное преобладание над социализмом, потому что имеет в своих руках плоды векового культурного накопления.

Другая причина устойчивости капиталистической формы в борьбе с социалистической, особенно отчетливо выступающая в мелкой и средней торговле, заключается в том, что частные предприятия эксплоатируют труд своих рабочих и служащих, а также и труд самих хозяев, переходя всякие пределы допустимого советским законодательством об охране труда. Социалистическая система не может уменьшать свои издержки производства и обращения таким путем. А в тот период, когда эта форма не может бить частное хозяйство и на экономической основе, такое преимущество частного хозяйства имеет огромное значение, особенно в торговле. При системе самоэксплоатации торговцев, при отсутствии у них расходов на отчетность, при личном доверии хозяина к служащим (продукт приспособления работника к потребностям капиталистических отношений) государственная торговля вряд ли будет когда-либо связана с меньшими издержками на единицу оборота. Преимущество социализма (строгая охрана труда) превращается здесь в преимущество капитализма, поскольку дело идет о соревновании в деле сокращения издержек обращения.

После всего сказанного для нас будет ясней и проблема внешних займов и концессий в период социалистического накопления. Внешний долгосрочный заем за границей, с одной стороны, является одним из видов эксплоатации иностранным капиталом молодой новой экономики. Но, с другой стороны, он в сильнейшей степени способен ускорить процесс социалистического накопления. Он означает единовременное скачкообразное увеличение фонда социалистического накопления, он ускоряет процесс технического переоборудования государственного хозяйства и, следовательно, сокращает период пребывания государственной промышленности в приготовительном классе социализма. Он дает возможность занять многие десятки тысяч безработных рабочих, которые теперь оторваны от производства вследствие недостатка материальных элементов производства в руках государства, и тем самым делает этих безработных участниками социалистического накопления. Рассуждая теоретически, иностранные займы представляют из себя синтез капиталистического и социалистического накопления.

Но они могут стать в гораздо большей степени фактором социалистического, чем капиталистического накопления в период упадка капитализма. Процент, который будет уплачиваться государственным хозяйством за кредит, будет, несомненно, много меньше тех новых ценностей, которые войдут в фонд социалистического накопления. При этом, разумеется, подразумевается, что государство является вполне свободным в распоряжении кредитами и обязательство уплаты процентов есть единственная форма связи заимодавца с кредитором. Любопытно будет вспомнить, что инвестирование капиталов из хозяйственно-дряхлеющих стран в более молодые и развивающиеся капиталистические организмы за границей играло очень большую роль в период первоначального накопления. Так, например, когда Венеция потеряла гегемонию в торговле на Средиземном море, накопленные венецианским торговым капиталом средства стали помещаться в торговлю и промышленность Голландии. Через известное время, однако, капиталы из Голландии стали перекочевывать в Англию, затем из Англии в Америку. «Уже в начале XVIII века голландские мануфактуры были далеко превзойдены английскими, и голландцы перестали быть господствующей торговой и промышленной нацией. В период 1700—1776 г.г. одним из главных предприятий голландцев становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке—Англии. Подобные же отношения создались в настоящее время между Англией и Соединенными Штатами. Многие, не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют лишь вчера капитализированную в Англии кровь рабочих детей» [1]).

Во всяком случае, если бы, например, средства дряхлеющего капитализма Европы были способны в большом масштабе перекочевать в молодое советское хозяйство, на промежуток между настоящим моментом и пролетарской революцией в Европе, это было бы плюсом не для капитализма, а для социализма. Если в этом процессе хитрость гегелевского мирового разума должна выявиться в приманке этих капиталов процентом, то на это не стоило бы жалеть и повышенного процента в сравнении с обычным средним [2]).

---

[1]) „Капитал“, т. I, стр. 780.

[2]) К сожалению, есть не меньше оснований ожидать, что мировой капи-

Иначе обстоит дело с концессиями. Здесь отношение между социалистическим и капиталистическим накоплением скорее как раз обратное. Организатором накопления является частный капитал, государство же получает проценты в виде долевого отчисления с продукции, аренды, в виде налогов, права преимущественной покупки и т. д. Но отрицательная сторона концессий заключается не в том, что государство получает из прибавочной ценности меньше капиталиста. При выгодно сданной концессии государство получает нечто в фонд накопления, вообще говоря, там, где не получило бы ничего без концессионера, увеличивая на еще большую сумму национальный доход страны, складывающийся из $v + m$. Основная отрицательная сторона концессий заключается в том, что здесь государственное хозяйство периода первоначального социалистического накопления, т.-е. в период своей максимальной слабости, вступает в непосредственное соприкосновение с иностранным капиталом, идущим во всеоружии своей техники, излишков основного и оборотного капитала, имея большие резервы новых капиталов в своем буржуазном тылу. Большие концессии в основных отраслях государственной промышленности, страдающей от недостатка капитала, с самого начала покажут, что эти предприятия находятся в неравных условиях с государственными. Эти предприятия немедленно реализуют те выгоды, которые имеет развитая иностранная капиталистическая промышленность над нашей. Здесь мы будем иметь обход нашего таможенного кордона и состязание двух систем хозяйства при неблагоприятном соотношении сил для государственного хозяйства. Итог может быть здесь таков, что слишком большая доза концессий, принятая в организм государственного хозяйства, начнет разлагать последнее, как в свое время капитализм разлагал более слабое натуральное хозяйство. Это разложение выразится, между прочим, и в том, что рабочие в капиталистических предприятиях будут находиться в лучших материальных условиях, чем рабочие государственной промышленности, что, несомненно, будет иметь свои политические последствия. Все это относится, разумеется, только к первому периоду существования государственного хозяйства, к периоду первоначального накопления. Когда же социа-

тал будет искать решение проблемы о новых рынках и экспорте капитала не в такой форме, а в форме новой интервенции против Советского Союза.

листическая форма окрепнет экономически и технически, концессии не будут уже опасны. Но они тогда будут и менее нужны, потому что только крайняя нужда в новых капиталах заставляет итти по пути концессий. Сказанное, разумеется, не относится к концессиям, принимаемым в умеренной дозе, не в хозяйственных центрах СССР и не в решающих отраслях производства. Примером наиболее полезных и наименее опасных концессий могут служить лесные концессии.

Во всяком случае осторожность в области концессионной политики является отражением той же самой экономической необходимости, которая заставляет хозяйство СССР всемерно поддерживать монополию внешней торговли и систему самого жесткого протекционизма. Дело идет и здесь также об обеспечении необходимых предпосылок для социалистического накопления. И здесь, следовательно, перед нами борьба закона социалистического накопления с законом стоимости мирового капиталистического хозяйства.

БОРЬБА ДВУХ ЗАКОНОВ

Теперь мы перейдем к последней, самой интересной с теоретической точки зрения, проблеме: к вопросу о борьбе двух законов — закона ценности и закона первоначального социалистического накопления — внутри хозяйства СССР.

Из предыдущего изложения было видно, что закону социалистического накопления подчинена вся экономическая политика советского государства и экономика государственного хозяйства. Невозможно говорить ни о каких законах движения заработной платы в государственном хозяйстве СССР и ни о какой теории заработной платы без анализа закона социалистического накопления и его проявления на этом участке экономического поля. Этому же закону подчинена—а поскольку не подчинена еще, должна будет подчиниться с железной необходимостью—политика цен на продукцию госпромышленности и система железнодорожных и водных тарифов. Закону социалистического накопления подчинена структура доходной части бюджета с системой обложения частного хозяйства в пользу социалистического (разумеется, с поправками на экономическую возможность и политическую целесообразность). Закону этого накопления подчинена структура

расходной части бюджета. Монополия внешней торговли и система социалистического протекционизма есть оборона социалистического хозяйства на данной его стадии, т.-е. защита известного поля, обеспеченного для социалистического накопления, против вторжения в эти пределы носителей капиталистического накопления. Закону социалистического накопления подчинена вся наша кредитная система и по методам ее организации и по принципам ее политики, прежде всего по принципам распределения кредитных ресурсов страны. Тому же закону подчинена наша торговая политика внутри страны. с ее постоянным стремлением к вытеснению из оборота частного хозяйства и к проведению ряда мероприятий, направленных к регулированию внутреннего рынка. Это регулирование [1]) есть борьба за иную форму организации труда, а с точки зрения распределения материальных ресурсов представляет из себя также либо ограничение темпа и размеров капиталистического накопления в процессе обращения, либо увеличение социалистического накопления в этой сфере, либо осуществление того и другого вместе. Наша политика по охране труда, с одной стороны, есть политика сохранения и качественного улучшения важнейшей производительной силы, важнейшего элемента социалистического накопления, а именно рабочей силы пролетариата, а с другой стороны, в ее распространении на частное хозяйство, эта политика означает сокращение темпа и размеров капиталистического накопления.

Одним словом, все основные процессы внутри государственного хозяйства и общие принципы хозяйственной политики пролетарского государства подчинены в *настоящей стадии развития* прежде всего и больше всего экономической необходимости всемерного накопления и всемерной экономии и бережливости. Эта политика не во всех областях проводится с достаточной полнотой и последовательностью, например, не проведена в области борьбы с непроизводительным потреблением и т. д., но все это лишь вопрос времени.

---

[1]) Вообще регулирующие начала в нашем хозяйстве есть организационные ростки новой экономики—экономики государственного организованного хозяйства. Но на данной стадии эти ростки пускают корни и крепнут, выполняя *прежде* всего *функции первоначального социалистического накопления*, понимая под этим термином и борьбу за существование всего комплекса в данной обстановке. Вырастая исторически главным образом на этой функции, они в дальнейшем будут играть иную роль.

Но государственное хозяйство СССР есть только часть всего хозяйственного целого страны. Большая часть ценностей создается в частном хозяйстве, точнее, в сфере простого товарного производства, как это мы увидим в следующем томе из подробного цифрового анализа нашего хозяйственного бюджета. Наша экономика в целом является товарно-социалистической системой хозяйства. Закон социалистического накопления коренится прежде всего в головных социалистических звеньях хозяйства, т.-е. в государственном хозяйстве, и распространяет в известной мере свое действие на частное хозяйство лишь как на чужеродную среду. Наоборот, имманентным законом простого и капиталистического хозяйства является закон ценности, который также распространяет свое действие и на государственное хозяйство. Так как хозяйство СССР представляет из себя совершенно невиданный в экономической истории пример сожительства двух различных и по природе антагонистических систем хозяйства, с разными типами регулирования, то оно должно быть также ареной не только борьбы, но и известного равновесия, следовательно, об'ективно известного сожительства двух различных экономических законов.

Закон социалистического накопления ограничен «демократией» товарного хозяйства, с присущей последнему тенденцией развития и методами регулирования. Товарное хозяйство внутри страны ограничено, охвачено, если хотите, сжато законом социалистического накопления, законами развития чужеродного для него социалистического тела, а от мирового рынка отгорожено монополией внешней торговли и системой таможенных пошлин. Поэтому наше хозяйство, не будучи еще социалистическим, не является уже также и чисто товарным.

Вопрос о научно-экономической квалификации нашей системы хозяйства вызвал и не раз будет еще некоторое (надеемся, непродолжительное) время вызывать много споров. Одно время у нас считалось верхом делеческого реализма и коммунистического мужества трактовать наше хозяйство, как одну из разновидностей товарного хозяйства, лишь несколько искаженного, в результате государственной собственности на крупную промышленность. Эта точка зрения молчаливо предполагала существование в нашем хозяйстве лишь одного осно-

вного закона, действующего в товарном хозяйстве,—закона ценности. Если бы это было так, то под действием этого закона, напирающего и извнутри и извне, государственная промышленность должна была бы рассасываться в нэпе, если не рассосаться к настоящему моменту совсем, государственная монополия должна была бы делаться все более фиктивной, убыточные предприятия должны были бы закрываться, и существовать только прибыльные и т. д. В частности транспорт и металлургия должны были бы или остановиться, или перейти в руки иностранного капитала. Ничего этого мы не наблюдаем, а наблюдаем, как постепенно развивается и крепнет на ряду с развитием товарности крестьянского хозяйства как раз обратный процесс. Почему же это? Если этот процесс развивается не по линии регулятора товарного хозяйства, а вопреки ему, если государственная промышленность развивается и крепнет вопреки действию закона ценности, то это возможно лишь потому, что закону ценности противодействует, этот закон модифицирует, отклоняет или частично ликвидирует какой-то другой закон. Какой это закон, мы отчасти уже видели.

Этот вывод имеет огромное принципиальное значение для правильного понимания нашей системы хозяйства и основных тенденций его развития. Но констатируя наличность в этом хозяйстве двух основных законов, мы еще не даем никакого ответа на вопрос об удельном экономическом весе и динамике каждого из них. Это должно быть предметом особого анализа. Необходимо лишь заметить, что, только исходя из признания этих двух законов, как предпосылки каждого конкретного исследования об общих тенденциях нашего хозяйства, мы в состоянии правильно понять массу новых и своеобразных черт в этом хозяйстве. Эти новые черты и явления никак нельзя вывести из развития товарного хозяйства, как такового. Поэтому тем, кто рассматривает наше хозяйство только как товарное хозяйство, приходится либо оставлять эти явления без об'яснения, либо накоплять гору «исключений», которые вопиют о каком-то общем правиле, либо (что чаще всего бывает) глубокомысленно записывать их в счет особенностей «хозяйства с диктатурой пролетариата». Я думаю, что подобного сорта «теоретический анализ» мы переросли и повторение несколько лет подряд одних и тех же фраз о нэпе давным давно нам надоело своей бессодержательностью и бесплодием.

Посмотрим же, до каких пределов простирается в нашем хозяйстве действие законов товарного производства, в частности их влияние на наше государственное хозяйство и, с другой стороны, в какой степени законы товарного производства изменены или частично ликвидируются законом социалистического накопления.

Начнем с законов товарного производства.

Товарное производство как простое, так и капиталистическое товарное производство, есть производство для рынка. В области обращения у нас, после ликвидации военного коммунизма, господствует денежный товарообмен. Он господствует не только внутри всего частного хозяйства (разумеется, минус натуральное), не только при обмене веществ между государственным хозяйством и частным, но и в огромной части также при обмене веществ внутри круга государственного хозяйства. Вот эта почти универсальная у нас форма денежного товарообмена и денежной калькуляции принимается многими за показатель поля приложения и силы господства закона ценности, как регулятора всех хозяйственных процессов. Это обстоятельство, несомненно, лежит в основе всей той переоценки роли и значения законов товарного хозяйства, которая мешала и мешает многим понять действительную сущность нашей хозяйственной системы. *Однако, между областью распространения денежного товарообмена и значимостью закона ценности ни в коем случае нельзя проводить знак равенства.* Этого нельзя делать даже в отношении чистого капитализма, поскольку уже в монополистический период капитализма закон ценности частично ликвидируется, как и все другие связанные с ним законы товарного производства. В самых основах товарного производства происходят сильнейшие изменения. Цитируя буржуазного экономиста Кестнера, описывающего те изменения, которые вносит в систему торговли капитализм периода монополии, т. Ленин в своей брошюре «Империализм, как новейший этап капитализма» писал: «В переводе на человеческий язык это значит: развитие капитализма дошло до того, что хотя товарное производство «царит» и считается основой всего хозяйства, *но на деле оно уже подорвано* [1]) (подчеркнуто мной. *Е. П.).* И в той же брошюре в другом месте т. Ленин

[1]) *В. Ленин*—„Империализм, как новейший этап капитализма", стр. 23. Издание „Красной Нови".

пишет: «Старый капитализм свободной конкуренции, с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое. Ему на смену пришел новый капитализм, носящий на себе черты чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции с монополией. Естественно напрашивается вопрос: к *чему* переходит этот новейший капитализм?—Но поставить этот вопрос буржуазные ученые боятся»[1]).

Мы знаем теперь после Октябрьской революции по опыту, «к чему переходит» капитализм периода монополии. Он переходит во всяком случае не к свободе конкуренции, а к монополии, гораздо более широкой и всеобъемлющей, чем монополия американских трестов. Он переходит к монополии государства на всю крупную и среднюю промышленность, на транспорт, кредитную систему, оптовую и отчасти розничную торговлю, и окружает себя мощной кооперативной сетью. В этом смысле наше государственное хозяйство является исторически продолжением и усугублением монополистических тенденций капитализма, а следовательно, и продолжением этих тенденций в направлении дальнейшего перерождения товарного хозяйства и дальнейшей ликвидации закона ценности. Если уже в период монополистского капитализма товарное хозяйство было по выражению тов. Ленина, «подорвано», то в какой же степени оно и его законы, следовательно, и его основной закон ценности, подорваны в хозяйственной системе СССР?

Между морем нашего простого товарного производства и нашим государственным хозяйством имеются крайне слабые промежуточные звенья капиталистического производства, и лишь в области обмена имеется огромное звено в виде частного торгового капитала. При таком положении, т.-е. пока частный промышленный капитал еще очень слаб, монополия государственной промышленности является подавляющей и ограничивается внутри страны главным образом лишь конкуренцией ремесла и кустарной промышленности. Но эта конкуренция по отношению ко всей государственной промышленности ограничена техническим превосходством последней, а по отношению к тяжелой промышленности невозможна совсем.

Но если по размерам денежного товарооборота нельзя еще судить о силе и значимости специфических законов товарного

---

[1]) Там же, стр. 34.

производства, потому что такой подход к проблеме был бы чисто формальным и поверхностным, то столь же формально и столь же поверхностно было бы заключать о влиянии законов товарного производства на государственное хозяйство, если бы мы мерилом этого влияния взяли размеры движения товарных масс из частного хозяйства в государственное и обратно. Американский фермер еще в большей степени, чем наш крестьянин, участвует в товарообороте с американской промышленностью; его хлеб и сырье также крайне необходимы этой промышленности, он необходим этой промышленности и как покупатель, тем не менее это не мешает тому, что, подчиняясь экономическому соотношению сил, фермер находится в кабале у торгового капитала, трестов и банков и никакого эквивалентного обмена у него с городом нет. Нельзя сказать: чем больше развивается товарооборот между городом и деревней в СССР, тем больше государственная промышленность подпадает в зависимость от товарного хозяйства и тем больше подчиняется действию его законов. В некоторых отношениях *верно как раз обратное*. Наша промышленность оказывалась бы в тем более тяжком положении, чем больше крестьянское хозяйство превращалось бы в хозяйство натуральное. Доказательством тому—эпоха военного коммунизма. Наоборот, чем больше развивается товарный обмен между городом и деревней, тем больше соотношение сил определяется организованностью сторон. В данном случае, следовательно, тем больше крестьянское хозяйство будет попадать в зависимость от государственного хозяйства, если только индустриализация будет итти нормальным темпом.

Для оценки действия законов товарного производства на государственное хозяйство нужен более детальный и более глубокий анализ. Мы дадим этот анализ в следующей главе, а также когда будем говорить об экономике земледелия и о системе обмена в СССР.

Здесь мы укажем лишь предварительно и мимоходом на самое основное. Несомненно, стихия рыночных взаимоотношений, а следовательно, и закон ценности оказывают свое влияние при закупке государственным кругом у мелкого производства таких товаров, которые имеют одновременно других конкурирующих покупателей внутри страны. Он оказывает свое действие и тогда, когда преимущественная покупка—в

руках государства, но когда вместе с тем крестьянство в состоянии перейти от данных культур к другим, если этот монопольный закупщик дает неприемлемые цены производителю. В этом случае давление закона ценности не только найдет свое выражение в ценах, т.-е. в своем денежном выражении на периферии обмена с частным хозяйством, но передастся глубоко внутрь государственного круга, отражаясь на калькуляцию не только затронутой отрасли производства, но и всех смежных отраслей, в том числе через общий уровень заработной платы.

Но много ли таких ценностей при обмене частного хозяйства с государственным и какой их удельный вес? Очень велико действие закона ценности при обмене животноводческих продуктов питания (мясо, масло, яйца). Оно очень велико при обмене такого сырья, как кожи, овчина, шерсть, где много конкурирующих покупателей и где сам производитель при неблагоприятной рыночной кон'юнктуре усиливает собственную кустарную переработку сырья, бойкотируя город. Меньше влияния внутри рыночных отношений при обмене другого технического сырья, как пенька, лен и особенно хлопок. Здесь, правда, регулировка предельных цен идет с внешнего рынка, т.-е. от закона ценности мирового хозяйства, но на очень большом пространстве от средних внутренних цен до цен внешнего рынка господство над ценами в огромной степени находится в руках монополиста экспортера, или почти монополиста по фабричной переработке, т.-е. государства. Наконец, в весьма большой степени хозяином положения в области цен является государство при хлебной торговле. Казалось бы, где как не здесь разгуляться рыночной стихии! Однако в действительности дело может обстоять как раз наоборот. При неурожае стихия спроса и предложения выпирает в области торговли хлебом на первый план, но при среднем урожае и при излишках, требующих реализации за границей, хозяином положения на рынке является государство. В неурожайные 1920 и 1921 годы, при огромном к тому же недосеве, государство срезало действие рыночной стихии внутри страны разверсткой, продналогом и ввозом хлеба из-за границы. Теперь же, при излишках оно достигает с гораздо большим успехом своей цели путем монополии хлебного экспорта. Господствуя над сотнями миллионов пудов внутренних излишков, оно господствует в известной мере и над внутренними ценами. Это до-

статочно показал опыт осени 1923 г., когда при наличии хлебных излишков несвоевременное развертывание хлебных операций, равносильное временному бойкоту государством продажного крестьянского хлеба в условиях взноса налога, сбросило хлебные цены в некоторых местах до 20—30 коп. за пуд ржи, т.-е. в 6—7 раз в сравнении с ценами 1920—1921 года. Так обстоит дело при нормальном положении, т.-е. при среднем урожае. В дальнейшем, т.-е. с развертыванием хлебной торговли, что то же, с развертыванием товарности крестьянского хозяйства, регулирующая роль здесь государства (в пределах, очерченных мировым законом ценности в этой области) будет не падать, а возрастать, если только развертывание промышленности и удовлетворение платежеспособного крестьянского спроса на продукты промышленности будет итти нормально, не отставая, как это мы видим в 1924—26 годах.

Но законы товарного производства оказывают свое действие на государственное хозяйство и в другом смысле. Я говорю о реализации продукции государственной промышленности на частном рынке. Наша промышленность работает на рыночный спрос. Она работает на рыночный спрос и в том случае, когда этот спрос идет изнутри государственного круга, и в том случае, когда он идет извне его. Но рыночные взаимоотношения внутри государственного круга отнюдь не вытекают органически из имманентных законов развития и структуры самого государственного хозяйства. Здесь рыночные отношения являются формальными и навязаны государственному хозяйству извне, навязаны формой его взаимоотношений с частным хозяйством. Регулирование спроса государственной промышленности на продукты самой этой промышленности может итти очень далеко. При сохранении рыночной формы и денежных расчетов здесь достижима очень большая планомерность в распределении заказов, несмотря на все те колебания, которые будут итти от отраслей, непосредственно связанных с частным хозяйством. Другое дело—обмен с частным хозяйством. В этом пункте пропорциональность в развертывании государственной промышленности зависит от пропорциональности развертывания в частном хозяйстве. Последняя же складывается стихийно. Здесь государственная промышленность привязана крепко к колеснице частного хозяйства. И как раз ее работа на рыночный спрос является необходимой предпо-

сылкой как раз самого социалистического накопления. Если накопление за счет частного хозяйства означает активный баланс обмениваемых ценностей на стороне государственного хозяйства, то этот баланс будет тем больше, чем больше при прочих равных условиях числовые величины обмена. Но через эту дверь зависимости государственного хозяйства от платежеспособного спроса частного хозяйства прорываются в него колебания стихии товарного хозяйства. Эти колебания могут быть ограничены плановой политикой цен и плановым развертыванием государственного хозяйства, основанного на предварительном учете спроса частного хозяйства, но не могут быть ликвидированы совсем.

Кроме того, сила влияния частного хозяйства на государственное сказывается в этом пункте в том, что на стадии первоначального социалистического накопления и при крайней бедности капиталами государственное хозяйство подчинено в своем развертывании размерам платежеспособного спроса, не может вырваться здесь из законов товарного производства и усилить постепенно темп перехода к социалистическому типу производства для удовлетворения потребительского спроса самих работников социалистического круга. Ибо постепенное увеличение фонда воспроизводства за счет обмена с частным хозяйством возможно лишь на основе рыночного спроса со всеми вытекающими из него последствиями. При отсутствии иных основных форм связи частного хозяйства с государственным, кроме рыночного товарообмена, этот последний сам делается необходимой предпосылкой социалистического накопления.

Действие закона ценности в товарном хозяйстве при свободе конкуренции, т.-е. в его родной социальной стихии, самым существенным образом отличается, следовательно, от силы действия этого закона в советской экономике и тем более на экономическом поле государственного хозяйства. Разница здесь, примерно, такая же, какая бывает в силе удара падающего с большой высоты камня, с одной стороны, на поверхности воды и, с другой стороны, на дне водоема. Чем организованней государственное хозяйство, чем тесней связаны его отдельные звенья оперативным хозяйственным планом, чем более оно представляет из себя компактное экономическое целое, тем сильней его противодействие закону ценности, тем

больше его активное влияние на законы товарного производства, тем больше оно само со своим железным законом социалистического накопления превращается в важнейший элемент закономерности во всем хозяйстве, в том числе и частном.

Подводя этот предварительный баланс действию закона стоимости и закона социалистического накопления в нашем хозяйстве, мы приходим к выводу, что никакой научный анализ нашего хозяйства невозможен без признания наличия этих двух законов и без изучения того, что является продуктом их взаимодействия.

Теперь мы можем дать уже более полную формулировку закона первоначального социалистического накопления в сравнении с вышеприведенной, поскольку этот закон не только диктует нам с об'ективной неизбежностью определенный размер накопления материальных ресурсов для расширенного воспроизводства из государственного и частного хозяйства, но и противостоит закону ценности по всему фронту борьбы, противостоит как регулятор другого типа хозяйства, антагонистического товарному производству. Это определение, отдельные стороны которого будут более отчетливо оттенены ниже при анализе закона ценности в нашем хозяйстве, в общем должно сводиться к следующему.

Законом первоначального социалистического накопления мы называем всю сумму сознательных и полустихийных тенденций государственного хозяйства, направленных к расширению и укреплению коллективной организации труда в советском хозяйстве и диктующих советскому государству на основе необходимости: 1) определенные пропорции в распределении производительных сил, складывающиеся на основе борьбы с законом ценности внутри и за пределами страны и имеющие своей об'ективной задачей достижение оптимума расширенного социалистического воспроизводства в данных условиях и достижение максимума обороноспособности всей системы в борьбе с товарно-капиталистическим производством, 2) определенные пропорции накопления материальных ресурсов для расширения воспроизводства, в особенности за счет частного хозяйства, поскольку определенные размеры такого накопления диктуются с принудительной силой советскому государству под угрозой хозяйственной диспропорции, роста частного капитала, ослабления связи государственного хозяй-

ства с крестьянским производством, срыва на будущие годы необходимых пропорций расширенного социалистического воспроизводства и ослабления всей системы в ее борьбе с товарно-капиталистическим производством внутри страны и за ее пределами.

Закону первоначального социалистического накопления с неизбежностью подчинены: размеры отчуждения прибавочного продукта частного хозяйства, уровень заработной платы в государственном хозяйстве, политика цен, регулирование внешней и внутренней торговли, таможенная система, кредитная политика, построение бюджета, построение импортных планов и т. д.

Посмотрим теперь, каков удельный вес в нашем хозяйстве закона ценности и в какой степени применимы к нашей товарно-социалистической системе хозяйства категории Марксовой политической экономии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗАКОН ЦЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

При анализе предпосылок первоначального социалистического накопления мы уже показали, что закон социалистического накопления не является единственным основным законом советской экономики. Особенность существующей у нас товарно-социалистической системы хозяйства в том и заключается, что в ее пределах действуют одновременно *два закона* с диаметрально противоположными тенденциями. Вторым из этих двух законов является закон ценности. Если в первом законе находят свое выражение тенденции будущей нашей экономики, то во втором на нас давит наше прошлое, упорно стремящееся задержаться в настоящем и повернуть назад колесо истории. В законе ценности концентрируется вся сумма тенденций товарного и товарно-капиталистического элементов нашего хозяйства, а также вся сумма влияний на нашу экономику мирового капиталистического рынка. Нам предстоит рассмотреть теперь более подробно, в чем проявляется в нашем хозяйстве закон ценности, каков удельный вес его, как протекает борьба двух законов и какие социальные продукты порождают борьба, взаимодействие и вынужденное сожительство двух основных тенденций в хозяйственном организме страны.

В главе о законе социалистического накопления мы только мельком затронули этот вопрос. Теперь нам предстоит последовательно и систематически проанализировать действие закона ценности в нашем хозяйстве. Это лучше всего сделать, если мы, после нескольких общих замечаний, проанализируем основные категории политической экономии и установим ту или иную степень зависимости их для нашего хозяйства.

Закон ценности есть закон стихийного равновесия товарно-капиталистического общества. В обществе, лишенном голов-

ных центров планового регулирования, благодаря действию этого закона, прямому или косвенному, достигается все то, что нужно для относительно нормального функционирования всей производственной системы данного типа: и распределение производительных сил между отдельными отраслями хозяйства, состоящее из распределения людей и средств производства, и распределение продукта годового производства общества между рабочими и капиталистами, и распределение прибавочной ценности для расширенного воспроизводства между отдельными отраслями или странами, и распределение ее между другими эксплоататорскими классами, и технический прогресс, и победа экономически передовых форм над отсталыми и подчинение последних первым. То, что мы называем категориями политической экономии, есть логически чистые, идеальные списания тех реальных отношений производства, обмена и распределения, которые складываются на базе товарного и товарно-капиталистического производства. При этой системе хозяйства мы имеем, если можно так выразиться, затвердевшие группировки людей в процессе производства и распределения, какими они складываются на почве стихийного саморегулирования хозяйства, благодаря закону ценности; при всей текучести личного состава эти группировки постоянно воспроизводятся на каждой новой ступени капиталистического развития, образуя определенные типы производственно-распределительных отношений. Научное описание этих типов отношений людей к людям (а не вещей к вещам или людей к вещам) на базе товарного и товарно-капиталистического производства и называет Маркс категориями политической экономии, которые адэкватны, следовательно, реальным отношениям при капитализме в сфере бытия, но в науке воспроизводят эти отношения абстрактно, в их чистом виде [1]). Рента, как категория капиталистической экономики,—это не те реальные ценности, которые платит капиталистический арендатор собственнику земли, а такое распределительное *отношение* между арендатором и собственником, которое гарантирует систематическое перекачивание части прибавочной ценности от одного к другому. Зарплата, прибавочная ценность суть производственно-

[1]) Не надо, разумеется, здесь пояснять, что отношение между категориями бытия и категориями мышления в политической экономии понимается так же, как и во всей общефилософской концепции диалектического материализма.

распределительное отношение между рабочими и капиталистами. Категория прибыли, как иная форма прибавочной ценности, есть *отношение распределения* между капиталистами, переходящее благодаря механизму уравнивания нормы прибыли и всему механизму капиталистического общества в отношение распределения труда и средств производства. В этом случае это—производственное отношение капиталистов к капиталистам, взятым не в качестве потребителей (как выше), а организаторов производства. Категория цены—это есть, с одной стороны, производственное отношение, резюмирующее как уровень производительности труда внутри отдельных отраслей и распределение рабочих сил между различными отраслями производства, так, с другой стороны, отношение распределения, поскольку уровень цены определяет уровень того потока ценностей, который протекает из рук одних групп людей в руки других. А в-третьих, это опять производственное отношение. п. ч. через механизм отклонения цен от ценности происходит перераспределение производительных сил между отдельными отраслями хозяйства. Наконец, товар есть самая общая категория политической экономии, характеризующая в целом производственные отношения людей рассматриваемого типа, как отношения отдельных независимых товаропроизводителей, связанных в единое хозяйственное целое системой рыночных отношений. Логически категории могут быть выведены из закона ценности.

Мы делаем эти предварительные замечания вот почему. 90% всех ошибок, непонимания и мозговых мучений при изучении Маркса проистекает у нашей молодежи от натуралистического понимания закона ценности. Формально усвоив, что категории—это отношение людей к людям, многие упорно возвращаются к пониманию их, как вещных категорий, особенно когда об'ясняются не на языке цитат из Маркса, а на своем собственном. За потоком вещей, текущих, допустим, от эксплоатируемых рабочих к капиталистам, от капиталистов к банкирам или землевладельцам, из одной отрасли производства в другую, покупаемых, продаваемых на рынке и затем потребляемых и т. д., часто не видят постоянства группировки людей, от которых и к которым происходит это движение, постоянства производственных отношений между людьми при системе товарного хозяйства, которые как раз и изучает политэкономия.

Эта материализация в голове людских отношений, которые внешне материализированы и в реальной жизни, приводит и к неправильному пониманию многих отношений в нашем хозяйстве. И здесь за движением материальных ценностей, которые in natura те же, что и при капитализме, и движутся часто внешне по тем же линиям (зарплата, «накопление», «рента»), за тождеством отношений людей к природе (та же техника, «те же» рабочие) не видят происшедших изменений в производственных отношениях.

Поэтому так особенно важно приступить к намеченному анализу с совершенно правильным представлением читателя о том, как нужно по-марксистски понимать категории капиталистического общества, чтобы выдержать это понимание и при анализе производственных отношений в советском хозяйстве. Попутно, при нашем анализе, сам собою решится вопрос о том, правильно ли все наше хозяйство или, по крайней мере, господствующий тип отношений в нем называть термином «государственный капитализм».

ЗАКОН ЦЕННОСТИ И МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

Что является предпосылкой для возможности действия закона ценности? Недостаточно ответить на этот вопрос общей фразой: предпосылкой является существование того общества, на почве которого действует этот закон, т.-е. товарного производства. Экономика общества независимых и самостоятельных производителей, работающих на рынок, есть тоже товарное производство. Классический капитализм периода свободной конкуренции — тоже товарное производство. Монополистический капитализм, капитализм, трестированный в национальном, а кой-где и в интернациональном масштабе,—тоже товарное производство. Наконец, государственный капитализм Германии 1914—18 г.г. и очень сильные тенденции в том же направлении в хозяйстве стран Антанты во время войны—все это тоже было формально товарное хозяйство. Но разве кто-либо возьмется утверждать, что при всех этих четырех типах товарного производства закон ценности мог одинаково развернуть свое действие и выявить все свои наиболее характерные черты? Я не говорю уже о раннем капитализме, который еще

страдал от остатков цеховой регламентации производства и от вмешательства в производственный процесс феодального государства.

Поскольку закон ценности есть *стихийный* регулятор производственного процесса в товарном обществе, постольку, для наиболее полного, наиболее характерного действия этого механизма регулирования, нужен наиболее стихийный тип производственных отношений, с минимальными искажениями такой стихийности путем организующих начал в производстве и обмене. Морскую бурю лучше всего сфотографировать в открытом океане. Также и закон ценности лучше всего теоретически сфотографировать в чистом виде в его родной стихии, т.-е. в период свободной капиталистической конкуренции, что Маркс и выполнил в «Капитале».

Для наиболее полного проявления закона ценности надо, чтобы существовала полная свобода товарооборота как внутри страны, так и между странами на мировом рынке. Надо, далее, чтобы рабочий был свободным продавцом, а капиталист — ничем не стесняемым покупателем рабочей силы, как товара. Надо, чтобы вмешательство государства в производственный процесс и количество собственных предприятий государства свелись к минимуму, а также отсутствовала регламентация цен со стороны монопольных организаций самих предпринимателей и т. д. Таких идеальных условий для свободы конкуренции в масштабе мирового хозяйства никогда не было, потому что и таможенные барьеры между национальными хозяйствами, и вмешательство государства в производственный процесс, и невозможность свободного приложения капитала в сельском хозяйстве без дани частной собственности за землю — все это означало известные ограничения свободы конкуренции. Однако *относительно* наиболее идеальным периодом для свободы конкуренции в масштабе мирового капиталистического хозяйства, следовательно, максимально благоприятным периодом для действия закона ценности, была эпоха классического капитализма, предшествовавшая переходу его в стадию империализма. «Порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма» [1]).

---

[1]) *Ленин.* „Империализм", т. XIII, стр. 249—250.

С развитием монополистических тенденций капитализма кончается идеальный период свободной буржуазной конкуренции. Ряд важнейших отраслей производства в крупнейших капиталистических странах захватывается мощными трестовскими об'единениями или, в худшем случае, создаются не чисто производственные об'единения, а об'единения по реализации продукции, т.-е. синдикаты и картели. Происходит сращивание крупнейших трестов с банковским капиталом, либо банковские центры делаются исходными пунктами далеко идущего контроля над производством. Свобода конкуренции либо совсем ликвидируется внутри данной страны в полностью трестированных или синдицированных областях, либо серьезнейшим образом урезывается, благодаря контролю банковского капитала, не заинтересованного в ожесточенной борьбе предприятий, которые он кредитует или контролирует. Монополистические тенденции простираются за национальные пределы, начинаются и отчасти увенчиваются успехом попытки создания в некоторых отраслях единых международных капиталистических трестов, либо вся свобода конкуренции сводится к соперничеству на мировом рынке двух—трех гигантских трестов данной отрасли производства. Ограничение свободы конкуренции приводит также к ограничению действия закона ценности, к тому, что он встречает ряд препятствий для своего проявления и частично замещается той формой организации производства и распределения, до которой вообще может подняться капитализм, оставаясь капитализмом. В сфере регулирования цен законом ценности происходит изменение в следующем. При трестировании или синдицировании важнейших отраслей внутри данной страны цены систематически (хотя и не обязательно всегда) отрываются от ценности в сторону повышения. При «бросовом» экспорте на внешнем рынке цены систематически отрываются от ценности в сторону *понижения*, внутри же страны—в сторону повышения. Чрезвычайно затрудняется возможность выравнивания норм прибыли между трестированными отраслями производства, которые превращаются в замкнутые миры, в феодальное царство отдельных капиталистических об'единений. Очень важно для будущего отметить здесь, что и экономическая необходимость пробивает себе здесь дорогу в значительной степени иначе, чем при законе ценности, а следовательно—и политическая эко-

номия открывает при анализе этих форм новую главу, поскольку начинается трансформация самого понятия «закона», с каким приходится иметь дело при свободе конкуренции.

Во время мировой войны, под влиянием тех изменений, которые эта война внесла в экономику боровшихся государств, в особенности же в экономику почти оторванной от мирового рынка Германии, монополистические тенденции капитализма получили мощный толчок к дальнейшему развитию, доведя экономику, например, такой страны, как Германия, до системы государственного капитализма. Потребности обороны принудили государство провести учет всех производственных возможностей страны, распределять по определенному плану военные заказы между трестами и вызвали принудительное картелирование до того необ'единенных предприятий. Началось форсированное развитие одних отраслей, сжатие других, началось перераспределение производительных сил страны по определенному плану. Цены назначались государством, а тем самым государство же регламентировало уровень прибавочной ценности, т.-е. фактически распределяло ее между классом капиталистов. Недостаток сырья побудил централизовать снабжение и вызвал к жизни знаменитый комитет по снабжению сырьем промышленности, руководимый Ратенау. Регулирование всего капиталистического производства буржуазным государством достигло небывалой в истории капитализма глубины. Формально товарное производство превратилось фактически в важнейших отраслях в производство плановое. Свободная конкуренция была придушена, действие закона ценности, как стихийного регулятора хозяйственных процессов, во многих отношениях было замещено плановым началом государственного капитализма.

В странах Антанты система хозяйства периода войны была в значительно меньшей степени системой госкапитализма, но и здесь тенденции в этом направлении были очень сильны. В частности, в Англии, руководимое Ллойд-Джорджем министерство снабжения добилось весьма далеко идущего регулирования почти всей крупной промышленности и не только военной.

В общем период войны с полной ясностью обнаружил, куда растет система монополистического капитализма, он показал с полной очевидностью, что современная система хозяй-

ства об'ективно вполне созрела для социалистического планового производства и что все дело лишь за приходом хозяина, т.-е. за рабочим классом.

Когда кончилась война, когда для буржуазии кончился «кошмар принудительного хозяйства», и ее экономисты приветствовали возрождение эры свободной конкуренции, оказалось, что монополистические тенденции мирового капитализма не только не кончились, а лишь вступили в новую более решающую стадию.

Когда во время войны произошел частичный распад мирового хозяйства, как относительно связного хозяйственного целого, когда был сделан большой шаг назад от того мирового разделения труда, которое было достигнуто перед 1914 годом, ярко выявилась хозяйственная автаркия отдельных национальных экономических единиц. Эта автаркия поддерживалась еще ликвидацией золотого обращения и переходом всех стран, кроме Америки, к системе бумажных валют. Стоимостные отношения производства мирового хозяйства пробивали себе с трудом дорогу к хозяйствам отдельных стран не только вследствие сокращения абсолютных размеров мировой торговли, не только вследствие усиления таможенных преград в ряде государств, но также и вследствие того, что уменьшилось соприкосновение товарных масс отдельных стран с мировыми деньгами, с золотом, как мерилом ценности на мировом рынке. Постепенное восстановление мировых связей, под'ем производства от послевоенного уровня, увеличение оборота мировой торговли, частичное восстановление старых пропорций в мировом разделении труда, наконец, необходимость американских кредитов для истощения войной хозяйства Европы привели к уменьшению автаркии. В лице Швеции и Англии начался даже переход к золотой валюте.

Однако почти достигнутое восстановление довоенного положения в размерах мирового производства и обмена отнюдь не является вместе с тем восстановлением всех закономерностей довоенной экономики и старых пропорций в распределении производительных сил между отдельными странами. Ограничение закона ценности, начавшееся при монополистическом капитализме, не только не приостановилось в результате войны, но приобрело после войны и большую силу, и чрезвычайно своеобразную форму.

До войны страной наибольшего трестирования промышленности была Америка, наибольшего сращивания банковского капитала с промышленным—Германия. Перерастание национальных рамок монополистическими тенденциями, т.-е. тенденциями к образованию мировых трестов, больше всего пробивало себе дорогу именно из этих стран. Война закончилась разгромом Германии, и хозяйство этой страны не играет теперь былой роли в мировой экономике. Наоборот, начавшееся еще до войны выдвижение на первый план в мировом хозяйстве Америки продолжалось с громадной быстротой во время войны и после войны. *Но если Америка приобретает доминирующую роль в мировом хозяйстве, то тем самым приобретают в нем доминирующую роль монополистические тенденции американского капитализма, бурно вырывающиеся на этом этапе за пределы национального хозяйства Америки.* Возможность такого оборота дела Ленин предвидел еще в своей книге «Империализм» и т. д., и в частности особенно отчетливо в одном месте своей статьи «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме». Ленин писал здесь: «Империализм есть экономически монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира. Есть ли *экономическая* возможность «в эру финансового капитала» устранить конкуренцию даже в чужом государстве? Конечно, есть: это средство — финансовая зависимость и скупка источников сырья, а затем и всех предприятий конкурента»[1]). Если под финансовой зависимостью понимать также и захват через систему кредита, то это и будет в основном и в самых общих чертах картина того, что мы видим в настоящий момент во взаимоотношениях американского монополистического капитализма с Европой и со всем миром.

Во-первых, подчинение всего мирового хозяйства ценностным отношениям Америки выразилось в том, что только Америка оставалась страной золотой валюты, а следовательно, только на ее территории золото вступало, как и раньше, в непосредственное соприкосновение с миром товаров. Разумеется, американский доллар играл и играет свою доминирующую роль, как мерило ценности, потому что он связан со своим

[1]) *Ленин*, т. XIII, стр. 354.

золотым основанием. Не порвал же он с этим основанием вследствие совершенно исключительной хозяйственной мощи Америки, не пострадавшей, а выигравшей от войны. Валютная диктатура есть отражение общего экономического господства Америки над другими странами [1]).

Во-вторых, подчинение идет по линии кредита. Это — самый мощный рычаг подчинения всюду и везде. Отказ в кредитах есть самое могучее средство давления в руках американского капитала как на правительства, так и на капиталистические круги других стран. Если страна попадает в орбиту американского давления с этого конца, одновременно давление идет на определенные отрасли промышленности данной страны со стороны соответствующих трестов. Тот или иной американский трест, монополизировавший производство и сбыт внутри своей страны, втягивает в орбиту своего влияния трестированную же или нетрестированную промышленность других стран. К общему давлению американского капитализма, как целого, в общеполитической и финансовой областях присоединяется давление отдельных трестов.

Третий метод—это прямое вытеснение с мирового рынка своих конкурентов превосходством качества, дешевизной продукции, а главное—кредитными выгодами для покупателей. А вместе с тем движение в том же направлении идет и самым прямым путем и без всякой борьбы, поскольку все большая и большая часть всего мирового производства in natura, тем самым и товарной массы его, концентрируется на территории Америки.

Все растущая тенденция к единодержавию Америки в мировом хозяйстве, при уже достигнутом единодержавии капи-

---

[1]) Интересно вспомнить, что на протяжении истории валютная диктатура принадлежала обыкновенно той стране, которая играла доминирующую роль в каждый данный момент в мировой торговле и в мировой экономике. В период господства финикийской и греческой торговли в Средиземном море огромную роль играет греческий и финикийский талант. Флорин господствует в период господства итальянского торгового капитала в Средиземном море. Торговая роль Испании выдвигает на первый план в интервалютарных отношениях пиастр, Голландия господствует не только своим флотом, сукном и торговлей вообще, но и гульденом. С переходом центра тяжести мировой экономики и торговли к „владычице морей", выдвигается роль английского фунта. Наконец, экономическое господство Америки в мировом хозяйстве приводит в валютной области к диктатуре доллара.

талистических монополий в трестированных областях самой американской промышленности, автоматически влечет за собой распространение монополистических тенденций из американского центра по всему миру. Но рост монополистических тенденций, несмотря на формальное существование свободной конкуренции, неизбежно влечет за собой дальнейшее ограничение и трансформацию действия закона ценности, но уже не внутри отдельных национальных хозяйств с высокой ступенью развития монополий, а *на арене всего мирового хозяйства.* В этом особенность послевоенной экономики. Я не буду здесь останавливаться на всей этой проблеме и, быть может, вернусь к ней в особой работе по мировому хозяйству. Остановлюсь лишь на выводах, имеющих значение для данной темы.

Не случаен тот факт, что в период расцвета свободной конкуренции господствующая страна в мировой экономике, т.-е. Англия, была сама страной свободы торговли. И, наоборот, не случайно, что в период монополистического капитализма господствующей страной в мировом хозяйстве делается классическая страна монополистического капитализма. Но если в период господства свободы конкуренции отсталые страны боролись с английской экспансией, воздвигая таможенные барьеры и развивая свою промышленность, то борьба с Америкой и ее монополистическими тенденциями отнюдь не происходит в форме борьбы за свободу конкуренции против монополий. Американский капитализм превосходит другие капитализмы не только своей общеэкономической мощностью и огромными кредитными ресурсами в товарной и денежной форме, но и своей техникой, своей более высокой производительностью труда. Бороться с американской конкуренцией апелляцией к свободе конкуренции остальным капиталистическим странам совсем не под силу. Совсем наоборот. Не Европа борется с американским монополизмом на базе свободной конкуренции, а американский монополизм часто апеллирует к свободе конкуренции для победы монополии. Европейские страны борются против наступления Америки весьма жалким образом: либо таможенным покровительством не растущим (как в XIX веке), а падающим, либо застывшим в движении индустриям, т.-е. монополистическим же искажениям свободы конкуренции, но ради закрепления за своей страной государственно-огражденной монополии на отсталость, либо

путем вымаливания кредитов для восстановления хозяйства, т. е. Европа здесь так же борется против американской эксплоатации и монополистического давления, как бедняк борется с ростовщической эксплоатацией, занимая новую, еще большую сумму. В сущности Америка подчиняет себе весь мир тоже, если не в большей части, на основе закона ценности. Но тем интересней весь исторический переплет. Закон ценности переходит в стадию своей трансформации и постепенного отмирания тоже на основе же закона ценности.

Американская экспансия не может встретить ни в одной стране капиталистического мира непреодолимого сопротивления, пока подвергающиеся атаке и давлению страны остаются капиталистическими. Это чрезвычайно важно заметить. Сама экономическая структура современных капиталистических стран исключает возможность серьезного сопротивления американским захватам, потому, что уже достигнутая ступень мирового разделения труда, мирового обмена, при наличии огромного и все растущего экономического, технического, финансового превосходства Америки над всем остальным миром, с неизбежностью подчиняет стоимостным отношениям Америки этот мир. Ни одна капиталистическая страна, не переставая быть капиталистической, не может вырваться из действия закона ценности, хотя бы и трансформированного. А здесь как раз на нее обрушивается лавина американского монополизма. Сопротивление возможно лишь разве на политической почве, в частности на военной, но именно вследствие экономического превосходства Америки оно вряд ли обещает быть победоносным.

В период войны, в особенности современной войны, хозяйство даже капиталистической страны подвергается известному об'единению внутри и вынуждено вести единую линию не только в сфере политических взаимоотношений с другими странами, но и в области соприкосновения своей экономики с национальными хозяйствами других стран. В мирное же время добиться единой политики со стороны отдельных капиталистических трестов, банков, всяких иных об'единений представляет для буржуазной системы задачу непомерной трудности, потому что осуществление задачи требует: либо согласования всех основных интересов крупнейших капиталистических организаций и отдельных предприятий, интересы кото-

рых никогда не совпадают, либо господства внутри страны какой-либо одной группировки трестов и банков, доминирующей над всем хозяйством и подчиняющей себе целиком всю экономическую, в том числе таможенную политику государства. Но последний вариант оказывается неосуществимым для современной Европы. Развитие монополистических тенденций в довоенной Германии и развитие в еще большей степени этих тенденций в Америке опиралось и базировалось на огромной, естественной концентрации производства, которая в свою очередь опиралась на быстрое развитие производительных сил. В современной же Европе, с ее бедностью капиталами, с ее застоем в производстве, когда исключение представляют лишь Франция и Бельгия, и то, вероятно, ненадолго, концентрация производства американского типа и американского темпа исключена. А следовательно, экономический организм европейских капитализмов не в состоянии оказать сильного сопротивления напору американского монополизма и сдает то на одном участке, то на другом. В сущности уже теперь американский капитал мог бы произвести в Европе гораздо больше завоеваний, чем он это осуществил до сих пор, осуществил, если можно так сказать, по приглашению просящей кредитов Европы. Не надо забывать, кроме того, что Америка не реализовала еще вполне и всех возможностей давления в другом отношении, а именно давления на таможенную политику европейских стран. Америка стоит за политику открытых дверей там, где может бить своих конкурентов на основе свободного экономического соперничества. Но она может перейти и к системе насильственного взламывания именно для нее, для Америки, тех дверей, которые прикрывают захудалую промышленность отдельных отставших стран от ее конкуренции. Там, где система кредитного внедрения в европейское хозяйство со всеми ее последствиями для распространения американского монополизма на весь мир окажется недостаточной, он может двинуться вперед и с этого конца. Борьба с американским монополизмом возможна лишь путем изменения всей структуры той или иной страны, т.-е. путем перехода к социалистической экономике, которая сделает из страны монолитный организм и не даст американскому капитализму растаскивать по частям одну отрасль за другой, подчиняя их американским трестам или банкам, как это имеет место при «есте-

ственном» соприкосновении современного американского капитализма с экономикой других капиталистических стран. *Напор капиталистического монополизма может встретить преграду лишь в социалистическом монополизме.* Страна, которая перейдет к социализму, будучи и экономически и технически слабей американского капитализма, в период незаконченной перестройки своего хозяйства на новой базе, будет бороться с ним не экономическим превосходством своих трестированных же отраслей хозяйства, а более высокой *организационной* структурой всего хозяйства. А это в свою очередь означает, что дальнейшая ликвидация закона ценности, т.-е. ликвидация его за историческими пределами американского монополизма, пойдет по пути плановой социалистической организации хозяйства в странах, которые покончат с капиталистическим режимом. Для современной Европы *ни в каких смыслах* старая свобода конкуренции невозможна. Ей приходится выбирать либо между капиталистической же, но внешне навязываемой монополией Соединенных Штатов, либо внутренней социалистической монополией.

Наконец, в качестве показателя перерождения закона ценности, как регулятора хозяйственной жизни, надо указать на те последствия, к которым приводит в области экономической перерождение буржуазно-парламентского типа капиталистического государства в государство фашистской диктатуры. Это перерождение затрагивает один из важнейших, вернее самый важный пункт рыночных отношений, отношение между продавцами товара рабочей силы и ее покупателями. В период господства свободы конкуренции в области экономических отношений, в период, когда капитализм шел по восходящей кривой, он мог позволить себе роскошь покупать организованную рабочую силу на основе закона ценности этой рабочей силы. Наоборот, в период своего упадка, сниженного воспроизводства и роста непроизводительного потребления, он вынужден вводить новый тип дисциплины труда, принудительно организуемого и подавляемого фашистским государством через фашистские союзы. А это означает ограничение действия закона ценности на рынке рабочей силы в пользу класса эксплоататоров. И с этого конца, следовательно, закон ценности претерпевает значительное изменение и искажение в сравнении с эпохой классического капитализма. К сожалению, в дан-

ной связи я не могу более подробно остановиться на этой проблеме, для анализа которой фашистская диктатура в Италии и других странах дает уже достаточно фактических данных.

Из сказанного читатель может видеть, что нам приходится иметь дело с законом ценности в нашем хозяйстве в такую историческую эпоху, когда этот закон в достаточной степени подорван в самом буржуазном обществе, благодаря мощному развитию монополистических тенденций современного капитализма, переходящих в своеобразную монополию на завоевание монополии со стороны Америки. Это важно нам еще и с той точки зрения, что наше хозяйство вынуждено усиливать свои экономические, прежде всего торговые связи с мировым капитализмом, с мировым рынком. Мы должны знать, что этот мировой рынок уже не тот, который наблюдал Маркс, работая над «Капиталом». Его стихийность носит совсем иной характер, чем раньше, свобода конкуренции в нем ограничена гораздо больше, чем раньше. И чем дальше, тем отчетливей вырисовывается на горизонте этого рынка огромный гигантский силуэт американского капитализма, пустившего уже свои щупальцы почти во все большие капиталистические страны и превращающегося в законодателя цен на мировом рынке.

ЗАКОН ЦЕННОСТИ ПРИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СТРАНЕ

Если товарное хозяйство оказывается «подорванным», как выразился Ленин, уже в период монополистического капитализма, то еще дальше должен продвинуться этот процесс там, где *вся* крупная промышленность находится в руках пролетарского государства. Но поскольку дело идет о национализации промышленности не в типично промышленной стране, а в стране, где большая часть ценностей создается в мелком производстве, прежде всего в мелком крестьянском хозяйстве, постольку здесь, на ряду с дальнейшим движением вперед по пути монополизма, более сильны, чем, допустим, в теперешней Америке, тенденции домонополистического характера. В этом особенность советского хозяйства. Нам необходимо поэтому в нашем анализе этого хозяйства не только проследить историческое перерастание капиталистического монополизма в монополизм социалистический, но и взвесить все

последствия существования огромнейшей области простого товарного производства. Особенность нашего советского хозяйства как раз и состоит в том, что послекапиталистические формы производства противостоят 22 миллионам крестьянских хозяйств, плюс ремесло и кустарная промышленность, при относительной слабости чисто капиталистических или государственно-капиталистических форм. При таких условиях закон ценности и плановое начало вступают в состязание в крайне своеобразной обстановке, в обстановке весьма сильного отрыва в области производства и в сфере обмена об'единенного кулака государственного хозяйства от неорганизованного моря простого товарного производства. Своеобразие положения увеличивается еще и потому, что крупное социалистическое производство противостоит мелкому, как *промышленность земледелию,* т.-е. социалистические формы противостоят простому товарному производству, как две разные сферы приложения труда.

И американский монополизм до войны и теперь, и монополизм германский до войны выросли на базе мощной концентрации производства и огромного преобладания промышленности над земледелием. И американский и германский капитализм достиг весьма большой степени подчинения мелкого и среднего производства страны и в промышленности и в земледелии небольшому количеству мощных организаций торгового капитала, трестов и крупнейших банков. В частности, в Америке фермерское хозяйство, несмотря на его относительную раздробленность, в сравнении, например, с крупным сельскохозяйственным производством Англии и Германии, оказалось полностью подчинено и по линии кредита, и по линии снабжения, и по линии сбыта крупнейшим торговым фирмам, банкам, пароходным, элеваторным и холодильным компаниям и т. д. Несмотря на то, что американский фермер, как производитель хлеба, конкурирует на мировом рынке с фермером Канады, Аргентины, с крестьянином Румынии, Украины и т. д., несмотря на то, что сельскохозяйственное производство Америки не является производством единого земледельческого треста, тем не менее оно достаточно подтянуто организационно к торговому, промышленному и банковскому капиталу Америки, который перехлестывает за барьер, отделяющий земледелие от промыш-

ленности, и достигает известной связанности обеих отраслей (в капиталистических пределах) прежде всего в сфере обмена и кредита.

Наоборот, в советском хозяйстве связь трестированной государственной промышленности с самостоятельным крестьянским хозяйством бесконечно слабее и по линии обмена, и по линии кредита, тогда как *организационная* структура промышленности исторически более высокого типа, чем в любой капиталистической стране. В результате такого своеобразного положения мы неизбежно должны иметь далеко идущее отмирание действия закона ценности внутри круга государственного хозяйства, при очень большом развертывании действия закона ценности за пределами государственного хозяйства и при постоянных ударах рыночной стихии по всему государственному хозяйству, как единому целому. Этим обстоятельством, как увидим ниже, об'ясняется господствующий тип всех потрясений и депрессий, с которыми нам пришлось уже, приходится и придется еще иметь дело в нашем хозяйстве, плюс те осложнения, которые должны возникнуть от связей нашей экономики с мировым рынком.

С другой стороны, вследствие общей экономической и технической слабости государственного хозяйства, социалистический характер производственных отношений в нем более ясно может выступать лишь на определенном уровне развития производительных сил. В то же время и плановое руководство хозяйства часто срывается, благодаря недостатку запасов для хозяйственных маневров [1]) и вопреки достаточно высокой структуре государственного хозяйства, как хозяйства коллективного. Отсюда очень большая опасность при теоретическом анализе советской экономики скатиться от анализа *производственных отношений* к измерению уровня нашего богатства, т.-е. скатиться к вульгарно-натуралистической точке зрения. Примеры этому бывали не раз.

---

1) В своей брошюре („Осенние заминки и проблемы хозяйственного развертывания", изд. НКФ) тов. Сокольников, с которым я не согласен по ряду коренных вопросов экономической политики и теоретической оценки нашего хозяйства, вполне правильно и своевременно отметил этот факт. Сам по себе этот факт есть лишь новый веский аргумент в пользу моих взглядов относительно того, что закон первоначального социалистического накопления есть, на ряду с законом ценности, коренной закон нашего хозяйства.

После этих предварительных замечаний я перехожу теперь к конкретному анализу того, какие категории капиталистического хозяйства и в какой степени применимы к нашей экономике.

ТОВАР, РЫНОК, ЦЕНЫ

Я начинаю анализ сразу с этих трех наиболее общих категорий, потому что их невозможно разделить при исследовании. Товарное производство мы противопоставляем социалистическому плановому хозяйству, рынок—бухгалтерии социалистического общества, ценность и цену—трудовым издержкам производства, товар—продукту. Насколько ясно мы можем теоретически противопоставить одни понятия другим, настолько трудно анализировать эти понятия, когда дело идет о переходных формах от капитализма к социализму. С какого момента здесь количество переходит в качество, на какой стадии развертывания социалистического хозяйства происходит рассасывание тех производственных отношений, которым в науке соответствуют категории политической экономии?

Обратимся к рассмотрению отдельных участков нашего хозяйственного поля. Вот перед нами железнодорожный транспорт, целиком находящийся в руках пролетарского государства. Народный Комиссариат Путей Сообщения заказывает паровозы, вагоны, рельсы и т. д. Главметаллу. Определяются ли цены на заказы рыночными отношениями? Цены не определяются рыночными отношениями внутри страны постольку, поскольку в стране нет частно-капиталистического паровозо- и вагоностроения, нет и частной металлургии [1]). Эти цены не определяются целиком и рыночными отношениями мирового хозяйства, поскольку заказы даются для изготовления внутри, совершенно независимо от соответствующих цен мирового рынка. В основе размещения заказов внутри страны лежит не закон ценности мирового хозяйства. Цены строятся из определенного планового расчета, они подгоняются к уровню себестоимости производства на заводах Главметалла, с калькуля-

---

1) Примечание ко 2-му изданию. Но это не значит, что цены *совсем* не определяются рыночными отношениями. Если б амортизационные отчисления были непомерны и недоступны и для грузоотправителей и пассажиров, то население стало бы обращаться чаще к гужевому транспорту.

цией известной прибыли для заказчика, без прибыли или же с предвидением убытка, поскольку государство сознательно идет на цены ниже себестоимости и дает заводам дотацию из своего бюджета. Все это решается не стихийными методами конкуренции, а путем согласования финансового плана отдельных отраслей с бюджетом всей промышленности, во-первых, и бюджетом государства, во-вторых. Влияние мирового рынка при этих условиях сказывается в том, что мы постоянно сравниваем наши внутренние цены с заграничными и получаем отсюда стимул к тому, чтобы налечь на снижение себестоимости там, где она наиболее высока, в сравнении с заграничной. Это тоже влияние закона ценности мирового рынка, но проявляется оно своеобразно, мировой рынок давит здесь на весь организм нашего государственного хозяйства, как на единую организацию. Таким же образом он давил бы на нас и в том случае, если бы нам пришлось в тот или иной момент ввезти некоторую долю железнодорожного оборудования, при недостаточности собственного производства его.

Если мы пойдем дальше и случай с заказом транспорта Главметаллу присоединим ко всей массе случаев, когда само государство является и *монопольным производителем и единственным монопольным покупателем* какой-либо продукции своих трестов, то мы будем иметь перед собой участок государственного хозяйства с *минимальным действием закона ценности на цены*. В том случае, где государство выступает и монопольным производителем и единственным покупателем своей монопольной продукции, отношения между государственными трестами приближаются к внутренним отношениям единого комбинированного треста. *Здесь категория цены носит скорее формальный характер*, это лишь титул на получение из котла общегосударственного хозяйства определенной суммы средств на дальнейшее производство и на определенный уровень расширенного воспроизводства. Как количественно велика эта сфера государственного хозяйства и как она меняется из года в год, это мы увидим в той части работы, которая будет посвящена нашей промышленности. Лишь с одного единственного конца здесь можно говорить о значительном влиянии закона ценности—со стороны рабочей силы и ее оплаты. К этому вопросу мы скоро подойдем по отношению ко всему нашему государственному хозяйству в целом. В приведенном нами

примере роль рынка за пределами государственного хозяйства сведена к минимуму, и понятие товар по отношению к паровозу Сормовского завода отступает на задний план перед понятием государственный продукт, изготовленный для государства.

Идем дальше, по степени возрастания действия закона ценности. Вот перед нами текстильное машиностроение. Часть станков и прочего оборудования мы делаем сами, часть привозим из-за границы. Влияние мирового рынка сказывается в том, что мы можем получить, в зависимости от кон'юнктуры капиталистического машиностроения, станки и дороже и дешевле. Если мы их получаем дешевле, то можем или купить их больше или высвободим средства на другие нужды государственного хозяйства. Закон ценности встречается здесь с законом первоначального социалистического накопления, но не влияет на уровень цен станков нашего производства, потому что цены внутреннего производства не определяются ценами мирового рынка. Под защитой социалистического протекционизма мы сохраняем, развиваем или создаем отдельные отрасли производства средств производства, исходя из соображений экономической целесообразности для всего государственного хозяйства. И здесь действие закона ценности крайне ограничено и, помимо сказанного, может влиять прежде всего со стороны амортизации на цену текстильных изделий на внутреннем рынке. Совершенно так же влияет мировой рынок на наши внутрихозяйственные отношения, когда мы ввозим оборудование, совершенно не производимое внутри страны. Здесь мировой рынок может влиять или на размеры нашего накопления, или на амортизационные надбавки к ценам предметов потребления, которые производятся при помощи ввезенного оборудования. Закон ценности мирового хозяйства может оказать свое действие не только в качестве фактора распределения материальных средств, но и в качестве фактора *распределения труда* внутри нашего хозяйства в том случае, если не спорадически, а систематически и на долгий срок пришлось бы задержать, сократить или совсем ликвидировать производство некоторых средств производства в тех отдельных областях, где, при данных ценах на мировом рынке и при данном уровне развития нашего машиностроения, нам было бы нецелесообразно поддерживать или развивать собственную выра-

ботку. Но и в этом случае вопрос решался бы прежде всего на основе балансового учета всего производства средств производства, необходимых для этого ресурсов и перспектив совершенствования и удешевления собственной продукции. Области ввоза средств производства, вообще говоря, могут меняться и не только в зависимости от движения цен на соответствующую продукцию за границей и у нас, но и вследствие факторов, вытекающих из очень сложно складывающегося оптимума по общехозяйственному плану. Возьму такой пример. По состоянию импортных возможностей мы, допустим, можем ввести оборудование на 300 млн. в год. Из соображений оптимума для всего процесса переоборудования нам в данном году может оказаться выгодным вместо 150 миллионов, предназначенных для импорта средств производства, с наибольшей разницей в ценах внутри и за границей, ввезти данных машин только на 100 млн., а на 50 млн. расширить внутреннее производство, выплачивая за него в червонцах значительно больше и расширяя импорт менее дешевых машин другого типа. В этом случае действие закона ценности будет совершенно искривлено интересами хозяйственного плана в целом, т.-е. интересами расширенного воспроизводства в хозяйстве социалистического типа—случай, как правило совершенно невозможный в условиях капиталистического воспроизводства. Вообще же мы, чем дальше, тем больше вынуждены в максимальной степени рационализировать импорт, добиваясь максимального использования выгод мирового разделения труда, т.-е. ввозя больше таких машин, конструкция которых внутри наименее выгодна *при данных хозяйственных условиях* [1]).

Что касается импорта для государственного хозяйства средств производства, совершенно не изготовляемых в стране, то закон ценности мирового рынка колебанием цен влияет,

---

[1]) Тов. Троцкий вполне своевременно привлек наше внимание к проблемам нашей связи с мировым хозяйством в своей работе „К капитализму или социализму“. Нам до крайности необходим на каждый данный конкретный год, взятый со всеми его особенностями, научно составленный план импорта, а не механическое суммирование и урезывание „заявок“ отдельных трестов. Такое суммирование есть не импортный план социалистической промышленности, а грубое приспособление ввоза к валютным возможностям, без установления хорошо продуманного импортного оптимума.

следовательно, только на накопление и на амортизацию, не внося изменений в распределение рабочих сил.

Перейдем теперь к производству средств производства, когда государство является монопольным производителем, но не монопольным покупателем. Дело идет как о таких средствах производства, которые по своей сущности могут фигурировать только как средство производства, так и о таких, которые, в зависимости от их использования, могут фигурировать одновременно и как средства производства и как средства потребления. Пример первого рода: оборудование и металл для частного хозяйства. Пример второго рода: керосин, спирт, топливо, которые идут и на техническое потребление и на индивидуальное потребление. В той части продукции этого рода, которая идет в государственное хозяйство, мы имеем уже разобранный нами случай. Государство производит здесь само на себя, и цены, назначаемые государством, например, цена на металл для Гомзы, цены на нефть для железных дорог и т. д., имеют лишь внешнее формальное сходство с ценами капиталистического рынка. По существу же здесь в форме цен происходит плановое распределение ресурсов внутри единого организма государственного хозяйства. Мы знаем, что очень часто государство назначало для продажи нефти железным дорогам и керосина заводам и автотранспорту одну цену, для внутреннего частного рынка другую, для экспорта третью. Однако нельзя целиком эту часть производства относить к рассмотренному нами выше случаю, когда государство выступало и монопольным производителем и монопольным покупателем. В тех случаях, когда главная масса продукции идет не в государственный круг, производящие организации находятся уже под сильным влиянием основных потребителей. Возьмем, например, производство с.-х. машин, которые лишь в небольшой части идут в совхозы и в подавляющем количестве сбываются крестьянству. Правда, поскольку государство является монопольным производителем, поскольку никакая внутренняя конкуренция ему не угрожает, оно и здесь может назначать цены, руководствуясь своим хозяйственным планом, который может быть построен, исходя не только из соображений расширенного воспроизводства, но и из соображений восстановления оборудования крестьянского хозяйства (как это имеет место в практике нашего сельскохозяйственно-

го машиноснабжения, с его чрезвычайно льготными для крестьянства и иногда убыточными для государства ценами). Однако здесь для планирования есть определенные пределы, а, именно, размеры платежеспособного спроса на данную продукцию у покупателей из сферы частного хозяйства, а также, где дело идет об экспорте, емкость и цены внешнего рынка. Забастовка покупателей, вот тот предел, который поставлен государственному планированию в том случае, если цены государства превышают известный уровень, приемлемый для частного рынка. В этом случае не только процесс расширенного, но и процесс простого воспроизводства в соответствующих отраслях государственного круга может приостановиться. Закон ценности влияет в данном случае не только на размеры накопления в государственном круге, но и на распределение производительных сил в нем, т.-е. прежде всего на распределение рабочих сил. При отсутствии возможности добиться понижения цен путем организации конкурирующих предприятий, с более низкой себестоимостью производства, чем у государства, или с более медленным темпом накопления, давление на государственное производство идет по линии сокращения спроса и прямого отказа от покупок вообще. Такой пример мы имели в нашем хозяйстве, как известно, осенью 1923 года. Наоборот, когда платежеспособный спрос частного рынка превышает размеры государственного производства, рамки хозяйственного маневрирования государства расширяются, расширяются возможности накопления за счет частного хозяйства, государство является хозяином в назначении цен в пределах от себестоимости производства до исчерпания всего платежеспособного спроса (с учетом, разумеется, влияния цен на размеры спроса).

Из приведенных примеров читатель видит, что когда государство является монопольным производителем, но не монопольным покупателем средств производства, то категория цены приобретает здесь двойственный характер: с одной стороны, это — попрежнему калькуляционный метод, псевдоним планового распределения ресурсов внутри государственного круга, а с другой стороны, где дело касается обмена веществ между государственным и частным хозяйством, это—функция первоначального социалистического накопления, ограниченная действием закона ценности. И в этом вторая двойствен-

ность роли цены в рассматриваемом нами случае. Если частное хозяйство получает меньше средств производства, это влияет и на размеры его основного капитала и на распределение и приложение рабочих сил. То же и в государственном хозяйстве. Иными словами, тот или иной результат от столкновения закона первоначального социалистического накопления с законом ценности влечет за собой иное распределение производительных, в том числе рабочих, сил. Если на капиталистическом рынке при свободе конкуренции цена есть функция ценности, то цена государства-монополиста на частном рынке есть функция первоначального социалистического накопления, ограниченного законом ценности. Но более подробно об этом ниже. Там мы рассмотрим также, как закон ценности пробивает себе дорогу и путем роста надбавок в розничной торговле, действуя при товарном голоде как фактор *капиталистического* накопления.

Идем дальше. Рассмотрим положение, когда государство не является ни монополистом в деле *производства* средств производства, ни монополистом, как покупатель. Пример. Веялки, кузнечные изделия, как топоры, гвозди, далее, ремонт оборудования, производимые как в государственном хозяйстве, так и в частном, покупаемые как государственным хозяйством, так и частным. Я умышленно беру средства производства, которые в своей натуральной форме являются орудиями труда, а не сырьем для дальнейшего производства, о чем будет речь ниже. Вообще эта часть продукции в количественном отношении невелика, потому что ремесло и арендованная промышленность не могут играть здесь, за исключением разве ремонта, сколько-нибудь значительной роли. Если доминирующая часть продукции приходится здесь на государственное производство, то, естественно, рыночные цены будут в общем и целом ценами, которые назначает за свою продукцию государство и назначает, исходя из своей себестоимости и своего уровня накопления. При таких условиях конкурирующие предприятия или самостоятельные производители, если у них себестоимость ниже, смогут накоплять больше, торгуя по ценам государства, либо сбывать продукцию быстрей, продавая ниже государственных цен. Если их себестоимость относительно растет в сравнении с государственной, конкуренты будут гибнуть. Не они здесь командуют на рынке, цены

государства в данном случае будут играть совершенно такую же роль, как и в только что рассмотренном случае, и только в тех немногочисленных и по удельному весу незначительных производствах, где конкуренты будут производить дешевле государства (например, мелкий ремонт разнообразного типа), там возможно сокращение государственных предприятий с передвижкой рабочих сил в другие производства. Здесь закон ценности случайно действует в одном и том же направлении, что и закон социалистического накопления. Но рассматриваемые отрасли так немногочисленны, и роль их в производстве средств производства так невелика, что мы остановились на них лишь в интересах полноты классификации.

Перейдем теперь к отраслям, несравненно более важным, прежде всего к производству и сбыту таких средств производства, которые служат сырьем для государственной промышленности, вырабатываются же в подавляющем количестве в частном, точнее в крестьянском хозяйстве. Сюда относятся все технические культуры, как хлопок, лен, пенька, масличные семена всех видов, сахарная свекла, винокуренный картофель и т. д., а с другой стороны, животноводческое сырье: кожи, шерсть, овчина и т. д. Как обстоит здесь дело с действием закона ценности?

Совершенно очевидно, что влияние его здесь должно быть несравненно сильнее, чем в том случае, когда, допустим, государство производит машины из металла, выплавленного в собственных доменных печах, с употреблением руды и угля, добытых также в собственных копях. Технические культуры и животноводческое сырье лишь в ничтожном количестве производятся в государственных совхозах, а основная масса производится на территории крестьянского, т.-е. простого товарного хозяйства. С другой стороны, государство не всегда является здесь и монопольным покупателем. Если хлопок и лен в подавляющем количестве закупаются государством, то, например, кожи в большом количестве перерабатываются на обувь, упряжь и т. д. ремесленным, кустарным и полукустарным путем. Это значит, что здесь государственные заготовители выдерживают очень сильную конкуренцию со стороны частного хозяйства. Однако было бы совершенно неправильно думать, что рассматриваемая нами ветвь средств производства является ареной *полного* господства вольного рынка и

стихии закона ценности. На этот счет мы имеем достаточно богатый опыт за последние годы, говорящий совсем другое. Посмотрим поближе, как обстоит здесь дело.

Начнем с технических культур и сырья, где государство является или монопольным, или по крайней мере преимущественным покупателем. Таковы хлопок, лен, пенька, масличные семена, сахарная свекла и т. д. Деятельность хлопкового комитета, с одной стороны, и заготовительных организаций по закупке льна, с другой, является интересным экспериментальным доказательством того, какое сильное воздействие может оказать на частный рынок, а затем и на все мелкое производство государственная промышленность там, где она является преимущественным покупателем и выступает организованно, как единый экономический организм. Не столько рынок здесь диктует цены государству, сколько государство рынку. Известно, что цены на хлопок назначались до сих пор и назначаются не на вольном рынке Ташкента, а в Москве, плановыми хозяйственными органами государства. И до сих пор срыва назначаемых государством цен не было, несмотря на то, что эти цены всегда и на очень значительный процент были ниже цен мирового рынка. Государственные заготовительные цены на перечисленное сырье являются чрезвычайно интересным случаем известной равнодействующей между законом ценности и законом первоначального социалистического накопления.

В чем прежде всего проявляется здесь закон ценности? Он проявляется в том, что государственное планирование в области заготовительных цен натыкается на две границы, налагаемые законом ценности: одну в сторону максимума, другую в сторону минимума. Границей в сторону максимума является средняя цена мирового рынка, поскольку дело идет об экспортных культурах, как лен и пенька, и импортных, как хлопок, мягкая шерсть и т. д.

Государству нет смысла покупать, например, хлопок внутри страны выше цен мирового рынка, если только оно не будет вынуждено к этому ограниченностью импортных возможностей, вследствие недостатка иностранной валюты. Точно так же государство будет избегать закупать лен для собственной льняной промышленности и для экспорта по ценам, которые вместе с расходами на транспорт и прочими накладными

расходами превышают продажную цену на европейском рынке. Закон ценности мирового рынка кладет, таким образом, предел со стороны максимума.

Каким же образом тот же закон определяет линию минимума?

Очевидно, линия минимума определяется трудовыми затратами, степенью выгодности данной культуры для производителей, в сравнении с другими культурами крестьянского хозяйства. Если государство будет назначать настолько низкие цены на лен, что крестьянству льняных губерний будет выгодней заменять лен зерновыми культурами, если низкие цены на плантаторскую свеклу и декханский хлопок повлекут за собой увеличение за их счет посева пшеницы и т. д., то мы будем иметь перед собой границу со стороны минимума, налагаемую законом ценности в простом товарном производстве. Всякий, кто знаком с деятельностью нашего Главного Хлопкового Комитета, знает, как много усилий пришлось ему предпринять, чтобы соответствующей политикой заготовительных цен на хлопок, с одной стороны, завозом пшеницы в Туркестан—с другой, заставить декхан, перешедших за время войны от культуры хлопка к культуре пшеницы, перейти снова к посевам хлопка и поднять площадь хлопковых плантаций снова почти до довоенного уровня. С другой стороны, катастрофическое падение посевов льна в северо-западных губерниях в голодные годы и смена льна зерновыми культурами прекратились, и крестьянство постепенно снова вернулось к посеву льна лишь потому, что политика заготовительных цен государства всячески поощряла этот процесс. Если бы этого не было, рожь и теперь еще сеялась бы там, где снова появился лен.

Из приведенных примеров мы видим, как проявляется на данном участке в хозяйстве СССР действие закона ценности. Теперь посмотрим, в чем проявляется здесь одновременно действие закона социалистического накопления, ограничивающего закон ценности или, если хотите, ограниченного законом ценности.

Как уже было сказано, пределы господства планового начала государства в политике цен заключены между ценами мирового рынка с одного конца, между ценами, стоящими на грани сокращения данной культуры,—с другого конца. Пло-

щадь для маневрирования здесь весьма обширна, вероятно не менее 30—40% вниз от мировой цены. Государство держит заготовительные цены на уровне, достаточном для расширения данных культур, но ниже тех цен, которые сложились бы при свободе конкуренции иностранных заготовителей и внутренних заготовителей, если бы промышленность у нас была не государственная, а частная, и, следовательно, не выступала бы организованно на рынке сырья. Все, что отличает заготовительные цены от тех цен, которые сложились бы на основе свободы конкуренции буржуазных заготовителей, целиком должно быть отнесено за счет действия закона первоначального социалистического накопления. Когда государство на основе организованной системы заготовок держит цены на определенном уровне и даже понижает их вопреки росту спроса, обгоняющего предложение, как это имело место в 1925 году с льном и хлопком (цены на них несколько снижены по сравнению с 1924 годом), то мы имеем перед собой блестящий пример ограничения закона ценности плановым началом, в данном случае в форме закона первоначального социалистического накопления. В то же время мы на этом примере можем видеть, в каком смысле можно говорить здесь именно о законе. Если в буржуазном обществе закон ценности пробивает себе дорогу лишь как средняя равнодействующая стихийно сталкивающихся процессов, как равнодействующая напора и отталкивания, то в данном случае государство исходит из предвидения действия отталкивания, не доводит до него, но в то же время и сознательно ограничивает свой темп накопления, ограничивая определенным уровнем и рост цен и их насильственное снижение. Если стихийный закон товарного производства, закон ценности, можно противопоставлять бухгалтерии вполне сложившегося планового хозяйства, где действие этого закона сменилось сознательной калькуляцией социалистической статистики производства и распределения *продуктов* (а не товаров), то иначе обстоит дело в период *борьбы* за плановое производство, в период скручивания, ограничения закона ценности. Борьба за плановое начало есть прежде всего борьба за накопление материальных ресурсов государственного хозяйства, обеспечивающих рост одних производственных отношений за счет других. Это накопление ограничено действием еще существующего закона ценности,

следовательно, подвержено действию стихии. С этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия в экономической системе, осуществляемого при огромной роли сознательного предвидения и практического учета экономической необходимости. Есть ли это закон в общепринятом смысле слова? В гораздо большей степени да, чем нет, если брать все хозяйство страны в целом, а не только его наиболее организованную часть. С такой же двойственностью, впрочем, с такими же противоречиями развития мы встретимся и почти при всех категориях капиталистического хозяйства, которые анализируем на почве нашей системы хозяйства.

Чтобы покончить с промышленным сырьем, производимым в крестьянском хозяйстве, мы упомянем еще вот о чем. Огромную роль в деле овладения рынком технического сырья начинает уже играть система государственного кредита, система выдачи авансов заготовителям. Эта система, знакомая и капиталистическим отношениям, у нас в сильнейшей степени будет ограничивать действие закона ценности, поскольку задатки выдаются не конкурирующими заготовителями сырья, а единым организованным государственным хозяйством. С другой стороны, совершенно очевидно, что политика цен государства, как преимущественного заготовителя, может оказать глубочайшее воздействие на распределение производительных сил в крестьянском хозяйстве, поощряя одни культуры за счет других и внося элементы плана в территориальное распределение культур в крестьянском хозяйстве[1]). Система плановых цен превращается здесь в мощный рычаг воздействия промышленности на крестьянское хозяйство, и чем

---

1) См. об этом более подробно мою брошюру „От нэпа к социализму“ стр. 99—103. Кстати, мне хочется отметить здесь в качестве курьеза такой факт. С. В. Членов, написавший на эту работу весьма неодобрительную рецензию в 3-й книжке „Печать и Революция“ за 1923 г., в числе недостатков отметил совершенно бездоказательное, с его точки зрения, предсказание насчет того, что Донбасс через 5 лет после окончания гражданской войны (значит в 1926 г.) достигнет довоенного уровня продукции угля. К несчастью для рецензента, как раз именно в 1926 г. Донбасс должен подойти к довоенной выработке.

быстрей будет расти наша промышленность, тем сильней она будет экономически подтягивать к себе крестьянское производство сырья, подчиняя его социалистическому плану. Здесь и цена трансформируется из категории товарного хозяйства, из функции закона ценности в нечто переходное к социалистической калькуляции при обмене веществ между городом и деревней, хотя товар крестьянского хозяйства, оплачиваемый по твердой цене государства, в сфере производства еще не тронулся с места по пути своего превращения в продукт. Здесь, наконец, и деньги, как и внутри государственного круга, несколько меняют свои функции. Это особенно интересно проследить на калькуляциях Главхлопкома в области цен на хлопок в их отношении к ценам на пшеницу.

Что касается заготовок такого сырья, которое в большом количестве покупается также и частными производителями, либо идет на переработку в самом крестьянском хозяйстве, то здесь регулирующая роль государства значительно меньше, а действие закона ценности значительно сильней. Сплошь и рядом предельные цены государства срываются здесь частными заготовителями, что вынуждает государство или менять свои лимиты или прекращать заготовки с опасностью оставить без сырья свои предприятия. В свою очередь колебания заготовительных цен неизбежно отражаются на калькуляции готовых изделий, ограничивая здесь плановые возможности государства. Кроме того, если, допустим, цены на грубую шерсть кажутся крестьянству невыгодными, оно усиливает собственную выработку валенок, домотканного сукна и т. д. И с этого конца закон ценности давит на соответствующие отрасли государственного хозяйства. Ослабление действия закона ценности здесь будет, может быть, достигнуто лишь удешевлением государственного производства и его расширением, что усилит влияние государства, как главного заготовителя, и сделает невыгодным для крестьянства домашнюю переработку собственного сырья. Но такое движение вперед, разумеется, целиком зависит от успехов на всем фронте первоначального социалистического накопления.

Перейдем теперь от производства и заготовок средств производства к производству средств потребления. Совершенно очевидно, что здесь влияние закона ценности в общей сумме значительно больше, чем в области производства средств про-

изводства. Отвлекаясь пока, как и раньше, от методов оплаты рабочей силы, т.-е. от рынка труда (если позволительно употреблять этот термин), проследим влияние закона ценности с другого конца. Характерными особенностями производства средств потребления в сравнении с производством средств производства являются с рассматриваемой нами точки зрения: 1) более значительная роль конкуренции частного хозяйства в производстве и сбыте, 2) более значительное влияние закона ценности со стороны колебания цен на сырье, 3) более значительная и более непосредственная зависимость от платежеспособного спроса частного хозяйства на государственную продукцию, 4) более значительное влияние на розничные цены соотношения между спросом и предложением.

Что касается конкуренции частного хозяйства в производстве и сбыте, то она совершенно очевидна из прямого перечисления отдельных отраслей. Пищевая промышленность, с огромной ролью частного хлебопечения, колбасного производства, рыболовства и переработки продуктов рыболовства, кондитерского производства, частного пивоварения, вплоть до деревенского самогона —это все отрасли, не требующие ни большого оборудования, ни больших оборотных средств, с быстрым оборотом капитала, наиболее доступные мелкому производству и мелкому капиталу. Здесь есть такие гиганты государственного монополизма, как сахарная промышленность, а рядом промышленность мукомольная, с преобладанием, наоборот, частного производства. Точно так же огромную роль играет мелкое производство в обработке кожи, шерсти, дерева, пеньки, изготовлений одежды. Самая большая отрасль государственного хозяйства, мануфактурная промышленность, также сталкивается со значительной конкуренцией мелкого производства, которое делается неопасным лишь на определенной стадии развития производительности труда при высокой технике крупного производства.

Государственное производство средств потребления подвергается далее влиянию закона ценности постольку, поскольку сырье государство получает или от частного производства внутри страны или импортирует в больших количествах из-за границы. Как обстоит дело с заготовками внутри—мы уже говорили. Здесь действие закона ценности сильно ограничено

благодаря организованности государственного хозяйства. Что же касается импортного сырья, то тут по государственной промышленности, через импортную дверь, бьют волны мирового закона ценности, изменяя в известных пределах калькуляцию продукции в зависимости от мировых цен на хлопок, мягкую шерсть, каучук и т. д. Ослабление влияния мирового рынка достигается на этом участке лишь развитием внутреннего производства сырья, для чего в области хлопка и мягкой шерсти наша страна имеет, как известно, богатые перспективы.

Третий тип зависимости от частного хозяйства, это зависимость от платежеспособного спроса вне государственного круга. Мы имеем здесь в виду почти исключительно платежеспособный спрос частного хозяйства, поскольку регулирование размеров платежеспособного спроса государственных рабочих и служащих, если не говорить о конкуренции сбыта из кустарной и мелкой промышленности, зависит от самого рабочего государства, от его политики заработной платы. Если цены государственной продукции будут слишком высоки, то это может повести либо к уклонению от покупок, с усилением выработки ряда изделий домашним путем,—о чем мы уже говорили, — либо к покупательской забастовке. Первый метод более возможен как раз в отраслях производства средств потребления. Если крестьянство не в состоянии само делать плугов и при их дороговизне усилит использование дотказу и ремонт старого инвентаря, то в производстве средств потребления, т.-е. одежды, обуви, продуктов питания, у него гораздо более широкая возможность обхода с тыла государственной промышленности. Однако, как уже было сказано, такой обход может иметь место лишь при весьма высокой себестоимости изделий промышленности [1]). Он тем трудней, чем дальше уходит производительность труда в крупной промышленности от производительности домашнего производства. А это значит, что с ростом производительности труда в городской промышленности автоматически растут также и возможности планового маневрирования государства, растут возможности первоначального социалистического накопления за счет частного производства.

---

1) Большое влияние оказывает на этот процесс огромная скрытая безработица в деревне — продукт аграрного переселения, но и здесь лечение — в более быстрой индустриализации страны.

Иначе проявляется действие закона ценности при товарном голоде. Вообще говоря, тот товарный голод, о котором идет речь, т.-е. голод на промышленные товары, есть следствие диспропорции между промышленным производством и платежеспособным спросом страны. В условиях свободы конкуренции диспропорция преодолевалась бы нормальным путем, т.-е. путем сначала повышения цен в отраслях недостаточного производства и, следовательно, повышения прибылей вложенного в эти отрасли капитала, что затем немедленно вызвало бы приток сюда новых капиталов, новое строительство и в конце концов расширение производства до размеров и может быть больше размеров, соответствующих платежеспособному спросу. Таким путем был бы ликвидирован товарный голод, и повышение цен, сыгравши свою роль в деле новой расстановки производительных сил, должно было бы прекратиться. Вопрос мог быть решен и другим путем, т.-е. на ряду и вместе с описанным—путем расширения ввоза иностранной продукции, если таможенные ставки это позволяют. Так, на основании действия этого закона, могли бы быть ликвидированы диспропорция в распределении производительных сил и товарный голод.

Наоборот, когда промышленность принадлежит на 80% государству, ликвидация диспропорции, если исключить увеличение импорта, возможна лишь на основе планового расширения государственной промышленности, в уровень с возросшим спросом. Лишь частично и в весьма скромных размерах рост цен может привести к расширению мелкого кустарного и ремесленного производства в охваченных товарным голодом отраслях. Товарный голод есть предостережение руководящему промышленностью государству, это—требование установления пропорциональности, о котором кричит весь экономический организм страны. Но допустим, либо вследствие ошибочной экономической политики государства в данном году, либо вследствие ошибочной политики предыдущего года, последствия чего проявляются годом позже, либо вследствие недостатка нового капитала и ограниченности импортных возможностей, государство не расширяет производства в соответствии с ростом платежеспособного спроса. Что мы будем тогда иметь? Мы будем тогда иметь, с одной стороны, резкое увеличение розничных цен в отраслях с сильно выраженным товарным голодом по всей линии частной торговли, т.-е. повышение фак-

тически в 40% всего розничного оборота, если говорить о 1925 годе. С другой стороны, кооперация, под давлением рыночной стихии, неизбежно подается по линии наименьшего сопротивления, т.-е. будет срывать лимиты розничных надбавок к оптовым ценам государства. Закон ценности будет перешибать и в этом пункте политику твердых плановых цен государства. Понижение же отпускных цен трестов в отраслях резкого товарного голода не имело бы никакого положительного эффекта в смысле снижения цен в рознице и было бы совершенно бессмысленным практически и безграмотным с точки зрения экономической теории [1]).

В общем же и целом мы имели бы, как имели фактически в 1925 году, недоведенное до своего конца, а потому совершенно уродливое и извращенное действие закона ценности, потому что этот закон в состоянии вызвать увеличение цен в рознице, но бессилен привести через этот инструмент возросших цен к перераспределению производительных сил страны в сторону ее более быстрой индустриализации. Если употреблять физиологическое сравнение, перед нами здесь *задержанный рефлекс закона ценности*, который не переходит из сферы распределения в сферу производства. Частный торговый капитал загребает сотни миллионов, но на производство это почти не влияет. Можно сказать, что усиленное накопление частного капитала прямо пропорционально силе действия урезанного закона ценности.

Приведенный факт является также классическим примером того,—этот пример надо изучать во всяком курсе по теории советского хозяйства,—к каким экономическим последствиям может приводить положение, когда действие одного основного закона, в данном случае закона ценности, парализовано или, точней говоря, полуликвидировано, а действие другого закона, сменяющего исторически закон ценности, не может по тем или иным причинам развернуться и притом развернуться пропорционально степени и темпу ликвидации за-

---

[1]) Напоминаю читателю, какой град возражений, непонимания и искажений пришлось выдержать автору этих строк за эту мысль, высказанную в главе этой книги о социалистическом накоплении. Теперь, разумеется, возражений уже не будет, после того как за обратный опыт государство заплатило десятки, если не больше, миллионов. Но и публичного сознания в своих ошибках со стороны возражателей тоже не будет. До этого мы еще не доросли.

кона ценности. Совершенно очевидно, что если бы первоначальное социалистическое накопление промышленности, в том числе прежде всего накопление за счет частного хозяйства, на основе налогов и политики цен, соответствовало уровню уже достигнутых новых производственных отношений, т.-е. коллективизации промышленности и предъявляемых к ней требований со стороны всего хозяйства—требований, которые по самой структуре государственного хозяйства могут быть удовлетворены нестихийным путем, — то товарного голода не было бы, и задержанный рефлекс закона ценности не клал бы десятки, если не сотни, миллионов в кубышку капиталистического накопления.

Оставляя пока в стороне общий вопрос о том, поскольку самый факт социализации промышленности требует с железной необходимостью известной пропорции в социалистическом накоплении в каждый данный год, я подведу пока некоторые итоги сказанному во всем этом параграфе. Мы видели, что закон ценности, отвлекаясь от проблемы рабочей силы, оказывает наименьшее влияние в сфере производства средств производства, когда государство является и монопольным производителем и монопольным заказчиком средств производства. А это значит, что тяжелая промышленность является наиболее социалистическим звеном в системе нашего государственного хозяйства, звеном, где наиболее далеко продвинулся процесс замены рыночных отношений системой твердых плановых заказов и твердых цен внутри единого организма государственного хозяйства. Здесь наиболее далеко продвинулся процесс трансформации цены в плановое распределение ресурсов внутри государственного круга и больше всего произошло превращение товара в продукт. В области государственного производства средств потребления влияние закона ценности значительно больше. Оно тем больше, чем меньше государственная промышленность является монопольной, чем больше играет роль в калькуляции себестоимости продукции сырье, изготовленное в тех отраслях мелкого производства, которые наиболее подвержены действию стихии рыночных отношений. Наконец, поскольку мы переходим к частному хозяйству, т.-е. прежде всего к крестьянскому хозяйству, закон ценности наиболее ограничен законом социалистического накопления в отраслях крестьян-

ского производства средств производства для крупной промышленности, т.-е. в сфере производства технического сырья, в подавляющей массе заготовляемого государством.

Теперь, идя по степени возрастания действия закона ценности, обратимся сначала к производству в крестьянском хозяйстве средств потребления, покупаемых государственным кругом, а затем к отраслям междукрестьянского обмена.

Посмотрим сначала, каков удельный вес этой части крестьянского производства во всей продукции страны и товарной части всей крестьянской продукции. Согласно контрольным цифрам Госплана в 1924—1925 хозяйственном году из общей массы продукции крестьянства, выбрасываемой на рынок, т.-е. из 2.857 млн. рублей по довоенным ценам, на долю технических культур приходилось 631,4 млн., или 22,6% [1]). Из этих цифр мы видим, что доля технических культур с ограниченным действием закона ценности весьма значительна. Однако доля средств потребления значительно больше. Кроме того, надо иметь в виду, что из продаваемых на рынке средств потребления, выбрасываемых крестьянским хозяйством, государством покупается не вся масса, а только часть. Например, в 1924—1925 году из 833,7 млн. пудов товарного хлеба городской рынок и экспорт поглотили лишь 305,7 млн., или 36,8%. Спрашивается теперь, как же обстоит дело с действием закона ценности на этом участке нашей экономики?

Совершенно очевидно, что при ничтожном количестве собственного производства в области зерновых культур и животноводства, т.-е. при ничтожном удельном весе продукции совхозов, государство не в состоянии оказывать воздействие на рынок средств потребления со стороны производства, т.-е. с того фундамента всякого регулирования, который играет большую роль в сфере советской промышленности. Регулирование при таких условиях, вообще говоря, возможно лишь в сфере обмена и кредита. Влияние государства на крестьянское хозяйство через систему кредита пока еще так мало, что говорить об этом рычаге регулирования почти не приходится. Остается лишь сфера обмена. Государство является здесь

---

[1]) Примечание ко 2-му изданию. Согласно контрольным цифрам на 1925—26 г. производство технических культур в общей продукции сельского хозяйства должно составить 715,3 милл. р. плюс кожсырье 260,3 милл. (валовая продукция); на рынок из этой суммы пошло товаров на 538,3 милл.

массовым организованным заготовителем для внутреннего городского потребления и монополистом в сфере внешней торговли хлебом, маслом и другими продуктами питания. В этом—его преимущество. Но в то же время его свобода маневрирования в сфере политики цен ограничена здесь больше, чем в какой-либо иной области массового обмена. Первая грань налагается мировым хлебным рынком. Мировые хлебные цены лишь в незначительной степени зависят от нашего Внешторга, поскольку из огромного количества продаваемого на мировом рынке хлеба мы поставляем пока лишь очень небольшой процент. Колебание мировых цен на зерновые культуры всей силой давит на нашу политику, как внешняя, об'ективная, от нас почти независящая сила. С другой стороны, внутренний хлебный рынок в весьма ограниченной степени находится под нашим влиянием постольку, поскольку большая часть товарного хлеба идет на покрытие крестьянского же спроса на хлеб и на неорганизованную часть городского рынка помимо государственных заготовителей. Наконец, надо учесть и тот очень важный факт, что наше крестьянство, вследствие резкого уменьшения налогового обложения, в сравнении с довоенным временем, а также вследствие ликвидации арендных плат за помещичью землю, стоит перед необходимостью гораздо меньшего количества *вынужденных продаж*, чем до войны [1]). Это дает крестьянству больше возможности маневрировать с хлебными излишками, накоплять большие хлебные запасы, увеличивать потребление хлеба, а *главное—больше скармливать* хлеба на корм скоту и птице. Возможность расширения животноводства, в том числе товарного животноводства, делает крестьянство менее зависимым от твердых заготовительных хлебных цен государства. Однако здесь не надо слишком преувеличивать и обобщать сезонных явлений, явлений, характеризующих отдельные годы восстановительного периода, необходимо учитывать также и длительно действующие тенденции развития. Страховые запасы можно накоплять лишь до известного предела. Употребление хлебных излишков для расширения животноводства также упирается в известный предел, поскольку внутренний рынок,

---

1) См. об этом мою статью о товарном голоде в „Правде“ от 15 декабря 1925 г.

например для мяса, растет сравнительно медленно, а внешний еще предстоит с большим трудом и большими затратами капитала (холодильники, бэконные заводы и т. д.) завоевать. Основная же тенденция в рассматриваемой области пролегает в сторону не сокращения, а увеличения регулирующей роли государства, если крестьянское хозяйство будет развиваться. В самом деле, чем быстрее будут расти товарные излишки продуктов потребления в крестьянском хозяйстве, тем большую роль будет играть их экспорт, а, следовательно, тем большую роль будет играть в сфере заготовок монопольный проводник на внешний рынок крестьянской продукции — государство. Ограниченный ценами мирового рынка в сторону максимума—в сторону минимума он получит больше возможностей маневрирования, а тем самым увеличивается общая зависимость крестьянского товарного хозяйства от государства. Здесь влияние государства не может скоро догнать его регулирующей роли в деле заготовки технических культур, но, несомненно, будет расти по мере роста товарности и экспортных возможностей нашего земледелия. Если в неурожайные годы рыночная стихия бушует гораздо сильней и может встретить регулирующее ограничение со стороны государственного импорта хлеба из-за границы, то, наоборот, волна *падения* хлебных цен в периоды урожаев может быть с гораздо большим успехом задержана путем своевременного развертывания государственных хлебозаготовок и расширения хлебного экспорта. Регулирующая роль государства в сфере обмена будет увеличиваться по мере роста тех ресурсов, которые государство в состоянии будет выделять на образование своих плановых резервов в денежной и натуральной форме. С другой стороны, большую роль как раз в деле регулирования через обмен суждено сыграть нашей кооперации, в особенности по мере кредитного охвата с.-х. обмена, не говоря уже о влиянии кооперации в сфере производства.

Наконец, областью наименьшего планового регулирования является область внутрикрестьянского обмена, а также область обмена крестьянской продукции на ту часть ремесла и кустарной промышленности, которая или совсем не захвачена или очень мало захвачена крупным коллективным производством. Как известно, емкость деревенского рынка на кре-

стьянскую продукцию средств потребления, прежде всего на хлеб, очень велика. Количество крестьянских хозяйств, покупающих хлеб, огромно. В 1924—1925 году внутрикрестьянские покупки хлеба достигали 528 млн. пудов, или 63,6% всего товарного хлеба [1]). Казалось бы, что влияние государства на хлебные цены должно автоматически влиять и на цены внутрикрестьянского хлебного рынка. Это влияние, несомненно, существует, но оно ограничено следующим обстоятельством. Покупает хлеб по преимуществу беднейшее крестьянство. Оно покупает как продовольственный хлеб, так и семена. Платит же оно не всегда деньгами и далеко не всегда по рыночным ценам, вследствие своей кабальной зависимости от зажиточного крестьянства и кулаков. Очень часто расплата совершается путем отработки, т.-е. в форме обмена хлеба на труд крестьянской бедноты, что при огромном количестве избыточной рабочей силы в советской деревне означает очень высокую расценку продаваемого бедноте хлеба. *Государственное регулирование хлебных цен идет мимо этих отношений эксплоатации.* Рынок рабочей силы и отношение скрытой эксплоатации срывают регулирующее влияние государства на хлебные цены в значительной области внутрикрестьянского обмена.

Что же касается таких сфер внутрикрестьянского обмена, как торговля рабочим скотом, а также торговля не изготовляемыми на государственных фабриках изделиями кустарей и ремесленников, то здесь полностью и безраздельно господствуют отношения простого товарного производства, здесь—безраздельная область господства закона ценности [2]). Тут перед нами та часть нашей экономики, которая является полнейшим антиподом области производства средств производства в государственном хозяйстве. XVI—XVIII века сожительствуют с наивысшим завоеванием XX века, с планово руководимой промышленностью социалистического государства.

---

[1]) Примечание ко 2-му изд. В 1924—25 г. весь внутрикрестьянский оборот равнялся 1.497 милл. довоенных руб., в 1925—26 г. 1.781 милл. р. (контрольные цифры Госплана на 1926—27 г.).

[2]) Мы говорим здесь о безраздельном господстве в сфере *простого* товарного производства, потому что, как говорил не раз Маркс, закон ценности „достигает свободного развития как раз на основе капиталистического производства", т.-е. когда рабочая сила является товаром на ряду с прочими товарами.

ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ. ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Вопрос о том, существуют ли в государственной промышленности прибавочная ценность, или же прибавочный продукт, возбуждал и возбуждает много споров среди наших экономистов и среди учащейся молодежи. Уже из сказанного выше читатель может отчасти видеть, что с точки зрения экономической теории это орех довольно крепкий. Ни в коем случае нельзя правильно решить этого вопроса изолированно, вне общей оценки всей системы нашего хозяйства, вне систематического анализа всех категорий политической экономии в их применении к советской экономике.

Если товару в законченной системе планового социалистического производства противостоит продукт, стоимости—калькуляция рабочего времени, заработной плате—потребительский рацион коллективного работника, то прибавочной ценности противостоит прибавочный продукт. Нам предстоит поэтому, следуя взятому нами методу, рассмотреть, в какой степени в нашем государственном хозяйстве мы продвинулись по историческому пути от прибавочной ценности к прибавочному продукту и какой термин является здесь более правильным. Я должен заметить еще здесь, что разногласия в исследуемом здесь вопросе встречаются двух типов: разногласия терминологические, а, следовательно, второстепенного характера; во-вторых, разногласия принципиального характера, связанные с различной теоретической и исторической оценкой нашей системы государственного хозяйства вообще. Разногласия второго типа не могут поэтому ограничиться лишь областью рассматриваемой проблемы и проходят неизбежно по всем другим проблемам теоретического анализа нашего хозяйства.

Начнем сначала с точного определения понятия прибавочной ценности, каким мы находим его у Маркса. Категория прибавочной ценности неотделима от следующих основных предпосылок. Чтобы существовала прибавочная ценность, нужно, чтобы существовала вообще ценность, т.-е., чтобы продукт человеческого труда был товаром. А это значит, что дело идет об исторической категории, присущей лишь товарному производству. Но этого мало. Продукт человеческого труда приобретает форму товара не только в капиталистиче-

ском, но и в простом товарном производстве. Необходимо, следовательно, второе основное условие, а именно, чтобы форму товара приобретала рабочая сила, т.-е. чтобы существовал свободный рынок особого товара, товара рабочей силы. Но существование рабочей силы, как товара, предполагает существование пролетариата, отделенного от орудий производства, на одном полюсе, и существование класса покупателей рабочей силы, обладающего монополией права собственности на орудия производства, на другом. Следовательно, понятие прибавочной ценности предполагает не просто отношение эксплоатации, но отношение эксплоатации между предпринимателями и наемными рабочими. Наконец, последняя предпосылка связана с прилагательным «прибавочный», т.-е. необходима такая ступень развития производительности труда вообще, чтобы производительно занятые работники производили больше того, что минимально необходимо для восстановления их рабочей силы. Это значит, что понятие прибавочной ценности предполагает существование в обществе прибавочного продукта, который лишь на определенной стадии развития товарного хозяйства приобретает форму прибавочной *ценности.*

Прежде, чем перейти к анализу категорий прибавочной ценности в нашем хозяйстве, мы считаем полезным заглянуть назад на историю развития этой категории. Поскольку в нашем хозяйстве происходит трансформация производственных отношений капиталистической экономики в исторически более высокую форму производственных отношений социализма, поскольку мы должны исследовать диалектическое перерастание одних отношений в другие, постольку интересно и обратное, в данном случае процесс такого же диалектического перехода от прибавочного продукта к прибавочной ценности в начальный период развития капитализма.

Маркс не раз предостерегал от смешения понятия прибавочного продукта с понятием прибавочной ценности. Прибавочный продукт—это понятие несравненно более широкое, чем понятие прибавочной ценности. Прибавочный продукт существовал задолго до развития капиталистического производства и будет существовать после уничтожения буржуазной системы общества, но уже не как отношение эксплоатации. Лишь на одном только историческом перегоне приба-

вочный продукт принимает форму прибавочной ценности. В натуральном рабовладельческом хозяйстве нет прибавочной ценности в Марксовом смысле, хотя есть и эксплоатация и прибавочный продукт, поскольку в натуральном рабовладельческом хозяйстве рабы создают лишь предметы потребления для своих господ, и целью эксплоатации является выколачивание этих предметов потребления. Прибавочной ценности нет также в натуральном крепостническом хозяйстве, где, например, господствует барщина, как средство создания предметов потребления для крупных феодальных землевладельцев. Дело изменяется лишь тогда, когда созданный трудом эксплоатируемых классов продукт принимает форму товара, превращается в ценность, а тем самым и прибавочный продукт превращается в прибавочную ценность. Тогда и целью эксплоатации делается систематическое выколачивание прибавочной ценности. В этом случае Маркс переходит от одного термина к другому. Так, например, в III томе «Капитала» Маркс говорит о превращении «патриархальной системы рабства, рассчитанного на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости» [1]). В первом томе «Капитала» Маркс говорит тоже не только об эксплоатации негров, но и о переходе прибавочного труда крепостного крестьянина в прибавочную ценность. Он пишет: «Труд негров в южных штатах американского союза носил сравнительно мягкий и патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того, как экспорт хлопка приобретает характер жизненного интереса для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходящих в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становится фактором рассчитанной и рассчитывающей системы. Тут дело шло уже не о том, чтобы вышибать из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве прибавочной стоимости. *То же самое происходило с барщинным трудом, например, в Дунайских княжествах*» [2]) (курсив мой. *Е. П.*).

---

[1]) „Капитал", т. III, часть I, стр. 316, перевод Степанова.
[2]) „Капитал", т. III, стр. 214, перевод Степанова.

Однако перед нами здесь лишь неразвитые, переходные формы прибавочной ценности, не вполне характерные для развитого капиталистического способа производства. Дело в том, что тут перед нами налицо все предпосылки прибавочной ценности, кроме последней, характерной именно для развития капитализма, кроме превращения рабочей силы в товар. «свободно» продаваемый его владельцем на рынке труда. Раб прикреплен к рабовладельцу на основе права собственности рабовладельца на его личность, потребление его рабочей силы в производстве происходит не по специфическим законам развернутого товарно-капиталистического производства, а на основе из'ятия из законов товарного хозяйства купли, продажи и воспроизводства его рабочей силы. То же надо сказать и о крепостном крестьянине, где возможность эксплоатации не возникает «свободно» и стихийно из монополии одного класса на средства производства, а существует на основе юридической зависимости крестьян от помещиков.

Наконец, в качестве последней переходной инстанции к подлинно капиталистической прибавочной ценности можно привести работу кустарей на дому на скупщика, когда они перерабатывают сырье заказчика, работают его инструментами и в сущности уже являются фактическими наемными рабочими, несмотря на внешние атрибуты самостоятельных производителей. Еще один шаг, и перед нами отделенный от средств производства пролетарий, на противоположном полюсе — владелец средств производства, капиталист, выколачивающий прибавочную ценность как раз на основе развернутого действия закона ценности вообще, в данном случае на основе обмена капитала на рабочую силу, как товар.

Перейдем теперь к анализу категорий прибавочной ценности применительно к нашему хозяйству, прежде всего, к государственному хозяйству пролетариата. Если в предкапиталистический период экономической истории мы имели, если можно так выразиться, нарастание элементов этой категории, по мере развития товарного производства и перерастания его в товарно-капиталистическое, то у нас мы видим как раз обратный процесс, процесс отмирания элементов категории прибавочной ценности, по мере развития производственных сил в социалистических формах. Там диалектика нарастания, здесь процесс отмирания. Разберем этот процесс

более конкретно, анализируя отдельные предпосылки категории прибавочной ценности.

Как мы уже говорили, первой предпосылкой превращения прибавочного продукта в прибавочную ценность является превращение продукта в товар. В нашем же государственном хозяйстве, как мы видели выше, развивается обратная тенденция—превращения товара в продукт, наиболее быстро прогрессирующая и наиболее далеко продвинувшаяся в сфере государственного производства средств производства. Важность этого факта читатель может видеть из следующих обстоятельств. Как известно,—и на этом очень много останавливался Маркс,—развитие производительных сил капиталистического общества, развитие техники приводят, *как общее правило,* к повышению органического состава капитала, что с точки зрения распределения труда во всем обществе означает все более и более возрастающее значение производства средств производства. Возможность расширения производства средств потребления и удешевление их достигаются относительно еще большим расширением производства средств производства. Этот закон не зависит от специфических черт капиталистических отношений производства, он должен действовать и в социалистическом обществе, поскольку производительные силы общества будут развиваться. Он целиком применим и к нашей системе хозяйства. *А раз это так, то развитие производительных сил неизбежно должно означать увеличение удельного веса производства средств производства, а это увеличение совершенно автоматически усиливает тенденцию отмирания товарного производства в государственном хозяйстве и с этого конца подкапывается под категорию прибавочной ценности.* Если взять всю продукцию нашей государственной промышленности за данный год и спросить, есть ли это масса товаров в обычном смысле этого термина у Маркса, то мы должны будем ответить на этот вопрос: и да, и нет. Да, поскольку мы монопольно производим, опираясь на рынок. Нет, поскольку мы монопольно производим для самого государственного круга, сохраняя лишь *форму* рыночных отношений внутри государственного круга; отчасти нет постольку, поскольку тенденции социалистического монополизма приводят к подрыву товарного хозяйства, ликвидации во многих случаях конкуренции и к трансфор-

мации самого существа товарного рынка. Если в крестьянском хозяйстве товарность производства возрастает по мере развития производительных сил деревни, встречаясь с ограничениями рыночных отношений, описанными в предыдущем параграфе, то в государственном хозяйстве товарный характер производства как раз сокращается по мере роста абсолютной суммы продукции и по мере роста плановости и организованности внутри всего хозяйственного организма его. Итог, следовательно, такой. Категория прибавочной ценности в государственном хозяйстве со стороны рассматриваемой нами ее предпосылки подкашивается и в некоторой степени уже подкошена развитием социалистических отношений производства [1]).

Возьмем теперь вторую предпосылку понятия прибавочной ценности—отношение эксплоатации между двумя классами, систему присвоения прибавочного продукта работников собственниками средств производства. Здесь мы несомненно продвинулись вперед несравненно дальше, чем в рассмотренном только что отношении, и продвинулись не эволюционным путем, а путем скачка, путем социалистической революции, путем ликвидации капиталистической собственности на средства производства и передачи их в руки организованного в государство пролетариата. По этому признаку мы в гораздо большей степени можем говорить о трансформации прибавочной ценности в прибавочный продукт, чем по другим. Этот пункт вообще является основным. Рабочий класс не может эксплоатировать сам себя [2]). Деление же про-

---

[1]) Примечание ко 2-му изданию. Автору много раз ставили в упрек переоценку планового начала в нашем хозяйстве и недооценку действия закона ценности. Должен заметить раз навсегда по поводу этих упреков, что *нигде* я не занимаюсь арифметическим измерением силы действия того и другого начала, а лишь изучением тенденции развития. Можно соотношение сил между законом ценности и социалистическими тенденциями оценивать поразному в данный момент, но это не колеблет верности анализа, если только наша система хозяйства будет *развиваться*.

[2]) Полезно здесь будет напомнить следующее замечание Маркса, прямо относящееся к данной теме. В 1 томе Маркс говорит: „Если средства производства и существования являются собственностью непосредственного производителя, самого рабочего, то они не составляют капитала. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплоатации и подчинения рабочего. Но эта их капиталистическая душа соединена в голове экономиста столь тесными супружескими узами с их

летариата на рабочих, находящихся на организаторских функциях и лучше оплачиваемых, и на остальную их массу есть деление *внутри одного класса*, ничем принципиально не отличающееся от деления того же класса на квалифицированных и неквалифицированных работников. Такое положение связано с неоднородностью рабочего класса в деле управления промышленностью, неодносторонностью в технической подготовке, организаторских способностях и т. д. Эту неоднородность новая система получает в наследство от капитализма и может ликвидировать ее постепенно, по мере роста производительности труда, поднятия культурной и технической подготовки всей массы на основе новой системы образования, на основе развития системы рабочей демократии во всех областях руководства и управления и на основе, наконец, совершенно сознательной борьбы с тенденциями консерватизма и застойности. Существующее материальное неравенство и сравнительная медленность подрастания общей массы рабочего класса до уровня организующих кадров вытекают не из теперешней структуры производственных отношений, а держатся *несмотря* на эту структуру и будут ликвидироваться *по мере отмирания затвердевшего деления по профессии*, по мере ликвидации отрыва науки от труда, по мере исчезновения той «холопской иерархии индивидуумов», унаследованной от буржуазного общества, о которой говорил Маркс в «Критике готской программы». Развитие производительных сил в государственном хозяйстве, систематический рост заработной платы, охват социалистической системой общего и технического образования всей пролетарской и полупролетарской молодежи, на ряду с переобучением взрослых, приведут к быстрому увеличению квалифицированных рабочих за счет неквалифицированных и подготовят для организаторских функций такую массу работников, которая будет во много раз превышать количество организаторских и управленческих постов. А это и будет означать рассасывание затвердевших профессиональных делений и постепенный переход к настоящему социалистическому решению проблемы кадров и массы путем сближения массы с кадрами, с пре-

материальной субстанцией, что он при всяких обстоятельствах называет их капиталом, даже при таких условиях, когда они являются прямой противоположностью капитала („Капитал", т. I, стр. 791, перевод Степанова).

вращением профессий, как затвердевших группировок одних и тех же лиц на данных функциях, в по очереди выполняемые всей массой функции. Необходимые функции остаются, люди, их выполняющие, меняются. В данном случае, как и во многих других, дальнейшее социалистическое развитие, при наличии обобществления орудий производства, зависит уже от чисто количественного роста и темпа этого роста производительных сил внутри государственного хозяйства. И, наоборот, затвердение кадрового и профессионального деления может быть следствием приостановки или медленного развития производительных сил.

Таким образом, указанное нами неравенство в сфере распределения материальных средств, а также сохранение профессиональных делений и фактическое неравенство в деле овладения наукой, техническими знаниями и организационным опытом вытекают отнюдь не из монополии небольшой части пролетариата на орудия производства. Никакой монополии на средства производства, допустим, красные директора, пролетарские инженеры и хозяйственники не имеют. Все они являются служащими рабочего государства и так же, как все остальные работники, ведут производство, используя коллективные средства производства государства. В этом—принципиальная разница в самой структуре производственных отношений в государственной промышленности, в сравнении с соответствующими отношениями капитализма, и здесь же заложены и предпосылки преодоления тех буржуазных черт в системе распределения вознаграждения и ответственности, которые еще остаются в периоде первых шагов социалистического строительства.

Однако мы не можем ограничиться при рассмотрении проблемы эксплоатации в государственном хозяйстве только взаимоотношениями внутри пролетариата. Ведь пролетариат может подвергаться до известной степени эксплоатации и со стороны других классов, хотя бы он сам господствовал в сфере крупного производства. В зависимости от соотношения классовых сил, от слабости и незрелости новой формы производства и силы товарного и товарно-капиталистического хозяйства, может получиться такое отношение эксплоатации, которое не укладывается в обычные рамки производственных и распределительных отношений между капиталистом и рабо-

чим в буржуазном обществе. И тогда в меру существования этого нового типа эксплоатации будет существовать и прибавочная ценность.

Рассмотрим существующие реально и теоретически возможные виды такой эксплоатации.

Во-первых, часть прибавочного труда, правда, относительно очень небольшая, идет на ту часть вознаграждения специалистов, которая превышает плату за высококвалифицированный труд. Эта форма эксплоатации рабочих государственной промышленности вытекает из неразвитости социалистических отношений в области новой системы образования, системы, имманентно присущей коллективному производству в качестве его неотделимой части.

Во-вторых, та часть прибавочного продукта, которая улавливается в форме торговой прибыли частным капиталом. Здесь эксплоатация вытекает из недоразвитости той системы распределения, которая вытекает из социализации средств производства. Это, несомненно, самая большая в количественном отношении часть прибавочного продукта государственной промышленности, которая присваивается враждебным классом.

В-третьих, процент по внутренним займам, покрываемый крестьянством, нэпманом, городской мелкой буржуазией и т. д., а также возможная уплата процентов и погашения по старым иностранным займам и процентов по новым. Сюда же надо отнести тот теоретически возможный случай, когда, вследствие неправильной политики в области первоначального социалистического накопления, получаемый государством прибавочный продукт от частного хозяйства на общегосударственные нужды будет превышать ту часть прибавочного продукта государственного хозяйства, которая в той или иной форме идет в частное хозяйство.

Переходим теперь к последнему пункту, а именно, к вопросу о том, в какой степени рабочая сила работников государственного хозяйства фигурирует как товар, продаваемый на рынке труда. Существует или нет у нас во всем хозяйстве продажа рабочей силы, как товара? В целом на этот вопрос приходится ответить утвердительно. По отношению же к государственному хозяйству, как и в целом ряде других отношений производства, мы имеем отношение переходного типа, и на поставленный вопрос приходится ответить и да, и нет.

Мы отвечаем на поставленный вопрос утвердительно, поскольку дело идет о всем хозяйстве в целом, во-первых, потому, что у государства, местных советов и в кооперации занято рабочих и служащих не больше, чем в частной промышленности, в частной торговле и сельском хозяйстве, особенно если принять во внимание не только батрачество, но и все прямые и скрытые формы эксплоатации рабочей силы в деревне. Во-вторых, воспроизводство всей вообще рабочей силы происходит таким образом, что половина или большая половина среднего рабочего бюджета покрывается за счет покупки средств потребления частного, прежде всего крестьянского производства, и таким образом самый процесс воспроизводства рабочей силы теснейшим образом связан с товарным хозяйством. Что же касается рабочих и служащих государственного хозяйства, то особенность ситуации, которая складывается здесь, заключается в начавшемся и прогрессирующем по мере развития производительных сил процессе ликвидации рабочей силы, как товара. Это связано прежде всего с самым методом калькуляции фонда заработной платы. В капиталистическом обществе цена рабочей силы тяготеет к ее стоимости, складывающейся в данных исторически сложившихся условиях, и отклонения зависят от кон'юнктуры рынка труда, т.-е. связаны с соотношением спроса и предложения рабочей силы, в государственном хозяйстве пролетариата уровень всего фонда заработной платы регулируется законом первоначального социалистического накопления, и только градации тарифной сетки определяются еще в значительной степени, если не преимущественно, спросом и предложением квалифицированного и неквалифицированного труда. Если в целом фонд заработной платы, при приближении всей продукции к довоенному уровню, также близок к довоенному, то это количественное совпадение является скорее случайным и определяется требованиями накопления, а не действием того же самого закона заработной платы, что и до войны. Чрезвычайно характерно для наших условий, что, во-первых, рост зарплаты неквалифицированных рабочих у нас в значительной степени оторвался от состояния рынка труда. Увеличение заработной платы чернорабочих, начиная с перехода на нэп, происходило при росте безработицы, происходило больше в зависимости от роста производительности труда и темпа на-

копления во всем государственном хозяйстве, и, следовательно, отрывалось от действия спроса и предложения необученной рабочей силы. Затем очень важно также отметить здесь и правильно оценить тот факт, что пропорции заработной платы в отдельных отраслях сильно отошли от довоенных (пищевики, кожевники, текстильщики, с одной стороны, металлисты, горнорабочие, транспортники и т. д., с другой) и менялись прежде всего в зависимости от темпа восстановления и накопления в отдельных отраслях, с одной стороны, во всем государственном хозяйстве, с другой. И здесь действие рынка труда подвергалось очень большим изменениям под влиянием изменения системы производственных отношений. В легкой промышленности, таким образом, зарплата повышалась быстрей не потому, или верней не столько потому, что здесь была меньше безработица; зарплата чернорабочих росла не потому, что уменьшалась безработица среди неквалифицированных рабочих, а по всей совокупности условий, в которых развертывал свое действие закон первоначального социалистического накопления. И в дальнейшем повышение заработной платы всех рабочих вообще и неквалифицированных в частности будет прогрессировать все менее и менее в зависимости от рынка труда и все более и более в зависимости от развития производительных сил в государственном хозяйстве. Это отнюдь еще не приступ к системе распределения, внутренне присущей социалистическим отношениям производства. Это только лишь начало подготовки предварительных условий к такому распределению, одной из предпосылок которого является отрыв всего фонда заработной платы от действия закона ценности. Этот отрыв уже начался и будет дальше прогрессировать. Здесь перед нами снова крайне интересный пример того, как при социализации орудий производства чисто количественные изменения, в данном случае рост производительных сил и материального богатства в государственном хозяйстве, *автоматически* усиливают процесс рассасывания категорий капиталистического общества.

Что же касается распределения внутри общего фонда заработной платы, то оно остается еще почти полностью буржуазным, как остается капиталистической и сама форма заработной платы. Наша тарифная сетка не имеет ничего обще-

го с социализмом и не может иметь [1]). Пока подготовка квалифицированных работников не будет приспособлена к социалистическим производственным отношениям государственного хозяйства, тарифная сетка будет означать приспособление к тому буржуазному наследству, которое получает советская власть и в сфере профессионального деления рабочих, и в сфере сохранения многих (если не большинства) элементов буржуазных, а не социалистических стимулов к труду. Последние не падают с неба, их нужно развить путем длительного перевоспитания человеческого характера, сложившегося в товарном хозяйстве, перевоспитания в духе коллективных отношений производства. Впрочем, я не хочу этим сказать, что наша теперешняя тарифная сетка полностью адэкватна условиям труда в государственном хозяйстве и что ее нельзя уже теперь начать реформировать по мере общего наступления на фронте социалистического строительства. Мы несомненно часто копируем капиталистические отношения даже там, где это не только не нужно для поднятия производительности труда, но где такая копировка прямо вредна с экономической и культурной точек зрения.

Что касается формы заработной платы, то в связи с чрезмерным увеличением сдельщины не бесполезно вспомнить, что говорил на эту тему Маркс. «Поштучная плата, — писал Маркс, — есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства» [2]). Если это так, то естественно возникает вопрос, какая же форма заработной платы наиболее соответствует условиям труда в развивающемся государственном хозяйстве пролетариата? Как известно, мы начали с системы пайка в период военного коммунизма и очень скоро убедились, что этот метод распределения, резко и сразу разрывавший с мелкобуржуазными, индивидуалистическими стимулами к труду, кончился полной неудачей, если не говорить о неизбежности этой системы в условиях голода и гражданской войны. Так называемое коллективное снабжение и коллективное премирование, к которому перешли затем, имели несколько больший успех по-

---

[1]) Необходимо также иметь в виду, что сдельщина и тарифные сетки связаны с действием закона первоначального социалистического накопления, накопления с вынужденным темпом быстроты.

[2]) *Карл Маркс* — „Капитал", т. I, стр. 561, пер. Степанова.

тому, что были переходной мерой к современной системе заработной платы. Теперь у нас широко господствует сдельщина, а где она невозможна по техническим условиям—поденная или помесячная плата. Система сдельщины позволяет выжать все возможное из индивидуальных, буржуазных стимулов к труду, которые при социализации средств производства означают, вообще говоря, отставание от новой формы собственности на целую эпоху. Само развитие техники, увеличение роли транспорта, электрификация и т. д. сокращают область труда, где возможна сдельщина. С другой стороны, она с известного момента может начать тормозить новую систему организации труда и воспитание новых стимулов к труду даже там, где она применима технически. Несомненно, по мере усиления социалистических элементов в нашем хозяйстве, мы столкнемся с необходимостью перейти к комбинированному методу индивидуальной и коллективной оплаты, а в дальнейшем можно считать обеспеченным переход к оплате «коллективного рабочего», вместо оплаты индивидуального рабочего по индивидуальной выработке. Однако движение в этом направлении теперь еле-еле только начинается. На этом участке, следовательно, мы как будто продвинулись вперед гораздо меньше, чем на других, если не считать роста ряда общественных учреждений, как рабочие клубы, ясли, детские дома, заводские столовые и т. д., развитие которых есть в сущности частичная трансформация старой системы заработной платы в одну из форм коллективного снабжения.

Что касается последней предпосылки для возможности существования прибавочной ценности, а именно, чтобы мог существовать сам прибавочный продукт in natura, принимающий при капитализме форму прибавочной ценности, то в существовании такого продукта можно было сомневаться разве по отношению к некоторым отраслям в период военного коммунизма.

Подведем теперь итоги по совокупности всех «за» и «против» и решим вопрос о том, какой термин правильней употреблять по отношению к тому избыточному фонду, который отлагается в государственном хозяйстве после удовлетворения потребительских нужд рабочих госпромышленности: прибавочная ли ценность или прибавочный продукт? Я лично считаю более правильным термин прибавочный продукт,

поскольку дело идет о характеристике не только того, что есть, но и характеристике тенденции развития. Как мы видели, Маркс употреблял термин «прибавочная ценность» по отношению к таким отношениям эксплоатации, которые *еще* не включали *всех* элементов этого понятия в их классическом, чистом виде. Он антиципировал это название по отношению к производственным отношениям, которые только лишь развивались в направлении к капиталистическим формам эксплоатации рабочей силы. С тем же правом и мы антиципируем термин «прибавочный продукт» применительно к таким отношениям производства и распределения, которые имеют в себе элементы и категории прибавочной ценности и элементы прибавочного продукта коллективного расширенного воспроизводства, при нарастающем преобладании последних.

Так обстоит дело в государственном хозяйстве, которое имеет максимальный теоретический интерес для исследования как раз потому, что именно здесь происходит отмирание старых производственных отношений, вытеснение их новыми отношениями, а вследствие этого приходится изучать переплетение тех и других на данном этапе строительства социализма. Что же касается частной промышленности и всех других пунктов применения наемного труда в разных видах, то по отношению к этим областям нашей экономики остается в силе все то, что Маркс писал о наемном труде, о прибавочной ценности и т. д. с учетом, разумеется, тех изменений внешне принудительного характера, которые вносит существование в стране диктатуры пролетариата.

Заканчивая с категорией прибавочной ценности, я хочу еще подчернуть одно крайне важное обстоятельство. Закон первоначального социалистического накопления, поскольку он регулирует уровень заработной платы в государственном хозяйстве, таит в себе внутреннее противоречие. Как закон, в котором находят свое выражение все сознательные и стихийные тенденции к усилению темпа расширенного воспроизводства в коллективном государственном хозяйстве, он является тем самым законом развертывания социалистических производственных отношений вообще. Но, с другой стороны, как закон ограничения зарплаты в интересах социалистического накопления, он, по этой своей тенденции, ограничивает темп превращения заработной платы в потребительский рацион

работника социалистического хозяйства, потому что с тех пор, как орудия труда социализированы, как раз быстрый рост зарплаты приводит и к отрыву ее от стоимости рабочей силы и к материальным предпосылкам развертывания социалистической, пролетарской культуры. Это внутреннее противоречие закона целиком вытекает из его исторически переходного характера. Тенденция преодоления категории зарплаты, т.-е. тенденция к усилению социалистического *качества* производственных отношений, вступает в противоречие с тенденцией *количественного* расширения территории государственного хозяйства и его производственных отношений в их *теперешнем* виде, т.-е. производственных отношений на весьма низкой ступени их социалистического качества. Уже самый термин «первоначальное социалистическое накопление» отражает эту двойственную природу закона: прилагательное «социалистический» вступает в противоречие с существительным «накопление», к которому оно привязано не только грамматически, но и в реальном историческом процессе.

Перейдем теперь к другим категориям, анализ которых отнимет у нас гораздо меньше времени.

КАТЕГОРИЯ ПРИБЫЛИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ХОЗЯЙСТВЕ

По отношению к этой категории вопрос стоит в некоторых отношениях значительно проще и прозрачней, чем по отношению к другим, за исключением только терминологии, которая одинаково никуда не годится. Ни термин капитал, ни термин накопление, ни термин прибыль, ни, как мы видели, термин прибавочная ценность, строго говоря, не годятся безоговорочно для характеристики отношений внутригосударственного хозяйства. Приходится либо употреблять их в условном смысле, либо делать к существительным прибавки в форме прилагательных: государственный капитал, социалистическое накопление, либо антиципировать тенденцию развития, как мы сделали с термином прибавочная ценность, заменяя его термином прибавочный продукт.

При господстве капиталистических отношений производства уравнивание нормы прибыли на равновеликие капиталы

играет огромную роль в деле распределения производительных сил между различными отраслями производства. Спрашивается, какой же инструмент регулирования выполняет ту же самую функцию в государственном хозяйстве? Чем определяется норма прибыли для государственных трестов, во-первых, и какая система действует при размещении новых капиталов между отдельными отраслями государственного хозяйства, во-вторых? Чем замещено здесь действие закона уравнения нормы прибыли и цен производства?

Насколько понятие «нормы прибыли» трансформировалось в государственном хозяйстве в новое отношение производства и распределения делается очевидным, когда мы сравним любой наш трест с соответствующей группой капиталистических предприятий в условиях полной или ограниченной свободы конкуренции. Допустим, вместо нашей Гомзы действует несколько капиталистических обществ, как общество Брянских, общество Сормовских заводов и т. д., а вместо текстильных трестов, возглавляемых в сфере обмена текстильным синдикатом, функционируют мануфактурные фирмы Морозовых, Корзинкиных и т. д. Капиталистические машиностроительные и текстильные предприятия не могут даже приблизительно знать, начиная свой хозяйственный год, ни того, сколько они произведут сверх имеющихся у них твердых заказов, ни цен сырья, ни сюрпризов, которые их ожидают на рынке труда, ни продажных цен их собственных изделий, а, следовательно, не могут знать ожидающей их нормы прибыли. Огромная часть элементов «капиталистического плана» есть величина неизвестная. Новые конкуренты могут взбить цены на сырье, сбить продажные цены, рабочие — месяц бастовать и т. д. Поэтому баланс предприятия может принести после окончания операционного года большие неожиданности. В графе прибыли он может известить либо о том, что в данном году в данной отрасли вложено капитала больше, чем нужно, и это извещение найдет свое выражение в понижении норм прибыли, или же прокричит дефицитом; либо же, наоборот, резкий скачок нормы прибыли, благодаря росту рыночных цен на изделия предприятия и другим причинам, сообщит о недостаточном приложении капитала в данной отрасли. Стихия рынка, составными элементами которого и являются наши Морозовы, общества Сормов-

ских заводов и т. д., благодаря действию закона ценности, и в данном случае через инструмент стихийного распределения прибыли, будет способствовать установлению равновесия в распределении производительных сил, отмечая в графе прибыли отдельных отраслей и предприятий различные величины. Несмотря на различные пропорции постоянного и переменного капитала в различных отраслях капиталистического производства, равновесие будет достигнуто на основе закона цен производства, благодаря действию которого предприятия с более высоким органическим составом капитала и соответственно более низкой нормой прибавочной ценности получают, в конечном счете, вследствие выравнивания нормы прибыли, среднюю прибыль, как и предприятие с низким органическим составом капитала.

В государственном хозяйстве дело обстоит совсем иначе. Гомза знает свою производственную программу заранее и знает ее именно потому, что свою программу знают и все ее заказчики. Текстильные тресты также знают свою программу, хотя колебаний при ее выполнении у них может быть больше потому, что и реализация мануфактуры идет не только внутри государственного круга и его рабочих и служащих. Но при сколько-нибудь верной статистике платежеспособного спроса города и деревни эта программа не может сильно разойтись с плановыми предположениями; при наличии же товарного голода вся эта проблема отпадет, поскольку отпадает опасение за возможность реализовать всю продукцию. Все дело будет тогда заключаться в размерах основного и оборотного капитала, каковая величина вполне доступна плановому учету. Далее Гомзу не могут ждать сюрпризы со стороны цен на металл, потому что цены определяет само государство. Текстильные тресты не могут ждать сюрпризов ни со стороны цен на оборудование, изготовляемое внутри государственного круга, ни со стороны двух третей количества хлопка внутреннего производства, льна и пеньки, цены на которые диктует не столько рынок, сколько плановые органы государства, ни со стороны зарплаты, уровень которой плановым образом определяется на основании ресурсов государственного хозяйства в данном году и закрепляется коллективными договорами. В результате такого усиления планового начала во всем государственном хозяйстве, а также и на внутреннем рын-

ке промышленного сырья, изменяется и само существо прибыли и инструмента выравнивания нормы прибыли. Если частные предприниматели могут лишь гадать на основе разных косвенных признаков, каков будет у них баланс, — баланс советских трестов на $^4/_5$ уже составляется *перед* началом хозяйственного года в форме производственных программ, где нормируются и отпускные цены трестов на их продукцию. Эта нормировка приводит к тому, что и цены и соответственно норма прибыли теряют свой регулирующий характер для распределения производительных сил, поскольку это распределение достигается не обходным, косвенным, стихийным путем, а прямо предусматривается общехозяйственным планом данного года. Это уже не норма прибыли в капиталистическом смысле этого слова, которая в дальнейшем распадается, кроме того, на капитализируемую и потребляемую капиталистами часть, что также сильно осложняет достижение равновесия в системе воспроизводства, а это—норма социалистичекого накопления для каждой данной отрасли производства. Соответствующая норма дана уже в элементах производственной программы и прежде всего в уровне отпускных цен. В результате социализации промышленности и развития планового начала в государственном хозяйстве, прежде всего планового начала в сфере социалистического накопления, категория прибыли не только исчезает, как распределительное отношение буржуазного общества вместе с ликвидацией класса капиталистов, но и радикально трансформируется и как вырастающий на основе действия закона ценности регулятор распределения производительных сил между отдельными отраслями коллективного государственного хозяйства.

Рассмотрим теперь другую сторону вопроса: метод размещения в производстве новых капиталов или, лучше сказать, поскольку дело идет о государственном хозяйстве, новых средств, новых элементов производства.

В капиталистическом обществе та часть прибавочной ценности производительного назначения, которая не может быть просто присоединена к капиталу функционирующих предприятий, размещается между различными сферами производства в форме акционирования. Для нового строительства создаются при содействии банков или банками акционерные общества, которые выпускают акции, размещая их среди тор-

говых, промышленных или иных предприятий, имеющих свободные капиталы, или среди отдельных лиц. Форма акционирования является чисто стихийной формой соединения и производственного размещения новых капиталов и с этой стороны отвечает всей структуре капиталистического общества. Изменений, которые вносятся в практику акционирования производственными отношениями монополистического капитализма, мы не будем здесь рассматривать. Как же решается та же проблема в советском хозяйстве?

Как известно, мы имеем уже довольно много акционерных обществ чисто государственных, в первую голову, и небольшое число смешанных и частных. Казалось бы, что мы идем в деле распределения и вложения новых производительных средств по стопам капитализма.

Однако такое утверждение было бы восприятием внешней формы вместо существа дела. Не говоря уже о том, что через систему акционирования у нас проходит очень небольшая часть нового капитала, сама структура и метод работы акционерных обществ с государственным капиталом почти ничем не отличаются от деятельности любого треста, а метод собирания капитала есть метод подписки государственных учреждений для государственного или коммунального (что одно и то же) предприятия или группы предприятий. Нечто новое возникает лишь там, где акционируются и государственный, и частный капиталы.

Основной формой распределения новых капиталов, не присоединяемых к капиталу функционирующих предприятий, за исключением одного лишь и, надо думать, недолговечного, акционерного общества нового промышленного строительства, является наша банковская система: Государственный банк, Промбанк и другие банковские институты, а отчасти распределение средств на промышленность через государственный бюджет. Это распределение не может не быть плановым, потому что совершенно бессмысленно думать, что процесс расширенного воспроизводства государственной промышленности и транспорта, все новое строительство и т. д. будут итти плановым образом в сфере *выполнения производственных программ,* и может быть неплановым, может опираться на процесс какой-то самодеятельности и стихии внутри государственного хозяйства, поскольку дело идет о *собирании ре-*

сурсов для расширенного воспроизводства. Однако надо все же заметить здесь мимоходом, что наше государственное хозяйство еще не нашло вполне удовлетворительных организационных форм для обслуживания процесса расширенного воспроизводства с рассматриваемой стороны, таких форм, которые ему имманентно присущи и в то же время соответствуют данной стадии первоначального социалистического накопления.

Наконец, необходимо отметить еще и тот весьма важный факт, что наше государственное хозяйство пока еще довольно стихийно развивается по линии действия закона первоначального социалистического накопления в том отношении, что балансовый итог накопления каждого года, вытекающий из данного уровня развития производительных сил в нем и во всем хозяйстве в целом, из размеров платежеспособного спроса частного хозяйства и из необходимых размеров нового строительства, не определяется заранее и не проводится сознательно, планомерно через всю систему плановых цен, что общий уровень, так сказать, цен производства государственного хозяйства, как единого треста, нащупывается скорей стихийно, больше путем арифметического сложения, чем путем распределения общей цифры необходимого накопления на соответствующие сферы производства. Существующая структура нашего государственного хозяйства оказывается часто прогрессивней своей системы хозяйственного руководства.

Вопрос о трансформации закона цен производства в условиях советской экономики более подробно будет рассмотрен во втором томе. Здесь мы ограничимся лишь общетеоретическими замечаниями на эту тему. Закон уравнивания норм прибыли при капитализме обеспечивает необходимые пропорции в распределении труда между различными отраслями производства, *несмотря* на разный органический состав капитала, а, значит, несмотря на разное количество прибавочной ценности, приходящейся на каждую единицу затраченного в производстве капитала. Эта нивелировка нормы прибыли, с одной стороны, гарантирует всем группам капиталистов приблизительно одинаковый уровень фонда потребления, а с другой стороны, гарантирует им такой же уровень накопления. Без действия закона цен производство, воспроизводство на отдельных участках капиталистической экономики было бы

невозможно. Весь процесс регулирования происходит на основе конкуренции. В чем разница здесь с положением в нашем государственном хозяйстве?

Во-первых, прибыль госпредприятий не распадается на фонд потребления капиталистов и фонд накопления. Мы имеем только фонд накопления, отчасти срезаемый Наркомфином или вследствие технических преимуществ распределения известной его части через госбюджет, или же иногда вследствие просто недостаточного понимания нами природы хозяйства, которым мы управляем, и его законов.

Во-вторых, весь фонд накопления составляется не путем сложения всех масс прибавочной ценности, полученных на основе стихийной борьбы между рабочими и капиталистами за размеры m и v и потом распределенных между капиталистическими предприятиями на основе закона уравнения норм прибыли, а наоборот. Необходимый фонд накопления мы стремимся определить заранее, на основе производственного плана, затем выясняем, какая его часть может быть покрыта бюджетным путем и какая на основе политики цен. Фонд накопления на основе политики цен устанавливается по отношению ко всему государственному хозяйству в целом, и задача отдельных трестов состоит в том, чтобы заполнить этот фонд своими прибылями, которые при такой системе как правило не будут равными и будут тем менее равными, чем удачней будет маневрировать на рынке государственное хозяйство. В результате вместо закона цен производства мы имеем в нашем хозяйстве политику цен, диктуемую задачей получения на каждый год определенного фонда накопления для всего государственного хозяйства, как целого. Уровень цен отдельных трестов и размеры прибыли этих трестов приспособляются к этой основной задаче. Во всяком случае такова тенденция, еще недостаточно осознанная и не всегда получавшая ясное выражение в нашей политике цен. Часто даже совсем наоборот, политика цен отступала от этой линии в ущерб задаче расширенного воспроизводства.

КАТЕГОРИЯ РЕНТЫ

Относительно категории ренты в советской системе, при существующей у нас национализации земли и при весьма не-

значительных размерах чисто капиталистической аренды, допускается очень много путаницы. С серьезным видом часто обсуждался и обсуждается вопрос, абсолютную или дифференциальную ренту (в Марксовом понимании этих категорий) платит крестьянство государству в форме продналога, или теперь единого налога, какую ренту платит государственное предприятие местному совету, на территории которого оно находится и т. д. Вся эта путаница происходит оттого, что категории развитого капиталистического общества некритически и ученически переносятся на отношения, где, с одной стороны, господствует государственное хозяйство, со специфическими производственными отношениями переходного периода к социализму, а, с другой стороны, простое товарное производство с очень слабой прослойкой капитализма как раз в сфере *производства*. Между тем, рента, в Марксовом понимании этого термина, есть категория развитого капиталистического способа производства, захватившего сферу земледелия. Иными словами, Маркс анализирует в своей теории ренты производственные и распределительные отношения чистого капитализма, когда вся земля обрабатывается капиталистическими арендаторами, в то время как право собственности на нее принадлежит другому классу, классу земледельцев. Предвидя путаницу, которая может произойти с его пониманием капиталистической ренты, и борясь с той путаницей, которую создали еще до него различные экономисты в этом вопросе, Маркс неоднократно подчеркивал разницу между капиталистической земельной рентой и теми различными формами ренты, которые существовали в докапиталистический период, носили совсем другой характер и не имеют ничего общего с капиталистической земельной рентой, кроме лишь права частной собственности на землю, как источника присвоения известной доли национального дохода страны. Приведем здесь пару цитат из Маркса, необходимых нам для дальнейшего изложения. В 3-м томе «Капитала» Маркс на интересующую нас тему писал: «Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма реализации земельной собственности, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли, будет ли соб-

ственником лицо, являющееся представителем общины, как в Азии, Египте и т. д., или земельная собственность будет лишь следствием собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же земельная собственность будет чисто частной собственностью непроизводителей на природу, простым титулом собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, повидимому, непосредственно предполагается присвоением и производством продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит, как в случаях с колонистами и мелкокрестьянскими землевладельцами.

Это *общее* для различных форм ренты—то обстоятельство, что она вообще представляет экономическую реализацию земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенными частями земли,—это *общее* ведет к тому, что различия форм не замечаются» [1]).

Продолжая дальше развивать ту же мысль насчет смешения различных форм ренты, Маркс в другой главе того же тома «Капитала» писал: «Итак, при анализе ренты вся трудность заключалась в том, чтобы об'яснить излишек земледельческой прибыли над средней прибылью, об'яснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а излишек этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей промышленности. Сама средняя прибыль есть результат, образование процесса социальной жизни, протекающего при вполне определенных исторических отношениях производства, продукт, предполагающий, как мы видели, очень сложные посредствующие звенья. Для того, чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы вообще сложилась сама эта средняя прибыль в качестве масштаба и — как при капиталистическом способе производства — в качестве регулятора производства. Следовательно, при таких общественных формах, где еще нет капитала, который выполняет ту функцию, что выжимает весь прибавочный труд и

[1]) „Капитал", т. III, часть 2, стр. 174, перевод Степанова.

присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчинил его лишь местами, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова; о ренте, как излишке над средней прибылью, т.-е. над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом» [1]).

Из приведенных мест Маркса, как и из всего его изложения теории ренты, вытекает с полной очевидностью, что категория капиталистической земельной ренты очень мало применима для понимания советских отношений. Ниже мы об'ясним, что мы имеем в виду, когда говорим «очень мало», а пока посмотрим, почему неправильно говорить о ренте в Марксовом смысле по отношению к нашему сельскому хозяйству, а также в большинстве случаев по отношению к рентному обложению в городах.

Начнем с понятия абсолютной ренты. Источником абсолютной ренты является та часть прибавочной ценности, создаваемой наемными рабочими в капиталистическом земледелии, которая по своему происхождению связана с более низким органическим составом земледельческого капитала и не участвует в процессе выравнивания нормы прибыли во всем капиталистическом производстве. Эта часть прибавочной ценности, как выражается Маркс, «улавливается» собственниками земельных участков, при чем капиталистическим арендаторам остается лишь обычная средняя прибыль на вложенный в обработку земли капитал. Совершенно очевидно, что даже независимо от факта национализации земли абсолютной ренты не может существовать там, где нет капиталистического земледелия, потому что в этом случае нет тех производственно-распределительных отношений, при которых вообще может существовать абсолютная земельная рента. С этой точки зрения, а также и для правильного понимания категории дифференциальной ренты, очень важно следующее место из предварительных замечаний Маркса к анализу земельной ренты: «Итак, мы исходим из того предположения, что земледелие—точно так же, как мануфактура—подчинено капиталистическим способам производства, т.-е., что сельское хозяй-

[1]) „Капитал", т. III, часть 2, стр. 319, перевод Степанова.

ство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов, в первую очередь, только тем элементом, к которому прилагается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд. С нашей точки зрения фермер производит пшеницу и т. д. точно так же, как фабрикант — пряжу или машины. Предположение, что капиталистический способ производства овладел сельским хозяйством, подразумевает, что он господствует во всех сферах производства буржуазного общества, следовательно, что имеются в наличности и вполне развитые его условия, каковы: свободная конкуренция капиталов, возможность переносить их из одной сферы производства в другую, одинаковый уровень средней прибыли и т. д.»[1]).

Совершенно очевидно, что у нас почти нет тех предпосылок, о которых говорил Маркс, в том числе и той, чтобы капиталистический способ производства господствовал «во всех сферах производства». Это место Маркса целиком применимо также и к категории дифференциальной ренты, которую Маркс всегда понимает, как *капиталистическую* земельную ренту. Если источником абсолютной ренты является добавочная прибавочная ценность капиталистического земледелия, то источником дифференциальной ренты, как всякой добавочной прибыли в промышленности, является общий фонд прибавочной ценности всего капиталистического общества в целом, *распределение* же ее, *титулы на нее* зависят от частной собственности на землю *различного плодородия*. Это значит, что дифференциальная рента вырастает не из земли, о чем Маркс повторяет постоянно, а из общего источника всякой прибавочной ценности. Из земли вырастает лишь право на ее известную часть для собственника того или иного участка разного плодородия.

Большим соблазном для применения понятия дифференциальной ренты к господствующей форме земледельческого производства при советской системе служит факт различного плодородия земельных участков и различного расстояния обрабатываемой земли от рынков сбыта продуктов земледелия. Но ведь это различие, поскольку оно связано с различием природных и географических условий, *не зависит от системы производства и распределения*, а понятие *капитали-*

[1]) „Капитал", т. III, часть 2, стр. 154, перевод Степанова.

стической земельной ренты как раз связано с *исторически определенной, специфической системой производства.* Забывать об этом — значит делать ту самую ошибку натурализации, овеществления производственных отношений советской системы хозяйства и вульгаризации марксизма, о которых я говорил в начале настоящей главы. Если финансовые агенты Наркомфина принимают во внимание разницу в доходности отдельных крестьянских хозяйств, которая связана и с разницей в плодородии почвы, то дифференциальность в обложении, допустим, двух середняцких хозяйств, одинаковых во всех остальных отношениях, кроме доходности, отнюдь не является способом «улавливания» дифференциальной ренты в Марксовом понимании этой категории. Если бы мы мотивировали именно таким образом необходимость налогового обложения деревни и необходимость различных налоговых ставок для различных групп крестьянства, то любой хорошо грамотный экономически и знающий Маркса крестьянин мог бы разнести нас в пух и прах и был бы прав. Чтобы мотивировать необходимость обложения деревни и дифференциальности в этом обложении, нам, за исключением области капиталистического или полукапиталистического земледелия, совсем не требуется трогать учение Маркса о капиталистической земельной ренте. Полезней перечитать его предупреждение насчет возможного ошибочного понимания и толкования его теории: К вопросу же о том, что мы облагаем в форме единого с.-х. налога, я скоро вернусь.

Итак, о капиталистической земельной ренте в Марксовом смысле мы можем говорить лишь в меру развития капиталистических методов обработки земли и капиталистической аренды земельных участков для других целей, т.-е. отнюдь не о *господствующей* системе производительных отношений в земледелии в СССР.

Посмотрим ближе, как обстоит дело у нас в этой области. Капиталистическим типом земельной аренды являются у нас чистые земельные концессии, как, например, известная крупповская концессия на Украине. Рабочие концессионера создают прибавочную ценность, концессионер может улавливать здесь как ту ее часть, которую условно мы можем считать источником абсолютной ренты, так и ту, которую условно можно считать рентой дифференциальной. Отсюда и пря-

мое право, и экономическая возможность для государства в форме налогов и долевого отчисления уловить в свою очередь продукт концессионного улова. То же относится и к чистым лесным концессиям. В случаях со смешанными земледельческими и лесными концессиями перед нами будет государственно-капиталистический[1]) тип ренты. О капиталистической ренте можно говорить также при рентном обложении земель, находящихся под частными фабриками и заводами, земель, арендуемых частным землевладением, и т. д. Сюда же нужно отнести ренту с государственных земель, сдаваемых в обработку крупно-крестьянским хозяйствам, применяющим наемный труд. Наконец, еще предстоит (и с этим мы сильно запоздали) ввести рентное обложение всех кулацких хозяйств, применяющих наемный труд и на надельной земле. Это, правда, не совсем те фермеры-капиталисты, о которых говорит Маркс, но по существу, несмотря на весьма низкий экономический уровень кулацкого хозяйства с точки зрения капиталистической формы обработки земли, в основном и по тенденциям развития мы имеем здесь дело с группой, которая может быть и должна быть подвергнута специальному рентному обложению, одновременно ли или отдельно от общеподоходного обложения — безразлично. Если государство не облагает права на обработку общественной земли со стороны крестьян, не эксплоатирующих чужого труда, то по отношению к эксплоатирующим такой труд такое обложение может быть применено.

Во всех перечисленных нами случаях мы имеем основания говорить о капиталистической земельной ренте с точки зрения ее происхождения из неоплаченного труда рабочих. Но оригинальность наших отношений *распределения* в рассматриваемой области состоит в том, что субъектом, взимающим ренту, является не частный собственник земли, не капиталистическое государство, а государство социалистическое. Средства от рентного обложения поступают в его госбюджет и косвенно в фонд социалистического накопления. В данном случае рента является капиталистической по источнику происхождения и социалистической по назначению. А это значит, что мы имеем здесь дело с совершенно особенным отношением распределения, возникающим лишь после со-

[1]) В том условном понимании этого термина, в каком его употреблял Ленин.

циалистической революции и в таком его виде совершенно не исследованным у Маркса, который дал нам только анализ классических отношений абстрактного, чистого капитализма.

Что же касается земельного обложения, которому подвергаются со стороны государства или его местных органов государственные же предприятия, то было бы смехотворно говорить здесь о капиталистической ренте с застроенных участков в смысле Маркса. Как нельзя говорить о «прибыли» Гомзы в Марксовом смысле слова, так еще менее можно говорить в данном случае о ренте, хотя бы в обиходе этот термин и не считали нужным изгонять за неимением другого. Здесь перед нами не рента, а лишь одна из тех форм распределения государственных средств внутри государственного же круга, которая имеет лишь внешнюю видимость отношений капиталистического общества, которая копирует лишь форму и термин, а на самом деле является одним из видов искажения общепланового распределения. Если переставить соответствующие графы в местном и государственном бюджете, а также в балансах облагаемых государственных предприятий, то вся рента, без малейших изменений в сфере производства, а также распределения *между классами* (а не между ведомствами одного и того же класса), исчезнет, как дым.

В заключение нам остается остановиться лишь на налоговом обложении некапиталистического земледелия. После всего сказанного выше совершенно очевидно, что прямое налоговое обложение крестьянства, не эксплоатирующего наемного труда, и обложение доходов кулачества *в той их части, в какой они создаются личным трудом кулаков,* есть не земельная рента в Марксовом смысле слова, а отчуждение в пользу государства части прибавочного продукта мелкого производства. Это обложение ничем принципиально не отличается, например, от обложения ремесла и кустарной промышленности. Это обложение экономически возможно постольку, поскольку существует такой прибавочный продукт. А этот продукт увеличивается по мере развития производительных сил в крестьянском хозяйстве. От такого обложения, согласно нашей налоговой практике, освобождаются, и вполне правильно освобождаются, бедняцкие и маломощные крестьянские хозяйства, не создающие, как правило, прибавочного продукта. Это обложение экономически не только воз-

можно, но необходимо и целесообразно, поскольку расходы по общему бюджету государства должны покрываться и крестьянами и рабочими. Оно необходимо и потому, что расширенное воспроизводство в промышленности, его достаточно быстрый темп, развитие ж.-д. сети, каналов, электрификации и т. д. чрезвычайно необходимы также и для крестьянского хозяйства, которое без поддержки быстро развивающейся промышленности не может развивать производительных сил, оставаясь мелким производством, и тем более не сможет подняться на более высокую ступень производственного кооперирования. Октябрьская революция, социализация промышленности и транспорта имеют свою логику. Если мы идем по пути ограничения и ликвидации действия закона ценности, то, если этот закон не замещается с необходимой быстротой действием закона социалистического накопления, с неизбежным при этом определенным уровнем отчуждения прибавочного продукта деревни, нормальное хозяйственное развитие страны, достижение необходимой пропорциональности в экономике страны будут невозможны.

Производственные отношения в советском земледелии являются крайне сложными. Достаточно указать хотя бы на те крайне своеобразные отношения эксплоатации примитивного характера, связанные с неразвитостью чисто капиталистических отношений, описанию которых посвящена недавно вышедшая книжка тов. Крицмана [1]). То, что мы сказали о ренте, ни в малой мере не исчерпывает анализа всех видов капиталистических отношений в советской деревне. Мы ничего не сказали также и о той «ренте», которую получает беспосевный крестьянин за сдаваемую им в аренду кулаку землю, реализуя, продавая тем свое право на землю, гарантированное ему советской конституцией. Мы не рассмотрели также и тех своеобразных форм «найма», на которых останавливается в своей книге тов. Крицман, когда формальный наниматель является эксплоатируемым, а «нанимающийся» — эксплоататором. Эти и другие отношения эксплоатации, например, ростовщической эксплоатации, многие стороны производственных отношений, связанные с аграрным перенаселением в условиях недостатка орудий производства, восстанавливающиеся отхожие промыслы, переплет домашнего промышленно-

[1]) *А. Крицман.* Классовое расслоение в советской деревне.

го производства с земледелием—все это, отчасти в связи с проблемой ренты, мы намерены разобрать не в теоретической части работы, а в специальном томе, посвященном конкретному анализу нашей промышленности и земледелия.

Точно так же и в последнем параграфе настоящей главы, посвященному проценту и кредитной системе, мы не будем выходить из пределов лишь самого общего теоретического анализа, оставляя до следующего тома более конкретное изучение фактического материала.

ПРОЦЕНТ, КРЕДИТНАЯ СИСТЕМА

Теоретический анализ категории процента в советском хозяйстве не представляет больших трудностей, потому что соответствующие отношения в той их части, где дело идет о проценте в собственном смысле, лишь воспроизводят старые, давно знакомые и в совершенстве изученные политической экономией явления, безразлично, идет ли дело о торговле деньгами, как, в дальнейшем, элементе производительного или торгового капитала, или о ростовщическом проценте в области крестьянского хозяйства. Что же касается процента лишь по названию, процента, как одной из тех имитаций капиталистической формы, которыми мы уже занимались в отношении некоторых других категорий, то здесь для анализа остается мало места потому, что фиктивность данной категории слишком бьет в глаза. За жалким занавесом капиталистической формы и буржуазной терминалогии и фразеологии (которой, впрочем, иные «специалисты» предаются с самым серьезным и важным видом) тело сущности выпирает всей своей наготой. Сложней обстоит дело лишь с кредитной системой и тенденциями ее развития и трансформации.

Роль ростовщического процента в нашем мелком производстве, прежде всего в крестьянском хозяйстве, была огромна до войны и революции; она очень велика и все увеличивается и в настоящее время. Ростовщичество, как паразитический нарост на мелком производстве, имеет многовековую историю и изучено достаточно. Исторически оно играло двоякую роль: либо подготовляя материальные элементы обобществления труда мелких производителей, из которых высасывало и прибавочный продукт, и часть минимума средств существования,

либо только высасывало соки, истощало и разоряло мелкое производство, не влияя на его переход к более высокому типу организации труда. В нашей деревне ростовщичество играло и играет теперь в подавляющем большинстве случаев именно вторую роль. Мы не будем здесь останавливаться на некоторых специфических особенностях именно нашего ростовщичества и отложим исследование вопроса до конкретного анализа всей экономики советского земледелия.

Что касается капиталистического процента, то Маркс, как известно, определял его следующим образом: «Процент... является первоначально, есть первоначально и остается в действительности не чем иным, как частью прибыли, т.-е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист, промышленник или купец, поскольку он применяет не собственный, а взятый в ссуду капитал, должен выплатить собственнику и доверителю этого капитала. Если капиталист прилагает только собственный капитал, то такого деления прибыли не происходит: эта последняя всецело принадлежит ему» [1]).

Спрашивается, какова же та область в советском хозяйстве, к которой приложимо это определение Маркса?

Областью процента в капиталистическом смысле являются отношения купли и продажи денежного капитала на легальном и нелегальном частном денежном рынке Союза. Это, во-первых, частные кредитные институты, как общества взаимного кредита, а больше всего и главным образом—нелегальный рынок ссудного капитала, с его специфическим правом, очень высоким процентом, часто юридической неуловимостью совершаемых сделок и т. д. Особенности частного денежного рынка в СССР связаны не с иной природой процента, поскольку дело идет об области, где отношения государственного хозяйства не переплетаются с частным, а с тем фактом, что частный капитал в СССР в весьма небольшой части является капиталом промышленным. Он фигурирует преимущественно в форме капитала торгового и ссудного, при чем относительно роль ссудного капитала увеличивается, поскольку в связи с развитием сети и оборотов государственного и кооперативного капитала суживается сфера приложения частного капитала в торговле. В промышленность же он итти

[1]) „Капитал", т. III, часть 1, стр. 355, перевод Степанова.

избегает вследствие ряда причин, связанных с социализацией крупной и средней промышленности, налоговой политикой, законодательством об охране труда, недавно еще существовавшими ограничениями в праве наследования, более медленным темпом оборота и накопления капитала в промышленности и, наконец, с опасением частного капитала перевести подвижный денежный капитал в затвердевшую форму промышленных средств производства, в каковом виде частный капитал подвергается гораздо большему и лучшему контролю и учету со стороны классово-враждебного для него государства. Это естественное сужение сферы приложения частного капитала держит отношения частного кредита в капиталистически недоразвитом виде, что в частности отражается на ростовщически высоком уровне процента.

Несколько иное положение с теоретической точки зрения нужно констатировать в той области кредитных отношений, когда частный капитал пользуется кредитом государственного банка и других аналогичных государственных же институтов. Здесь перед нами категория процента отражает специфическую особенность нашего хозяйства, как сферу сожительства и переплета капиталистических, государственно-капиталистических и социалистических отношений переходного типа. Размеры легального [1]) использования денежного государственного кредита частным капиталом крайне незначительны; нелегальное использование государственных средств, вероятно, больше. Но этот вид кредита, несмотря на его крайне скромные размеры на практике, представляет известный теоретический интерес. Сущность и своеобразие этого процента состоят в том, что здесь прибавочная ценность из частно-капиталистического круга перекачивается в фонд первоначального социалистического накопления. С организационной стороны мы имеем здесь дело с таким переплетом двух типов производственных отношений, к которым больше всего может относиться условный ленинский термин государственного капитализма. С точки зрения распределения государство здесь участвует в дележе прибавочной ценности, которая нередко пред-

---

[1]) Под нелегальной эксплоатацией государственного кредита я имею в виду использование посредниками для целей частного капитала средств, отпускаемых на государственные заготовки, различные махинации с товарами, отпускаемыми кооперации, и т. д.

ставляет из себя с материальной стороны ту часть прибавочного продукта самого же государственного хозяйства, которая в разных видах и разными путями, прежде же всего через частно-торговый аппарат, «улавливается» частным капиталом из фонда социалистического накопления.

Как раз обратный характер носит тот процент, который государство уплачивает по своим внутренним (и внешним) займам, поскольку подписчиками на них выступают частные торговцы, промышленники и мелкая буржуазия, т.-е. прежде всего крестьянство. В данном случае процент представляет из себя тот вычет из прибавочного продукта государственного хозяйства, который делает государство, чтобы получить на основе кредита добавочные средства для расширенного воспроизводства из частного хозяйства. Государство выступает, как заемщик, частное хозяйство, как кредитор, эксплоатирующий в свою пользу часть прибавочного продукта, создаваемого рабочими государственного хозяйства. Когда заем делается для пополнения ресурсов казначейств и идет на общегосударственные нужды, процент платят не только рабочие из прибавочного продукта государственного хозяйства, но и крестьяне, как плательщики налогов. Если заем полностью или отчасти покрывается крестьянством и соответственно полностью или отчасти идет на поднятие крестьянского хозяйства, перед нами будет случай перераспределения через государство ресурсов частного хозяйства для частного же хозяйства, т.-е. случай кредита, если можно так выразиться, нейтрального, с точки зрения непосредственного влияния на социалистическое накопление. Этот вид кредита может получить в дальнейшем большое распространение в СССР, как преимущественно пока аграрной страны.

Что же касается той части внутренних займов, которая покрывается рабочими и служащими государственного хозяйства, а также что касается соответствующей части процентов, которые им выплачивает государство, то это отношение распределения не имеет с принципиально-теоретической точки зрения ничего общего с предыдущим. Рабочие и служащие откладывают часть своей заработной платы и отдают ее в фонд социалистического накопления и получают за это не процент, а нечто вроде премии за сокращение личного потребления, сокращение, которое одновременно означает увеличе-

ние возможностей расширенного воспроизводства внутри круга государственного хозяйства и его работников. Перед нами здесь в сущности *внутреннее* перераспределение ресурсов, перераспределение между фондом потребления и фондом воспроизводства внутри единого государственного круга. Как и внутрикрестьянское распределение через государственный аппарат, это внутреннее перераспределение в социалистическом кругу может сыграть очень большую роль в будущем, по мере роста заработной платы. Однако эту систему внутреннего кредита, вместе с премией за экономию, никак нельзя подводить безоговорочно под категорию процента в обычном смысле этого слова.

Наконец в подписке на внутренние государственные займы, в частности, особенно на заем хозяйственного восстановления, участвуют и государственные же предприятия. Говорить здесь о проценте в смысле политической экономии так же бессмысленно, как бессмысленно говорить о ренте в Марксовом значении термина по отношению той аренды за землю, которую платят государственные предприятия местным советам. Перед нами здесь просто перераспределение внутри государственного круга новых свободных государственных ресурсов. Это не больше, как имитация *формы* капиталистических отношений, которая прекратится тогда, когда государственное хозяйство на опыте отыщет и организационно оформит новые методы планового распределения новых ресурсов, методы, которые будут наиболее соответствовать всей его внутренней структуре.

Точно так же нелепо говорить о проценте в капиталистическом смысле как раз в наиболее обширной сфере применения этой «категории» в советской системе, т.-е. в сфере кредитования государственной промышленности транспорта и государственной торговли в государственных же кредитных учреждениях. Это наиболее обширная сфера переодевания производственно-распределительных отношений государственного хозяйства в одежды капиталистической категории процента.

Допустим, государство имеет определенное количество ресурсов, которое оно может употребить на увеличение основного и оборотного капитала своих трестов. Допустим, какой-либо трест, нуждающийся в этих средствах, получает соответ-

ственный кредит в Государственном банке или Промбанке. Он платит «процент» за ссуженный ему капитал. Из какого источника он платит этот процент? Из своего прибавочного продукта. Кому принадлежит этот прибавочный продукт? Тому же социалистическому государству. Куда идут все суммы, полученные от процентирования ссуженного капитала государственными трестами? Тому же государству. Совершенно очевидно, что здесь перед нами совсем другое отношение в сравнении с капитализмом, когда один слой капиталистического класса, а именно предприниматели, работающие не на собственный, а заемный капитал, уступают часть своей прибавочной ценности собственникам ссуженного капитала в форме процента, размеры которого к тому же определяются на ряду с другими причинами на основе стихийной игры спроса и предложения на ссудный капитал. Наоборот, наше социалистическое государство, если уже в рассматриваемой области делать соответствующие сравнения с капиталистическими отношениями, находится в положении предпринимателя, который работает на свой собственный капитал и сам себе процента не платит, хотя и может для очистки бухгалтерской совести выводить сам себе по книгам процент. Если бы, допустим, мы ввели в нашей практике формально другой порядок кредитования государственной промышленности, т.-е. по определенному плану распределяли бы кредитные ресурсы из одного центра и его отделений и в нем и его отделениях концентрировали весь свой теперешний фонд кредитования и весь ежегодно создаваемый новый прибавочный продукт от всех без исключения государственных предприятий, то процент благополучно исчез бы без изменения существа производственных отношений внутри государственного круга. По существу же и теперь, при довольно неорганизованном распределении кредитов, принимаются во внимание нужды всех отраслей, их собственный прибавочный продукт, присоединяемый к уже функционирующему капиталу, необходимое новое строительство и т. д. Я не знаю, в какой степени существующая система кредитования, отражающая часто соотношение сил между... ведомствами, целесообразна. Но и в своем несовершенном виде, при ненужной, быть может, копировке капиталистических банковских форм, во всем, что касается внутригосударственных отношений, по

сути дела она представляет из себя разновидность планового распределения ресурсов государственного хозяйства.

После всего вышеизложенного мне остается уже сказать совсем немного о нашей кредитной организации с точки зрения ее роли во всей системе товарно-социалистических отношений производства и распределения, тем более, что о роли кредитной организации государства в области первоначального социалистического накопления было уже достаточно сказано в главе о социалистическом накоплении.

Как известно, Маркс, с одной стороны, указывал на важную роль, которую может сыграть кредитная система буржуазного общества в деле *перехода* к новому способу производства, а, с другой стороны, он же предостерегал и от переоценки значения той системы учета и контроля, до которых возвышается капиталистическое общество благодаря кредитной организации [1]), когда уже дело идет о социалистическом производстве.

Разумеется, совершенно неслучайно мы восприняли в нашей системе не только в области переплета государственного хозяйства с частным, но и в области распределения ресурсов внутри государственного круга методы и формы кредитной организации капитализма. Однако совершенно очевидно, что если внутри круга государственных отношений формы кредитования целиком заполнены новым содержанием, то это вытекает как раз из исторически более высокого типа государственного хозяйства, как хозяйства коллективного, во-первых, и планового, во-вторых. Плановость, учет и контроль, органически вытекающие из социализации орудий производства на важнейших участках советского хозяйства, являются

---

1) „Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда,—однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банковского дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела, как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит, как таковой, не имеет уже никакого смысла, это и поняли, впрочем, даже сен-симонисты“ („Капитал“, т. III, 2 ч., стр. 148).

по самому своему существу *более высоким типом плановости и учета в сравнении с теми, до которых может подняться самая совершенная и самая централизованная капиталистическая кредитная система.* Этим об'ясняется тот совершенно очевидный теперь факт, что нарастание элементов плановости и организованности в нашем хозяйстве за последние годы, если можно так выразиться, совершенно вышелушили все прогрессивное содержание, которое может заключаться в банковской системе капитализма, и государственное хозяйство должно было пойти дальше тех сравнительно ограниченных возможностей, которые вообще в состоянии дать этот институт для сферы именно головного участка нашей экономики, т. - е. для коллективного хозяйства пролетариата.

Другое дело сфера взаимоотношений государственного хозяйства с частным. Если при военном коммунизме обреченность системы разверстки и «планового» снабжения деревни продуктами промышленности (по принципу: кто больше дал государству излишков, тот меньше или ничего не получает от государства) заключалась в том, что мы вынуждены были в военной обстановке навязывать подобие социалистического *распределения* крестьянскому хозяйству, которое продолжало оставаться мелкобуржуазным в сфере *производства,* то при теперешней товарно - социалистической системе хозяйства государственное хозяйство, наоборот, само вынуждено приспособлять свою систему обмена (внутри — формально, вне — по существу) к системе обмена частного хозяйства, которая может быть лишь системой товарно - денежного распределения. А в этой сфере кредитная система должна играть *огромную прогрессивную роль,* потому что банковая система капитализма представляет из себя исторически гораздо более высокий тип организации контроля, учета и распределения производительных сил, чем почти средневековый, неорганизованный рынок простого товарного производства, до которого только и может подняться «без посторонней помощи» простое товарное производство в сфере стихийного регулирования хозяйства. Когда Ленин много раз настойчиво подчеркивал прогрессивность государственно - капиталистических отношений производства и обмена, в сравнении с отношениями простого товарного производства, господствующими в крестьянском хозяйстве, он всегда имел в виду и эту сторону взаимоотношений госу-

дарственного хозяйства с частным, а тем самым и соответствующие взаимоотношения и по линии кредита. Эта «подтягивающая» роль нашей кредитной системы сказывается и еще больше должна сказываться и в области кредитования крестьянской кооперации разных видов, в том числе и кредитной, и в товарном кредите, и в мелиоративном кредите, и в системе внутренних займов, размещаемых в деревне, и в авансировании производителей (теперь пока лишь льноводов, производителей хлопка, табаководов, маслоделов, а в дальнейшем, несомненно, и производителей товарного хлеба и пр.).

В заключение надо сказать, что если деньги являются такой категорией товарного хозяйства, где достигает своего апогея овеществление производственных отношений между людьми, то в советском хозяйстве можно констатировать и здесь известный прогресс, прежде всего в уменьшении элемента овеществления и в достижении большей прозрачности в производственных отношениях. Больше всего это достигается во взаимоотношениях внутри государственного круга, где денежные отношения приобретают, главным образом, калькуляционно-счетный характер по отношению к средствам производства и средствам потребления, отмирая в своей роли одного из инструментов достижения стихийного равновесия в производстве.

Однако денежный фетешизм, изгоняемый понемногу из сферы государственного хозяйства, продолжает еще господствовать в частном и на территории связи государственного хозяйства с частным. Это приводит в сфере идеологии к тому, что работники Народного Комиссариата Финансов, комиссариата, сидящего со своим учреждением на стыке частного хозяйства с государственным, склонны воскрешать этот фетишизм в довольно своеобразной, если не сказать дегенеративной, форме. В стране, не имеющей золотого размена и вынужденной в сфере хозяйственного руководства заменять стихийный разум золота, как инструмента регулирования при законе ценности, плановой политикой распределения средств производства и средств потребления через бумажную валюту, они систематически апеллируют к золотому разуму черной биржи и в случае отклонения бумажного червонца от золотой десятирублевки впадают в панический страх и делает ненужные и убыточные для государства

золотые интервенции, позволяя нэпманам переводить в золото бумажные червонцы. Грубейшая ошибка в области финансовой политики вытекает здесь из грубого непонимания роли золота в нашей системе хозяйства,—ошибка, в свою очередь вытекающая из непонимания роли золота вообще. Если буржуазная страна, имеющая *золотое обращение*, в период промышленного кризиса, который переходит в финансовый и кредитный кризис или ими сопровождается, приносит в жертву стоимости золота стоимости десятков миллионов товара, если все сделки начинают вестись за наличные, и таким путем золото выступает в роли ultima ratio, последней апелляционной инстанции для установления того, в какой степени правильны пропорции в распределении производительных сил между отраслями и размеры всего производства по сравнению с платежеспособным спросом; то таким стихийным путем спасается золотое обращение в обществе, которое не имеет других путей регулирования хозяйственных отношений. Наоборот, спасать на черной бирже паритет бумажного червонца на золотую десятку в стране, *где нет золотого обращения*, но *где есть* другие методы регулирования хозяйственных и в частности валютных отношений, значит некритически имитировать самые иррациональные и самые убыточные стороны капиталистического регулирования вообще. При уже достигнутой организованности государственного хозяйства, при сосредоточении почти всей кредитной системы в руках государства, а главное при сохранении монополии внешней торговли, золото нужно нам лишь для балансирования расчетов с заграницей, в условиях превышения импорта над экспортом, а не для получения от черной биржи свидетельства о благонадежности для червонца. Я прибегаю в этом вопросе к поддержке Маркса и приведу из III тома «Капитала» одно место, замечательное само по себе, а, главное, как бы специально написанное для нас. Вот это место.

«Обесценение кредитных денег (не говоря уже об утрате ими денежных свойств, утрате, впрочем, лишь мнимой) расшатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное существование этой стоимости в виде денег. Как денежная стоимость, она обеспечена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради одного—двух

миллионов денег должны быть поэтому принесены в жертву многие миллионы товаров. Это неустранимо при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей. При более ранних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается их движение, ни кредит, ни кредитные деньги не развиваются. Пока *общественный* характер труда проявляется, как *денежная форма существования* товаров, т.-е. как *вещь*, существующая вне действительного производства, неустранимы денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением. Очевидно, с другой стороны, что, пока не поколеблен кредит данного банка, этот последний в таких случаях путем увеличения количества кредитных денег смягчает панику, путем сокращения его увеличивает панику. Вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри каждой страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, раз равновесие ее в данный момент нарушено. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает прекращение платежей наличными со стороны так называемых национальных банков,—средство, к которому прибегают во всех крайних случаях, как к единственному спасению» [1]).

Очень рекомендую эту цитату вниманию наших финансистов. К сожалению, недостаток места мешает мне здесь развить все мои взгляды на роль бумажных денег и золота в системе советского хозяйства, к чему я должен буду вернуться не в общетеоретической, а в конкретной части данной работы.

КООПЕРАЦИЯ

По вопросу о кооперации в советской системе хозяйства основное было сказано уже Лениным как в последних статьях на эту тему, так и раньше. В настоящем разделе я скажу лишь несколько слов о кооперации в связи со всем предыдущим изложением.

Отношения, складывающиеся в кооперации, не представляют из себя какой-либо особой категории в капиталистической системе производства и обмена. Производственная коопе-

[1]) „Капитал", т. III, ч. 2, стр. 55—56, перевод Степанова.

рация—это небольшие островки не общественной, а коллективно-групповой собственности на орудия производства, островки, подчиняющиеся в сфере производства основным законам капиталистической экономики и *лишь постольку* существующие в море капиталистических отношений. Там, где производственная кооперация не может приспособиться к закону ценности, она гибнет. То же нужно сказать и об имеющей гораздо большее распространение и значение потребительской кооперации. Этот вид кооперации, существует ли он на основе рочдельских принципов или каких иных, точно так же подчиняется всем законам капиталистического обмена и способен только на ряду с известной рационализацией распределения достигнуть лишь частичного улавливания торговой прибыли для своих членов.

Особое значение кооперация приобретает лишь после социалистической революции и особенно в такой стране, как СССР, где организованному или, вернее, все более и более организующемуся на основе производственного плана государственному хозяйству противостоит огромное море распыленного мелкого производства деревни, ремесла и кустарной промышленности. Особая роль нашей кооперации как раз и вытекает из сожительства этих двух систем производства, связанных обменом и кредитом в одном хозяйственном организме.

Основной вопрос, который надо здесь рассмотреть, заключается в том, какую роль играет кооперация в борьбе планового начала с законом ценности и в какой степени она сама является либо пассивным полем сражения в этой борьбе в определенной области обмена и производства, либо проводником того или иного начала.

При капитализме, как мы сказали, кооперация может существовать, лишь приспособляясь к закону ценности. При нашей системе она, неизбежно делаясь ареной борьбы двух основных законов нашего хозяйства, должна приспособляться к тому, который побеждает, и только на втором плане к тому, который ближе к ней по стоящему за ним типу общественной организации труда.

Сначала о первом. Так как кооперация могла существовать и в капиталистической системе, отнюдь не угрожая ее существованию, то это доказывает с полной очевидностью,

что в ней самой по себе не заключается никакого активного начала, трансформирующего в сторону социализации производственные отношения. Утописты кооперации утверждали обратное, но были побиты всей практикой капитализма и самой кооперации. Кооперация может сыграть социалистическую роль лишь постольку, поскольку входит одним звеном в систему, развивающуюся к социализму *на основе своих собственных внутренних сил и тенденций.* Такой системой является государственное хозяйство пролетариата, опирающееся в своем развитии на рост обобществленного крупного производства. Коллективное хозяйство пролетариата и по своим имманентным законам развития и по внешней обстановке должно или быстро развертываться или погибнуть. Другого ему не дано. Поскольку оно быстро развивается, постольку и кооперация если не включается в систему государственного хозяйства, то по крайней мере образует как бы его более зыбкое, менее связное, менее организованное, но все же (как хвост от ядра кометы) *продолжение,* пускающее свои щупальцы в поры обмена между мелким производством и государственным хозяйством и кой-где начинающее кооперировать мелких хозяев на производственной почве.

Что касается второго пункта, то здесь надо заметить следующее. Развертывание действия закона первоначального социалистического накопления, в котором концентрируются на данной стадии тенденции движения к социализму, означает усиление определенного типа, коллективного типа организации человеческого труда. Усиление действия закона ценности отражает и в то же время способствует тенденции к другой, частно-капиталистической его организации. Кооперация, по общественному типу ее организации, ближе к коллективному типу организации труда. В этом смысле сращивание ее в советских условиях с государственным хозяйством представляет более естественный процесс, чем ее ориентация на частный капитал. Однако не эта сторона является решающей, как мы сказали выше. Если б в нашем хозяйстве приостановилось или крайне замедлилось развертывание социалистических отношений, имеющих базу в промышленности, а капиталистические отношения стали бы расти быстрей, то, несмотря на свою общественную структуру, кооперация либо немедленно раскололась бы, либо в своем большинстве дезер-

тировала бы со своей позиции арьергарда государственного хозяйства, чтобы перейти на сторону капитализма. Не надо забывать, ведь, что за исключением рабочей кооперации, которая в сущности лишь рационализирует систему распределения *внутри государственного круга* и потому представляет иное отношение распределения, вся остальная кооперация опирается на мелкое товарное производство. Это мелкое производство в буржуазном обществе в лучшем случае нейтрально по отношению к социализму, тогда как капиталистические отношения оно выделяет органически и продолжает в солидной мере выделять их и при диктатуре пролетариата.

Опыт показал, что потребительская кооперация может играть и играет важную роль в деле установления непосредственной связи между мелкими производителями и государственной промышленностью. Поскольку государство проводит политику плановых цен на свои товары и твердых цен на заготовленную им продукцию мелкого производства, поскольку, следовательно, оно проводит известное ограничение действия закона ценности, постольку потребительская кооперация через свою сеть участвует в этом ограничении. Но, с другой стороны, как показал опыт, она сама гораздо слабее государственных органов выдерживает напор закона ценности. Она срывает в рознице предельные накидки на оптовые цены, вопреки соглашению с государственными органами. Она перепродает частному капиталу товары, полученные в порядке «наибольшего благоприятствования» от государственных трестов и к тому же полученные часто в кредит. Она нередко уклоняется от закупочных операций по твердым ценам и т. д. Во всех этих случаях и многих других закон ценности пересиливает плановые тенденции государственного хозяйства. Кооперирование мелкого производства в сфере обмена не встречает серьезных препятствий при диктатуре пролетариата. Как раз наоборот, если вспомнить о тех льготах кооперации, которые дает советское государство и которых не может дать кооперации никакой другой режим. Об'единение здесь проходит довольно гладко и не только вследствие этих льгот, а также и потому, что оно не задевает пока сферы производства, которое остается мелким, раздробленным товарным хозяйством. Мелкий производитель имеет все основания поддержать тот торговый аппарат, который продает дешевле.

А когда и кооперация и частная торговля продают по одинаковым ценам, он имеет возможность выбора со стороны качества, кредита и т. д. Никогда не надо забывать, что, например, потребительская кооперация, не являясь организацией государственной, еще мало является организацией *общественной* как со стороны размеров паевого капитала, внесенного членами, так и со стороны организованного и систематического контроля этих членов над деятельностью правлений. Потребительское общество—это в большинстве случаев еще скорей лавка без твердого хозяина, чем устойчивая *организация людей*, располагающих лавкой. Сеть лавок строить легче, чем сеть общественных организаций [1]).

Но даже идеальным кооперированием мелкого хозяйства в сфере обмена не решается проблема его кооперации в сфере производства. Кооперация в области обмена только *подводит* к этой основной проблеме.

Мы уже говорили не раз, что борьба закона первоначального социалистического накопления с законом ценности означает борьбу за преобладание двух разных типов организации человеческого труда—коллективного и частно-капиталистического. Если мы подведем итоги борьбы этих двух типов организации труда только на территории земледельческого производства и наши коммуны (хотя они и являются весьма примитивными формами коллективного труда) вместе с совхозами положим на одну чашку весов, кулацкие хозяйства—на другую, то мы должны будем констатировать следующее. Совхозы до последнего времени *сокращали* свою площадь в пользу мелкого производства, коммуны и артели медленно ее увеличивали, площадь же кулацких или полукулацких хозяйств росла быстрей [2]). Причина заключается в том, что кулацкое хозяй-

---

[1]) В статье „О кооперации“ Ленин писал, что под поддержкой кооперативного оборота „надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором *действительно участвуют действительные массы населения*... Когда кооператор приезжает в деревню и устанавливает там кооперативную лавочку, население, строго говоря, никак в этом не участвует“ (Ленин, т. XVIII, часть 2, стр. 141).

[2]) Я не говорю здесь, конечно, о балансе в об'еме *всего хозяйства*. Здесь побеждает государственное хозяйство, которое каждый новый год кооперирует вокруг машины гораздо больше разоряющейся крестьянской бедноты, чем на территории собственно земледелия, и, надо думать, будет кооперировать одним только этим путем больше, чем кулацкое хозяйство.

ство, органически вырастающее из раздробленного мелкого товарного производства, до сих пор давало больше возможностей к организации труда в земледелии по капиталистическому или полукапиталистическому типу, чем государственное хозяйство для организации его по своему типу. Соотношение может измениться не на основе каких-либо социалистических чудес на территории мелкого производства деревни, взятого самим по себе, а лишь на основе более глубокого действия крупной городской индустрии на крестьянское земледелие. В каких формах это будет происходить конкретно, сейчас можно сказать лишь в самых общих чертах. Возьмем, например, тракторизацию земледелия; там, где трактор приобретается всем обществом, он будет способствовать переходу к общественной обработке земли всей деревни. Передача в массовом масштабе государственных тракторов деревенской бедноте на основе аренды или иным способом и обработка бедняками-трактористами земли у самостоятельных производителей могут означать *начало отделения от земледелия и начало машинизации функций вспашки и молотьбы*, т.-е. отделение от мелкого производства операций, легче всего поддающихся обобществлению. Электрификация будет означать отделение от части земледельческих работ двигательной силы с концентрацией производства этой силы на крупных электростанциях государства. Некоторые функции земледелия кооперируются под давлением уже достигнутого *перед* этим кооперирования в области обмена, в частности сбыта, как это имеет место с маслодельной кооперацией.

Когда Ленин в статье «О кооперации» говорил о том, что кооперативные предприятия при нашей системе не отличаются от предприятий социалистических, он имел в виду не кооперацию в *обмене*, опирающуюся на мелкое товарное хозяйство в *производстве*, а производительную, являющуюся *продолжением* государственно-планового хозяйства. В самом деле. Он писал: «При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу» (том XVIII, ч. 2-я, стр. 143—144). Мысль Ленина здесь совершенно ясна. Ко-

операция вокруг средств производства, принадлежащих государству, есть организация труда, свойственная социализму и исторически и классово противоположная кооперации рабочих вокруг машины, принадлежащей классу капиталистов. Но это значит, что переход к социализму совершается в сфере *производственного* кооперирования, для чего кооперация в обмене лишь расчищает путь. Но как раз именно в сфере такого кооперирования мелких производителей наши успехи пока еще минимальны, и *конкретные формы* (а не общая линия) этого процесса сейчас еще совсем неясны. Ясно только одно: все дело в максимально быстром развертывании промышленности, которая является трансформирующим центром всего хозяйства и единственным активным началом *социалистического* кооперирования.

Что же касается сферы действия города на деревню через кредит, то здесь нужно заметить следующее. При систематическом товарном голоде, который означает голод на новые капиталы у развивающейся промышленности, кредит не может принять широких размеров. Он приобретет большое значение лишь при накоплении товарных запасов в промышленности, прежде всего, разумеется, в тяжелой промышленности, потому что производственное кооперирование деревни может получить наибольший толчок лишь из сферы производства средств производства для крестьянского хозяйства.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЕЩЕ РАЗ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ НАКОПЛЕНИИ

ОТВЕТ ТОВ БУХАРИНУ

В «Правде» от 12-го декабря 1924 года помещена обширная статья т. Бухарина, в которой он обрушился против главы из моей работы «Новая экономика», помещенной в № 8 «Вестника Коммунистической Академии» под названием «Основной закон социалистического накопления».

Вопросы, поднятые в моей статье, являются коренными вопросами теории советского хозяйства, в статье т. Бухарина—коренными вопросами нашей экономической политики; они требуют самого вдумчивого к себе отношения. Настоящая моя статья является спешным и недостаточно полным ответом т. Бухарину. Более обстоятельным ответом ему явится вся моя книга.

Прежде всего я должен предупредить читателя, что ни статью тов. Бухарина, ни мой настоящий ответ нельзя понять целиком и до конца, не прочитав моей работы из «Вестника». По крайней мере, в изложении т. Бухарина я не всегда мог узнать те мысли, которые я развивал в журнальной статье. Мне придется поэтому здесь в самых кратких чертах прибегнуть к изложению моей точки зрения и своими словами и кое-где цитатами из статьи.

Основная, совершенно недопустимая ошибка (если это ошибка) тов. Бухарина, которую он проводит на протяжении всей своей статьи и которая заставляет его бить на версту от цели по основному вопросу спора, заключается в следующем: моя статья является попыткой теоретического анализа советского хозяйства или. скромно выражаясь, попыткой приступа к такому анализу. Наше советское хозяйство делится на

государственное и частное. Государственному хозяйству присущи свои закономерности в развитии, частному—свои. Но и то и другое входит в единый организм всего хозяйства Союза в целом. Для теоретического анализа методологически необходимо рассмотреть отдельно и те и другие закономерности, а потом уже об'яснять, как получается равнодействующая реальной жизни. Но рассматривать тенденции развития государственного хозяйства необходимо в их чистом виде, т.-е. проанализировать их так, как если бы развитие государственного хозяйства шло, не встречая сопротивления частного хозяйства, рассматривать закономерность оптимума. Это есть единственный правильный метод, унаследованный нами от Маркса. Только он дает нам возможность разобраться в пестрых фактах реальной жизни и понять внутренний смысл всего происходящего.

А что же делает тов. Бухарин?

Он анализ закономерности развития государственного хозяйства (анализ, при котором приходится временно абстрагироваться от экономического и политического сопротивления частного хозяйства) и выводы из такого анализа смешивает с реальной экономической политикой пролетарского государства и, понятно, без особенного труда «открывает» здесь противоречие. Я не знаю, как назвать такое смешение, такую ошибку. Тов. Бухарин прекрасно понимает, в чем тут разница. Он сам не раз с успехом применял тот же метод исследования в своих экономических работах; на этом методе учится вся наша молодежь. Одно из двух: или он отказывается понимать теперь сущность этого метода анализа, что мало вероятно, либо он теоретическую добросовестность исследования принес в жертву задачам полемики сегодняшнего дня. И тогда он должен быть сфотографирован на месте преступления.

В чем сущность моего метода и моего построения?

Октябрьская революция означала прорыв человечества на одном участке земного шара к новой экономике. Эта новая экономика складывается, борется за свое существование и крепнет, развивая ряд закономерностей, только ей одной присущих. Базой этой новой экономики, врывающейся в законы товарного производства и изменяющей их, является государственное хозяйство пролетариата. Раз это хозяйство существует, оно не может не бороться за свое существование.

А бороться за существование для государственного хозяйства, окруженного океаном мирового капитализма, значит бороться за свое расширение, за подчинение себе досоциалистических форм в одних случаях, за их приспособление—в других, за их поглощение—в третьих. Бороться за свое существование для государственного хозяйства на данной стадии означает, как можно скорее пробежать тот опасный период его жизни, когда оно и экономически и технически слабее капиталистической экономики. Этот процесс расширения и укрепления государственного хозяйства может итти как за счет его собственных сил и средств, т.-е. за счет прибавочного продукта рабочих государственной промышленности, так и за счет частного, в том числе крестьянского, в том числе и средне-крестьянского хозяйства. Может ли быть иначе? Выражаюсь самыми понятными словами: может ли быть взвалено развертывание государственной промышленности и перестройка всей технической базы ее только на плечи 3 миллионов наших рабочих или в этом деле должны принять участие и 22 млн. наших крестьянских хозяйств? Опыт нашего существования за 7 лет революции ответил и отвечает на этот последний вопрос положительно. Не может дело обстоять иначе и на будущее время. Но поскольку для государственного хозяйства неизбежна экспансия также и за счет частного хозяйства, то необходимо выяснить, через какие каналы идет этот приток средств в него и каковы тенденции развития государственного хозяйства в этом направлении, взятые в их чистом виде, т.-е. отвлекаясь от сопротивления среды частного хозяйства, а тем самым и от реальной политики, которую по экономическим и политическим соображениям *приходится* проводить рабочему государству. Идут ли стихийные тенденции государственного хозяйства в его развитии за счет частного производства дальше того, что реально достижимо для экономической политики государства? Разумеется, идут. Но значит ли это, что *научный анализ* этих тенденций, формулировка оптимума этих тенденций означают критику экономической политики государства и партии? Критику политики, которая, какова бы она ни была, *всегда* будет расходиться с этим оптимумом? Вопрос достаточно бессмысленный. Но этот бессмысленный вопрос вынуждает нас ставить тов. Бухарин, который ни единым словом

не предупреждает читателя, что моя статья посвящена не экономической политике государства, а теоретическому анализу основных закономерностей нашего хозяйства. Эти закономерности вырастают исторически из Октябрьской революции, из самого факта существования и развития государственного хозяйства пролетариата. Их можно подметить и описать. Это помогает ориентироваться в хозяйственной обстановке и дает возможность делать меньше ошибок в практической политике. Их можно лишь смутно чувствовать и действовать в политике ощупью, от случая к случаю, получая необходимые «извещения» от бытия post factum. Но раз дается анализ этих законов, надо доказать, что этот анализ *неверно сделан*, а не путать тенденции развития с экономической политикой, не придираться к терминологии, если нечего сказать против по существу дела.

Но это отнюдь не значит, что из моей работы не вытекают определенные выводы для экономической политики государства. Эти выводы вытекают из нее. Они будут сделаны в той главе книги, где соотношение систем хозяйства рассматривается в разрезе классовых взаимоотношений между рабочими и крестьянами, где дается и анализ нашей экономической политики; т. Бухарину следовало бы подождать напечатания этой части моей книги. Он увидел бы тогда, вероятно, что политических выводов, которые он делает из настоящей статьи моей, совсем не делает сам автор. Он не был бы вынужден также, чтобы оправдать размеры своего полемического размаха, вместо моих взглядов критиковать свои собственные построения, лишь приписываемые мне.

ДЕТСКИЕ КОЛОНИИ ТОВ. БУХАРИНА

Первым пунктом нападения т. Бухарина является процитированная им в его статье моя формулировка закона социалистического накопления, где употребляется термин «эксплоатация», во-первых, и слово «колония», во-вторых. Не потрудившись понять, о чем идет речь, и признавшись сам, что ему «неясно», о чем идет речь, т. Бухарин категорически вдруг заявляет: «Не подлежит сомнению, что т. Преображенский у рабочего государства видит колонии». Каждому, кто прочтет хотя бы только то, что цитирует т. Бухарин о коло-

ниях, должна быть ясна полная нелепость этого утверждения. Во второй части формулировки закона я говорил, что после социалистической революции в капиталистических странах победившему пролетариату придется уменьшить неэквивалентность обмена с теми странами, которые были колониями капиталистических государств и с которыми теперь должны быть установлены отношения на новых основаниях. Т.-е. будет уничтожено колониальное рабство, национальное неравенство и вся система капиталистического колониального грабежа (стр. 58), будет уничтожена неэквивалентность обмена, поскольку она была связана с системой специфической капиталистической эксплоатации колоний, но останется неэквивалентность обмена постольку, поскольку она связана с общим взаимоотношением между социализмом и досоциалистическими формами хозяйства. *Иными словами, не крестьянское хозяйство оказывается в положении колонии, а все колонии оказываются в положении крестьянского и вообще мелкобуржуазного хозяйства,* поскольку структура хозяйства колоний является одинаковой с ними, т.-е. экономически отсталой. Т. Бухарин сам чувствует, что у меня идет дело о *бывших* колониях, которые, как колонии, прекращают свое существование, но остаются, как полноправные члены союза в системе тех промышленных стран, которые перешли к социалистической организации производства. Но вместо простого указания, что в текст надо вставить слово «*бывший*», т. Бухарин разражается моральным негодованием и с серьезным видом запутывает совершенно ясный вопрос.

Теперь насчет термина «эксплоатация». Т. Бухарин сам признает, что социалистическая промышленность получает и должна получать «добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей». Признав это, т.-е. признав и факт и неизбежность неэквивалентного обмена с частным хозяйством, во всяком случае активный баланс при обмене веществ на стороне государственного хозяйства, он признал мою основную постановку вопроса и тем самым лишил себя возможности вести принципиальный спор по существу всех выводов из этого положения. Ему осталось лишь одно: вытягивать на принципиальную высоту спор о терминах, выдавать отдельные частности за коренные вопросы и, кроме того, спутать отношение между классами с отношениями между

формами хозяйства. Я говорил в статье об эксплоатации социалистической системой хозяйства досоциалистических форм. Если т. Бухарин придумает какой-нибудь термин, на что он был всегда большой мастер, я не буду возражать, лишь бы только этот термин отражал существо дела, т.-е., что остаток по балансу обмена веществ (что неравнозначуще с балансом по *торговому* обмену систем) между частным хозяйством и социалистическим отлагается на стороне последнего, а не наоборот. Замечу лишь, что если термин «эксплоатация» перевести из отношений между классами на отношения между системами хозяйства, то этот термин вряд ли уже так неверен, как это кажется тов. Бухарину. Ведь социалистическая форма, переходящая на известном уровне развития в коммунистическую, как раз и стремится к увековечению себя, но только не путем расширения, а путем сокращения территории досоциалистических форм хозяйства. Я прекрасно понимаю политические соображения тов. Бухарина, когда он так сильно обрушивается на термин «эксплоатация». С научной же точки зрения эти возражения несущественные. Они скорей напоминают народническое возмущение против научно-марксистского термина «мелкая буржуазия» в его применении к крестьянству. Перенесение термина из одной области явлений в другую совсем не предполагает тождества описываемых явлений, а лишь известную аналогию в сравниваемом пункте.

Но терминология—это дело маленькое. Хуже, что под шум своего морального негодования Бухарин проделывает замену одного моего понятия другим. Я говорил в своей статье об эксплоатации социалистической формой хозяйства досоциалистических форм, но нигде ни разу не говорил об эксплоатации пролетариатом крестьянства. Не говорил сознательно, потому что *эксплоатация социализмом мелкого производства отнюдь не предполагает обязательно эксплоатацию пролетариатом мелких производителей.* Возьмем следующий числовой пример. Допустим, рабочие в данном году производят новых ценностей на 1½ миллиарда рублей, из которых 700 миллионов прибавочного продукта, который вместе, скажем, с 800 миллионами, взятыми с крестьянства, идет на содержание государственного аппарата, во-первых, и на расширенное воспроизводство—во-вторых. В следующем году, благодаря расширению производства и под'ему производительности труда, рабочие выработали

на 1 миллиард 800 миллионов, из которых прибавочного продукта на 800 млн.; из последней суммы 750 млн. идут теперь в государство, а 50 млн.—на увеличение заработной платы. Допустим, с крестьянства в этом году получилось также на 50 млн. больше, т.-е. 850 млн. Выходит, что зарплата растет за счет роста производительности труда самих рабочих, одновременно растет и та доля, которую рабочие дают на госаппарат и в фонд накопления. Но вместе с тем, как мы видим по этому примеру, растет и доля мелких производителей, отчуждаемая на те же цели. *Факт растущей эксплоатации мелкого производства социалистической формы хозяйства налицо, а эксплоатации рабочими крестьян нет, нет этой эксплоатации даже при росте зарплаты.* Этот случай является типичным случаем для наших дней и будет типичным на много лет вперед. Крестьянское хозяйство при таком положении является не колонией госпромышленности, а участником расширенного социалистического воспроизводства. Рабочий является не эксплоататором крестьянства, а соучастником в отчислениях, делаемых на расширение воспроизводства, которое необходимо не только ему, а всему советскому обществу в целом, всем трудящимся классам. И в то же время эксплоатация одной системы другой имеется налицо. Однако тов. Бухарин не против баланса с плюсом на стороне государственного хозяйства; он даже согласен на то, чтобы добавочные ценности притекали к рабочему классу, как классу, т.-е., повидимому, не только в систему государственного хозяйства, но и в его потребительский бюджет, что, с моей точки зрения, совсем необязательно. И, сделав столь радикальный жест [1]), он просит лишь об одном: убрать слово «эксплоатация».

Я охотно готов согласиться на то, чтобы убрать это слово. Но, убирая это слово, я считаю нелишним напомнить читате-

---

[1]) Привожу его собственные слова: „Получит ли социалистическая промышленность добавочные ценности в этот фонд накопления со стороны мелких производителей? Да, это не подлежит никакому сомнению. Есть здесь, таким образом, переход ценностей из рук одного класса в руки другого, господствующего? Да, и это не подлежит никакому сомнению. Но можно ли это своеобразное отношение, используя грубейшим образом аналогию с капиталистическим обществом, назвать отношением *эксплоатации?* Можно ли на этом основании назвать пролетариат эксплоататорским классом (что неизбежно вытекает из предыдущего положения)? Нет, и тысячу раз нет".

лю на всякий случай слова Ленина по вопросу о борьбе двух систем: «Диктатура пролетариата означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация». «Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического строя, порядок организации. И тогда оно временно может потерпеть неудачу, но оно непобедимо» (Ленин. «К истории вопроса о диктатуре пролетариата», «Коммунистический Интернационал», № 14). Эти строки написаны в конце октября 1920 года, т.-е. в конце периода военного коммунизма. Но формулировка Ленина носит общий характер и с большей даже энергией, чем нужно, защищает мою основную постановку вопроса о борьбе двух систем от всяких упреков в расхождении с ленинизмом. Я еще раз подчеркиваю, что у меня здесь дело совсем не идет о том, *на какие реальные уступки приходится рабочему государству итти по отношению к крестьянству*. Это вопрос совершенно другой, и в данной статье он не рассматривался. Полезно вспомнить вышеприведенные слова тов. Ленина еще вот почему. Только при вульгарном понимании ленинского отношения к крестьянству в период нэпа можно считать, что ленинизм в этой области означает максимальные уступки крестьянству и *только*. Ленин выдвигал и защищал уступки деревне, как коммунист, т.-е. выдвигал их во имя укрепления железо-бетонного фундамента пролетарской диктатуры; эти уступки имели прежде всего в виду достижение этой основной цели, а никогда не являлись в его глазах самоцелью. Тов. Бухарин все это знает и знает гораздо больше того, что написано в сочинениях Владимира Ильича. Но его нападки на меня в этом пункте носят такой характер, как если бы он не считал нужным отмежевываться от вульгарного понимания ленинизма. Ведь простое повторение слов «рабоче-крестьянский блок» без анализа того, каково реальное взаимоотношение систем хозяйства, представляемых этими классами, лишь укрепляет вульгарное, обывательское, мелкобуржуазное понимание ленинизма в крестьянском вопросе, понимание, к которому стихийно тяготеют те группы советского общества, которые отражают на себе давление стомиллионной крестьянской массы страны.

О „ПОЖИРАНИИ“ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО ХОЗЯЙСТВА

В этом вопросе, как и в вопросе о колониях, как и во многих других местах своей статьи, т. Бухарин сначала строит ветряную мельницу, потом принимается за ее обстрел с видом глубокого внутреннего убеждения в своей правоте.

В одном месте статьи я писал о том, что социалистическая форма хозяйства не может существовать в окружении частного товарного производства на основе мирного сожительства. Я говорил о том, что самое существование этих двух систем, хотя и включенных в систему единого хозяйства страны, неизбежно приводит к тому, что либо социалистическое производство будет подчинять себе мелкобуржуазное хозяйство в одной части, приспособлять в другой и поглощать в третьей, либо само будет рассосано стихией товарного хозяйства. Слово «пожирание» является в данном контексте синонимом победы одной системы над другой. Это слово «пожирание» дает возможность т. Бухарину утверждать, что я расхожусь с ленинизмом в понимании дальнейшей эволюции крестьянского хозяйства.

Во-первых, я считаю, что мое утверждение есть настолько азбучная истина, много раз высказывавшаяся самим Лениным, что защищать ее просто нелепо. Возражать против этой мысли можно лишь в том случае, если исходить из положения, что борьба двух систем у нас кончилась установлением такого равновесия между ними, что между социализмом и товарным хозяйством произошло мирное разграничение «сфер влияния» на экономическом поле, и обе системы развиваются, не врываясь в территорию другой. Насколько нелеп такой взгляд, станет ясно при первой попытке продумать взаимоотношение хозяйства СССР с мировым капитализмом. Наш внутренний капитализм, наше простое товарное производство, питающее этот капитализм, наш торговый капитал отрезаны нашей монопольной внешней торговлей, нашим таможенным барьером от мировой капиталистической экономики, т.-е. от главных сил нашего врага. Наш внутренний капитализм с его базой простого товарного производства, как отдельный отряд мировой капиталистической экономики, отрезан нами, окружен и подвергается соответствующему натиску со стороны государственного хозяйства в этой искусственной среде, на страже ко-

торой стоит все государство и его вооруженная сила. Но представьте себе на минуту, что эта плотина прорвана мировым капиталом. Что бы получилось? Получилось бы пожирание капиталистической системой нашего государственного хозяйства, пожирание, при котором внутренние силы нашего капитализма и всего товарного производства играли бы весьма активную роль в похоронах первого опыта социалистической промышленности. Эта возможность тем сильнее стучится к нам в двери, чем больше напор на нас капиталистических стран на экономическом фронте, чем более реальное место начинаем занимать мы в расчетах капиталистических стран в качестве рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения экспортируемого капитала.

Но, с другой стороны, чем успешнее развертывается наше государственное хозяйство, чем сильнее подтягивает к себе все частное хозяйство страны, тем успешнее проходит процесс подчинения досоциалистических форм хозяйства социалистическим, приспособление их к последним, наконец, поглощение их последними.

Разумеется, для России весь этот процесс будет невероятно длинным, невероятно медленным; он будет проходить разным темпом в отдельные периоды, с перерывами, с остановками, с новым движением вперед. Но как бы медленен ни был этот процесс, особенно до прихода к нам на помощь пролетарской революции на Западе, однако этот процесс идет и должен итти, если нашему государственному хозяйству вообще суждено существовать. Равновесие наступит лишь тогда, когда частное хозяйство будет приближаться к уровню воды социалистического хозяйства, т.-е. когда оно будет ликвидироваться именно как частное хозяйство.

Но т. Бухарин уцепился за слово «пожирание» не для спора по существу, — потому что какой тут вообще может быть спор? — а чтобы приписать мне конкретный план этого пожирания, а именно — развитие «собственного» *земледелия* пролетариата, т.-е. развитие советских хозяйств, которые должны «пожирать» крестьянское хозяйство в условиях общего нажима пролетариата на деревню. При этом пролетариат действует «по аналогии с рыцарями первоначального накопления». Сочинив за меня такую схему, которая не имеет ника-

кого отношения к тому, что я фактически говорил, т. Бухарин решительно заявляет, что «все это в корне неверно».

В корне неверно прежде всего то, что т. Бухарин мне приписывает здесь. В моей статье я ни единым словом нигде не говорил о пролетарском земледелии в нашей стране. Я не упоминал ни разу о нем, когда касался вопроса о путях социализации крестьянского хозяйства. О «собственном земледелии» пролетариата говорится у меня лишь в отношении передовых промышленных стран, когда в них победит пролетариат и теперешнее крупное капиталистическое земледелие превратится в земледелие социалистическое. Т. Бухарин ничего не может найти у меня на этот счет, между тем это был необходимый реквизит для той схемы, которую он приписал мне и которую подверг своему обстрелу. Здесь он не остановился перед операцией, давно известной в приемах полемики известного сорта и состоящей в «подстановке». Мне, разумеется, по-дружески очень жаль т. Бухарина, потому что без самой крайней нужды он не стал бы прибегать к этому приему. Я думаю, в другое время для него было бы интереснее спор по существу, если бы он не был связан определенными политическими заданиями, вступая со мною в полемику. О пролетарском земледелии у нас я не говорил, потому что на обозримом промежутке времени он вряд ли будет играть большую роль. Только в случае пролетарской революции в Европе можно ожидать большого интереса западного пролетариата к нашим свободным землям, что может изменить сильно всю картину. Вообще же я говорил, и вообще теперь стоит лишь говорить об основной форме социализации земледелия, т.-е. о производственной земледельческой кооперации крестьянства.

Как же обстоит здесь дело?

В своей статье об этом я пишу следующее: «Мелкое производство разбивается на три части. Одна часть остается мелким производством; другая — кооперируется капиталистическим путем; третья — в обход этого последнего процесса — об'единяется на основах какой-то новой кооперации, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и не через простое поглощение мелкого производства государственым хозяйством.

Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одной из форм которой являются, повидимому, крестьянские

коммуны и артели, еще должна только развиться. Мы не можем поэтому давать теоретический анализ того, что не существует, а только должно возникнуть» (100 и 101 стр.).

Т. Бухарин тоже цитирует это место. Насколько верно он меня понял или, вернее, насколько правильно он излагает мои взгляды, видно из того, какой вывод он сделал из приведенных выше слов. Тов. Бухарин пишет: «Т. Преображенский думает, что законы эволюции сельского хозяйства при власти пролетариата остались теми же, что и при капитализме». Иными словами, т. Бухарин утверждает, что в своей статье я вижу главный путь к социализации крестьянского хозяйства в пожирании этого хозяйства государственным хозяйством. Все это совершенно неверно и совершенно противоречит тому, о чем я писал в статье. Нигде я не говорил о том, какой путь является главным и в какие сроки будут развиваться все процессы, связанные с социализацией крестьянского хозяйства. Сущность же моего взгляда в этом вопросе заключается в следующем: сейчас *никто не знает и знать не может*, как конкретно будет проходить трансформация крестьянского хозяйства в такой тип производственно-земледельческой кооперации, который будет переходным этапом к социализации земледелия. Это нежелание описывать в научной работе то, чего в жизни еще нет, понятно каждому, кто, во-первых, учился у Ленина (вспомните, как защищал Ленин на VIII с'езде партии нашу программу), а, во-вторых—понимает, чем наука отличается от беллетристики. В моей работе «От нэпа к социализму» я довольно подробно разобрал этот вопрос, но разобрал в форме гипотезы, потому что исполнить здесь желание т. Бухарина можно только в форме гипотезы и утопии. В названной книжке есть насчет эволюции крестьянского земледелия не только то, чем тов. Бухарин козыряет сегодня против меня с опозданием на два года, но кое-что и сверх этого.

Однако т. Бухарину все это кажется неубедительным. Как же это так? Преображенский находит возможным давать анализ закона накопления на 8-м году после пролетарской революции у нас и до революции на Западе, а вот о кооперировании крестьянского хозяйства отказывается говорить совсем. «Он не полемизирует с Лениным, который выставил ведь определенный громадный план, являющийся в то же время теоретическим предвидением: он просто «заявляет», что нельзя да-

вать теоретического анализа того, что еще не существует, а только должно возникнуть. По-нашему это—увертка». Во-первых, 7 лет, вообще говоря, небольшой срок, но все же достаточный для того, чтобы приступить к теоретическому анализу того, что происходило за все это время и что теперь происходит на наших глазах. Напомню т. Бухарину, что он также *до* революции на Западе и не через 7 лет, а *через 2 года* после революции предпринял описание «общей теории трансформационного процесса» («Экономика переходного периода»). Во-вторых, если бы я не был согласен с Лениным насчет роли кооперации, я бы прямо об этом написал. Сочинение Ленина не Талмуд, и ленинцы не должны быть талмудистами. В-третьих, в статье Ленина «О кооперации» нет того, чего т. Бухарин требует от меня, т.-е. нет ничего насчет формы и путей *производственного* кооперирования деревни, а есть лишь принципиальное положение о роли кооперации в крестьянской стране. У Ленина и не могло быть ничего об этом, потому что он не любил утопий и сам никогда не занимался сочинением их. В-четвертых, я не только совершенно согласен со статьей Ленина «О кооперации», но во всех своих выступлениях во время дискуссии 1923 года подчеркивал программное значение этой статьи, указывая на то, что значение этой статьи недостаточно понято партией и почти во все предлагавшиеся мною резолюции включал соответствующий пункт, где упоминалось об этой статье. То, что т. Бухарин вынужден был здесь сочинить новую постановку насчет моего мнимого несогласия с Лениным в этом пункте, является лишь доказательством того, как трудно ему было выполнить свою политическую и полемическую задачу, не искажая смысла моих слов.

Теперь я перехожу к существу всего этого вопроса. Мы увидим сейчас, что моя концепция о накоплении не только не противоречит последней статье Ленина «О кооперации», но, наоборот, находится с ней в непосредственной внутренней связи. На самом деле, что говорит в этой статье Ленин? «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рул., которые стоило рождение «свободного капитализма». Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй коопера-

чивный» (Ленин. «О кооперации»). В той же статье Ленин говорит о том, что мы должны материально поддерживать кооперацию. Т. Бухарин также цитирует приведенное место для доказательства моего расхождения с Лениным, но он благоразумно выпустил в цитате ту фразу, где говорится о том, что стоило рождение свободного капитализма. А между тем, выраженная в этой фразе мысль прямым путем ведет к проблеме накопления. На самом деле, если кооперирование деревни может пойти быстро вперед лишь «при финансовой поддержке определенного класса», — в данном случае при поддержке правящего класса,—то первый вопрос, который здесь возникает, заключается в том, откуда взять средства? В Союзе 22 млн. крестьянских хозяйств. Кредит по 100 рублей на одно хозяйство это уже почти 2 миллиарда, кредит по 50 р.— миллиард. Чтобы кредит для крестьянского хозяйства дал серьезный эффект, нужны миллиарды; чтобы он был хоть сколько-нибудь заметен, нужны сотни и сотни миллионов. Где их возьмет пролетарское государство? Где оно возьмет их, если восстановление основного капитала промышленности и увеличение оборотного только до довоенных размеров потребует в ближайшие годы минимум миллиард? А ведь эти последние средства нужны в первую очередь... Я не говорю, что кредитование деревни и помощь в деле кооперирования крестьянского хозяйства—все это есть дело безнадежное. Наоборот, я считаю, что особенно долгосрочный кредит сыграет у нас огромную роль в деле кооперирования деревни и в то же время будет представлять из себя важнейший элемент увязки промышленности с земледелием. Но план развития долгосрочного кредита не безнадежен лишь постольку, поскольку не безнадежны успехи первоначального социалистического накопления. В сущности, до того, как закончится период первоначального социалистического накопления, долгосрочный, да и всякий кредит деревне хоть и будет расти, но не может быть особенно широким. Лишь тогда, когда закончится период первоначального накопления и промышленность будет стоять на новой технической базе, — только тогда поток ценностей из города в деревню по каналам долгосрочного кредита потечет широкой рекой. Как фактически сейчас обстоит дело в этой области, показывает следующий пример. В последнее полугодие промышленность вложила в кооперацию в процессе торговли

в кредит только 100 млн. р. Но даже и эта сумма оказалась ей теперь не по силам, пришлось бить отбой и увеличивать размеры отпуска за наличные частному капиталу. Этот факт достаточно громко кричит о том, как бедно наше государственное хозяйство и какие огромные усилия ему предстоит сделать в деле накопления.

Таким образом, та помощь кооперации, о которой говорил Ленин и те другие формы финансирования городом деревни, о которых он не говорил, возможны лишь на основе огромных успехов накопления в промышленности. До этих успехов наша помощь будет мала, часто будет скорее раздражать крестьянство своей мизерностью при неизбежно больших тратах на аппарат, чем вызывать чувство признательности к кредитующему классу. И я думаю, что все эти мысли нетрудно будет разъяснить самой широкой массе крестьянства, которой отнюдь не чужды элементарные хозяйственные понятия о нашей экономике в целом[1]).

Это во-первых. А, во-вторых, в цитированном месте моей статьи я говорил о производительной земледельческой кооперации, а Ленин в своей статье говорит о кооперации вообще и потребительской в частности. Он нигде не говорит, что большая часть крестьянства в области своего производства кооперируется только через обмен, т.-е., главным образом, через потребительскую кооперацию. К кооперированию на производственной основе у нас можно подойти и со стороны обмена, в том числе со стороны долгосрочного кредита и со стороны электрификации, и через развитие тракторной обработки земли. Как будет выглядеть эта неизвестная нам пока производительная земледельческая кооперация, каким преимущественно путем мы к ней подойдем, или комбинацией каких путей мы ее осуществим,—этого никто сейчас не знает, и насчет этого Ленин в своей статье ни слова не говорит. Но о финансовой поддержке кооперации со стороны господствующего класса он говорит, а тем самым вплотную приводит нас к вопросу о накоплении в государственном хозяйстве. Если т. Бу-

---

[1]) Именно поэтому нам не надо разбрасываться при кредитовании деревни и сосредоточить наши скромные средства на кредитовании крестьянина, как производителя, а не как потребителя. В первую очередь, значит,—максимальный кредит на плуг, трактор и проч. орудия производства с льготами для коллективов.

харин убежден, что кооперирование деревни пойдет исключительно или главным образом через обмен, что, вообще говоря, не исключено и даже довольно вероятно, то, во-первых, он должен это еще доказать и именно он должен доказать, раз он утверждает, что в моей статье в этом пункте имеется брешь. Пусть он покажет, как именно кооперирование из сферы обмена будет захватывать производство. Если он напишет на эту тему больше того, что я написал по этому вопросу в книжке «От нэпа к социализму» и в статьях о долгосрочном кредите, если напишет больше того, что другие написали на эту тему, поблагодарим его за это. Но пусть напишет, а не прячется за статью Ленина, который этот вопрос в такой конкретной постановке вовсе не ставит.

Но если в данной статье Ленин ничего не говорит о том, как он представляет себе трансформацию крестьянского хозяйства; если в данной статье он ничего не говорит о роли крупной промышленности в деле этой трансформации, то в других местах своих речей и статей он не один раз останавливался на этом вопросе. Приведем немногие из этих мест, чтобы не удлинять нашего изложения. В своей речи на VIII Всероссийском С'езде Советов Ленин говорил: «Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и, чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество» (том XVII, стр. 428). В докладе о продналоге, сделанном на Всероссийской партконференции 26 мая 1921 года, Ленин говорил: «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна, это — крупная промышленность... мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи». В речи на заседании III Конгресса Коминтерна от 5 июля 1921 года Ленин, между прочим, говорил: «Мы говорим: крупная промышленность — единственное средство спасти кре-

стьянство от нужды и голода. С этим все согласны, но как сделать это? Восстановление промышленности на старой основе требует слишком много труда и времени. Мы должны придать промышленности более современные формы, именно перейти к электрификации. Она требует значительно меньшего времени».

Я думаю, что тов. Бухарин не будет обвинять Ленина в недооценке роли крестьянства и в переоценке роли государственной промышленности. Он, я думаю, не решится обвинять его также в том, что в первой из приведенных цитат он выдвигал перспективу «пожирания» крестьянского хозяйства, когда говорил об электрификации не только промышленной, но и земледельческой. Но тов. Бухарин должен подумать об одной вещи, мысль о чем напрашивается сама собой. Как он предполагает сбалансировать свои возражения против меня с цитированными словами Ленина? Здесь мы подходим к центральному пункту нашего спора. Основной вопрос здесь стоит так: либо тов. Бухарин должен доказать, что статья Ленина «О кооперации» противоречит приведенным выше цитатам из Ленина и тогда он, в случае удачи этого предприятия, имел бы основание говорить не о моем расхождении с ленинизмом, а о своем расхождении со всем тем, что Ленин писал и говорил до этой статьи «О кооперации»; либо он должен доказать, что эта последняя статья Ленина не противоречит, а лишь развивает в определенной области те взгляды, которые Ленин развивал о перспективах нашего экономического развития раньше, развивал вообще, не только в связи с вопросом о кооперировании крестьянства, а в связи с общей перспективой нашего социалистического движения вперед. В последнем случае, однако, тов. Бухарину пришлось бы взять обратно всю свою аргументацию, которую он построил против моей статьи. Он должен здесь сбалансировать в своем понимании ленинизма, но он не должен тут балансировать. Вопрос здесь стоит прямо: или — или.

Я лично убежден, что статья Ленина о кооперации не противоречит всем тем взглядам, которые Ленин развивал на будущее социализма в нашей стране. Кооперирование крестьянства, какие бы формы оно ни приняло, есть лишь часть общего вопроса о нашем социалистическом движении вперед. Без быстрого развития государственного хозяйства не может быть и достаточно быстрого кооперирования крестьянства, если толь-

ко это кооперирование не будет кооперированием против нас. А сколько-нибудь быстрое развитие государственной промышленности невозможно без достаточно быстрого накопления в нашей государственной промышленности. Изучать условия этого накопления, успехи, которые оно делает, препятствия, которые оно встречает, значит изучать один из самых основных вопросов социалистического развития нашей страны. Возражения тов. Бухарина против меня имели бы смысл только в одном единственном случае: если бы он вздумал подвергнуть ревизии как все взгляды нашей партии на перспективы нашего экономического развития, так и то понимание диктатуры пролетариата и ту основную линию в наших взаимоотношениях с крестьянством, которой мы держимся, начиная с того момента, когда мы взяли курс на социалистическую революцию и социалистическое переустройство общества, освобожденного от власти капитала. Но эта ревизия была бы ревизией ленинизма не в полемическом, а в подлинном смысле этого слова, при чем аргументы тов. Бухарина били бы тогда гораздо дальше той скромной мишени, которой является в данном случае моя статья.

Как мы отчасти видели выше и как мы увидим сейчас, тов. Бухарин также переусердствовал в полемике и также мало сбалансировал по-ленински свои аргументы и в другом вопросе огромной важности, в вопросе о рабоче-крестьянском блоке в условиях диктатуры пролетариата.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК

На тему о рабоче-крестьянском блоке т. Бухарин наговорил очень много на протяжении всей статьи. Но все сказанное им абсолютно бьет мимо цели, потому что эти общие формулировки, поскольку он в них точно излагает Ленина, являются истинной совершенно бесспорной и никем в нашей партии неоспариваемой. А поскольку он при этом неточно и неверно излагает мою статью, они ко мне не относятся и в напоминании о них я не нуждаюсь. Все его усилия доказать, что мое теоретическое построение противоречит ленинской позиции о рабоче-крестьянском блоке, оказались совершенно бесплодными. Он не может процитировать из статьи *ни одной строчки* в доказательство своих утверждений и не может потому, что

эта проблема пока не затронута у меня и должна быть рассмотрена после анализа экономики промышленности и земледелия. Я уже говорил о том, что мне еще предстоит выяснить, по возможности в чистом виде, тенденции развития нашего товарного хозяйства, и тем самым выяснить экономическую основу той силы (мелких производителей), по отношению к которой необходимо осуществлять блок. Самый сильный аргумент т. Бухарина против меня состоит в том, что я выясняю проблему первоначального социалистического накопления путем сравнения этого процесса с фактами из эпохи первоначального капиталистического накопления. Эту аналогию т. Бухарин считает «чудовищной», потому что между рыцарями первоначального накопления и их жертвами не может быть блока.

Во-первых, если я развиваю свои взгляды путем сравнения двух систем хозяйства и двух эпох, это относится прежде всего к методу *изложения*, а не к существу всего построения. Метод изложения может быть и другим, без сравнений по сходству и различию, от этого ничего не меняется в концепции, она может по-моему пострадать с точки зрения более рельефного освещения отдельных ее сторон.

Во-вторых, с каких это пор научное сравнение, скажем, человека с собакой является унизительным для homo sapiens'а? Я не понимаю, почему мы, например, не можем научно сравнивать пролетарское государство с буржуазным, не можем сравнивать нашу юстицию с капиталистической и т. д.? Разве пролетарское государство делается от этого сравнения менее пролетарским, разве мы не видим лучше и отчетливее особенности пролетарского государства, когда сравниваем его с буржуазным? Все это так ясно, что скучно это повторять вместо того, чтобы заняться исследованием новых проблем. Но в этом пункте тов. Бухарину совсем не повезло и с другой стороны. По иронии судьбы, как раз в статье Ленина о кооперации и как раз в той же фразе, которую т. Бухарин благоразумно выпустил в своей цитате, Ленин, нисколько не смущаясь нарушить рабоче-крестьянский блок, говорит о том, чего стоило рождение «свободного капитализма», т.-е. сравнивает строителей социализма.—о ужас!—с рыцарями первоначального накопления. Но если «право на сравнение» нужно подтверждать логическими доказательствами и в частности цитатами из Ленина, то это доказывает только, в какой теоретический тупик

мы можем попасть, если и дальше каждый шаг в деле научного изучения нашего хозяйства надо будет делать, перешагивая через такие баррикады, как разбираемая статья тов. Бухарина.

В своем сравнении я оставался в пределах анализа систем хозяйства лишь с точки зрения обмена веществ между этими системами. Я не касался междуклассовых отношений в нашей экономике именно потому, что политика есть концентрированная экономика и надо дать сначала анализ экономики со всеми ее тенденциями, взятыми в *чистом виде*. Я не знаю, может быть т. Бухарин, взявшись за аналогичное исследование, избрал бы другой путь, т.-е. он начал бы с политики, перешел бы затем к экономике и снова бы вернулся к политике. Мне же этот путь казался более длинным, неизбежно требующим повторений, и неудобным еще потому, что причины часто перепутывались бы со следствием. Ведь закон первоначального социалистического накопления есть закон, коренящийся в экономике государственного хозяйства. Чтобы добраться до политики, до концентрата от целого, как я уже сказал выше, надо проанализировать в наших условиях законы товарного хозяйства, имеющие своей базой прежде всего частное хозяйство, а также влияние на нас мирового капитализма. Когда т. Бухарин упрекает меня в эклектизме и в том, что я мало говорю о политике, то это доказывает лишь, что в интересах именно политики и политической полемики он не постарался понять ни моего метода исследования, ни моего метода изложения.

Но так как т. Бухарин тянет меня за язык и сам соблазнился методом аналогий, то я должен здесь сказать несколько слов о взаимоотношениях пролетариата с крестьянством с историко-социологической точки зрения. Начнем прежде всего с аналогии т. Бухарина. Процитирую его собственные слова: «Сейчас у рабочего класса власть и промышленность; у крестьянства, фактически, земля и сельское хозяйство; крестьянин—продавец сельскохозяйственных продуктов и покупатель продуктов промышленности; рабочий—в общем наоборот. Непосредственно интересы сталкиваются именно по этой линии. Крестьянин к тому же—остаток старинного времени, хотя и громадный по своему удельному весу «остаток».

Это похоже вовсе не на отношение между рыцарями накопления и крестьянами. Это похоже на отношение между про-

мышленной буржуазией и землевладельцами в определенный период развития их отношений, хотя, конечно, даже здесь аналогия крайне условна и идет далеко не по всем направлениям.

У буржуазии—власть и фабрики. У землевладельцев—земля. Противоречие интересов идет по линии цен. *Отсюда*—их борьба, иногда при определенных условиях довольно острая. *Но в то же время* (мы говорим о периоде власти *буржуазии*) это есть *блок,* союз капиталиста и помещика против рабочего класса. Буржуазия руководит этим блоком, буржуазия *опирается* на землевладельцев и поддерживается ими.

Какова же была за последнее время *эволюция* этих классов? Она заключается в том, что через процессы обращения, через банки, через формы акционерных компаний и т. д. и те и другие (т.-е. и промышленные капиталисты и землевладельцы) в значительной мере стали превращаться в нечто единое, в получателей дивиденда. Дивиденд стал, так сказать, синтезом прежде разнокалиберных видов дохода, такова по крайней мере была (и есть) основная тенденция развития в разбираемой сфере отношений.

Нечто формально сходное будет происходить,—если брать широкие исторические масштабы,—и с рабоче-крестьянским блоком. По мере того, как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе.

Разумеется, это—музыка будущего. Разумеется, на очереди дня сейчас иные проблемы, но нам нужно видеть перспективу, чтобы знать, куда мы хотим «гнуть» свою линию. «И та перспектива, из которой исходит т. Преображенский, в корне неправильна.»

Я не имею ничего против того, чтобы прощупать вопрос в плоскости той аналогии, которую проводит здесь т. Бухарин. Я только категорически возражаю опять против того, чтобы эту аналогию противопоставлять моей. Я говорил о том, что социалистическая система должна питаться не только из своих собственных источников, но из источников досоциалистических форм так же, как ранний капитализм в своем развитии питался из ресурсов докапиталистических способов производства. Т. Бухарин в этом основном пункте, как мы видели, согласился со мной, оспаривая лишь терминологию. Между

тем моя аналогия не идет дальше анализа обмена веществ между системами и баланса обмена. Но т. Бухарин ставит новый вопрос и проводит аналогию совсем в другой плоскости.

В чем слабость аналогии т. Бухарина?

В том, что, взяв «широкие исторические масштабы», он перепрыгнул через особенность *теперешнего периода* и сделал он это не случайно, а именно потому, что из его аналогии, в противоположность моей, ничего не вытанцовывается, если сравнить не *произвольно взятые периоды* из сферы сравниваемых отношений, а взять *аналогичные исторические периоды* в развитии сравниваемых классов. Мы находимся в стадии первых лет социализма. Необходимо для этих первых лет, первых десятилетий брать соответствующий период истории капитализма, т.-е., примерно, период до буржуазных революций или в крайнем случае эпоху этих революций. А этот период существеннейшим образом отличается от той эпохи, когда крепостной помещик превратился в капиталиста-землевладельца, когда произошло сращивание с банками не только капиталистической промышленности, но и капиталистического земледелия. Этой эпохе предшествовала сильнейшая классовая борьба городской буржуазии с крупным землевладением, борьба, в ходе которой крупное землевладение шло в блоке с духовенством против третьего сословия. В эту эпоху буржуазия «не опирается на землевладельцев», а часто выпирается землевладельцами от власти путем ряда контрреволюций, либо принуждается к серьезнейшим компромиссам, компромиссам, задерживающим буржуазное развитие, отбрасывающим его на прусский путь вместо американского (употребляя терминологию Ленина). Это во-первых. А во-вторых, блок этих классов осуществляется в конце-концов на базе именно крупного капиталистического способа производства, которое превращает крепостное поместье в капиталистическую земельную фабрику, обрастающую сахарными, винокуренными, швоваренными и др. заводами. А ведь государственное хозяйство пролетариата и современное крестьянское хозяйство представляют исторически *два различных типа хозяйства*, для унификации которых необходим огромный исторический период борьбы этих форм и приспособление низших форм к высшим.

Т. Бухарин, чтобы натянуть свое «крайне условное» сравнение, вынужден перепрыгивать через этот период, тогда как

вся задача именно и заключается в том, чтобы показать, как мы пройдем этот период, в первую очередь, как пройдем хотя бы первые два десятилетия существования советской власти, когда классовая борьба вообще не прекратится, а лишь изменит свою форму. Когда т. Бухарин говорит, что эти построения, это—лишь музыка будущего, и что «на очереди дня стоят сейчас иные проблемы», то он тем самым совершенно обесценивает все свое построение именно для нынешнего времени. Он сам тем самым признает, что ничего не говорит нам *о задачах сегодняшнего дня и о реальных отношениях сегодняшнего дня*.

В чем сущность рабоче-крестьянского блока? В том, что пролетариат, как господствующий класс и, следовательно, как класс, отвечающий за все советское общество в целом, руководя крестьянством в своей борьбе за существование советской системы, выполняет при этом свою великую историческую миссию развития и укрепления нового типа хозяйства, борется со всеми колебаниями, разочарованиями, возмущениями и отходами от него своего союзника.

Против кого создан этот союз? Против внутренних сил — помещиков и капиталистов, а после их разгрома прежде всего против мирового капитала. Крестьянство здесь неизбежно колеблется, потому что прорыв нашей системы, прорыв монополии внешней торговли и таможенного барьера обещают крестьянству более дешевый иностранный товар и отчасти увеличение цен на продукты сельского хозяйства, т.-е. обещают улучшение с точки зрения сегодняшнего дня. Но в то же время этот прорыв означает победу мирового капитала над нашей советской системой, а тем самым уплату этому капиталу по одним подсчетам 18, по другим — 16 миллиардов рублей золотом довоенных, военных долгов и всяких претензий. Это—сумма, которая была бы достаточна для полного восстановления нашей промышленности и нашего земледелия далеко за довоенный уровень. Такой оборот дела много хуже тех временных выгод, которые получило бы крестьянство, променяв блок с пролетариатом против мирового капитала на блок с капиталом против пролетариата, не говоря уже о том, что такой исход означал бы превращение нашей страны в колонию. Если бы дело дошло до войны с капиталистическими странами, то для успеха в этой войне соответствующее настроение крестьянства имеет, разумеется, первостепенное значение. Но не меньшее

значение имеют и успехи промышленности, без развития которой, без успеха в которой невозможны успехи и на военном фронте.

Рабоче-крестьянский блок нельзя рассматривать только под углом зрения компромисса с деревней. Этот компромисс нам нужен не сам по себе, а затем, чтобы крестьянство при одном из своих колебаний в сторону капитала не прервало той постройки всемирно-исторического значения, которую возводит пролетариат в виде государственного хозяйства, со всеми его возможностями и в том числе с возможностями для самого крестьянства. С этой точки зрения нижеприведенное место из нашей программы—и все то, что говорил Ленин о блоке рабочих и крестьян—нисколько не противоречит излагаемой мною в статье точке зрения, потому что это изложение есть анализ условий существования и развития той системы, во имя которой мы идем и пойдем в будущем на необходимые компромиссы, поскольку они будут нужны для сохранения пролетарской диктатуры и для предупреждения срыва развивающегося государственного хозяйства. Вот что мы читаем по этому пункту в нашей программе. «По отношению к среднему крестьянству политика ВКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отдалять его от кулаков, привлекая его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований».

Все это твердо усвоено нашей партией; все это не требовало и не требует никаких ревизий, и все это, насколько я знаю, и не вызывало до сих пор никаких ревизий. В нашей партии нет такого сумасшедшего, который не понимал бы, что если все здание пролетарской диктатуры заколеблется до самых своих основ, вследствие разрыва пролетариата с крестьянством, то пролетариат не выполнит своей исторической задачи и в деле развития государственного хозяйства.

Но, с другой стороны, было бы вульгаризацией ленинизма, если бы при изложении ленинского понимания проблемы рабоче-крестьянского блока мы избегали освещения другой сто-

роны вопроса: *цели* наших уступок, предела их, хотя бы в общем алгебраическом выражении. Не зря же Ленин не раз говорил на эту тему. Достаточно привести следующие его слова из доклада на всероссийской партконференции 26 мая 1921 г.:

«На формуле соглашения рабочего класса и крестьянства очень часто останавливаются и очень часто пускают ее в ход против нас враги советской власти, потому что сама по себе эта формула совершенно неопределенна. Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать что угодно. Если не иметь в виду, что соглашение с точки зрения рабочего класса лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и приводят» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 257. См. там же еще стр. 271).

Но ведь диктатура пролетариата может подвергаться опасности не только постольку, поскольку нам не удается «ужиться» с крестьянством, вследствие ошибок в политике по отношению к деревне, но также и вследствие того, что наш экономический базис будет развиваться медленнее, чем растут капиталистические побеги нашей экономики на основе товарного хозяйства. И в этом случае, *именно вследствие медленного развития промышленности* трудно будет «ужиться». А отсюда в интересах того же блока и проверки его крепости надо изучать все, что происходит в нашем государственном хозяйстве. Нам надо внимательнейшим образом изучить основные предпосылки развития нашего хозяйства. Только обеспечив это их изучение, мы в состоянии будем знать, как в каждый данный момент обстоит дело с нашей базой, как выглядит производственная база той стороны, которая руководит блоком, каковы ее ресурсы на предмет уступок по отношению к союзнику и каковы естественные пределы этих уступок.

Своеобразие положения крестьянства при диктатуре пролетариата заключается в том, что этот класс не является господствующим классом в обычном смысле этого слова, но не является и угнетенным классом, хотя и представляет низшую

форму производства, которая должна быть побеждена и трансформирована под действием исторически более высокой формы. Наоборот, мы видим в нашей системе следующее интересное явление. Часть правящего класса, т.-е. часть рабочих, теснейшим образом связана с крестьянством на экономической почве, и, таким образом, в недрах самого правящего класса крестьянство имеет свое естественное представительство. Рост государственной промышленности, новые потоки рабочих сил из деревни, которые будут в нее приливать, будут обеспечивать систему этого представительства на долгие и долгие годы в будущем, представительства, которое, быт может, не менее важно, чем те права, которые предоставлены крестьянству по нашей советской конституции. Пролетариат и крестьянство в нашем советском обществе—это сообщающиеся сосуды. При волнении в крестьянском море происходит всегда движение воды и внутри пролетариата. Анализ пролетарской диктатуры в крестьянской стране именно под этим углом зрения был бы куда более плодотворным, чем условное сравнение крестьянства с классовыми помещиками, а рабочих—с капиталистами, сравнение, при котором нарушены все исторические перспективы.

Наконец, еще более важен здесь анализ с такой точки зрения. Наше теперешнее крестьянское хозяйство по своему типу очень мало отличается от довоенного крестьянского хозяйства, внутренние изменения в нем, к сожалению, пока еще очень невелики. Между тем, наша экономика и направление ее развития, а также и взаимоотношения крестьянства по отношению к господствующему классу в корне изменились по сравнению с дореволюционным периодом. Следовательно, трансформирующим центром является город, является государственное хозяйство, а поэтому новый тип связи классов, новые основы советского общества, как небывалой еще в истории общественной формации, мы должны изучать с трансформирующего центра, что я и делаю в своей работе.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Здесь, как это ни скучно, приходится сначала освободиться от «подстановок» тов. Бухарина при толковании моего текста. В своей статье я пишу: «... Мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не требуя ресурсов

мелкобуржуазного и в том числе крестьянского хозяйства, является, несомненно, реакционной, мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше *из еще большего дохода,* который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны».

Выше мы видели, что т. Бухарин согласился с тем, что государственное хозяйство не может не использовать добавочных ресурсов из мелкого производства. Мы брали эти ресурсы до сих пор, берем и неизбежно будем брать. Каково же наше удивление, когда эту совершенно бесспорную мысль тов. Бухарин рассматривает, как стрелу, пущенную в «мелкобуржуазную политику нашей партии». Удивительно, как т. Бухарин не заметил этого противоречия в своей собственной статье. Вообще здесь я лишь описываю то, что у нас до сих пор имело место. Если т. Бухарин рассмотрит наши государственные бюджеты последних лет и в этих бюджетах обратит внимание на графу о сметных ассигнованиях на промышленность, то он увидит, что наша реальная политика была именно той, какой я ее описываю и каковой должна быть и на будущее время политика в период первоначального социалистического накопления. Эта политика осуществлялась, несмотря на давление мелкобуржуазной массы страны. И дальше, как с этим согласился тов. Бухарин, мы вынуждены будем брать ресурсы с частного хозяйства на восстановление и развертывание промышленности, на ее техническое переоборудование. Если же я говорю о мелкобуржуазных утопиях, то, во-первых, потому, что *крестьянских стран без мелкобуржуазных утопий не бывает,* а во-вторых, потому, что мы можем встретиться в будущем с попыткой ревизии экономической политики в этом пункте. Это надо предвидеть и с этим надо бороться. Лучшим же способом борьбы с попытками ревизии нашей экономической политики в этом направлении является изучение условий существования и предпосылок развития государственного хозяйства.

Мою точку зрения в области политики цен т. Бухарин формулировал двумя словами: «бери дороже». Выражаясь мягко, это вопиющая неверность. В моей работе ни разу нигде не говорится об удорожании цен. Я специально оговариваюсь,

что политика накопления у нас не только возможна, но и фактически будет происходить при снижающихся или стабильных ценах. Утверждение тов. Бухарина есть искажение и текста и смысла моих слов. Моя настоящая точка зрения в этом вопросе сводится к следующему. Правильная политика цен на продукцию государственной промышленности должна преследовать следующие три цели: накопление для расширенного воспроизводства и для технического переоборудования промышленности, повышение заработной платы, понижение цен. Достижимы ли эти цели одновременно, нет ли здесь противоречий? Достижимы. Противоречие было бы лишь в том случае, если бы все хозяйство находилось в стабильном состоянии, если бы в стабильном состоянии находились и размеры доходов как в государственном, так и в крестьянском хозяйстве. Тогда накопление можно было бы осуществить лишь за счет снижения заработной платы или повышения цен; понижение цен было бы возможно лишь за счет накопления и понижения зарплаты и т. д. Но при росте производительности труда эта треугольная проблема разрешима одновременно. Тов. Бухарин поучает меня тому же самому, т.-е. тому, что я знал и высказывал до него. С обычной в данной статье точностью он говорит, что я занимаюсь дележом лишь стабильного дохода. Мне это наставление не нужно. Но оно полезно тов. Бухарину, потому что, если он понял этот пункт, он может усвоить и дальнейшее в моем изложении.

Итак, при росте производительности труда треугольная проблема разрешима. Это и есть, в сущности, формула блока рабочих и крестьян в важнейшем пункте экономического поля. Приведу числовой пример. Если, допустим, в данном году наша промышленность, благодаря большей загрузке предприятия, улучшению техники, более производительному труду рабочих, лучшей организации всего процесса и большей плановости во всем государственном хозяйстве, производит единицу продукции на 10% дешевле и в переводе на деньги, по отношению ко всей продукции, дает, скажем, лишних 150 миллионов, то правильная политика цен будет заключаться в том, чтобы эта «экономия» распределялась по трем линиям: по линии накопления, понижения цен и роста зарплаты. Такое распределение есть само не только функция роста производства и производительности труда, но является его необходимейшей

предпосылкой. Только при такой системе распределения возможно не только стимулировать сбыт растущей массы продукции и постепенно удовлетворять нужды деревни (что есть только лишь одно из условий задачи, а не вся задача), но возможно и решение двух других условий, без которых движение вперед невозможно. *Финансирование растущей производительности труда, т.-е. рост зарплаты, есть необходимое условие для того, чтобы на этом поле не получилось стабилизации.* Наконец, *только при обеспечении накопления возможно дальнейшее развертывание производства.* Ведь развертывание предполагает наличие нового капитала в разных пропорциях, «in natura», отлагающихся во всех отраслях, как необходимейшее условие расширенного воспроизводства, на следующем этапе. Как без прибавочной стоимости, превышающей по своим размерам потребление класса капиталистов и содержимых ими групп, невозможно расширение капиталистического воспроизводства, так и без определенного размера прибавочного продукта государственной промышленности немыслимо ее дальнейшее развитие. Идеальной для нас политикой цен является такая политика, когда уровень цен, несмотря на их снижение, на основе успехов в производстве, предусматривает не просто воспроизводство, а воспроизводство расширенное плюс электрификация, и все это обеспечивается автоматически от одного цикла к другому. Если для некоторых отраслей такая политика невозможна, то тем более необходимо опереться в этом процессе на приток ресурсов из сфер, лежащих за пределами государственного хозяйства. Совершенно другой вопрос, в каких размерах возможно приближение к этому идеалу теперь. Здесь мы неизбежно должны учесть все условия решения задач: и сравнительно *медленный* рост накопления в крестьянском хозяйстве, и сравнительно медленный рост его покупательных способностей, и проблему пропорциональности в развитии промышленности и земледелия, и размеры урожая данного года, размеры возможного экспорта, цены на мировом хлебном рынке, цены на все предметы экспорта, и т. д. и т. д.

При проведении такой политики снижающихся цен мы встречаемся с одним важным затруднением. Поскольку розничная торговля находится по большей части в руках частного капитала, то наша политика понижения цен в отраслях, где производство отстает от спроса, наталкивается на серьезней-

шее затруднение, парализующее политику снижения цен для *потребителя*. Так как большая часть розничной торговли находится в руках частного капитала, то при снижении цен в условиях товарного голода мы неизбежно имеем накопление именно в сфере частного капитала [1]). Большая доля от этого снижения попадает в его руки, и мы лишь отчасти достигаем улучшения положения потребителя, особенно деревенского потребителя. Если снижение цен срывает процесс накопления, т.-е. возможность расширенного воспроизводства в данной отрасли, то для нас закрывается путь для того, чтобы добиться реального снижения на следующем этапе. Ведь расширение требует добавочного капитала. Если этого добавочного капитала мы не получили за предыдущий цикл, то в новом году мы будем иметь размеры производства прошлого года. Ножницы между оптовыми и розничными ценами будут существовать, и потребитель попрежнему не сможет использовать выгод новой политики на снижение. В результате мы будем иметь застой в производстве и высокие цены в розничной торговле. В этом случае нам, разумеется, выгодно либо не понижать цен, пока мы не добились расширения производства, либо прибегнуть к товарной интервенции, если она в состоянии с одной стороны, ликвидировать временный товарный голод, а с другой стороны—даст добавочные ресурсы нам для расширенного производства в данной отрасли в следующем сезоне. Отсюда ясно, что голый лозунг понижения цен, не контролируемый другими задачами, может в известных случаях приостановить развитие

---

[1]) Приведу только один очень выразительный пример понижения цен при превышении спроса над предложением. Вся продукция текстильной промышленности за 1923/24 г. оценивалась в 570 миллионов руб. На одно только последнее снижение цен эта промышленность должна была пожертвовать свыше 40 миллионов рублей. Что получило от этого снижения среднее, бедное крестьянство, видно из следующих цифр. Из всей продукции текстильной промышленности прошлый год в деревню пошло хлопчато-бумажной ткани 35%, шерстяной—27,6%, льняной—9,7%. А из всего деревенского потребления мануфактуры беднотой и середняками покупается около 60%. В то же время за прошлый год надбавки розничных цен в сравнении с оптовыми на ситец равнялись: 1 апреля 1924 г.—31%, 1 августа—38,5%, 1 декабря—44,7%, т.-е. надбавки росли, несмотря на снижение оптовых цен. Следовательно, огромную долю от снижения цен урвал себе частный капитал в мелкой торговле. Вот к чему приводит политика снижения цен во что бы то ни стало при недостаточном внутреннем производстве, т.-е. при недостаточном накоплении для расширенного воспроизводства.

тех или иных отраслей нашей промышленности, не принося выгод широким массам потребителей, особенно деревенских. Мы должны стоять не на потребительской, а на производственной точке зрения и исходить из производства. Мы ведь живем еще не в социалистическом обществе с его производством для потребителя, мы живем в период первоначального социалистического накопления, под железной пятой закона этого накопления. Конечно, позиция производственника, в том числе и сознательного рабочего-производственника, не так популярна, как политика голого снижения цен во что бы то ни стало, не так популярна, как потребительский подход к нашей экономике. Но нужно помнить одно: политика снижения цен не превращается в фразу для низового потребителя лишь постольку, поскольку она является следствием накопления, расширенного воспроизводства на предыдущем этапе. Мы должны итти не от понижения цен к накоплению, а от накопления к понижению цен. Если для выхода из кризиса конца 1923 года нам было легко резко понизить цены, и это понижение имело положительный эффект и для самого производства, то только потому, что в предыдущий цикл мы накопили достаточно для этой операции, а может быть, и перенакопили сверх необходимого. При более или менее нормальных условиях развертывания нашей промышленности на будущее время такие скачки и материально невозможны для нас и нецелесообразны для всего хозяйства.

Необходимо здесь еще сказать, что одна из самых тяжких проблем нашей жизни—проблема о безработице—при всех попытках ее радикального решения целиком упирается в проблему накопления. Сотни миллионов ценностей в форме неиспользованного труда безработных рабочих, в виде стоящих заводов с неиспользованным оборудованием, неэкономное использование капитала действующих заводов—эти сотни миллионов гибнут, а люди голодают лишь потому, что мы только-только еще приступаем к накоплению и делаем пока еще слабые успехи в этой области [1]).

---

[1]) Как трудно будет у нас проводить процесс этого накопления, видно даже в сфере теории. Еле-еле началось теоретическое осмысливание этого процесса, как уже раздался „караул"! Между тем без успешного накопления в промышленности проблема дальнейшего снижения цен не осуществима. Это путь трудный, но единственно для нас возможный. Если бы мы отказались от

Между тем, вопрос о безработице есть не только рабочий, но и крестьянский вопрос. Специальное исследование могло бы доказать, как много получила бы современная деревня с ее огромным резервуаром неиспользованной рабочей силы, если бы нам удалось установить довоенные соотношения между промышленностью и земледелием и тем самым занять сотни тысяч новых рабочих в производстве и еще большие массы крестьянских сил на различных работах.

Второй вопрос, на котором нужно здесь остановиться,— это вопрос о размерах обложения частного хозяйства в интересах развертывания промышленности. Выше я цитировал из своей статьи место, где говорилось о том, что наша задача в этой области заключается не в том, чтобы брать меньше, чем брал капитализм, а брать больше из еще более возросшего дохода. Тов. Бухарин называет эту мысль «здравой» (подумать только, честь какая!), но он не понимает, как эта мысль затесалась в то кладбище ошибок, которое он сфабриковал из моих взглядов для облегчения своих полемических задач. Между тем, у меня нет ничего, что противоречило бы этой мысли. Если, допустим, наше крестьянское хозяйство, благодаря интенсификации, через довольно продолжительный, разумеется, промежуток времени будет давать, скажем, в три раза больше дохода, чем давало до войны, что отнюдь не является утопией (наши агрономы считают возможным еще больший под'ем доходности), то почему мы не можем брать с него в полтора раза больше того, что брал капитализм? Или, если взять произвольный числовой пример: если капитализм брал, допустим, 20 рублей со ста рублей крестьянского дохода, почему социалистическое государство не может брать 30 рублей с 300 рублей дохода? Тем более, что через каналы досрочного кредита, одинаково выгодного при успешности накопления и промышленности и сельскому хозяйству, мы будем возвращать в кали-

---

этого пути или тормозили движение на этом пути, то для снижения цен во что бы то ни стало остался бы об'ективно только один единственный выход: ликвидация монополии внешней торговли и смычка крестьянского хозяйства с иностранной промышленностью, т.-е. путь ликвидации государственной промышленности. Раз последнее для нас исключено, остается только путь через накопление. Значит, во имя снижения цен, во имя укрепления рабоче-крестьянского блока, во имя укрепления нашей диктатуры, во имя ликвидации безработицы, во имя роста заработной платы необходимо возможно более успешное накопление.

тал крестьянского хозяйства часть этих ресурсов. Все это не вызывает возражений т. Бухарина. Мало того: увлекшись этой перспективой, он даже дает здесь такую формулу, которая мало отличается от моей и гласит: «Накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве». Тов. Бухарин не понимает лишь, каким образом мой тезис согласуется с перспективой «пожирания» крестьянского хозяйства государством, согласуется с программой колониального обирательства деревни, игнорированием емкости крестьянского рынка и т. д. Но если принять во внимание, что и «пожирание», и колониальная политика, и т. д. есть лишь продукт «отрицательного расширенного воспроизводства» моего оппонента в области полемики, то противоречие сразу «снимается»; снимается гораздо проще, чем это нужно по Гегелю. Точно так же соображение тов. Бухарина, насчет того, что я, якобы, предлагаю резать курицу, несущую золотые яйца для нашей госпромышленности, т.-е. предлагаю задерживать развитие крестьянского хозяйства,—находится в вопиющем противоречии с текстом моей работы. А нужно еще раз сказать, что в моей статье не дается цифрового анализа хозяйства, не дается оценки удельного веса этих отдельных частей в цифровом выражении. Т. Бухарин и здесь слишком поторопился вступить в бой, не дождавшись изложения моих взглядов на экономику современного крестьянского хозяйства Союза. И когда тов. Бухарин поучает меня насчет того, что накопление в крестьянском хозяйстве есть функция социалистического накопления, то он, во-первых, преподносит мне мой собственный тезис, выраженный лишь другими словами, а во-вторых, он преподносит его мне отнюдь не в улучшенном виде. В самом деле, говоря о зависимости государственного хозяйства от размеров обмена этого хозяйства с частным, я пишу: «В этом пункте (т.-е. в пункте обменной связи с частным хозяйством. *Е. П.)* пропорциональность в развертывании государственной промышленности зависит от пропорциональности развертывания в частном хозяйстве. Последнее же складывается стихийно. Здесь государственная промышленность привязана крепко к колеснице частного хозяйства. И как раз ее работа на рыночный спрос является необходимой передпосылкой самого социалистического накопления. *Если накопление за счет част-*

ного хозяйства означает активный баланс обмениваемых ценностей на сторону государственного хозяйства, то этот баланс будет тем больше, чем больше при прочих равных условиях числовые величины обмена» (стр. 112—113). Иными словами, размеры накопления связаны с размерами обмена. Увеличение же обмена со стороны деревни возможно лишь на базе увеличения товарности крестьянского хозяйства, а рост товарности есть синоним под'ема хозяйства и его доходности; отсюда зависимость между размерами обмена и накоплением. Как все это похоже на то, что пишет обо мне тов. Бухарин!

Но изложение тов. Бухарина не является улучшенным по сравнению с моим, потому что не отражает огромной важности диалектического противоречия, которое связано с описываемым процессом. Это противоречие заключается в следующем. Чем быстрее поднимается крестьянское хозяйство и растет его товарность, тем больше база для социалистического накопления на этом участке. Это, с одной стороны. Но чем быстрее его рост, тем шире база для развертывания основных законов товарного хозяйства, тем глубже и шире волны колебания рыночной стихии, тем шире база для образования на его основе капиталистических отношений, со всеми вытекающими отсюда и экономическими и политическими последствиями для социалистической системы. Условия роста на обоих полюсах есть в то же время условия роста противоречий между двумя системами, потому что одновременно растут и возможности более глубокого регулирования хозяйства со стороны государства и силы, противодействующие этому регулированию, срывающие его. Мысль эта, вообще говоря, не является новой. Она высказывалась не один раз. В иной форме она высказывалась и тов. Лениным. Но нам, во всяком случае, важно следить каждый данный момент за развитием этого противоречия и быть всегда в курсе дела насчет того, каковы арифметические выражения этих, с одной стороны, растущих, с другой стороны, сглаживающихся противоречий. Увлекшись задачей во что бы то ни стало «разбить Преображенского», тов. Бухарин усиленно занялся одной стороной проблемы, вторая же ускользает из его поля зрения.

Что касается емкости внутреннего крестьянского рынка и оценки его роли для нашей промышленности, то меньше всего я должен слышать здесь наставления от тов. Бухарина. Эту

проблему я выдвинул полтора года тому назад в докладе и брошюре «Об экономических кризисах при нэпе», за что, по иронии судьбы, получил тогда от т. Ларина упрек в народничестве. Этой проблеме и в той моей работе, главу из которой критикует тов. Бухарин, также будет уделено много места. Тов. Бухарин говорит, что на эту тему у меня есть только одно замечание. Я согласен, что об этом сказано мало, мало по вполне понятной причине. Ведь если бы я в одной главе мог написать сразу обо всем, тогда не нужно было бы и книги. Мало ли о чем в статье не сказано! Например, ничего не сказано и об емкости нашего городского рынка для крестьянского хозяйства, что также имеет огромное значение для нашей экономики и что усугубляет *именно для крестьянства* всю важность быстрого накопления, т.-е. расширенного воспроизводства и промышленности. Кризис животноводства этого года является выразительнейшей иллюстрацией этого.

Тов. Бухарин не согласен с моим утверждением насчет необходимости для нас на ближайшие годы падающих или неизменных цен; он считает правильным лозунг только падающих цен. На это я должен заметить следующее. Во-первых, у нас есть некоторые отрасли промышленности, где нам нет никакого смысла особенно заботиться о снижении цен: таковы, скажем, все производства, связанные с буржуазным спросом, например, производство предметов роскоши; таковы, например, производства спиртных напитков и т. д. К снижению себестоимости нужно стремиться и здесь, а прибыль этих отраслей переносить в другие производства, страдающие от недостатка капитала, поскольку эта задача не решается повышением акциза. Затем я говорил в статье не только о текущем годе и следующем. Когда у нас с еще большей остротой, чем теперь, станет проблема восстановления основного капитала промышленности и когда ножницы между ценами на промышленный и сельскохозяйственный товары достигнут мировых соотношений, либо наших довоенных пропорций,—политика цен должна будет перемежаться с продолжительными сроками стабильных цен, а при вздорожании сырья, особенно заграничного (хлопок, каучук, мягкая шерсть, толстая кожа и т. д.),—что не от нас зависит,—не исключено и колебание цен вверх. Поэтому-то я для осторожности не говорил *только* о понижающихся ценах.

Тов. Бухарин сильно обрушивается на одно мое замечание насчет невыгодности для нас «филантропической» торговли. О чем здесь идет речь?

Я говорил в данном месте статьи о нецелесообразности с точки зрения накопления занимать часть государственного капитала в такой торговле, которая не приносит нам прибыли и не решает других более важных проблем, т.-е. прежде всего проблемы дальнейшего расширения производства. При крайней нашей бедности капиталами государству каждый данный момент приходится решать вопрос о том, куда именно теперь настоятельно необходимо и выгодно направлять свои средства. Сейчас этот вопрос стоит перед нами во всей остроте. Выгодно ли нам занимать наши средства в торговле тогда, когда в промышленности резкий недостаток этих средств? Разумеется, нам не избежать помещения части государственного капитала в государственной торговле и в кооперации. Наши средства, помещаемые в этих областях, т.-е. в сфере обмена, будут, несомненно, расти. Но нам совершенно нецелесообразно именно в данный момент помещать эти средства в такой торговле, которая ничего не дает для дела накопления и решает только задачу уменьшения эксплоатации мелкого производителя со стороны частного капитала. Последняя задача, вообще говоря, является также важной, но здесь нам необходимо центр тяжести нашей политики переносить на вовлечение капитала самих мелких производителей в этого сорта торговлю, развивать на собственные средства крестьян кооперацию по сбыту и не связывать в этой торговле часть нашего государственного капитала, снимая его с производства. Мы еще сейчас недостаточно богаты, чтобы перейти в массовом масштабе к овладеванию и этой частью обмена. Вот все, что я имел в виду здесь сказать. На основании уже имеющегося опыта правильность этой мысли вполне подтвердилась опытом последнего года.

О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ РАЗВИТИЯ НАШЕЙ ЭКОНОМИКИ

Тов. Бухарин в параграфе своей статьи, озаглавленном: «Монополистический паразитизм или социалистическое движение вперед», развивает ряд совершенно правильных мыслей насчет того, что должно толкать вперед нашу промышленность в условиях государственной монополии на крупное про-

изводство и транспорт. Я не понимаю лишь, почему эти мысли, которые я сам высказывал до появления статьи тов. Бухарина (что ему известно), должны явиться возражением против моей точки зрения. Если движущей силой капиталистического развития являлась и отчасти является теперь конкуренция, если капиталистические предприятия под мечом банкротства должны были снижать цены и бороться за свое существование, повышая технику, поднимая производительность труда и снижая цены, если в то же время стимулом для капиталистов являлась погоня за прибылью, то государственное хозяйство пролетариата развивает другие стимулы и регуляторы производства, присущие именно этой системе хозяйства. Основным рычагом давления является здесь потребительский нажим рабочего класса на свое государство и его аппарат. С этой точки зрения не только давление беспартийных рабочих на профсоюзы и давление профсоюзов на хозяйственные органы и государство есть необходимейшая часть этого механизма новой экономики, но таковую же роль отчасти играет и стихийное давление рабочих, вплоть до так наз. «волынок». Здесь наша система, с одной стороны, сознательно организованно, с другой стороны, стихийно нащупывает внутри себя такие регуляторы, которые должны заменить стимулы конкурентной капиталистической борьбы и тем выполнить те же самые функции, но только другими средствами. Эти средства находятся в прямой зависимости от того, что государство у нас рабочее и промышленность у нас государственная и что эта государственная промышленность сращена с пролетарским государством.

Что касается потребительского нажима крестьян, то это давление не есть внутреннее давление социалистической формы, оно приходит извне, но по об'ективным последствиям близко к давлению рабочего класса. Разница же с рабочим давлением заключается здесь в следующем. Как конкуренция между капиталистическими предприятиями не затрогивает основ существования данной системы и в крайнем случае приводит лишь к банкротству и гибели отдельных слабых предприятий, так и рабочее давление на свое государство не может колебать основ этого государства, а лишь ускоряет темп развития промышленности, улучшает методы работы и качество работы его органов. Наоборот, крестьянское давление по своему социальному, классовому содержанию есть давление извне, оно может

переходить рамки давления одного союзника на другого и с этой стороны принципиально отлично от рабочего давления. Но, как стимул к поднятию производства и его рационализации, это давление, поскольку оно не колеблет советской системы, может иметь те же последствия, что и потребительский нажим пролетариата.

Вот именно наличие этих рычагов в нашей экономической системе при давлении иностранного капитала извне и гарантирует государственное хозяйство от загнивания на лаврах монополии и, чем дальше, тем сильнее будет подгонять всю систему к более быстрому бегу вперед. И этот вопрос я не затронул в своей статье, потому что он должен рассматриваться в другой главе книги, где будет итти речь об организационной структуре нашего хозяйства, о накоплении и социалистической культуре и о выработке нового типа работников государственного хозяйства.

Так как все написанное тов. Бухариным в этом § отнюдь не является возражением мне, то, чтобы найти здесь какое-нибудь разногласие со мною, тов. Бухарин приписывает мне защиту такой политики повышения цен, которая-де должна быть «другой формой налогового обложения». Да, я стою за то, чтобы прямые налоги с деревни свести до минимума, скажем, к одному подоходному налогу, а все остальное брать акцизами и соответствующей политикой цен [1]). (Кстати, это была и мысль Владимира Ильича, которую я от него не раз слышал в период нэпа). Но если мы вступим на этот путь,—а мы отчасти уже на этот путь вступили,—то это отнюдь не значит, что мы можем добиться своей цели только путем повышения цен. Я уже говорил выше о том, что это не только необязательно для нас в настоящих условиях, но, что, наоборот, мы сможем осуществлять эту политику при падающих или стабильных ценах.

О ЗАКОНЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Тов. Бухарин относится скептически к сформулированному мною основному закону первоначального социалистического накопления не только с политической, но, повидимому, и с научно-теоретической точки зрения. Однако, что же выдви-

[1]) Я говорил об этом в январе 1924 г. на партконференции, за что был обвинен т. Лариным с присущей ему развязностью в мелкобуржуазном уклоне.

нул тов. Бухарин против этого закона? Должен признаться, что я с наибольшим интересом и с наибольшим вниманием штудировал именно эту часть статьи тов. Бухарина, которая ко мне действительно относится. На основании опыта прошлого я не без некоторого основания ожидал, что тов. Бухарин именно здесь либо даст нам новый материал к иной постановке самого вопроса, либо противопоставит моему построению свое, как он обычно делал это в таких случаях. Но здесь мне пришлось разочароваться. Весь центр тяжести статьи его оказался в сфере политики, т.-е. в той области, которой я непосредственно не касался и где мой оппонент, как известно, не является большим специалистом.

Тов. Бухарин лишь в конце статьи вспомнил о том, с чего должен был начать и чему должен был посвятить главную часть своего ответа. Что же он выдвинул против меня?

В основе моего закона, по мнению тов. Бухарина, лежит простой трюизм. В стране с диктатурой пролетариата, где промышленность более развита, там и прибавочного продукта будет получаться больше именно от промышленности, чем от мелких производителей. Там же, где промышленность слабее, а мелкое производство очень сильно, там—наоборот. Я не возражаю, что это трюизм, как и тов. Бухарин не будет, вероятно, возражать против того, что отправным логическим пунктом всякого закона является какой-либо трюизм или аксиома. Дело все в дальнейшей цепи выводов. Тов. Бухарин не считает обязательным логически связать трюизм с утверждением, что чем больше удельный вес в социалистическом государстве мелкого производства в сравнении с государственным хозяйством, тем более неэквивалентным будет товарный обмен между этими системами. Во-первых, я говорил в законе об общем балансе обмена веществ между двумя экономическими формами, а не об одном только балансе товарного обмена между ними. Возражение тов. Бухарина в этом пункте совершенно не относится к делу. Ведь если принять, что, скажем, у нас в России неэквивалентность обмена в условиях свободы конкуренции с капиталистическими странами будет меньше, чем внутри передовых капиталистических стран, то это отнюдь не говорит о том, что при той же самой технике, но при отсутствии свободы конкуренции и при социалистической монополии все это не изменилось бы в период именно

первоначального социалистического накопления. Ведь, начав с трюизма, мы сейчас же наталкиваемся на тот факт, что в период первоначального социалистического накопления и на все время существования именно *первоначального* социалистического накопления цены промышленности должны включать в себя не только все элементы воспроизводства, но и обеспечить (если это не будет достигнуто налоговым путем) переход промышленности на новую техническую базу. Совсем другой вопрос, насколько растянется весь этот процесс, насколько медленнее или быстрее будет проходить это накопление. Разумеется, при общей нашей нищете и при низком уровне нашего земледелия, весь этот процесс, если не будет поддержки со стороны европейской революции, будет протекать очень медленно. Но этот процесс есть неизбежный процесс, это вопрос жизни и смерти для советской системы хозяйства. Закон первоначального социалистического накопления есть закон борьбы за существование государственного хозяйства. Неэквивалентность обмена, которой он требует и в сфере товарообмена, есть не только воспроизведение той пропорции, в которой эта неэквивалентность существует в капиталистических странах, но и связана с известным плюсом сверх этого. Что же касается вопроса о том, будет ли, скажем, в социалистической Германии обмен города с крестьянской деревней более эквивалентным, чем в Советском Союзе, этот вопрос сейчас академический, потому что никто не может точно учесть, в каком % на цены нашего внутреннего промышленного производства будет ложиться техническое переоборудование хозяйства, с одной стороны; с другой строны, никто не может учесть и того, какой будет удельный вес трудоемких культур в земледелии социалистической Германии. Если же при формулировке закона я упомянул об уменьшении неэквивалентного обмена с бывшими колониями, то я имел в виду ту сторону неэквивалентности обмена, которая специфически связана с капиталистической и империалистической эксплоатацией и политикой. Тов. Бухарин пишет, что вопрос о неэквивалентности обмена не так прост, как я его себе представляю. Я отнюдь не думаю, что этот вопрос является простым и что он не требует самого обстоятельного теоретического изучения. Я прекрасно понимаю разницу в этом пункте между странами, которые имеют на ряду с мелким крестьян-

ским также и крупное капиталистическое землевладение (которое станет социалистическим при диктатуре пролетариата), и между теми странами, которые в промышленности имеют крупное производство, а в земледелии только мелкое или почти только мелкое производство, и где борьба крупного производства с мелким принимает форму борьбы промышленности с земледелием, города с деревней.

Но из возражения тов. Бухарина я не вижу, чтобы он чем-либо усложнил здесь проблему по сравнению с тем, что говорил на эту тему я в своей статье. При всей моей готовности я, к сожалению, очень мало чем могу воспользоваться в этом пункте из возражений тов. Бухарина.

Точно так же и по поводу центрального пункта моей статьи, касающегося борьбы закона стоимости с законом социалистического накопления, тов. Бухарин ограничивается одним только примечанием, в котором также пытается доказать, что «дело обстоит гораздо сложнее, чем у тов. Преображенского». Процитирую здесь целиком это примечание тов. Бухарина. «Мы не можем здесь входить в подробный анализ одного общего теоретического положения тов. Преображенского, где он (Преображенский) изображает процесс социалистического накопления, как борьбу двух законов: закона социалистического накопления и закона ценности. По мнению тов. Преображенского, закон социалистического накопления частью парализует, частью «отменяет» закон ценности, который в данный период отходит совершенно на задний план.

«Здесь мы заметим лишь следующее: добавочная «прибыль» высоких хозяйственных комплексов получается: 1) из того факта, что индивидуальная себестоимость здесь ниже общественной, т.-е. на основе закона ценности; 2) из факта монополии. Если рассматривать большой промежуток времени, то нетрудно увидеть, что первый закон выражает и опирается на *развитие* производительных сил, тогда как второй более или менее связан с консервативными тенденциями в том смысле, о котором мы говорили в тексте. С другой стороны, закон ценности, который в неорганизованном обществе есть и закон распределения общественного труда, является определенной границей для монополии. Ибо есть об'ективная граница в распределении производительных сил; если эта граница перейдена, неизбежен резкий кризис. Наконец, уни-

версальная «монополия», т.-е. всеобщая организация общества, превращает стихийный закон ценности в плановой сознательный «закон» экономической политики, закон рационального распределения производительных сил. Таким образом, дело обстоит гораздо сложнее, чем у тов. Преображенского».

Я думаю, что не я, а тов. Бухарин упрощенно понимает закон первоначального социалистического накопления. Борьба здесь идет между законом ценности и плановым началом. Но на данной стадии, т.-е. в начальной стадии борьбы планового начала с рынком в условиях бедности капиталами и в условиях технико-экономической слабости государственного хозяйства, *эта борьба неизбежно принимает форму борьбы закона первоначального социалистического накопления с законом ценности.* Закон этого накопления есть лишь первый этап, детский возраст планового начала. Регулирование развертывается не ради регулирования, а подчинено задачам первоначального накопления, как в период военного коммунизма попытки построения планового хозяйства были подчинены не абстрактной цели социалистического плана, а задачам обороны страны в гражданской войне. Если отвлечься от диалектики всего этого процесса, если разбить все исследуемое поле на правильные квадратики абстракции и задержать по этому случаю ход истории, то мы, конечно, будем биться в тисках неразрешимых противоречий: между монополией, с одной стороны, и законом стоимости—с другой стороны, между капиталом в старом смысле слова и государственным капиталом в новом смысле этого слова. Но выход здесь есть. Он заключается в том, что реальная жизнь развивается по Гегелю, Марксу и Ленину, т.-е. развивается диалектически, и тем разрубает противоречия, создаваемые схематизмом нашей мысли и неподвижностью терминологии, выработанной при анализе одной системы и часто отказывающейся служить при историческом переходе одной системы в другую.

С этой точки зрения замечания тов. Бухарина насчет того, что к капиталу нельзя прикладывать продукта, являются совершенно правильными с точки зрения терминологической статистики, но неправильными с точки зрения описания диалектического процесса. Я сделал здесь не терминологическую описку, а сознательно исходил из того факта, что

превращение товара в продукт и замещение частного капитала в старом смысле капиталом государственным происходит после революции на основе постепенного роста одной системы за счет другой. Если тов. Бухарин предложит здесь удачный выход из этого терминологического затруднения, я первый буду его приветствовать. Но пока что он этого не делает. Наоборот, целый столбец он убивает на то, чтобы поправить мою оплошность—употребление в 2—3 местах для краткости термина «социалистическое накопление» вместо «первоначальное социалистическое накопление». Я признаюсь здесь в своей оплошности и исправлю ее при первой возможности. Однако я буду ждать, что тов. Бухарин не ограничится здесь на будущее время стрельбой из пушек по терминологическим воробьям и опискам, а скажет что-нибудь и по существу вопроса [1]).

Я должен самым решительным образом протестовать против заключительных строк тов. Бухарина, когда он пишет: «Читатель, привыкший иметь дело с анализом различных идеологических оттенков, сразу распознает здесь цеховую идеологию, которой «нет дела» до других классов, которую не заботит основная проблема пролетарской политики, проблема рабоче-крестьянского блока и пролетарской гегемонии в этом блоке. Один шажок в сторону в том же направлении, и тогда у нас полностью дана полуменьшевистская идеология закопченных тред-юнионистов российского образца: наплевать на деревенщину, больше концессий иностранному капиталу, ни копейки на кооперативные бредни и аграрщину, усиленный нажим на крестьянство во славу «пролетариата» и т. д. *Сюда* растет эта идеология».

Насколько, выражаясь мягко, неверны эти сведения, искусственны и шиты белыми нитками, видно по одному единственно конкретному пункту этого обвинения, именно по пункту «больше концессий иностранному капиталу». Насчет концессий я в своей статье пишу следующее: «Основная отрицательная сторона концессий заключается в том, что здесь государственное хозяйство в период первоначального социалистического накопления, т.-е. в период своей максимальной слабости, вступает в непосредственное соприкосновение с ино-

[1]) Я согласен, что я неправильно употребил термин „основной капитал“ там, где нужно было сказать „функционирующий капитал“.

странным капиталом, идущим во всеоружии своей техники. излишков основного и оборотного капитала, имея большие резервы новых капиталов в своем буржуазном тылу... Итак, может быть положение такое, что слишком большая доза концессий, принятая в организм государственного хозяйства, начнет разлагать последнее, как в свое время капитализм разлагал более слабое натуральное хозяйство.

Во всяком случае, осторожность в области концессионной политики является отражением той же самой экономической необходимости, которая заставляет хозяйство СССР всемерно поддерживать монополию внешней торговли и систему самого жесткого протекционизма» (стр. 104—105).

Из всей моей статьи и в частности из этой цитаты видно, что осторожное отношение к концессиям находится в теснейшей внутренней связи со всей моей концепцией вообще. Если же тов. Бухарин, без всяких доказательств и вопреки букве и смыслу статьи, утверждает обратное, то во всем этом есть также своя собственная внутренняя логика—логика политической полемики. Когда я вместе с другими т.т. привлекался по одному из процессов за принадлежность к партии в 1910 г. и нашему защитнику (небезызвестному Керенскому) указал на то, что его план защиты дает такой вариант, который расходится с действительностью даже там, где для защитника выгодней было бы просто говорить правду, то он мне ответил: «Нам надо создать такой вариант защиты, который легче усвоить и которому скорее поверят судьи, и не осложнять наши построения соображениями насчет того, как было дело в отдельных случаях».

Таковы правила защиты на суде. Но таковы же и правила политического нападения. При этом нападении не всегда нужно, а иногда даже и совсем не нужно говорить о том, что в действительности есть. Важно создать наиболее выгодный и в то же время наиболее избитый и легко укладывающийся в голове читателя вариант обвинений. Это правило как юридической, так и политической эстетики тов. Бухарин начинает, повидимому, усваивать. И только этим можно об'яснить, что он решил обвинить меня в нежности к концессиям там, где я пишу как раз обратное.

Столь же похоже на правду обвинение в цеховщине, тредюнионизме и т. д. Этот термин применительно к нашим

внутрипартийным делам выдвинул Ленин. Он вполне правильно понимал под цеховщиной принесение в жертву *потребительским* интересам рабочих интересы удержания диктатуры, интересы развития всего социалистического хозяйства, интересы будущего рабочего класса и всех трудящихся. Наоборот, линия на накопление есть линия на защиту интересов хозяйства, как целого, его головной государственной части, которая является движущим центром всякого поступательного движения вперед к социализму, есть линия на укрепление экономической основы пролетарской диктатуры в борьбе с давлением потребительской стихии.

Тов. Бухарин своей статьей открыл поход против одной из попыток продумать законы развития государственного хозяйства, условия его самосохранения и его противоречия с частным хозяйством в переживаемую эпоху. Что это такое? Нужен ли такой подход для успеха рабоче-крестьянского блока на основе сохранения диктатуры пролетариата? Нет, для этого нужно как раз обратное, для этого нужен холодный анализ того, на чем мы стоим, ради чего идем на компромиссы и каковы пределы наших уступок. *И чем больше эти уступки, тем более необходим этот анализ.* Крестьянину нужен от нас дешевый товар и поменьше налогов, он совсем не требует от нас теоретической капитуляции, отказа от анализа условий развития нашего хозяйства. А если бы эти требования заходили так далеко, то они должны встретить самый решительный отпор. Между тем, тов. Бухарин дает отпор как раз в обратном направлении, и с этой точкой зрения над его статьей следует основательно призадуматься. Не является ли она первой попыткой уступки мелкобуржуазному напору на нашу партию в том пункте, где мы никогда не уступали, работая под руководством Ленина, и никогда не должны уступать на будущее время?

Моя статья о социалистическом накоплении посвящена вопросу, который будет стоять в центре нашего внимания минимум два десятилетия. Нам предстоит еще очень много спорить как по общим вопросам накопления, так и по вопросу об арифметических цифрах его. Вопрос этот совершенно новый. Именно поэтому я хотел поставить его сначала на предварительное обсуждение подготовленных читателей и именно поэтому поместил статью в академическом журнале.

Вместо того, чтобы принять участие в таком предварительном академическом обсуждении вопроса, тов. Бухарин, перенеся обсуждение в газету, должен был смазать самую сущность вопроса, умолчать о том, что сам он не хотел вульгаризировать; ради полемических целей он дал абсолютно неверное толкование всей статьи в целом и отдельных мест и в итоге, вместо того, чтобы постепенно поставить перед партийной мыслью всю проблему во всей ее сложности, окончательно запутал весь вопрос.

Я считаю вредным такой метод обсуждения, отказываюсь от него и предоставляю тов. Бухарину все лавры его дешевой «победы».

ДРУГИЕ ОППОНЕНТЫ

ТОВ. МОТЫЛЕВ

Тов. Мотылев печатно выступил против главы настоящей книги, посвященной социалистическому накоплению, в небольшой брошюрке под названием «Прибавочная стоимость и социалистическое накопление в СССР» («Буревестник», 1925 г.).

Мне придется здесь коснуться не только той части названной брошюры, которая непосредственно направлена против меня, но и других работ тов. Мотылева, задевающих проблемы теории советского хозяйства. Придется попутно показать, что размеры самоуверенности и апломба этого плодовитого экономиста обратно пропорциональны не только его научным «открытиям», но просто *знаниям* предмета.

Возражения, которые делает мне тов. Мотылев, на $^4/_5$ есть простое повторение, простое изложение своими словами всего того, что было написано против меня тов. Бухариным в его выше уже разобранной статье. От себя тов. Мотылев почти ничего не добавил. Я остановлюсь лишь на вопросах, мало затронутых в ответе тов. Бухарину.

Тов. Мотылев, вслед за тов. Бухариным, вынужден согласиться с тем, что социалистическое накопление не может обойтись без отчуждения части прибавочного продукта деревни в фонд этого накопления. Он пишет: «Совершенно бесспорно, конечно, что чем больше в данной стране об'ем мелкобуржуазных форм хозяйства, тем значительнее их роль в первоначальном социалистическом накоплении. Мы установили в первой части статьи, что в первоначальном социалистическом накоплении участвуют все части народного хозяйства. Совершенно очевидно, что роль каждой части определяется, прежде всего, ее удельным весом в народном хозяйстве.

Если б сущность закона тов. Преображенского заключалась только в установлении этого факта, то он мог бы счи-

таться бесспорным, но вместе с тем он вряд ли представлял собой научное открытие».

Конечно, «сущность» закона первоначального социалистического накопления заключается не только и не столько в констатировании этого факта. Самые серьезные мои оппоненты почти все свои возражения построили не против необходимости перекачки части прибавочного продукта частного хозяйства в государственное хозяйство, а против моей мотивировки такой перекачки. И в то же время от них ускользнуло, что только при установлении *закона* первоначального социалистического накопления этот процесс подвергается научному изучению, как необходимый, и что пропорции перекачки со стороны минимума диктуются с об'ективной принудительностью. Наоборот, мой оппонент вынужден по вопросу о балансе обмена стоимости между государственным и частным хозяйством отделываться общими фразами, из которых видно, что он даже не понимает, в чем собственно и заключается самая проблема.

Итак, тов. Мотылев брать разрешает, но пропорционально «удельному весу» каждого сектора народного хозяйства. Во-первых, нужно сказать, что государственное и частное хозяйства не являются товариществом на паях и такая постановка с научно-теоретической точки зрения не выдерживает критики. Я уже не говорю о том, что накопление по «удельному весу», а не, скажем, по удельному весу прибавочного продукта ужаснуло бы тов. Мотылева размерами обложения деревни, если б он свою формулу прикинул на арифметическую пропорцию.

Но у нашего автора есть формулировка еще «глубже» и «неотразимей». Он пишет: «Итак, мы установили, что не может быть чрезмерного присвоения государством продуктов крестьянского хозяйства» (стр. 17—18), и потом: «Ошибка его (т.-е. моя. *Е. П.*) в том, что, по его мнению, это присвоение может и должно быть щедрым, значительным».

Неправда ли, как это все научно убедительно! Важнейший вопрос нашего хозяйства и нашего существования решается на основе пропорции между прилагательными «не чрезмерный», с одной стороны, «щедрый и значительный», с другой. Это, видите ли, теоретическая экономия в применении к нашему хозяйству!

Во-первых, я в своей главе о накоплении не ставлю вопроса в плоскости арифметического подсчета размеров отчуждения прибавочного продукта частного хозяйства, а выясняю лишь неизбежность этого отчуждения и об'ективную необходимость *таких* пропорций этого отчуждения, которые диктуются законом первоначального социалистического накопления. Законом—значит пропорциями, имеющими внешне принудительный характер для нашей экономической политики, поскольку недостаточное накопление карается товарным голодом, возможностью прорыва монополии внешней торговли, ростом частного капитала и всеми другими экономическими и политическими последствиями.

Во-вторых, я перечисляю те пути и методы, какими может осуществляться накопление в той его части, которая состоит в отчуждении прибавочного продукта частного хозяйства, причем, кстати сказать, я говорю все время о всем частном хозяйстве, а не только о крестьянском. Что же может возразить тов. Мотылев против *методов* перекачки, поскольку саму перекачку он также признал необходимой? Ничего. Наоборот, он пишет, что для социалистического накопления «как политика цен, так и способы налогового характера будут использованы» (стр. 15). Тогда в чем же еще дело?

Дело, видите ли, в том, что я считаю неизбежным неэквивалентный обмен с частным, в том числе и с крестьянским производством. По мнению моего оппонента, это означает, что мелкобуржуазное производство «превращается в колонию» социалистической промышленности. Но теперь возникает естественный вопрос: если тов. Мотылев согласен часть прибавочного продукта деревни отчуждать в фонд социалистического накопления не только налоговым путем, но и через политику цен, то *каким же образом обмен при этой операции может быть эквивалентным для крестьянства с точки зрения закона ценности?* Выходит, что крестьянское хозяйство превращается в колонию соцпромышленности уже вследствие самого факта отчуждения части его прибавочного продукта через политику цен. Если же все брать налогами, то «колоний», очевидно, не будет. И, наоборот, «колониальность» отношений возрастет, когда государство ту же самую сумму будет брать через политику цен, а налоговое обложение совсем ликвидирует.

Это называется теоретическая экономия! Чем заслужило наше советское хозяйство такой теоретический экономии?

В-третьих, по вопросу об эквивалентности обмена необходимо сказать следующее. Цены изделий нашей промышленности значительно выше заграничных цен, цены же на хлеб в общем должны тяготеть к мировым хлебным ценам, *которые складываются в мировом хозяйстве на основе конкуренции крупного и среднего капиталистического земледелия с мелким.* Поэтому, если даже признать, что обмен между земледелием и промышленностью в мировом хозяйстве является эквивалентным—что не доказано и не может быть доказано,—то и тогда при описанных выше условиях обмен между советской промышленностью и советским земледелием не может быть ни в коем случае эквивалентным. Это факт. Если б мы попытались приблизиться к эквивалентности обмена путем приближения к пропорциям обмена, существующим в мировом хозяйстве, и для этой цели допустили бы свободу внешней торговли, наша промышленность на $^2/_3$ или $^3/_4$ перестала бы существовать. Она держится теперь и развивается *на базе неэквивалентного обмена,* огражденного от закона ценности мирового хозяйства социалистическим протекционизмом и монополией внешней торговли, этим своеобразным сплавом политической и экономической силы, который характерен для всей нашей системы государственного хозяйства при диктатуре пролетариата. Неэквивалентность *сейчас* держится прежде всего на нашей технической отсталости и, естественно, будет уменьшаться по мере уменьшения себестоимости производства и уменьшения цен на промышленные товары. Но если у нас будет успешно развиваться крупное коллективное земледелие, то чем большую роль оно будет играть, тем больше стоимостные пропорции обмена между мелким частным крестьянским хозяйством и государственным будут зависеть от пропорций распределения труда между кооперативным социалистическим земледелием и частным мелким земледельческим производством, следовательно, будет снова расти неэквивалентность обмена частного земледелия с социалистической промышленностью *благодаря* росту производительности труда в социалистическом и кооперативном земледелии. Следовательно, эквивалентности обмена опять-таки быть не может. Это будет очевидно из такого числового при-

мера. Допустим, теперь положение характеризуется такой пропорцией обмена ткани на хлеб:

Промышленность.		Земледелие.
100 часов	—	150 часов.
100 аршин	—	100 пудов.
100 рублей	—	100 рублей.

С увеличением производительности труда в промышленности и при *той же* производительности труда в земледелии будем иметь:

Промышленность.		
100 час.	—	150 час.
120 арш.	—	100 пуд.
100 рубл.	—	100 рубл.

Или, что то же самое:

Промышленность.		Земледелие.
80 руб.	—	80 руб.
100 арш.	—	80 пуд.
80 час.	—	120 час.

Значит, если раньше за 1 арш. ситцу земледелие платит $1\frac{1}{2}$ часа своего труда и 1 п. хлеба, то теперь только $1\frac{1}{5}$ часа или $\frac{4}{5}$ пуда хлеба. Когда же начнется рост производительности труда в кооперативном земледелии, что приведет к обмену, допустим, не 1 часа промышленного труда за 1 пуд хлеба, а к обмену 1 часа промышленного труда на $1\frac{1}{3}$ пуд. хлеба, то это будет означать увеличение неэквивалентности обмена для частного земледелия, навязываемой ему развитием крупного кооперативного земледелия. Тенденция останется той же и при росте производительности труда *и* в социалистической промышленности, *и* в социалистическом земледелии, хотя и будет менее ярко выражена. Совершенно очевидно, что вся проблема остается *только* для частного мелкого земледелия, потому что только в отношениях этой части земледелия с промышленностью будет существовать *обмен*. Отношения между крупным социалистическим и кооперативным земледелием и госпромышленностью будут складываться, как отношения внутри одного комплекса, с постепенным уничтожением рыночного характера связи, сначала

более по существу, чем по форме, а в дальнейшем—и по форме и по существу. *Неэквивалентность обмена между частным земледелием и всем комплексом государственной промышленности и государственного и кооперативного земледелия есть в данном случае лишь отражение невыгодности мелкого частного производства по сравнению с крупным социалистическим и кооперативным* [1]). Добиваться здесь эквивалентности—значит поддерживать мелкое производство за счет социализма, средневековщину за счет XX века. Такая политика не имела бы ничего общего не только с марксизмом и ленинизмом, но и просто со здравым смыслом. Не говоря о рабочих, даже прогрессивная часть крестьянства будет решительно против того, чтобы содержать азиатчину и варварство за счет машины и социализма.

Что же касается постоянно повторяемых тов. Мотылевым и другими моими оппонентами соображений насчет моего умолчания о производственном кооперировании земледелия, то, как и в ответе тов. Бухарину, я заявляю: такое кооперирование я считаю и теоретически возможным и практически неизбежным, если главная база социализма, государственное хозяйство, будет развиваться и крепнуть достаточно быстро. Но я не вижу пока здесь об'екта для теоретического изучения, поскольку этот процесс находится лишь в зародышевом состоянии и научный прогноз здесь крайне труден. Мои оппоненты также не дали *ничего* в смысле такого прогноза, хотя им не только никто не мешал заняться этим делом, но и вся занятая ими позиция *обязывает их* сделать то, что они считают возможным. Пусть пишут, а мы почитаем, потому что, кроме общих фраз, «веры» и наскоков на меня, с точки зрения этого кооперативного фидеизма, научно ничем не подкрепленного, мы от них ничего не слыхали.

Чтобы покончить с тов. Мотылевым, я должен здесь привести хотя бы пару примеров того, как наш экономист осуществляет «теоретический анализ советского хозяйства» в

---

[1]) Мои оппоненты пристают ко мне с вопросом, верю ли я в кооперативное земледелие. Они тем самым выступают монополистами такой веры. Удивительно только, как они не сообразили до сих пор, что успех производственного кооперирования деревни означает при тех же равных условиях рост неэквивалентности обмена с некооперированным земледелием, т.-е. с б о л ь ш и н с т в о м деревни.

своем курсе политэкономии [1]). В этом курсе, неизвестно за какие достоинства усердно рекомендуемом для наших вузов, тов. Мотылев употребляет следующий метод изучения нашей экономики. После изложения какой-либо проблемы теоретической экономии, автор автоматически в'езжает в нашу систему хозяйства, не меняя ни лошадей, ни экипажа, и начинает здесь орудовать путем аналогии. Все это было бы возможно, если бы автор твердо стоял на позиции, что наша система является разновидностью товарно-капиталистического хозяйства, как это думают, например, меньшевики, и тогда такой метод был бы естественен. Одна в основном система, в ней действует один регулятор—закон ценности—и метод исследования один и тот же. Надлежит изучать лишь модификацию форм. Но у автора нет никакой твердой позиции в этом вопросе. На стр. 4 своего «труда» он пишет: «Хозяйство СССР может быть об'ектом теоретического изучения. Столкновение стихийного и планового регулирования порождает множество теоретических проблем. В курсе экономической политики хозяйство СССР рассматривается с иной, телеологической точки зрения.... Между тем, хозяйство СССР по форме и, в известной степени, по существу является товарно-меновым. Больше того,—в нем имеются элементы капиталистического хозяйства. Многие законы и категории политической экономии кажутся непосредственно относящимися к нему. В действительности это не так. Все законы и категории капиталистического хозяйства претерпевают в хозяйстве СССР существенные модификации; многие вовсе к нему неприложимы».

На странице 137 той же работы читаем: «Трудовая стоимость продолжает пока *частично* (курсив мой. *Е. П.*) быть регулятором народного хозяйства, внутренним регулятором распределения производительных сил и в хозяйстве СССР». В то же самое время в другой работе: «Цена и стоимость в капиталистическом хозяйстве и хозяйстве СССР» (стр. 80) у нашего автора «трудовая стоимость продолжает пока быть регулятором распределения производительных сил в хозяйстве СССР», без слова «частично». В одном только слове разница, примерно, как в выражении «знаю» и «не знаю» разница только в одной частице «не». Спрашивается теперь:

---

[1]) *В. Е. Мотылев*, „Курс политической экономии", том первый Госиздат, 1925.

какой же формулировки держится автор и что на этот счет должен думать недоумевающий читатель? Ведь если закон ценности действует «частично», то тогда должны быть иными и методологические приемы исследования хозяйства, как хозяйства антагонистического типа, где равновесие складывается на основе борьбы двух начал с различным направлением их действия. Если же закон ценности есть в основном *единый регулятор* и плановое начало только его функция, тогда никакой особой теории советского хозяйства вовсе и не нужно, тогда и заезды мимоходом в хозяйство СССР при изучении теоретической экономии, в чем до сих пор упражнялся тов. Мотылев, с методологической точки зрения не могут встретить возражения. Но тогда встает вопрос иного порядка: каким образом сочетает тов. Мотылев этот единый регулятор, на основе которого происходит ведь стихийно воспроизводство капиталистических отношений производства, а не расширенное воспроизводство отношений социалистических, с промышленностью «последовательно-социалистического типа»? Если тов. Мотылев недооценивает планового начала в нашем хозяйстве, то, с другой стороны, после всего сказанного очень трудно переоценить роль и значение планового начала в системе его собственных мыслей.

В заключение два слова о том же «Курсе политической экономии». На 339—340 страницах этого «классического» труда автор говорит о «социалистической прибавочной стоимости» на госпредприятиях СССР. А немногими строками ниже мы с изумлением читаем о «развитом коммунистическом обществе» следующее: «Но в развитом коммунистическом обществе производительные силы достигнут такой мощной ступени развития, что несмотря на *существование прибавочной стоимости* (курсив мой. *Е. П.)* потребности трудящихся смогут удовлетворяться в небывалом об'еме» (стр. 340).

Итак, если в государственных предприятиях СССР прибавочная стоимость оказывается «социалистической», то «в развитом коммунистическом обществе» просто будет «прибавочная стоимость». Очевидно, как продукт коммунистического капитала!

Мало этого. На той же самой странице насчет ренты читаем: «Что касается земельной ренты, то в силу национализации земли капиталистическая абсолютная рента не дол-

жна существовать в СССР. Дифференциальная же рента, вытекающая из разницы в плодородии и расположении участков земли, при умелом налоговом обложении должна поступать в распоряжение советской власти» (стр. 340).

Итак, дифференциальная рента, для существования которой по Марксу необходимо, чтобы капиталистический способ производства при наличии частной собственности на землю охватил земледелие, у тов. Мотылева благополучнейшим образом вырастает из земли.

Все это называется: «Курс политической экономии», на котором вначале приклеен желтый ярлычок с надписью: «Настоящий курс допущен в качестве учебного пособия для высших учебных заведений»!

ТОВ. ТАЛЬГЕЙМЕР

Тов. Тальгеймер в напечатанной в «Большевике» статье «О формальном и материальном отношении социалистического хозяйства в начальной стадии к докапиталистическим хозяйственным формам» [1]) упоминает в двух местах автора этих строк. В начале статьи тов. Тальгеймер пишет: «Вопросы, выдвинутые тов. Бухариным в статье «Хозяйственный рост и рабоче-крестьянский блок» («Большевик», № 14), как и в полемике с Преображенским, имеют *общее* значение. В споре с Преображенским Бухарин *принципиально* прав» (стр. 15).

После этого категорического заявления нужно было бы ожидать сокрушительной аргументации против того, кто неправ. Однако, в статье, к нашему изумлению, совсем нет ничего против автора этих строк, за исключением одного замечания, о котором ниже. Не видно также, чтобы автор вообще читал, или по крайней мере понял мою статью Он набросил тощий скелет чего-то вроде плана статьи, который не имеет никакого прямого отношения к вызвавшей полемику главе этой книги и напоминает снаряд, пущенный на всякий случай в небо. Я поэтому коснусь здесь только пары мест статьи тов. Тальгеймера, из которых только одно имеет прямое отношение к моей оппозиции.

С самого начала тов. Тальгеймер доказывает, зачем-то посредством арифметики, ту совершенно бесспорную мысль, что если в Германии произойдет социалистическая революция, то это приведет к органическому об'единению хозяйства СССР с социалистическим хозяйством Германии, а, следовательно, «проблема русского крестьянства» не исчезнет. Она будет тогда существовать и для социалистического хозяйства СССР и для социалистического хозяйства Германии, поскольку то и другое хозяйства будут представлять единый комплекс.

---

[1]) „Большевик" от 30 апреля 1925 г., стр. 15—24.

Совершенно согласен. Я думаю так же. Но это значит лишь, что тов. Тальгеймер, может быть отчасти вследствие недостаточного знакомства с моей главой о социалистическом накоплении, привел добавочный аргумент к тому моему положению, что закон первоначального социалистического накопления в какой-то степени и на какой-то период должен действовать после социалистического переворота и в других странах, в том числе и индустриальных. В полном согласии с этим выводом и отчасти по мотивам, которые я привожу в главе о социалистическом накоплении, тов. Тальгеймер поддержал мою постановку вопроса в более ранней своей статье в том же «Большевике», посвященной программе Коминтерна. В этой статье тов. Тальгеймер совершенно правильно замечает... «Капиталистическое хозяйство отдельных стран перейдет в руки рабочего класса, конечно, не в его наиболее развитой форме, а в более или менее *упадочном состоянии*. Дальнейшее развитие экономических форм начнется только после восстановления наивысших форм старого общества» (стр. 16). И с этим я согласен. И это аргумент в пользу моей точки зрения насчет того, что пробежать стадию предварительного социалистического накопления после революции придется, быть может, и для индустриальных стран Европы.

Должен сказать, что против такой успешной полемики со мной я ровно ничего не имею и могу только просить о ее продолжении.

Обратимся теперь к другому и в то же время единственному месту статьи тов. Тальгеймера, где он пытается прямо аргументировать против моих «ошибочных выводов». Указав на то, что отношения между крестьянством и пролетариатом, между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью будут складываться иначе, чем отношения между крестьянством и промышленностью в эпоху капитализма, что это уже не будут отношения эксплоатации, и в то же время подчеркнув возможность и неизбежность трений и конфликтов даже «в рамках этих новых отношений», тов. Тальгеймер пишет: «Вообще не следует думать, что раз социалистическое хозяйство представляет собой гармоническую систему, то оно свободно от всякого противоречия, от реальных противоположностей. Если б это было так, то *оно не было бы развивающейся системой*. Но тогда как противоре-

чия капиталистического строя имеют тенденцию уничтожить самый строй, при социалистическом строе они имеют обратную тенденцию, стремясь к его развитию, укреплению, внешнему расширению и внутреннему усовершенствованию.

Ошибочные выводы (напр., у Преображенского, но также и у теоретиков социал-демократии и буржуазии) проистекают оттого, что по своей *внешней форме* отношение между простым товарным производством и капиталистическим хозяйством *на первый взгляд* такое же, как между ним и социалистическим хозяйством (денежная форма, рыночные отношения). Но денежная форма прикрывает во втором случае социалистическое содержание; теперь, когда на другом полюсе находится социалистическое хозяйство, деньги служат диаметрально-противоположной цели» [1]).

Мы привели эту длинную цитату, чтоб показать читателю прежде всего образец очень странной полемики. О каких моих ошибочных выводах идет речь, где они сделаны, на какой странице статьи? Почему *ко мне* относится все, что здесь написано?

Из самой статьи не получишь ответа, и, может быть, потому—как мы предположили выше,—что тов. Тальгеймер просто не читал моей статьи и знает о ней больше «по слухам». Не утверждаю этого, но такое подозрение, после сказанного, весьма естественно.

Переходя же по существу к приведенной выдержке, я должен выразить свое полное согласие с утверждением, что социалистическая система, именно как развивающаяся система (Widerspruch ist fortleitende), будет знать свой, ей именно только свойственный вид внутренних противоречий, как согласен и с тем, что такие противоречия не будут «иметь тенденции уничтожить самый строй». Беда лишь только в том, что это верное само по себе утверждение не имеет никакого отношения к предмету спора. *Дело ведь идет не о внутренних противоречиях самой социалистической системы, уже победившей в основном, а о противоречиях, вытекающих из борьбы социалистической системы с другой, товарно-капиталистической системой, за свое существование и развитие.* Противоречия, вытекающие из этой борьбы, «стремятся» не к развитию социалистической системы, не к ее «внутреннему

[1]) „Большевик" № 8, 1925 г., стр. 22.

усовершенствованию», а к ее уничтожению. Эта ликвидация нашей системы нужна для «усовершенствования» капиталистической карты мира, которая явным образом исковеркана Октябрьской революцией. В своей статье о социалистическом накоплении я занимался закономерностями, складывающимися из ожесточенной борьбы за существование нашей системы, а не мечтал академически о гармонических противоречиях будущего общества.

Что касается приписываемого мне непонимания внешней формы теперешних отношений государственного хозяйства к крестьянскому хозяйству, за которой скрывается совсем другое содержание, чем в отношениях крестьянского хозяйства к капитализму, то это обвинение ничем не подтверждено. Другие подтверждали это словом эксплоатация, но я уже заметил, что снимаю этот термин, хотя эксплоатация одной *системы другой* и остается, раз есть отчуждение прибавочного продукта из одной формы производства в другую. Наконец, я нисколько не отрицаю своеобразия отношений мелкого производства к социалистическому сектору хозяйства после пролетарской революции, хотя бы социалистический сектор и проводил отчуждение части прибавочного продукта мелкого хозяйства для расширенного воспроизводства. Оригинальность, новость, своеобразие этих отношений создаются на базе кооперирования деревни и сращивания деревенской, прежде всего производительной, крестьянской кооперации с государственным хозяйством. Как пойдет этот процесс, об этом можно говорить теперь лишь в общих чертах. Для теоретического анализа материала почти нет, хотя для предупреждения от комнародничества материал уже есть и этим делом придется когда-нибудь серьезно заняться.

В общем статья тов. Тальгеймера наводит меня на такое сравнение. Один человек обещал громогласно побить другого. А когда надо было приступить к делу, он поднял глаза на небо и начал доказывать, что солнце нельзя смешивать с луной, луну — с Марсом, а Марс — с «Капиталом» Маркса.

Т.т. КСЕНОФОНТОВ [1]), КВИРИНГ, БОГОЛЕПОВ

Весьма длинную статью, написанную крайне забористым тоном, поместил против моей главы о социалистическом накоплении тов. Ксенофонтов в издающейся в Ташкенте газете «Правда Востока» от 16 декабря 1924 года. В этой статье есть обычные перлы полемической развязности и безответственности, как троцкизм, меньшевизм и пр., которые внесли в наш обиход «старшие». Я не знаю партийного стажа тов. Ксенофонтова. Из забористости тона заключаю, что он не очень велик. А если автором является тот самый тов. Ксенофонтов, который в дискуссии 1923 года энергично участвовал на стороне оппозиции и в частности резко выступал с пишущим эти строки против тов. Бухарина, то забористость уже не требует никаких особых об'яснений.

Тов. Ксенофонтов начинает с изложения ленинских взглядов на взаимоотношения пролетариата и крестьянства, которые я *всегда* разделял, никогда и нигде против них не выступал и сейчас разделяю их целиком и полностью. Я возражаю лишь против их упрощения, вульгаризации, народнического их толкования, особенно опасного для нашей молодежи, которая не проделала со старыми большевиками двадцатилетней борьбы с народниками, эсерами, ревизионистами типа Давида и Фольмара и т. д. В стране со 100 миллионами крестьян и сравнительно тонкой прослойкой пролетариата, при постоянном притоке из деревни новых рабочих, не имеющих пролетарской закалки, при непрерывно усиливающемся давлении товарного хозяйства деревни на государственную промышленность и государственную власть, опасность для нашей молодежи поддаться мелкобуржуазным влияниям со стороны деревни и мелкобуржуазным утопиям не менее

---

[1]) Не надо смешивать с недавно умершим старым членом нашей партии, зам. наркома соц. обесп. Ксенофонтовым.

велика, чем опасность недооценить важность сотрудничества рабочего класса со средним крестьянством.

Тов. Ксенофонтов в законе социалистического накопления не увидел ничего другого, кроме «термина» эксплоатации одной системой другой. Это характеризует приемы полемики оппонентов, а не мою статью. Закон первоначального социалистического накопления есть закон расширенного социалистического воспроизводства, связанный со специфическими закономерностями, закономерностями *данного* периода. Каким образом расширенное воспроизводство в нашей промышленности противоречит интересам крестьянства, хотя бы для него мы брали не только прибавочный продукт рабочих, но и прибавочный продукт крестьян, абсолютно непонятно. В недооценке крестьянства, в ослаблении смычки с деревней оказываются виновными не те, кто своевременно, т.-е. *до* резкого проявления товарного голода, говорил о важности проблемы накопления и об опасности недонакопления, означающей систематический и крайне опасный также и политически кризис недопроизводства, а те, кто не желал понимать принудительной обязательности для нас определенных пропорций накопления, а значит об'ективно неизбежных пропорций отчуждения прибавочного продукта частного хозяйства.

Все свои обвинения насчет возможности срыва рабоче-крестьянского блока мой оппонент может в том же пакете получить обратно: история отправляет обратно этот пакет, потому что настоящим адресатом при проверке на фактах оказался отправитель и его единомышленники. XIV с'езд партии вынес решение об индустриализации страны. Но ни индустриализация, ни борьба с товарным голодом *на основе развертывания собственной промышленности* без быстрого накопления на каждой предыдущей фазе воспроизводства невозможны.

Умейте же быть *ленинцами по существу* при этой новой обстановке, а не в сфере болтологии.

Тот же автор откликнулся на мой ответ тов. Бухарину в рецензии на № 11 книжки «Вестник Коммунистической Академии» [1]). Он считает мой ответ капитуляцией. Я ожидал, что этот метод капитуляции со стороны оппонентов когда-нибудь будет пущен в ход, и не ошибся. Для меня важно,

[1]) „Правда Востока", 5/VIII 1925 г.

однако, существо дела, важно, чтобы развиваемые мной взгляды были признаны правильными, независимо от того, в какой литературной форме будут самоутешаться мои оппоненты, после того как все недоразумения, вызванные моей первой статьей, или полемические искажения моей точки зрения будут устранены.

Тов. Ксенофонтов [1]) выдвигает, кроме политических «аргументов», которые сводятся к обычному склонению слова «троцкизм» и от которых давно уже всех тошнит, два соображения: одно методологическое и другое из области экономической политики. Что касается последнего соображения, то рецензент возражает против моего утверждения о необходимости итти от накопления к понижению цен, а не наоборот. Он пишет: «Раньше чем накоплять, нам нужно было развязать крестьянский рынок, покупательную способность крестьянина, «отпереть наш рынок» и только на основе этого уже итти к накоплению. Так и было: от политики понижения цен к накоплению, а не от накопления к понижению цен».

А я утверждаю, что *и было* как раз наоборот: *и будет всегда как раз наоборот*. Осенний кризис сбыта, который оказался эпизодом и был связан не только с тем, что цены на продукцию наших трестов были высоки, но и цены на хлеб непомерно низки, был ликвидирован так легко путем понижения промышленных цен и под'ема хлебных цен благодаря государственным заготовкам только потому, что государственная промышленность могла в результате предыдущего накопления понизить цены и выдержала дальнейшее снижение только благодаря расширению производства, более полной загрузке фабрик и т. д., т.-е. опять-таки благодаря расширенному воспроизводству, т.-е. накоплению. Только расширенное производство, при прочих равных условиях, способно создать предпосылки для понижения себестоимости и только на этой базе возможно снижение цен, как *функция* расширенного воспроизводства, т.-е. накопления (под накоплением в широком смысле мы понимаем расширенное воспроизводство, которое включает в себе неизбежно накопление материальных ресурсов в предшествующем цикле). Так было и только так

---

[1]) Автор подписался инициалами Ф. К., но сам устанавливает свое авторство по отношению первой статьи.

будет, особенно в период, когда предстоят каждый год огромные и все растущие затраты на восстановление основного капитала и на новое строительство. Тот, кто предложит снижать цены на металл или ситец, раньше чем будет достигнуто *уже* раньше снижение себестоимости, тот предлагает приостановку не только расширенного, но и простого воспроизводства. Наиболее резкое и заметное снижение цен мы сможем провести *после* постройки новых заводов и стандартизации производства по американскому типу. А для такой новой постройки уже предварительно надо иметь ресурсы, а это и при этой новой ситуации означает: сначала *накопление,* а потом *понижение* цен.

Поскольку мои оппоненты переносили спор против моей главы о социалистическом накоплении в сферу экономической политики, они были *биты не в печати, а побиты историей, побиты полностью и целиком, побиты фактом длительного товарного голода,* в то время, как моя статья о социалистическом накоплении была его научным *предвидением.*

Теперь еще немного о методологических замечаниях тов. Ксенофонтова. Мой оппонент, противопоставляя мой метод исследования абстрактно-аналитическому методу Маркса, пишет, что «*метод Маркса исходит из «первого конкретного»... Далее Маркс расчленял это «первое конкретное» на его абстрактные категории и из них восстанавливал «второе конкретное»—познанную капиталистическую действительность*»... «А тов. Преображенский построил «свой капитал» иначе. Он взял конкретные отношения советского общества в заранее *неверном разрезе, абстрагировался от всех отличительных свойств закономерностей экономики рабочего государства в крестьянской стране,* и у него получилась формально-логическая действительность абстрактного рабочего государства. а не *действительного рабочего государства в крестьянской стране*».

Я не буду разбирать вопроса о том, хорошо ли автор излагает метод Маркса. Для меня важно здесь, что он не понимает разницы в методологическом подходе к анализу системы, где действует *один* основной закон, один основной регулятор,— при капитализме, следовательно, закон ценности, из которого могут быть выведены все категории (независимо от способа изложения),—и между системой, где действуют два закона.

Прежде всего «товар», который анализирует Маркс в I томе «Капитала», не менее, а более абстрактное существо, чем закон ценности и закон социалистического накопления *в конкретной стране*, экономикой которой я занимаюсь. Во-вторых, автор не понимает, что все мое построение, касающееся закона первоначального социалистического накопления, вытекает прежде всего и больше всего именно из крестьянского характера страны (что видно в частности хотя бы по тем народническим воплям, которые вызвала эта глава). Чем страна, где начинает бороться за свое существование и развитие социалистический сектор хозяйства, является более крестьянской, менее пролетарской, тем реальная экономическая политика рабочего государства должна *больше* отклоняться от теоретически мыслимой прямой закона первоначального социалистического накопления или, что пока одно и то же, закона расширенного социалистического воспроизводства. Чем более крестьянской является страна, тем более абстрактным должен быть метод исследования, потому что тем важней будет отделить в политике государства то, что *диктуется* законом соцнакопления и что называется крестьянским характером страны. Чем страна является более индустриальной, более пролетарской, тем менее, при анализе ее социалистической экономии и динамики расширенного социалистического воспроизводства линия действия этого закона в чистом виде будет отклоняться от реальной экономической политики рабочего государства, тем меньше придется прибегать к абстракции. Дело, следовательно, обстоит как раз наоборот в сравнении с тем, что утверждает тов. Ксенофонтов.

Из других оппонентов упомяну о т.т. Квиринге и Д. Боголепове. Тов. Квиринг по разным поводам давно уже преследует меня своей полемикой, на которую я, в виду ее бессодержательности, не считал нужным отвечать. По разбираемому вопросу он не прибавил новых аргументов к тому, что говорили другие оппоненты, и, главным образом, оперирует одним доводом: недооценка крестьянства. Мы видели уже, кто действительно недооценил крестьянство и его покупательные возможности. Мне не приходится долго останавливаться на т. Квиринге. Когда читаешь его литературные произведения, на память

всегда почему-то упорно приходит фраза Бисмарка о современных ему журналистах. Бисмарк сказал про них, что они явно ошиблись в своем призвании.

Тов. Д. Боголепов также упорно преследует меня своими рецензиями в «Экономической Жизни», но не считает нужным доказывать свои изречения. Насчет главы о социалистическом накоплении он писал в свое время [1]): «Никоим образом, однако, статья не может быть признана за произведение серьезной научно-марксистской мысли».

Я не знаю, как отнесется представленная тов. Боголеповым «серьезная и научно-марксистская мысль», к настоящей работе. Должен признаться, однако, что я не дрожу перед приговором этой Фемиды, которую ученики давно уже обогнали, и в понимании марксизма и нашего хозяйства. Я гораздо больше рассчитываю на беспристрастную оценку со стороны нашей учащейся и особенно рабочей молодежи, а также на отзыв всех тех, кому общие фразы о нэпе давно уже надоели своей бессодержательностью и кто для ориентировки во все более усложняющейся обстановке ищет выхода на путях более углубленного исследования нашей экономики.

В заключение я хотел бы об'яснить читателям, почему в своей полемике против моих критиков я соблюдаю мягкость тона, совсем непропорциональную и их неправоте и энергии их выражений. Если имеешь что сказать по существу, легко отказаться в интересах дела от полемических резкостей, которые прикрывают часто у моих оппонентов отсутствие собственной точки зрения на ряд новых проблем. Между тем, я имею сказать еще очень многое в защиту моих положений, и притом с цифрами в руках. Этим естественным преимуществом своего положения я воспользовался в настоящей книге.

---

[1]) „Экономическая Жизнь", 3/XII 1924 г.

Т.т. АСТРОВ, ГОЛЬДЕНБЕРГ, НАГИЕВ

Количество моих оппонентов находится в обратном отношении к теоретическому качеству их критики. А низкое качество критики выражается прежде всего в том, что она слишком много берется доказать. Мои критики набирают аргументы, как тряпичники: где бы что ни попалось; и, как всегда, берущийся доказывать слишком много, в итоге ничего не доказывает. Между тем при логической связности моей концепции, которой никто из оппонентов не отрицал, моим критикам следовало бы сосредоточенным огнем разрушить несколько основных исходных положений, и тогда все выводы пали бы сами собой. Так поступает настоящая критика, которая *бьет противника*, а не бьется сама на куски об об'ект нападения. Но для *такой* критики нужна мелочь, которой нехватает моим оппонентам: нужны продуманная до конца собственная контр-концепция советского хозяйства и формальный разрыв с марксизмом. Такой контр-концепции. однако, они еще иметь не могут, и вот почему. Все, без исключения мои критики, являются эклектиками. Они начали эволюцию от революционного марксизма и ленинизма, т.-е. начали в теории отход с классовых позиций пролетариата, но еще не знают, чем они кончат. Одни, несомненно, вернутся обратно, на старые позиции ленинизма, другие проедут дальше в теперешнем направлении. Идеологическим пределом этой поездки является народничество советского издания. Но для многих возможна весьма свойственная интеллигенции остановка посередке, между двумя станциями, именуемыми пролетариат и мелкая буржуазия. Если дело кончится балансированием между двумя классами, то при такой неудобной позиции никакой сколько-нибудь связанной и стройной контр-концепции мои критики вообще никогда не дадут. Что же касается позиции последовательного народничества, то продумать ее до конца теперь же, побеждая время и еще не пройденное

историческое пространство и стать на ее защиту — вещь, на которую вряд ли кто из моих критиков способен: будучи людьми текущей кон'юнктуры и в политике и в теории, они одинаково неспособны как на последовательно пролетарскую, так и на последовательно мелкобуржуазную точку зрения.

Вот почему опасность серьезной критики мне не угрожает. Вот почему мне придется заняться набором аргументов моих оппонентов, а не системой аргументов.

Начну внешне с самого существенного возражения, выдвинутого против меня с некоторым опозданием т. Астровым и повторенного затем т. Гольденбергом и другими. Меня упрекают в основной методологической ошибке, заключающейся в противопоставлении социалистическому сектору *всего* частного хозяйства, без дифференциации последнего на капиталистические элементы, на мелкое производство деревни, на бедноту и т. д. Тов. Астров пишет: «Основной» закон развития социалистического сектора хозяйства, преодолевающего хозяйство частное, оказывается одним и тем же, идет ли речь о взаимоотношениях социалистических элементов с мелкими крестьянскими хозяйствами, или с капиталистами, концессионерами и т. п.»[1]).

«Конечно, все частные хозяйства отличаются тем, что они не социалистические. Конечно, можно найти известные общие принципы, с которыми социализм подходит ко всему частному хозяйству вообще. Но тот, кто на плоскости этих слишком общих принципов соблазняется построить очень простую и на взгляд стройную систему двух лагерей — на одной стороне социализм, на другой все прочее — и отыскать один «всеобщий» закон социалистического накопления за счет частного хозяйства для переходного периода, тот сам рискует впасть в излишнюю «простоту», а его схема останется грубым и политически вредным упрощенством»[2]). «... теория переходного периода должна быть *в своей основе* теорией двухклассового общества (рабочие и крестьяне). С этого конца она должна начинаться». «*Социализм плюс мелкое производство*» здесь должны быть исходной ступенью абстракции,

---

[1]) „Большевик", № 13, стр. 9.

[2]) Там же, стр. 10.

после чего в сферу анализа должен быть введен в порядке конкретизации вопроса капитализм» [1]).

Таково возражение. Прежде всего устраним с самого начала возможные недоразумения. Когда я противопоставляю тенденции развития государственного, с одной стороны, и частного хозяйства, с другой, дело идет об исследовании *об'ективно складывающихся отношений*, а не об *экономической политике советского государства* по отношению к отдельным группам крестьянства, частному капиталу и т. д. Между тем говоря об «общих принципах, с которыми социализм подходит ко всему частному хозяйству вообще», т. Астров как будто бы говорит не только о научном подходе, не только об исследовании того, что есть, но и об экономической политике. Такое смешение было бы путаницей.

В общетеоретической части своего анализа советского хозяйства я не ставлю своей задачей более конкретного исследования взаимоотношений отдельных групп крестьянства к социалистическому сектору, п. ч. это составляет тему второго тома. В первой части работы я ограничиваюсь тем, что подчеркиваю основное противоречие между развивающимся социалистическим сектором хозяйства и всем частным хозяйством потому, что это противоречие в сфере регулирования развертывается, как борьба закона первоначального социалистического накопления с законом ценности, т.-е. по линии борьбы двух систем, исторически сменяющих одна другую: системы товарного производства и системы планового социалистического производства. Между *простым* товарным производством, представленным в нашей экономике не эксплоатирующими чужого труда крестьянами, ремесленниками и кустарями, и капиталистическим производством есть, употребляя зоологический термин, видовое различие, но и та и другая экономики одного *рода*, т.-е. то и другое есть *товарное производство*. При противопоставлении *всего товарного производства* социалистическим тенденциям развития исследователь *обязан* абстрагироваться от видовых различий простого товарного и капиталистического производства. Отказ от исследования законов развития нашей экономики в этой плоскости есть капитуляция перед мелкой буржуазией в сфере теории.

[1]) Там же, стр. 11—12.

Это первое. Второе и самое важное доказательство правильности именно моего метода анализа заключается в следующем. Кто наш *основной* враг, откуда угрожает основная опасность советской системе? Разумеется, от мирового капитализма. Когда я противопоставляю социалистический сектор нашей экономики частному хозяйству, то ведь в частное хозяйство, как территорию действия закона ценности, входят основной величиной мировое хозяйство и мировой рынок. Чем дольше существует наша система и чем более растет ее связь с мировым разделением труда, тем ясней должно делаться для всех, даже для людей с захолустным кругозором, что основная линия борьбы социалистического сектора нашего хозяйства с буржуазной системою пролегает именно по линии борьбы с мировой капиталистической экономикой, что должно отражаться и на всей сумме наших отношений с внутренним капитализмом и с внутренним мелким производством. Закон ценности есть закон мировой экономики, он действует искаженно в нашей системе или частично ликвидируется не от того, что у нас 100 миллионов крестьян, а *несмотря* на то, что их столько, и *благодаря* существованию социалистического сектора нашего хозяйства.

Тов. Астров думает улизнуть от признания наличности в нашей экономике закона первоначального социалистического накопления, сделав теорией переходного периода теорию двухклассового общества. Я уверяю его, что если начать исследование с этого конца и добросовестно вести его в духе революционного марксизма и ленинизма, не впадая в национально-крестьянскую ограниченность, то закон первоначального социалистического накопления настигнет исследователя неизбежно, пусть даже в качестве закона, выведенного индуктивным путем. Ведь исследователь будет заниматься не отношением между рабочими и крестьянами при диктатуре пролетариата вообще, а отношениями между этими классами в конкретной советской экономике данного периода. Попробуйте обойти при таком исследовании факт дифференциации крестьянства, в результате чего пока развитие производительных сил по линии создания кулацких и зажиточных хозяйств, т.-е. путем не социалистической, а антисоциалистической организации земледельческого труда, идет быстрей создания производительной кооперации в деревне (колхозы, главным

образом). Попробуйте обойти проблему экспорта, импорта и экспортирующих групп крестьянства, забыть о соотношении наших цен с заграничными, попробуйте обойти проблемы товарного голода, накопления и индустриализации *в данных условиях*, т.-е. при данных соотношениях экономики СССР с мировым хозяйством. Закон первоначального социалистического накопления есть закон соотношения социалистического сектора нашего хозяйства не только с частным хозяйством внутри, но и со всем мировым хозяйством. Превращать его в теорию взаимоотношения государственного хозяйства с крестьянским хозяйством значит подменять всю проблему одной ее частью. Отвлечься от мирового рынка и от основного нашего противника и стряпать теорию замкнутого рабоче-крестьянского общества и его экономики значит заменять марксистское исследование вопроса пошехонской или глуповской теорией советского хозяйства. Я очень бы рекомендовал тов. Астрову и другим моим оппонентам, стоящим на его точке зрения, поторопиться с таким исследованием. Это было бы, вероятно, такое посмешище, что три четверти наших споров было бы ликвидировано вмешательством нового фактора, смеха, который, как говорят французы, убивает.

Весь второй раздел статьи т. Астрова, озаглавленный «Теория тов. Преображенского, как обоснование политики экспроприации крестьянства», представляет из себя «обоснование» этой политической клеветы. На политическую полемику я не намерен отвечать в настоящей книге, поэтому прохожу мимо и данного выпада. Советую только т. Астрову навести справку из истории рабочего движения, как именуются в нем люди, которые занимаются натравливанием мелкого собственника на социализм, и чем кончались обыкновенно такие упражнения [1]).

В процессе накручивания аргументов против моей книги, перечислять и разбирать которые было бы, во-первых, скучно и бесполезно (в порядке *подобного спора* их можно настрять сотню) и кроме того значило бы поощрять оппонента на продолжение этого занятия, я остановлюсь только на двух.

[1]) Отношение государственного хозяйства к крестьянскому с этой точки зрения чем дальше, тем больше делается лишь функцией нашего взаимоотношения с мировым капитализмом, что, конечно, не исключает, а обязывает конкретно анализировать отношение рабочих и крестьян в советской системе во всем их своеобразии и динамике.

По мнению т. Астрова, выдвигая борьбу двух начал, т.-е. социализма с частным хозяйством, я 1) забываю о ленинском требовании «перечисления всех пяти укладов», о которых Ленин говорит в брошюре о продналоге, и затем 2) что из моей книги не ясно, какая форма у нас господствует. Я останавливаюсь на этом «накрученном» аргументе не потому, что он ставит в достаточно глупое положение и самого оппонента и его компанионов, а вследствие важности вопроса о характеристике всей нашей системы, как целого.

Возражая мне в своих фельетонах в «Правде», т. Бухарин упрекает меня в том, что я вижу борьбу, но не вижу единства всей нашей экономической системы, как будто единство нашей экономики не есть результат борьбы, не есть равнодействующая борьбы организованного в государство, вооруженного государственным хозяйством и поддерживаемого беднейшим крестьянством пролетариата с мировой экономикой [1]). А т. Астров, чтобы, очевидно, подкрепить т. Бухарина и подчеркнуть «единство» системы, рекомендует мне вспомнить о пяти укладах.

Во-первых, Ленин *никогда* не переставал твердить о борьбе именно двух начал в нашей системе и иногда в такой резкой форме, которая теперь положительно должна отпугивать наших комнародников. Во-вторых, указание на пять реально-существующих в нашей экономике укладов нисколько не мешает анализировать их с точки зрения борьбы двух начал, т.-е. с точки зрения классификации их по основным исторически-существующим формам производственных отношений. Мы имеем здесь два основных звена: во-первых, социалистическую форму с большинством или с частью кооперативной периферии (с периферией рабочей кооперации во всяком случае) и затем товарное производство, простое и капиталистическое. Вот на эти-то два основные звена и надо ориентироваться для характеристики всей системы, потому что отношения госкапиталистического типа и частью кооперации есть отношения промежуточные, отношения связи между этими двумя звеньями. Это соединительная ткань двух разных экономических форм. Нельзя определить систему по соеди-

---

1) Все обвинения меня насчет „колоний", грабежа крестьянства и т. д. являются упражнениями подобного же рода и лишь агитируют крестьянство против строительства социализма.

нительной ткани, которая только потому и существует, что первые два звена сосуществуют в одной системе, как два борющиеся начала. Нельзя определять систему и только по одному из основных звеньев. У нас борются и кооперируют на основе борьбы социалистическое начало с началом товарного производства. Потому и всю нашу систему я давно еще предложил назвать переходной товарно-социалистической системой. Ни одного убедительного аргумента против такой характеристики я не слышал, кроме указания на неуклюжесть двойного термина. Но неуклюжесть термина отражает «неуклюжесть» всей нашей экономики. При победе социализма в Европе социалистическое начало будет господствующим по всей линии с самого начала, и для такой экономики не нужно будет, вероятно, и термина товарно-социалистическое хозяйство. Во всяком случае, с тех пор как Ленин снял свой термин «госкапитализм» по отношению ко всей нашей экономике, взятой в целом, наша система «гуляет без названия». Пора бы на что-нибудь решиться. Впрочем, на моих оппонентов рассчитывать очень не приходится: социальная подпочва их критики—не из тех «базисов», на которых произрастают цветы теории.

Что касается вопроса о господствующем начале в нашей экономике, то попытки т. Астрова подсунуть мне признание господствующим началом капитализм, с блестящей перспективой повести дальше спор на основе «господствующих» в нашей полемике нравов» и по хорошо уже проезженной дороге я должен прервать в самом начале.

Тов. Астров, конечно, знает, что все эти хитросплетения являются вздором, потому что противоречат основным предпосылкам и основным выводам книги, а также многим местам текста. Но так как безнадежная эклектика его собственных взглядов и отсутствие за душой продуманной собственной точки зрения на наше хозяйство лишают его возможности вести полемику по основным пунктам действительных разногласий, он пытается накрутить аргумент насчет моего пессимизма, не зная, что его же единомышленники упрекали меня до сих пор в излишнем оптимизме насчет возможной роли планово-социалистического начала в нашей экономике. У нас сейчас идет борьба двух систем, и господствовать будет та, которая победит. Вообще в аргументах моих критиков

можно найти вопиющие противоречия. Каждый из них хочет «отличиться» в полемике и собирает свой «шурум-бурум» всюду, где только можно. А так как ни у кого нет единой продуманной концепции, а только общая линия на комнародничество, то на каждом шагу они пред'являют совершенно противоположные аргументы. Можно было бы написать целую статью на тему о противоречиях в писаниях моих оппонентов, если бы исследование новых проблем не заставляло отложить это не очень производительное занятие до другого раза. Людям, подчеркивавшим в полемике со мной (впрочем, без всякого повода с моей стороны) вредные последствия «монополистического загнивания» нашей госпромышленности, я хотел бы напомнить о вреде монополистического загнивания некоторой части нашей печати и о чрезвычайной опасности монополии на критику для таких «писателей», как мой оппонент.

Перехожу теперь к т. Гольденбергу. На одну его статью я дал уже ответ в № 15—16 «Большевика» от 31 августа и здесь не намерен повторять изложенных в ней возражений. Здесь я хочу остановиться на статье т. Гольденберга в № 11 «Большевика» под заголовком «Вопросы экономического курса» и на ответе его мне, помещенном в № 15—16 «Большевика».

В отличие от «предыдущего оратора» возражения т. Гольденберга не носят характера грубо состряпанной политической клеветы. Но накручивание аргументов налицо и здесь. Так, например, в первой из названных статей имеется следующее соображение оппонента насчет противоречия во всем моем построении. Изложив мою точку зрения насчет того, что развитие государственного хозяйства в оптимальных размерах теперь невозможно вследствие сопротивления частного хозяйства, и указав, что развитие к социализму будет означать усиление социалистических тенденций, их удельного веса, а значит приближение к оптимуму закона первоначального социалистического накопления, мой критик заключает: «...иными словами, чем сильней будет развита социалистическая промышленность и чем ближе мы будем к социализму, тем менее эквивалентным будет наш обмен с сельским хозяйством, тем больше будет налогов на деревню, тем дороже будут цены промышленных товаров, потому что

в чем же другом, кроме этого, может выразиться приближение к оптимуму первоначального социалистического накопления, которое должно явиться результатом изменения «соотношения сил» в нашу пользу.

Чем ближе к социализму, тем больше отчуждения, тем больше перекачки! Это явный абсурд, это сумасшедшие пустяки, но пусть попробует тов. Преображенский сделать другие выводы из своих собственных слов».

Я остановился на этом «аргументе» т. Гольденберга, чтобы показать каждому добросовестному читателю, как пишутся по нынешним временам «возражения». Это один из итогов той полемики против т. Троцкого, которая отравила всю атмосферу и создала небывалую безответственность в полемике вообще и в теоретической полемике в частности. По существу возражение т. Гольденберга является совершенно детским недоразумением и неумением обращаться не только с диалектической, но и с элементарной логикой.

Почему я говорю о *первоначальном* социалистическом накоплении?

Потому, что оно предшествует настоящему социалистическому накоплению, подготовляя элементы для последнего.

Чем социалистическое накопление будет отличаться от первоначального социалистического накопления?

Тем, что оно будет происходить в условиях, когда социалистический сектор хозяйства подведет под себя новую техническую базу и разовьет все присущие ему экономические преимущества над капитализмом. Наоборот, первоначальное социалистическое накопление происходит на базе более низкой, чем при капитализме, технике, при более низком уровне культуры работников государственного хозяйства.

Чем является с этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления?

Он является законом преодоления указанной экономической и технической отсталости государственного хозяйства в сравнении с передовым капитализмом. Для преодоления же этой отсталости необходимо, во-первых, накопление материальных ресурсов для расширенного воспроизводства каждого года из источников самого государственного хозяйства и из источников частного, в том числе крестьянского хозяйства, а во-вторых, необходимы такие пропорции в распределе-

нии труда в государственном хозяйстве, которые воспроизводят каждый раз в расширенном масштабе, социалистический сектор на основе определенных уравнений пропорциональности с частным хозяйством.

Что означает *в каждый данный конкретный год* увеличение оптимума накопления и развертывания производства в социалистическом секторе?

Ускорение всего процесса, а значит, сокращение срока действия закона первоначального социалистического накопления, который является продуктом нашей социалистической отсталости.

Значит, чем успешней развертывает свое действие закон первоначального социалистического накопления, тем более он подкапывается под условие своего собственного существования?

Совершенно верно, т. Гольденберг! Чем ближе к социализму, тем не больше, а с известного момента меньше «отчуждения», потому что тем больше накопление на собственной основе государственного хозяйства, потому что тем эквивалентней обмен в сравнении с теперешним положением. Неэквивалентность обмена с мелким *индивидуальным* производством в земледелии будет появляться и усиливаться в дальнейшем лишь на основе роста крупного социалистического и кооперативного земледелия, *но уже не как результат действия закона первоначального социалистического накопления, а вследствие общего экономического превосходства крупного производства над мелким.*

Весь смысл аргумента моего оппонента можно резюмировать на таком примере. Тов. Гольденберг является, допустим, на с'езд комиссий по борьбе с безграмотностью и говорит: «Товарищи, ведь в основе вашей работы лежит «явный абсурд». Если вы увеличиваете безграмотность, вы действуете вопреки вашей основной задаче. А если вы ее уменьшаете, то вы уничтожаете чем дальше, тем больше самый смысл существования ваших комиссий». За такую речь оратора подвергли бы, вероятно, медицинскому осмотру со стороны состояния его умственных способностей. В теоретическом же споре все подобные «сумасшедшие пустяки» печатают в серьезном журнале, не вызывая никаких сомнений, а над читателями потешаются, как над милыми детьми.

В своем ответе в № 15—16 «Большевика» т. Гольденберг, снова возвращаясь в одном месте к только что разобранному «аргументу», выдвигает еще несколько соображений, на которых мы остановимся совсем кратко.

Тов. Гольденберг продолжает меня обвинять в голых абстрактных противопоставлениях социализма капитализму и в том, что, по моему мнению, якобы «изучение переходного периода надо строить на анализе переходного периода *абстрактного*». На самом же деле я никакими «абстрактными переходными периодами» не занимаюсь, а исследую советскую, т.-е. конкретную, экономику и в совершенно конкретный период ее развития, т.-е. в период, когда государственное хозяйство преодолевает свою техническую и экономическую отсталость по сравнению с передовым капитализмом. И законом этого периода (кроме коренящегося в условиях товарного производства закона ценности) является точно так же вполне конкретный закон первоначального социалистического накопления, который представляет из себя обобщение массы конкретных фактов из жизни нашей экономики. Наоборот, мой главный оппонент т. Бухарин целиком и полностью виноват в том грехе, который т. Гольденберг приписывает мне. Его попытка противопоставить моей концепции свою, пока свелась к ряду общих рассуждений о трансформации закона ценности в закон пропорциональности трудовых затрат, при чем особенности данного периода нашей экономики из его анализа уплыли. Нисколько не сомневаюсь в том, что т. Гольденберг с горестью должен был констатировать этот факт при чтении фельетонов т. Бухарина.

Затем я должен опечалить т. Гольденберга напоминанием о том, что за первым моим томом последует второй, где исследуется на большом фактическом материале, как *конкретно* проявляется закон первоначального социалистического накопления внутри государственного хозяйства, как он действует на стыке государственного хозяйства с частным и как складывается то общехозяйственное равновесие в нашей системе, которое отображалось на цифровом балансе нашего хозяйства за истекшие годы. Тогда борьба с моей точкой зрения для оппонентов будет куда потрудней, чем теперешнее выдумывание аргументов «вообще». То, что я дал до сих пор, было лишь общетеоретическим введением к конкретному анали-

зу нашего хозяйства, а отнюдь не теорией «абстрактного переходного периода», потому что для такой теории еще нет самого материала исследования, поскольку наша страна является единственной—и притом не типичной по своему экономическому укладу—страной социалистического строительства.

Указание т. Гольденберга на то, что я не даю в теоретическом введении конкретного анализа классовых взаимоотношений в нашей стране формально правильно. Но я уже показал в ответе т. Астрову, что закон первоначального социалистического накопления в его общей форме есть закон взаимоотношения социалистического сектора нашего хозяйства со всей экономикой товарного производства внутри и вне страны, как закон ценности, отвлекаясь от его трансформации, например, закон цен производства при капитализме, является законом всего товарного производства вообще и в сфере простого товарного производства проявляется независимо от того, идет ли дело о производстве и обмене середняцкого или же самого что ни на есть бедняцкого хозяйства. Что закон первоначального социалистического накопления, превращаясь в сознательную норму экономической политики государства, и взятый со стороны распределения национального дохода, конкретно должен проявляться *иначе* во взаимоотношениях государственного хозяйства с кулацким хозяйством, во-первых, с середняцким, во-вторых, и бедняцким, в-третьих, это совершенно очевидно. Но я намеренно не занимался в первой части своей работы ни более конкретными исследованиями производственных отношений рабочего класса к разным слоям крестьянства (кроме отдельных замечаний), ни анализом экономической политики советского государства. Смешно возносить на принципиальную высоту возражения против распределения глав в той или иной работе.

Но перенесение полемики со мной именно в эту плоскость имеет еще и вот какой смысл. Мои оппоненты упорно пристают ко мне с предложением высказаться по поводу путей *производственного* кооперирования крестьянского хозяйства и закономерностей этого процесса. Я понимаю горячее желание моих оппонентов послушать даже своего противника на тему, теоретическая разработка которой им никак не удается. Но не будет ли правильней им самим взять первым слово? С тех пор, как я предложил моим критикам вместо выражения

своей «веры» в этот процесс дать хоть немного места «знанию», ни одной теоретической работы на названную тему на книжном рынке зарегистрировано не было. И неудивительно. Маркс заметил как-то ядовито, что еще не придумано средство ловить рыбу в водах, где она не водится, что применительно к нашей теме означает невозможность давать теорию процесса, который в массовом масштабе еще не начинался, который лишь еле-еле намечается.

Не желая вступать с т. Гольденбергом в спор по вопросам экономической политики, я хочу здесь разоблачить в двух пунктах его полную капитуляцию по вопросам, связанным с нашим теоретическим спором. Как это и полагается в таких случаях, капитуляция прикрыта передержками и ей придан вид наступления.

Я поймал т. Гольденберга на непонимании формулированного мною закона [1]), указав, что наше государственное хозяйство может накопить 4 — 5 миллиардов согласно перспективному пятилетнему плану хозяйства только благодаря действию закона первоначального социалистического накопления, потому что мы будем иметь отпускные цены много выше заграничных, а, значит, гораздо более неэквивалентный обмен с земледелием, чем за границей. На это мой критик отвечает: но ведь цены-то будут все же уменьшаться, и по промышленным изделиям уменьшатся на 20%. Жалкий прием! А где я говорил, что они будут увеличиваться? Я говорил, что на весь период этого накопления они будут много больше заграничных, а ведь именно в этом суть дела. Мы накопим лишь на основе борьбы с мировым законом ценности, хотя бы размеры неэквивалентности постепенно падали, что и составляет цель нашей политики, достигаемой именно через накопление.

Второй вопрос. Почему мы *вынуждены*, даже согласно довольно минималистскому пятилетнему плану Госплана, увеличивать основной капитал промышленности в течение пятилетия на 10,5%, т.-е. по отношению к нашему жалкому основному капиталу более быстрым темпом, чем шло увеличение этого капитала в капиталистических странах?

Да именно потому, что такой или даже больший темп диктует нашей экономике закон первоначального социали-

[1]) См. „Большевик“ № 15—16. „Экономические заметки“, стр. 74.

стического накопления, как регулятор хозяйственной жизни, и диктует в борьбе с мировым законом ценности. Ибо при свободном действии этого закона такое накопление, в обстановке переиндустриализации Европы, является экономически совершенно бессмысленным. И наоборот, с точки зрения расширенного воспроизводства в нашем социалистическом секторе такое увеличение есть необходимейшая предпосылка самосохранения всей нашей системы.

Почему такое накопление возможно?

На изменение строения потребительского бюджета страны в результате Октябрьской революции, в результате уничтожения помещичьего класса и крупной буржуазии, я указывал до т. Гольденберга. Однако, проблема приспособления общественного потребления к производству на основе новых пропорций накопления и распределения труда решается практически только благодаря экономической политике, *диктуемой* законом первоначального социалистического накопления, как законом самосохранения системы при данных взаимоотношениях наших с мировым капитализмом. Если бы наша страна стала теперь буржуазной, такие пропорции накопления не вызывались бы экономической необходимостью, и расширение внешней торговли решило бы многие из тех проблем, которые мы можем решить *только* путем интенсивного накопления и быстрой индустриализации.

Наконец, указание т. Гольденберга, что в законе первоначального социалистического накопления нет ничего специфического, чего не знает буржуазная экономика, и что в частности протекционизм хорошо знаком всем буржуазным странам, является настоящим перлом. Во-первых специфический характер нашей экономики меняет по социальному существу роль тех или иных сходных с буржуазным режимом институтов, методов экономической политики и т. д. Во-вторых, что касается в частности нашего протекционизма, не говоря уже о монополии внешней торговли, то надо быть поистине слепым, чтобы не видеть и не понимать следующих вещей. Когда молодая капиталистическая страна вводит охранительные пошлины, то 1) закон ценности продолжает действовать и воспроизводить внутри ее именно капиталистические отношения, лишь в ином соотношении между национальным и иностранным капиталом; 2) протекционизм не ме-

шает, а часто способствует импорту капитала в данную страну благодаря более высокой норме прибыли, которая в ней существует в сравнении со странами старого капитализма; 3) протекционизм не мешает заключению внешних займов для данной страны, которые, поскольку они имеют производительное назначение, являются способом увеличения внутреннего капитала производства за счет внешних ресурсов. У нас, наоборот, протекционизм и монополия внешней торговли ограждают процесс расширенного воспроизводства *социалистических отношений*, т.-е. экономику, которая находится в состоянии скрытой войны с экономикой мирового капитализма, экономику, которая включается в мировое разделение труда способом, совершенно исключительным и небывалым в истории товарного хозяйства, т.-е. на основе монополии внешней торговли, планового экспорта и, что еще важней, планового импорта. При таких условиях протекционизм не компенсируется импортом иностранного капитала, не желающего в широком масштабе притекать в чужеродную хозяйственную систему, а потому проблема накопления стоит для нас совершенно иначе, чем для любой молодой капиталистической страны в прошлом или настоящем. Не видеть здесь разницы между социалистическим и капиталистическим протекционизмом, между ролью неэквивалентного обмена здесь и там и т. д. значит, примерно, тоже, что не видеть разницы между советской системой государства и буржуазным государством только потому, что и у нас есть классовый суд, милиция, армия и т. д.

В рецензии Дж. Нагиева, помещенной в «Экономической Жизни» от 6 июня, меня интересует не резко враждебный тон рецензии, потому что другого приема в библиографических отделах нашей прессы я и не ожидал, а одна существенная безграмотность, допущенная редакцией газеты в заметке Нагиева. Эта безграмотность касается очень важного принципиального вопроса о том, чем развернутый социализм отличается от полного коммунизма, и может ввести в заблуждение нашу учащуюся молодежь, которая невежество рецензента может принять за официальную точку зрения марксизма и ленинизма в данном вопросе. В моем докладе в «Пролеткульте» на тему «О материальной базе культуры в социали-

стическом обществе» есть, между прочим, такое место: «Под социалистическим обществом я буду разуметь общество, в котором еще существуют классы, во всяком случае—два основных класса: класс работников государственного социалистического хозяйства, с одной стороны, и с другой—мелкобуржуазные слои населения, экономически уже совершенно подчиненные плановому хозяйству, но которые существуют все-таки как самостоятельный класс». По поводу этого места рецензент пишет: «Нам кажется, что такую детскую ошибку не допустил бы ни один наш рабфаковец. Мы проверили почти все работы Маркса и Энгельса, и нет ни одной, где бы оба они не говорили, что при социализме и коммунизме классов не будет».

Дж. Нагиев напрасно тратил так много труда на проверку текстов, потому что есть вещи, которые надо искать не столько в текстах, сколько в собственной голове. Если человек не понимает: 1) что такое диалектика вообще (не понимает часто тем больше, чем *чаще* о ней говорит), 2) какую роль играет терминология при обозначении той или иной ступени диалектического процесса, то при решении любого вопроса, требующего знания вышеуказанных вещей, десятикратные чтения Маркса, Энгельса, Ленина такому человеку пользы не окажут.

В развернутой системе коммунистического общества не будет ни классов, ни государства. Это не возбуждает никаких споров и недоразумений. Но на первой или низшей фазе коммунистического общества хотя не будет классов, хотя все средства производства будут социализированы, тем не менее в системе распределения еще остается буржуазное право и еще не ликвидирован полностью институт государства. На эту последнюю тему Ленин, вполне согласный в этом пункте с Марксом («Критика Готской программы»), пишет:

«Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, *подавлять* поэтому какой бы то ни было *класс* нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освещающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм» [1]). И несколько дальше Ленин пишет:

[1]) *Ленин*, Государство и революция, Государств. Изд-во, стр. 93.

«Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство—без буржуазии!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу и в природе и в обществе» [1]).

Идем дальше. Что же такое социализм в отличие от коммунизма?

На это Ленин отвечает: «То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества» [2]). Это значит, что при развернутом социализме осуществлена полностью социализация орудий производства, ликвидированы классы, но еще есть остатки буржуазного права и буржуазного государства. Развернутый социализм есть, следовательно, недоразвитый коммунизм. Ну а как же обстоит дело с «первой или низшей фазой» социализма? Будет ли существовать такая, или же вследствие того, что Дж. Нагиев, «проверив» тексты, ничего в них на эту тему не нашел, человечество от капитализма прямо шагнет к развернутому социализму?

Оставаясь на почве марксизма и, если хотите, также и здравого смысла, применяя к социалистическому обществу то же историческое деление на две фазы, какое делают Маркс и Ленин по отношению к коммунистическому, и полагая, что «остатки старого показывает нам жизнь на каждом шагу и в природе и обществе», я считаю: развернутому социализму будет предшествовать социализм недоразвитый, имеющий в себе «остатки старого», к числу которых прежде всего надо отнести незавершенность процесса обобществления орудий производства, что будет означать наличие остатков мелкобуржуазного способа производства и, следовательно, наличие двух классов, рабочих и крестьян, хотя бы и при огромном перевесе первых.

Неизбежности такой фразы развития от капитализма к коммунизму никто отрицать не будет.

---

[1]) Там же, стр. 97.

[2]) Там же, стр. 96.

А как ее назвать? Можно ли ее назвать социализмом?

Безусловно, потому что социализм в такой системе является *господствующим* способом производства. Иначе мы и термин «капитализм» не имели бы права применять к современной Англии, Германии, Америке и т. д., потому что везде в этих странах мы имеем весьма значительные остатки мелкобуржуазного способа производства и чистый капитализм существует только в «Капитале» Маркса [1]).

Исходя именно из желания точно определить в своем докладе, какое значение я вкладываю в термин «социализм», я заявляю в нем: «Все вопросы, связанные с социалистическим обществом, до крайности трудно рассматривать конкретно, если не условиться заранее насчет того, в каком периоде, в каком состоянии развития вы это социалистическое общество берете» [2]). И потому я с самого начала предупредил слушателей, что в данном докладе «под социалистическим обществом я буду разуметь общество,... в котором еще существуют... мелкобуржуазные слои населения, экономически уже совершенно подчиненные плановому хозяйству»...

А Дж. Нагиев, услышав о мелкобуржуазном классе в социалистическом обществе, счел это с моей стороны даже не «парадоксом или просто диалектической игрой ума», а «детской ошибкой» и за отсутствием игры диалектики в собственном уме по-ученически полез за справками в тексты наших учителей. Как будто эти последние обязаны по поводу всех истин, ясных как дважды два—четыре, оставлять в своих работах следы специально для таких читателей, как Дж. Нагиев!

Впрочем, искал он тоже плохо. Он по интересующему его вопросу мог бы у Энгельса в письме к К. Шмидту найти такие слова: «...для всех участников обсуждения, повидимому, *социалистическое общество* представляется раз навсегда уста-

---

[1]) Другой вопрос, можно ли социализм на этой стадии считать „первой фазой коммунистического общества“ или эта фаза начинается только после полного завершения социализации всех орудий производства. Иными словами: с какого момента начинается тожество этих двух терминов? Это вопрос спорный, но это исключительно терминологический вопрос.

[2]) *Е. Преображенский*, О материальной базе культуры в социалистическом обществе, стр. 14. Издание „Пролеткульта“.

новленной, определенной, неизменной вещью, а не чем-то таким, что постоянно меняется и прогрессирует»[1]).

Но если полная социализация и отсутствие классов есть *предел* эволюции социалистического общества и на дальнейших ступенях самый термин «социализм» отпадает, то, наоборот, какие-то остатки старого должны же существовать в социалистическом обществе в предыдущем периоде, чтобы оно могло от чего-то прогрессировать. А такие остатки, это—незавершенность обобществления орудий призводства, остаток мелкобуржуазных слоев населения, более значительная роль государства в сравнении с развернутым социализмом.

Таким образом, то, что Дж. Нагиев называет моей «детской ошибкой», которой «не допустил бы ни один раббфаковец», есть продукт марксистского применения слова социализм, в то время как его совершенно бессодержательная рецензия обнаруживает если не невежество, то крайне слабое, ученическое понимание марксизма.

И в руки таких знатоков марксизма, либо угождающих рецензентов, отдано большинство библиографических отделов наших периодических изданий. Эти люди пишут хвалебные рецензии на часто скучные и бессодержательные брошюры и книги, если их авторы занимают ответственные посты, они расхваливают в рецензиях друг друга, а по отношению к книгам, вроде настоящей, научную недобросовестность критики считают своей политической добродетелью.

Для умственной жизни нашего класса и партии, для нашего продвижения в сфере теории такое положение вещей представляет очень большую опасность.

Еще несколько слов о рабоче-крестьянском блоке, в покушении на который меня обвиняют все без исключения мои оппоненты. Я всегда стоял, стою и буду стоять на ленинском понимании блока и смычки, на большевистском их понимании, как все это изложено в нашей программе и в подлинных статьях и речах Ленина. Перечитывая теперь снова и нашу программу и все относящиеся к вопросу места из Ленина, я не вижу ни малейших принципиальных разногласий с этими документами даже в частностях. Ленин учил нас в каждый данный момент уметь брать *самое характерное* в ме-

[1]) „Письма", пер. Адоратского, стр. 274—5.

няющейся ситуации и хвататься за решающее звено. Таким звеном с периода нэпа он считал товарооборот с деревней. Партия схватилась за это звено, очень много сделала для налаживания государственно-кооперативного аппарата торговли и стоит теперь перед проблемами промышленного недопроизводства и роста розничных цен. Борьба с этим злом, борьба с угрозой смычке на этом поле означает борьбу за более быстрый темп индустриализации. Борьба за ускорение процесса индустриализации есть борьба за более быстрое накопление в промышленности. Отсюда вывод: те, которые раньше указывали на опасность промышленного недонакопления, те раньше продумали вопрос о судьбе рабоче-крестьянского блока на новом этапе нашего социалистического строительства. Ревизия ленинизма в сторону комнародничества не прибавляет товара для деревни, не снижает розничных цен, а, поскольку отражается на экономической политике—только затягивает теперешний период недопроизводства. Наоборот, своевременный призыв уцепиться за это звено, звено более быстрого социалистического накопления, есть выполнение подлинных заветов Ленина и в сфере теории и в области практики. Жизнь очень быстро обнаруживает, кто прав в нашем споре. Глубочайше убежден, что лучшим из моих оппонентов, к числу которых я в первую голову отношу т. Бухарина, много раз придется еще покраснеть над всем тем, что они написали против настоящей книги.

В чем основной, так сказать, первородный грех моих критиков из молодых и в чем ошибка поощряющих их старых большевиков, поскольку дело идет о понимании Ленина в вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства? В том, что молодые самым серьезным образом тактическую сторону ленинских взглядов выдают за программу ленинизма в крестьянском вопросе, а программные и общие формулировки выдают за кон'юнктурно-тактические лозунги, связанные с условиями военного коммунизма. Ошибка же стариков, прекрасно знающих позицию Ленина по совокупности всей его деятельности, начиная с борьбы с народничеством в 90-е годы и кончая борьбой с эс-эрами и меньшевиками во время и после февральской и Октябрьской революций, заключается в том, что они не учитывают всей опасности образования в крестьянской стране молодняка, предста-

вляющего из себя в области идеологической помесь большевика с эс-эром.

Перечитайте *все*, что писал Ленин по затронутому вопросу. Перед вами пролетарский революционер, который старается провести корабль рабочей диктатуры среди рифов и подводных камней бушующего океана мирового капитализма и волнующегося внутреннего моря мелкобуржуазной стихии. Он не боится делать большие уступки крестьянству, чтобы не пошатнуть рабоче-крестьянского блока, но он знает пределы этих уступок. Эти пределы диктуются самой целью, т.-е. сохранением диктатуры пролетариата. А мои критики из молодых уступки самым наивным образом выдают за цель и свое понимание принципиальных, программных сторон ленинизма целиком строят на статике сегодняшнего соотношения классовых сил в одной стране, а не на динамике классовой борьбы за всю эпоху борьбы коммунизма с капитализмом во всемирном масштабе. Тем самым они делают крен в сторону так сказать славянофильской, национально-ограниченной интерпретации ленинизма в противовес его интернационально-классовому существу. Против такого уклона, против такой ревизии ленинизма, отражающей давление на пролетариат 22 миллионов крестьянских хозяйств страны, необходимо решительно бороться. Одно дело—необходимые уступки среднему крестьянству в области экономической политики и в деле строительства социализма, как об этом сказано в нашей партийной программе, другое дело—уступки на нашей собственной, неотчуждаемой классовой территории, уступки в области ленинской теории, которые могут только облегчить и оправдать такие уступки и маневры в области экономической политики, которые сам Ленин считал несовместимыми с основной целью нашей борьбы.

В заключение два слова ответа тем, которые считают мой анализ советского хозяйства необоснованно оптимистическим. Если, как мы видели, т. Астров строит вариант, обвиняя меня «по признакам пессимизма», то гораздо чаще мои критики обвиняли меня как раз в обратном и делали это искренно, а не в целях политической дискредитации. На эти последние возражения я могу ответить кратко следующим

замечанием. В моей работе я пытаюсь дать теоретический анализ развития советской системы хозяйства. Это развитие возможно лишь в том случае, если внутри развертывание государственного сектора идет быстрей роста частного хозяйства и, само собой разумеется, если извне мы не будем задушены мировым империализмом. С точки зрения сегодняшнего дня мой анализ может казаться слишком оптимистическим, но иначе обстоит дело если брать *линию развития за целый период*. Если наше государственное хозяйство будет развиваться с достаточной быстротой на основе присущих ему тенденций, дело будет обстоять в смысле трансформации советской экономики в основном так, как это изложено в моей работе. Я пытаюсь дать теорию нашего раазвития к социализму. Тем самым я отказываюсь дать теорию второго варианта, т.-е. теорию нашего рассасывания в товарном хозяйстве, т.-е. теорию гибели нашей системы. Общественная наука, которая на «добро и зло взирает равнодушно», вообще не существует. Менее всего такой наукой являются марксизм и ленинизм, представляющие в конечном счете лишь руководство к действию для революционного пролетариата.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редакции Издательства Комм. Академии 5
Предисловие к первому изданию 7
Предисловие ко второму изданию 13

Глава первая

О МЕТОДЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Метод Марксовой политической экономии 51
Политическая экономия и социальная технология 54
Метод исследования товарно-социалистической системы хозяйства 62

Глава вторая

ЗАКОН ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Первоначальное капиталистическое и первоначальное социалистическое накопления 88
Борьба двух законов 152

Глава третья

ЗАКОН ЦЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Общие замечания 164
Закон ценности и монополистический капитализм 167
Закон ценности при социализации промышленности в крестьянской стране 178
Товар, рынок, цены 181
Прибавочная ценность. Прибавочный продукт. Заработная плата 203
Категория прибыли в государственном хозяйстве 217
Категория ренты 223
Процент. Кредитная система 232
Кооперация 242

Приложение

ЕЩЕ РАЗ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ НАКОПЛЕНИИ

Ответ тов. Бухарину 249

Другие оппоненты

Тов. Мотылев 295
Тов. Тальгеймер 304
Т. т. Ксенофонтов, Квиринг, Бугаев 308
Т. т. Гольденберг, Астров, Нагиев 314

Библиотека
Инст. Ленина
при ЦК В.К.П.(б.)

Цена 2 р. 20 коп.

3р.

6